

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая

**ТРИ ВЕКА РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

Москва
2017

Серия «Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии». Вып. 1.
Электронное издание

УДК 39
ББК 63,5

ISBN 978-5-4211-0197-0

Отв. редактор
А.А. Сирина

Составители
А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович

Рецензенты
С.В. Чешко, Н.П. Москаленко

Три века российской этнографии: страницы истории / Серия: Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии. Вып.1. / Отв. ред. А.А. Сирина, составители А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. М., 2017. – 358 с., ил. – ISBN 978-5-4211-0197-0

В сборник вошли статьи, представленные в качестве докладов на секции по истории науки XI Конгресса этнологов и антропологов России в Екатеринбурге (2–5 июля 2015 г.). Авторы исследуют разные этапы и аспекты истории российской этнологии на широком временном и территориальном поле, – начиная с описания народов XVIII в. и до современности. В книге анализируются теории и истории этнологии, биографические линии и научное творчество ряда ученых, чьи интересы распространялись на регионы Центральной Европы, Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, Китая, Северной и Южной Америки, Океании. Публикуются новые ценные источники по истории этнографии, этнологии и антропологии из государственных и частных архивов и музеев, анализируются современные тенденции в развитии этнологической науки. Издание иллюстрировано фотографиями.

© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

© А.А. Сирина, А.И. Терюков,
М.Ф. Хартанович, составители

© Коллектив авторов

Содержание

<i>От редактора</i>	5
---------------------------	---

XVIII век

<i>С.В. Березницкий</i> Караванная торговля России с Китаем в XVIII веке и этнографическое изучение народов Амура	14
<i>Т.С. Киссер</i> Костюмы и рисунки: визуальное народоведение	
<i>И.Г. Георги</i>	33

XIX – начало XX веков

<i>М.Ф. Хартанович</i> Музеи Академии наук XIX в.: от Кунсткамеры к узкоспециальным научным центрам	48
<i>А.Б. Панченко</i> От народничества к народоведению: становление Д.А. Клеменца как этнографа	60
<i>Л.К. Гостиева</i> Из истории этнографического осетиноведения: С.В. Кокиев	80
<i>М.М. Керимова</i> Вклад В.В. Богданова и Б.М. Соколова в создание и развитие российской этнографической периодики	102
<i>С.С. Алымов</i> У истоков теории этноса: Н.М. Могилянский и петербургская антропология конца XIX – начала XX веков	140
<i>А.А. Михайлова</i> Этнографо-антропологические экспедиции А.З. Носова в Королевство Сербия (1911–1912): их результаты и значение	161
<i>А.А. Сирина, В.Н. Давыдов</i> Деятельная любовь: Елизавета Николаевна Широкогорова	175
<i>Приложение: Е.Н. Широкогорова</i> Полевой дневник из экспедиции в Забайкалье 1912 г. / подготовка к публикации, комментарии: А.А. Сирина, В.Н. Давыдов	200
<i>И.И. Шангина, Г.А. Аксянова</i> Давид Алексеевич Золотарёв – этнограф, антрополог, организатор науки в России начала XX века	221

Середина – конец XX века

<i>О.Б. Наумова</i> Среднеазиатская этнография 1960–1970-х годов в письмах А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой	246
<i>Е.В. Ревуненкова</i> Николай Александрович Бутинов в истории российской этнографии	278

<i>Е.П.Батьянова, В.А. Кореняко</i> Письма из домашнего архива С.И. Вайнштейна как источник по истории науки	311
---	-----

Начало XXI века

<i>А.А. Истомин</i> Профессионалы и непрофессионалы в современной российской индеанистике	334
<i>Н.Г. Краснодембская</i> Шри Ланка: русские этнографы в памяти сингалов	347

От редактора

Основу сборника составили статьи, написанные по итогам докладов, представленных на XI Конгрессе этнологов и антропологов России (г. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.). На объединенной секции «История этнологии и этнографического музееведения: проблемы и направления» (№ 37-38) выступили более двадцати участников – ученых и преподавателей из академических институтов, музеев и высших учебных заведений Владикавказа, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Сургута. При большом числе заинтересованных слушателей состоялся активный обмен информацией, новейшими архивными и музейными разысканиями, мыслями теоретического характера. В завершении были подведены итоги и поставлены вопросы относительно приоритетных тем и направлений, координации межрегиональных и междисциплинарных усилий специалистов в области истории этнологии и этнографического музееведения (*Тишков и др.* 2015). Участники секции приняли решение выпустить сборник трудов, первоначально в виде электронного издания. В перспективе планируется сделать его периодическим, размещая материалы Конгрессов, тематические подборки коллективов авторов.

Из-за большого временного разброса статей они сгруппированы по периодам. Нужно иметь в виду, что выделенные периоды необходимы в первую очередь для систематизации поступивших статей и, таким образом, имеют инструментальный характер. К ним не стоит подходить как к новой периодизации истории науки, – некоторые из выделенных периодов слишком обширны, другие совпадают с тенденциями развития научного знания в то или иное время. Взаимосвязь между раз-

личными временными периодами ярко прослеживается на примере некоторых сюжетов нашего сборника.

Временем зарождения этнографической науки в России был XVIII век, его история пока мало известна и поэтому любые новые материалы и обобщения представляют особый интерес. Статьи, представленные в сборнике, свидетельствуют о большом внимании исследователей и путешественников XVIII в. не только к народам Российской империи, но и к народам других стран, в частности, Китая. В собирание этнографических сведений были вовлечены ученые в основном немецкого происхождения, находившиеся на российской службе и привнесшие естественнонаучные методы в науку о народах, включая сбор этнографических коллекций и рисунков, т.е. стремление к классификации, наглядности, визуализации материала (статья Т.С. Киссер), а также купцы и чиновники, участвовавшие в российско-китайской караванной торговле (статья С.В. Березницкого).

Российская этнография развивалась первоначально в рамках музеев. Статья М.Ф. Хартанович, открывающая следующий раздел сборника (XIX – начало XX вв.), посвящена развитию музейного дела в столице Российской империи на примере институализации академических музеев и научно-исследовательских институтов (Зоологический, Ботанический, Восточных рукописей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Государственный Эрмитаж) от Петровской Кунсткамеры (середина XIX в.).

Развитие этнографии было прямо связано с развитием общества, государства, экономики, становлением национального самосознания. Вторая половина – конец XIX в. – период складывания российской этнографии как науки, когда силами немногих ученых, преподавателей, музейных работников, имеющих филологическое, юридическое или естественнонаучное образование, велась организационная работа по включению этнографии в университетские курсы, по созданию журнала с этнографической тематикой. Тогда же инициировались долговременные комплексные экспедиции, которые поддерживались меценатами и государством, причем одной из главных задач таких экспедиций был сбор вещевых и фото коллекций. Благодаря этому происходило приращение научного материала и фонды российских музеев пополнялись ценнейшими коллекциями по этнографии народов разных регионов мира. Авторы статей анализируют эти процессы на примере деятельности как уже известных, так и малоизвестных ученых, а также путешественников и любителей эт-

нографии (статьи Л.К. Гостиевой, А.А. Михайловой, А.А. Сириной и В.Н. Давыдова). Территориально российские этнографы работали практически по всему миру, что является важным показателем уровня развития этнографии и этнографического музееведения: в Сибири, Монголии и Маньчжурии, на Кавказе, Балканах, на северо-западе России.

Все статьи данного сборника написаны с использованием ценнейших письменных и фото материалов из государственных и частных архивов, на малоизвестных и редких опубликованных источниках, а также на личных воспоминаниях и впечатлениях. Особо отмечу находку дневниковых записей Е.Н. Широкогоровой, супруги и спутницы С.М. Широкогорова, из экспедиции 1912 г. в Забайкалье, которые впервые подготовлены к публикации в данном сборнике А.А. Сириной и В.Н. Давыдовым.

К началу XX в. этнография в России динамично развивалась, не отставая от мирового научного движения. XX век кардинально изменил историю России. В советский период изменился вектор движения науки, с конца 1920-х годов она идеологизируется (Соловей 2004; Арзютов и др. 2014) и изолируется. Изменяются ценности, жизнь и быт населения СССР. Перед этнографией ставятся новые задачи. Влияние новой государственной политики и идеологии «перевернуло» обычный ход развития науки, продекларировав отказ от преемственности, поставив каждого перед нравственным выбором. Например, и В.В. Богданов, и Б.М. Соколов оба внесли большой вклад в создание и развитие российской/советской этнографической периодики. Объективно они выполняли миссию преодоления исторических разрывов эпох и поколений, однако ценой личных психологических и карьерных травм и разрывов, чему способствовала и общая обстановка в стране в 1920-е–1930-е годы. Факт изменения даты создания современного журнала «Этнографическое Обозрение» (с 1926 г. на 1889 г.), хотя и оставляет вопросы (Соколовский 2017), документально обоснован (Керимова 2017) и имеет значение для формального восстановления преемственности с дореволюционной российской этнографией.

Социально-экономический и идеологический кризис в СССР в 1990-х годах стал началом смены общественных систем, что сказалось и на научных исследованиях. Наша наука стала инкорпорироваться в мировое этнологическое сообщество; она искала свое место среди новых направлений социального знания, изменив свое название и научную парадигму (Тишков 2003). Осо-

бое внимание ученых – историков науки привлекли уже «прожитые» периоды, теории и концепции, в частности, теория этноса, которая господствовала в советской этнографии в 1960–1980-е годы. Ученые стремились понять ее историческое значение и эвристическую ценность, а также провалы и упущения, и одновременно оценить феномен живучести этой концепции в современной российской науке (Кузнецов 2006). С.С. Алымов прослеживает историю формирования представлений об этносе как предмете изучения этнографии с начала XX в. и ранее, на примере научного творчества Н.М. Могилянского, рассматривает научную и культурную среду, в которой возникло это понятие, – петербургскую этнографо-антропологическую школу и движение украинского национализма начала XX в., состоящее из представителей петербургской интеллигенции – выходцами из Украины. Перекликается со статьей С.С. Алыпина о Н.М. Могилянском и школе Ф.К. Волкова (Вовка) исследование А.А. Михайловой о научной и музейной деятельности до настоящей публикации мало известного А.З. Носова, тоже ученика Волкова и уроженца Украины (Малороссии).

Несмотря на временной и тематический разброс, собранные вместе в формате сборника статьи так или иначе оказались связаны друг с другом: через научные школы и образовательные, научно-исследовательские, включая музейные, центры, знаковые фигуры ученых и преподавателей, совместные проекты. Особенно заметно обозначилась в рамках этого сборника роль Ф.К. Волкова, преподавателя Петербургского университета, впитавшего идеи французской антропологической школы конца XIX–начала XX веков и имевшего немало студентов. Влияние французской школы испытал и Д.А. Золотарев (статья И.И. Шангиной и Г.А. Аксяновой). По сравнению с Клеменцем или Богдановым, испытавшими влияние немецкого музееведения и этнографии (статьи А.Б. Панченко, М.М. Керимовой), Волков и Золотарев представляли другое поколение этнографов и ставили перед собой иные задачи.

Вторая половина – конец XX веков относится к советскому периоду развития науки. Это уже близкая по времени старшему поколению ныне живущих этнографов история науки, которая еще вчера была ее настоящим. Авторы, пишущие об этом периоде, используют как письменные источники, так и личные воспоминания (см., напр.: Козлов 2003; Тишков, Тумаркин 2004; Тишков 2008 и др.).

О.Б. Наумова впервые вводит в научный оборот уникальный источник по истории организации науки и среднеазиатских исследований в 1960–1970-е гг. – письма крупного специалиста по этнографии и

истории Средней Азии А.К. Писарчик к О.А. Сухаревой (о выдающемся этнографе О.А. Сухаревой подробнее см. *Наумова* 2004). Письма были переданы О.Б. Наумовой дочерью О.А. Сухаревой Е.Р. Акбальян. Они раскрывают, в частности, «кухню» подготовки научных трудов, воспитания научных кадров в среднеазиатских республиках СССР, роль неформальных и дружеских связей в научной среде.

Е.П. Батьянова и В.А. Коренько предлагают читателю познакомиться с новыми эпистолярными материалами из домашнего архива С.И. Вайнштейна, сохраненного его женой и дочерью. Авторы статьи лично знали С.И. Вайнштейна и тесно сотрудничали с этим крупным специалистом в области истории, археологии, этнографии и народного искусства Тувы, уделявшим также много внимания и сил изучению истории российского сибиреведения. Статья знакомит читателя не только с ее главным героем, но и с его корреспондентами.

Важным источником для авторов, изучающих период середины и конца XX веков, стали бесценные личные воспоминания от общения с крупными фигурами отечественной этнографии. Такова, например, статья Е.В. Ревуненковой о своем коллеге и соратнике, ленинградском ученом-теоретике, историке науки, замечательном исследователе народов австрало-океанийского региона Н.А. Бутинове. Ярko и эмоционально написанная, статья не только близко знакомит читателя со своим героем, но и позволяет «прочувствовать» контекст развития науки в 1960–70-е годы. Автор ставит важный вопрос о личной позиции ученого в производстве научного знания, на пути поиска научной истины.

Современный период отличают такие позитивные черты, как открытость мировому научному сообществу, возможность ездить в экспедиции практически в любую страну мира, обмен научными и культурными ценностями, расширение тематики и методологии исследований, а также круга этнологов/антропологов за счет представителей смежных дисциплин и непрофессионалов. Финансирует такие исследования не только и не столько российское государство. Всё чаще экспедиционные исследования проводятся на индивидуальные или коллективные гранты различных фондов и спонсоров, а также самих исследователей и их родственников. Этнология более персонифицируется, происходит ее децентрализация, возникают новые центры и создаются временные научные коллективы, нередко включающие специалистов из смежных областей знания, развиваются, таким образом, междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования (Комарова 2013, 2016; Соколовский 2016).

А.А. Истомин на примере развития новейшей российской индеанистики обращает внимание на явление замещения «профессиональных» этнологов (с точки зрения их институциональной принадлежности и основного вида деятельности) на непрофессионалов, часть которых он определяет новым термином «внеструктурные профессионалы», поскольку именно они в значительной степени поддерживают, сохраняют и приумножают сегодня российские традиции в изучении индейских сообществ.

Статья Н.Г. Краснодембской посвящена интереснейшему вопросу: какими остаются этнографы в памяти тех, кого они изучают? Данный вопрос связан с историей и этикой полевой работы. Путешествуя по следам русских этнографов в Шри Ланку, Н.Г. Краснодембская выяснила, как монахи и миряне сохраняют память о первых российских ученых Иване Минаеве, Александре и Людмиле Мерварт, изучавших этнографию сингалов в конце XIX и начале XX веков. То, что данная статья завершает сборник, символично: в ней дана оценка не только научному, но и гуманитарному, народно-дипломатическому и этическому смыслам нашей работы.

Благодарности: Я признательна коллегам, принявшим участие в организации работы секции № 37-38 XI Конгресса этнологов и антропологов России, и в составлении данного сборника М.Ф. Хартамович и А.И. Терюкову, а также М.М. Керимовой.

Научная литература

Арзютов и др. 2014 – Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Дж. (ред.)

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Керимова 2017 – Керимова М.М. Журнал «Этнографическое Обозрение» на переломе эпох (1889–1930) // Этнографическое Обозрение 2017. № 1. С. 12–29.

Козлов 2003 – Козлов С.Я. (ред.) Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы. М.: Наука, 2003.

Комарова 2016 – Комарова Г.А. (ред.) Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016.

Комарова 2016 – Комарова Г.А. (ред.) Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013.

Кузнецов 2006 – Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогогорова // Этнографическое Обозрение. 2006. № 3. С. 57–71.

- Наумова 2004 – Наумова О.Б. Жизнь, отданная науке: страницы биографии Ольги Александровны Сухаревой // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.: Наука, 2004. С. 517–543.
- Соколовский 2016 – Соколовский С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 12–29.
- Соколовский 2017 – Соколовский С.В. От редакции. Преемственность или разрыв? (О дате основания журнала «Этнографическое Обозрение») // Этнографическое Обозрение 2017. № 1. С. 5–11.
- Соловей 2004 – Соловей Т.Д. Власть и наука. М., 2004.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направление и результаты исследований // Этнографическое Обозрение. 2003. 5. С.3–23.
- Тишков, Тумаркин 2004 Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004.
- Тишков 2008 – Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговор с этнографами. М., 2008.
- Тишков и др. 2015 – Тишков В.А., М.Ю. Мартынова, А.В. Головнев (отв. ред.) 11 конгресс антропологов и этнологов России. Контакты и взаимодействие культур. Сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. М.–Екатеринбург, 2015.

References

- Arzyutov D.V., S.S. Alymov and D.D. Andeson (eds.) *Ot klassikov k maksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5-11 Aprelia 1929 g.)*. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2014.
- Kerimova M.M. Zhurnal «Etnograficheskoe Obozrenie» na perelome epokh (1889–1930). *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2017, no 1, pp.12–29.
- Komarova G.A. (ed.) *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoi etnologii*. Moscow: IEA RAS, 2016.
- Komarova G.A. (ed.) *Anthropologiya akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii*. Moscow: IEA RAS, 2013.
- Kozlov S.Ya. (ed.) *Akademic Yu.V. Bromlei i otechestvennaya etnologiya. 1960-1990-e gody*. Moscow: Nauka, 2003.
- Kuznetsov A.M. Teoriya etnosa S.M. Shirokogorova. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2006, no 3, pp.57–71.
- Naumova O.B. Zhizn', otdannaya nauke: stranitsy biografii Ol'gi Aleksandrovny Suxarevoi // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.: Наука, 2004. С. 517–543.
- Sokolovskiy S.V. Budushee antropologii: kross-, inter, multi-, trans, a- ili post-distsiplinarnost'? *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, no 4, pp. 12–29.

- Sokolovskiy S.V. Ot redaktsii. Preemstvenost' ili razryv? (O date osnovaniia zhurnala «Etnograficheskoe Obozrenie»). *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2017, no 1, pp. 5–11.
- Solovey T.D. *Vlast' i Nauka*. Moscow, 2004.
- Tishkov V.A. Rossiiskaya etnologiya: status distsipliny, sostoyanie teorii, napravlenie i rezul'taty issledovaniia. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2003, no 5, pp.3–23.
- Tishkov V.A., Tumarkin D.D. (eds.) *Vydayushiesya otechestvennye ethnologi I antropologi XX veka*. Moscow: Nauka, 2004.
- Tishkov V.A. *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami*. M., 2008.
- Tishkov V.A., M.Yu. Martynova and A.V. Golovnev *11th Kongress antropologov i etnologov Rossii. Kontakty i vzaimodeistvie kul'tur. Sbornik materialov*. Ekaterinburg, 2-5 iulya 2015 g. Moscow-Ekaterinburg, 2015.

Рис.1. Участники секции №37-38 XI Конгресса этнологов и антропологов России «История этнологии и этнографического музееведения: проблемы и направления». Екатеринбург, июль 2015 г.

Слева направо, сидят: Д.А. Баранов, И.М. Денисова, А.А. Сирина, М.Ф. Хартанович; стоят: С.С. Алымов, А.С. Сальманов, А.И. Терюков, В.В. Лебедева, Т.С. Киссер, С.В. Березницкий, Г.А. Аксянова, Н.П. Копанева, А.Б. Панченко, Е.В. Ревуненкова, Е.П. Батьянова

XVIII век

КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ С КИТАЕМ В XVIII ВЕКЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ АМУРА

Ключевые слова: XVIII в., Россия, Китай, торговые караваны, российская наука, Петербургская академия наук, Кунсткамера

Аннотация: В статье на основе архивных источников, опубликованных документов, анализа монографий и статей XVIII – XXI веков рассматривается деятельность российских торговых караванов XVIII столетия, называемых также китайскими караванами и китайскими экспедициями. В конце XVII – XVIII вв. Россия и Китай вели активную караванную торговлю. Китай занимал первое место в русской торговле в Сибири и на Дальнем Востоке, а Россия долгое время была единственной европейской державой, торговавшей с Китаем. К деятельности караванов имели отношение Сенат, Сибирский приказ, Коллегия иностранных дел, Медицинская канцелярия, Академия наук, Пекинская духовная миссия и другие учреждения. Достаточно актуальной представляется исследовательская задача, связанная с необходимостью показать, что караваны XVIII в. сыграли важную роль не только в сфере международной торговли, но и в процессе приобретения китайских коллекций для Кунсткамеры, в сборе исторических, этнографических и других научных материалов о Сибири и Дальнем Востоке для Петербургской Академии наук. Торговые караваны отправлялись в Пекин из Москвы и везли пушнину, сукно, железо, книги, письма. Обратное в Россию они возвращались с шелком, чаем, табаком, лекарствами, предметами китайского искусства, научными материалами. Тем самым караваны служили важной коммуникационной линией, обеспечивающей обмен научной корреспонденцией между петербургскими учеными и пекинскими иезуитами, важным каналом по доставке в Россию, – в Академию наук, в Кунсткамеру исторических, этнографических, географических, лингвистических материалов, научных трудов, современных данных по истории и культуре народов Дальнего Востока. В целом следует отметить, что влияние деятельности российско-китайских торговых караванов XVIII в. на процесс развития отечественной науки было позитивным.

В XVIII в. важную нишу в российско-китайских отношениях занимала караванная торговля. Российские торговые караваны отправлялись в Пекин из Москвы, из сибирских городов (Нерчинска, Иркутска, Селенгинска, из Чикойской стрелки, Кяхты) и везли для продажи пушнину, ткани, железо, а обратно возвращались с китайскими товарами.

* *Сергей Васильевич Березницкий* – д.и.н., ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург), e-mail: svbereznitsky@yandex.ru

В организацию и деятельность торговых караванов были вовлечены Академия наук, Сенат, Сибирский приказ, Коллегия иностранных дел, Медицинская канцелярия, Пекинская духовная миссия и другие учреждения. В состав караванов, кроме купцов, входили ученые, дипломаты, священники, военные, геодезисты, переводчики и прочие специалисты. Некоторые из них изучали в Китае историю, этнографию, географию, китайский и маньчжурский языки, приобретали предметы материальной и духовной культуры, часть которых впоследствии становилась экспонатами Кунсткамеры. По маршруту караванов студенты Академии вели журналы, в которые записывали географические, историко-культурные, этнографические и другие особенности.

О начале русско-китайской торговли говорилось в пятой статье Нерчинского договора 1689 г. (*Русско-китайские отношения* 1958: 10).

Сведения о торговых караванах содержатся в архивных материалах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук (СПФ АРАН), в Архиве Внешней политики РФ (АВП РФ), в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в архивных документах Института восточных рукописей (ИВР) и в других учреждениях, в опубликованных документах, в указах императоров (*Березницкий* 2014: 77–90).

В сборниках документов «Сенатский архив» имеются данные о караванной торговле и об отношениях с кочевыми народами в Забайкалье и в Монголии, о проблемах с караванной торговлей в 1760 г. в связи с неспокойной обстановкой на российско-китайской границе (*Сенатский архив* 1903: 1, 59–60, 402, 428, 468; 1904: 36–38, 437–446).

Отдельные аспекты караванной деятельности освещены в публикациях XVIII–XXI вв., принадлежащих Г.Ф. Миллеру, Н.Н. Бантыш-Каменскому, И.И. Лепехину, П.С. Палласу, А.Н. Радищеву, Х. Трусевичу, Н.Н. Фирсову, В.К. Андриевичу, Б.Г. Курцу, Т.К. Шафрановской, Т.В. Станюкович, А.М. Решетову, В.Н. Кислякову, Т.А. Пан, О.В. Шаталову, Н.Ю. Болотиной, В.Г. Дацышену и многим другим ученым.

Знаменитый историк Сибири, академик Петербургской академии наук, профессор, участник Второй Камчатской экспедиции, Г.Ф. Миллер (1705–1783) в 1755–1756 гг. посвятил специальные труды проблеме российско-китайской торговли XVIII в. (*Миллер* 1756: 172; *Миллер* 1755: 195–250, 525–537; 1756: 180–191, 195–226, 339–360, 387–421). Миллер проанализировал процесс торговли русских купцов с китайскими, монгольскими, калмыкскими и бухарскими купцами, характер стратегических товаров России и Китая, составил маршруты торговых караванов от Москвы до Кяхты и в целом показал значение этой торговли для социально-экономического развития России.

Известный российский археограф, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел, Н.Н. Бантыш-Каменский (1737–1814) на основе анализа архивных материалов описал во второй половине XVIII в. многие аспекты караванной торговли России с Китаем (*Бантыш-Каменский* 1882): действия российских и китайских властей по выполнению статей Кяхтинского договора 1727 г. в сфере торговых отношений: устройство крепости, таможни; создание географических карт с помощью геодезистов; мероприятия по посылке в Китай с караванами священников и востоковедов: Герасима Шульгина, Михаила Пономарева, Лариона Рассохина для изучения китайского и маньчжурского языков, деятельность Лоренца Ланга по организации торговых караванов в Сибири и в Китае в первой трети XVIII в., китайские дары в 1731, 1732 гг.: ящики лаковой работы, оружие, мебель, шелковые изделия, фарфоровую посуду и т.п. Возможно, что впоследствии некоторые из этих подарков могли попасть и в Кунсткамеру. Подробно описал Бантыш-Каменский организационную деятельность директора шестого каравана в Китай в 1753 г. А.М. Владыкина.

Т.К. Шафрановская, Т.В. Станюкович, А.М. Решетов, В.Н. Кисляков исследовали многие стороны процесса пополнения музейных фондов и экспозиций Кунсткамеры, в том числе и китайскими экспонатами, попавшими в Россию с торговыми караванами, осветили деятельность Ф.Л. Елачица и Лоренца Ланга (*Кисляков* 1996а: 57–74; 1996б: 68–95; 2008: 81–83; 2009: 211–253; *Ксенофонтова, Решетов* 1980: 114–134; *Решетов* 1980: 98–107; *Рудь* 2009: 106–120; *Станюкович* 1953; 1964: 5–150; 1978; *Шафрановская* 1958: 155–159; 1969: 5–28; 1971: 215–222; 1972а: 63–64; 1972б; 1974: 107–108).

Для раскрытия указанной темы важными являются сведения о деятельности шестого казенного торгового каравана под руководством Алексея Матвеевича Владыкина (1754–1755 гг.) (*Березницкий* 2015: 137–143). Именно с этим караваном Академией наук был послан в Китай Франц Лукас Елачиц (штаб-лекарь и оператор Московского генерального госпиталя) для покупок китайских коллекций, взамен сгоревших в Кунсткамере при пожаре 1747 г. Елачиц привез в Академию 42 книги и 273 предмета китайской культуры (*Шафрановская* 1969: 5–28; *Рудь* 2009: 106–120; *Летопись Кунсткамеры* 2014: 232–234, 249–252, 583–591; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 808а; Оп. 2. Д. 808).

Решение об отправке в Китай каравана А.М. Владыкина было принято Правительствующим Сенатом осенью 1753 г. При этом подчеркивалось, что на караван впервые возлагается особая миссия по географическому и этнографическому описанию территории от Кяхты до Пекина. Для этого в состав каравана были включены геодезисты Е. Владыкин, М. Башмаков и М. Жуков. Е. Вла-

дыкин должен был скрывать свою миссию от китайцев и от других участников каравана, кроме директора.

Описание Еремей Владыкин начал 5 сентября 1754 г. от Чикойской Петропавловской крепости, расположенной на левом берегу р. Чикой – притоке Селенги, и далее по дням фиксировал продвижение каравана, с указанием географических координат, этнографических и других достопримечательностей.

В 1755 г. А.М. Владыкин, Е. Владыкин и М. Башмаков составили карту Китая, на которой, в частности, изображен Нижний и Средний Амур, Аргунь, китайские поселения, схема русско-китайской границы. Карта, по традиции того времени, имеет длинное название: «Ландкарта с верных разных специальных китайских карт в бытность российского каравана в столичном китайском городе Пекине, собранных коллежским асессором и директором Алексеем Владыкиным, которые и переведены тем же директором. Сочинена геодезии порутчиком Ермием Владыкиным и при нем будущим геодезистом Михаилом Башмаковым в 1755 г.» (Постников 2012: 24; РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 103). По мнению А.В. Постникова, при составлении карты геодезисты использовали географические материалы иезуитов 1708–1716 гг.

Кроме подробного путевого журнала, из Китая были привезены для Академии наук картографические материалы по географии Китая, 16 томов о маньчжурской истории, в которую включены отдельные сведения о народах Амура (*Бантыш-Каменский* 1882; РГАДА. Оп. 113. Д. 485 а. Л. V, V об. и др.). 25 января 1756 г. в Сенат были поданы доношения от геодезиста Е. Владыкина и от директора А.М. Владыкина об итогах работы каравана, с приложенными 16-ю томами маньчжурской истории, картой Китая, планом Пекина и путевым журналом. Е. Владыкин сделал копии с китайских карт, на которых был изображен огромный географический регион, включающий бассейн реки Амура, часть Монголии, Китая, Корею.

Сенат распорядился завершить необходимые доработки по карте и сдать ее в секретную экспедицию для хранения. Историю маньчжуров перевести на русский язык «...описание отослать в Канцелярию Академии наук при указе и велеть имеющимися при Академии знающими тамошних языков людьми со всех тех томов учинить на российский диалект перевод и стараться, чтобы оный окончен был без продолжения времени ...» (*Сенатский архив* 1901: 196–197, 219–221, 488–489, 505–506, 511–512; *Владыкин Е.* 1764: 688–714 об.).

В 1784 г. в Санкт-Петербурге вышеуказанная маньчжурская история «Бази тунчи» была опубликована в виде 17-ти томного фундаментального труда «Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего».

На русский язык с маньчжурского он был переведен выдающимися отечественными китаистами Алексеем Леонтьевичем Леонтьевым (1716–1786) и Илларионом Калиновичем Россохиным (1717–1761).

Их биографии и научная деятельность хорошо изучены в трудах В.П. Тарановича, П.Е. Скачкова, А.В. Стрениной (Смоляк), Т.А. Пан, Ван Гуань, И.А. Захаренко, В.Г. Дацышена и других исследователей (Таранович 1945: 225–241; Стренина 1950: 170–177; Скачков 1960: 198–201; 1965: 158–159; 1977: 41–52; Ван Гуань 1993: 52–55; Саркисова 1993: 108–110, 123–136; Дацышен 2000: 16–17, 21–22, 98–99; Захаренко 2013: 98–102; Пан Электронный документ. URL: <http://manjurica.orientalstudies.ru>).

И.К. Россохин в 1729–1740 гг. изучал в Пекине китайский и маньчжурский языки. Затем на протяжении 20 лет работал переводчиком и преподавателем китайского и маньчжурского языков в Академии наук. Перевел много китайских и маньчжурских текстов по истории, географии и другим дисциплинам.

А.Л. Леонтьев окончил Славяно-греко-латинскую академию в Москве. В 1743–55 гг. был учеником в Русской духовной миссии в Пекине. Вернувшись в Россию, служил переводчиком китайского и маньчжурского языков в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел. Леонтьев перевёл на русский язык более 20 китайских и маньчжурских книг, многие из них были первыми в Европе.

Работа по переводу «Бацци тунчжи» была начата по предложению Коллегии иностранных дел в 1756 г. и закончена к 1762 г. Тома 1–3, 6, 8 переведены И.К. Россохиным. Том 7 на русский язык не переводился, хотя на титуле обозначено: «Том шестой, седьмой и осмый». И.К. Россохин по этому поводу отметил на с. 193 в 16 главах (с 91 по 106) «в коих содержатся родословия ... наследственных чинов нижних классов... манджурских, мунгальских и Уджень Чоуха... в них никакой важности не заключается».

Тома 4, 5, 9–16 перевел А.Л. Леонтьев. Том 17 содержит примечания (толкование китайских и маньчжурских терминов, названий географических объектов, городов, чинов и т.п.) ко всему переводу, составленные И.К. Россохиным и А.Л. Леонтьевым. Кроме того, там имеется сопоставление китайско-маньчжурской и европейской хронологии.

Сделанный ими перевод содержит ценные этнографические, исторические, географические материалы о маньчжурах, китайцах, коренных народах Амурского бассейна: даурах, солонях, тунгусах, предках современных нанайцев, нивхов, удэгейцев, ульчей.

Анализом «Обстоятельного описания» занимались Д.Н. Бантыш-Каменский, В.П. Таранович, А.В. Стренина, С.А. Токарев, П.Е. Скачков, Г.В. Мелихов, В.Е. Ларичев, Т.А. Пан, И.А. Захаренко

и др. При этом каждый из исследователей акцентировал свое внимание на наиболее важные для себя аспекты памятника, в соответствии со своей специальностью этнографа, лингвиста, историка или востоковеда.

Например, Г.В. Мелихов сосредоточил свое внимание на военной организации маньчжуров указанного периода. Кроме того, он выяснил китайские и маньчжурские источники этого памятника, численность коллектива авторов-составителей – 180 чел. (Мелихов 1967: 54–62). В работе 1974 г. Мелихов провел тщательный критический источниковедческий обзор многих исторических документов, переводных и других трудов о маньчжурах и племенах Амура XVII–XVIII вв. (Мелихов 1974).

А.В. Стренина (Смоляк) в 1950-х гг. провела краткий этнографический анализ всего этого труда и, конечно же, в ограниченном объеме журнальной статьи она не смогла осветить всех аспектов, связанных с историей и культурой народов Амура (Стренина 1950: 170–177). Например, есть интересные материалы об обучении детей коренных народов Амура в маньчжурских школах. В «Бази тунджи» подчеркивается, что маньчжуры всегда были народом образованным, с уважением относящимся к ученым людям. Так, в 34 г. государственного Элхе-Тайфинь (1695 г.) амурскому генералу и другим чиновникам предписывалось выбирать от каждой роты из числа детей амурских народов (дауров, солонов) наиболее подходящих к обучению политическим наукам. В 1695 г. в городе Сахалинь-Улай-Хотон построили две школы для маньчжурских, солонских и даурских детей (*Обстоятельное описание* 1784: Т. 4: 2, 13, 58–59; Т. 2: 323).

Из доношения генерала Сабсу с р. Амура (Сахалинь-Ула), других чиновников можно выяснить механизм включения амурских народов, в частности, солонов и тунгусов в различные маньчжурские «знамена» в конце XVII–XVIII вв. Оберегательное войско у города Сахалинь-Ула на Амуре было поставлено в 23 лето государственного Элхе-Тайфинь (1684 г.). Город укреплен деревянной стеной, воротами с башнями, и двойным рвом с водой. При этом маньчжуры использовали природные качества будущих воинов, которые выработались у солонов, дауров, тунгусов в традиционных промыслах: ловкость, быстроту реакции, наблюдательность, умение ориентироваться в горной тайге, в бассейнах сезонно разливающихся рек и т.п. (*Обстоятельное описание* 1784. Т.1: 17, 109–110; Т. 2: 322–323; Т. 3: 51; Т. 9: 374–379; Т. 17: 71).

Определенный объем материала освещает сферу земледелия и проблемы привлечения к нему коренных народов бассейна Амура. Например, на пашнях в окрестностях города Мергень-Хотон на реке Нонни земледелием должны были заниматься солони и дауры, как привычные к этому виду хозяйства, а у города Сахалинь-Улай-Хотон на Амуре (маньчжурское название китайского города Айгун, сегодня

г. Хэйхэ напротив российского г. Благовещенска) – солдаты из Мукденя (*Обстоятельное описание* 1784. Т. 2: 275, 294).

Много материала о добыче лекарственного корня женьшеня. При чем отмечается, что корневщики отправлялись на поиски этого драгоценного дикороса на российскую территорию, для чего им выдавались пропуска. Большой интерес представляет материал о промысле белуги на Амуре для приготовления из нее рыбьей муки. Технология, посуда и инструменты (котлы, ковши, плетеные черпалки) полностью соответствуют традиционному производству этого блюда коренными народами Амура – нанайцами, ульчами, которое бытует и в настоящее время в некоторых амурских поселках (*Обстоятельное описание* 1784. Т.2: 286–287).

Косвенным образом выявляется материал о коренных народах Амура и в многочисленных упоминаниях о борьбе маньчжуров с русскими первопроходцами на Амуре, при осаде Албазина. Русские облагали ясаком представителей амурских народов, брали их в заложники, заимствовали у них традиционные способы охоты, рыбной ловли, хозяйствования, учились адаптироваться к специфическим климатическим условиям. Маньчжуры устраивали на Амуре продовольственные склады, зерновые амбары, чтобы привлечь на свою сторону коренных жителей Амура и лишить тем самым русских казаков поддержки местного населения: дауров, солонов, тунгусов (*Обстоятельное описание* 1784. Т. 2: 342–343, 404, 406, 410; Т. 3: 12–14; Т. 9: 379; Т. 10: 121, 129–134, 136–144, 148–152; Т. 11: 124–125; Т. 12: 125–128).

В 10 томе повествование о реальных исторических событиях соседствует с мифологическим сюжетом (о замерзающей воде в летнее время) широко распространенном в современном фольклоре коренных народов Амурского бассейна. В первом году государственного владычества Абкай Фулинга (то есть в 1616 г.) маньчжурский военачальник Хурхань Гиоро с 2 тысячами воинов ходил к восточному морю на княжество Сахалян. Затем он дошел до реки Амур, которая внезапно замерзла в августе месяце и войско перешло по льду на левый берег. Здесь Хурхань привел в подданство несколько населенных пунктов, в том числе и в местности Индахунь Такурара Голо «местечко, где вместо лошадей собак употребляют». Речь явно идет о коренных народах Амура (*Обстоятельное описание* 1784. Т. 10: 96–97).

Предания о войнах народов Амура записывал известный ученый и путешественник В.К. Арсеньев (1872–1930) (Архив ПЦР-ГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Д. 2: 196–199; Д. 5: 83–87). Подобные сюжеты распространены и в современном фольклоре коренных народов Амура. В частности, в 1998 г. у нанайца И.Т. Бельды удалось записать вариант предания: «Про смелого нанайского охотника Мукана, который победил Калгаму» (*Березницкий* 2003: 263; Архив

ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416: 625–626). В предании переплелось несколько фольклорных сюжетов из разных хронологических пластов культуры нанайского этноса: об отважном охотнике Мукана, о мифическом великане Калгама и об этнокультурных контактах нанайцев с народами Восточной Азии. Во время путешествия охотника Мукана по Китаю он чудесным образом создал в летнее время ледяной мост в морской бухте: «Мукана сходил, пришел и говорит: «Замерзла бухта в море, но не широко». Все китайцы сильно удивились и пошли сами смотреть. Пришли, смотрят – точно, бухта замерзла, но не вся, а узкой полосой, лед лег как дорога. Главный китайский начальник переехал, куда ему нужно было...». Таким образом, третья часть нанайского предания сохраняет в себе остатки распространенных ранее у коренных народов амуро-сахалинского региона легенд о принце Куаньюне, о замерзшей летом водной поверхности, об этнокультурных контактах на Дальнем Востоке и в Восточной Азии на протяжении нескольких веков. Всестороннему анализу легенд о принце Куаньюне посвятил монографию дальневосточный этнограф А.Ф. Старцев (Старцев 2007).

Маньчжуры для приведения в подданство амурских народов старались убедить их в своем миролюбии и подчеркивали общность крови и культуры: «...чтобы полоненников, коих в тамошних местах возьмет, приводил в подданство ласковыми словами и приятными обхождениями, представляя им то, что они с нами одной природы и одной земли, как из того одного заключать можно, что они тем же самым языком говорят, коим мы говорим, и для того должно с нами в одном обществе и дружбе быть, что они не иным чем от нас отделяются, как тем, что грамоты не имеют...». Хотя брали много пленников, домашний скот, собак, продукты охотничьего промысла (*Обстоятельное описание* 1784. Т. 10: 99–102; Т. 11: 55).

При освещении деятельности военачальника Лантаня в 1680-х гг. упоминаются, кроме известных уже солонов, другие коренные народы Амурского бассейна: ороконы, хеджецы и фьякацы (*Обстоятельное описание* 1784. Т. 10: 134, 138). В.Г. Ларькин, используя материалы В.К. Арсеньева, приходит к выводу о том, что терминами «фьяка», «пьяка» удэгейцы называли орочей (Ларькин 1964: 15). Хэчжэ, хэчжэнь, ходзен – так традиционно назывались нанайские племена на Амуре (*История и культура нанайцев* 2003: 4). В провинции Хэйлуцзян Китайской народной республики нанайцы именуются хэчжэ и в настоящее время (Березницкий 2013: 100–121). Хэдэни, хэчжэни – то есть «люди, живущие в нижнем течении реки».

В «Обстоятельном описании» упоминается еще о некоторых народах Амура, точную этническую принадлежность которых еще предстоит выяснить, например, о народах, которые дань маньчжурам

платили нерпами (*Обстоятельное описание* 1784. Т.1: 13–14; Т.11: 124–125.). В 1660 г. маньчжурский военачальник Бахай (сын Шарху-ды) устроил засаду русским и разгромил их большой отряд. «... что лочаские многие разбойники, взяв с собой с западной стороны от Фя-касского владения несколько войска, вошли в места, называемые Индахунь Бе Такурараба...». Это область, в которой употребляют вместо лошадей собак (*Обстоятельное описание* 1784. Т. 11: 124–125).

Таким образом, роль торговых караванов в процессе сбора музейных экспонатов для Кунсткамеры, книг, карт и других материалов для развития отечественной науки в XVIII в. очевидна. В результате исследовательской и собирательской деятельности участники караванов принесли большую пользу отечественной науке. Необходимо дальнейшее комплексное исследование истории конкретных караванов, их организаторов, руководителей и участников, маршрутов, отношений с различными народами по пути движения, характера и пути распределения китайских товаров в России. Материалы об этом рассредоточены в большом количестве источников и трудов, что предполагает большую работу по их поиску, классификации и обобщению, чтобы показать связь караванной торговли с процессом накопления этнографических знаний, в том числе и о народах Амура, а также в целом с развитием науки в России в XVIII веке.

Источники и материалы

А ИИАЭНДВ ДВО РАН – Архив института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. Ф. 1.

А ПЦРГО-ОИАК – Архив Приморского центра Русского географического общества – Общества изучения Амурского края. Ф. В.К. Арсеньева.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 248.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 447.

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 3.

Крадин – Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. 142 с. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://fortress.vif2.ru>. Дата обращения: 10.02.2010

Пан Т.А. История маньчжуроведения в СПбФ ИВ РАН. Маньчжуроведение в Санкт-Петербургском Филиале Института Востоковедения Российской Академии Наук// Электронный документ. URL: <http://manjurica.orientalstudies.ru/eng/index.php?id=198&option=content&task=view>. Дата обращения. 21.03.2012.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.3. 1689–1699. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 282–284.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 4. Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 642.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.16. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 31–38.

Русско-китайские отношения. 1689–1916 гг. Официальные документы / сост. Мясников В.С., Скачков П.Е. М.: Наука. Изд-во восточной литературы. 1958.

Сенатский архив. Т. 9. СПб.: Сенатская типография, 1901.

Сенатский архив. Т. 10. СПб.: Сенатская типография, 1903.

Сенатский архив. Т. 11. СПб.: Сенатская типография, 1904.

Научная литература

[Андреевич] 1889 – [Андреевич В. К.] Сибирь в XIX столетии (Период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г.). Исторический очерк Сибири, основанный на данных, представляемых полным собранием законов и сенатским архивом. СПб.: Типография и литография В. В. Комарова. 1889.

[Бантыш-Каменский] 1882 – [Бантыш-Каменский Н.Н.]. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год / составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским / с прибавлением издателя В.М. Флоринского. Казань: Типография Императорского университета, 1882.

Березницкий 2013 – Березницкий С.В. Полевые исследования культуры хэчжэ в провинции Хэйлунцзян (КНР) в сентябре 2012 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 13 / под. ред. Е.Г. Федоровой. СПб.: МАЭ РАН. 2013. С. 100–121.

Березницкий 2014 – Березницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века: историографический аспект // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН. 2014. С. 77–90.

Березницкий 2015 – Березницкий С.В. Научная и организационная деятельность А.М. Владыкина в XVIII веке в Сибири и на Дальнем

- Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 137–143.
- Березницкий* 2003 – *Березницкий С.В.* Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука. 2003.
- Березницкий* 1999 – *Березницкий С.В.* Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1998 г. Владивосток, 1999.
- Благодер* 2009 – *Благодер Ю.Г.* Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры // Тамбов: Грамота. 2009. № 3–4. С. 35–37.
- Болотина* 2006 – *Болотина Н.Ю.* «Еду я для торгового своего промыслу». Китайские товары в России XVIII в. // Исторический архив, № 4. 2006. С. 172–210.
- Ван Гуань* 1993 – *Ван Гуань* Очерки истории русского китаеведения // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: сб. ст. М.: Наука. 1993. С. 52–55.
- Дацышен* 2000 – *Дацышен В.Г.* История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т. 2000.
- Дацышен* 2007 – *Дацышен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.
- Захаренко* 2013 – *Захаренко И.А.* Востоковедческое изучение трансграничных регионов России и Китая: историко-географический и картографический аспект // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 98–102.
- И не распалась связь времен* 1993 – *И не распалась связь времен...* К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: сб. ст. М.: Наука, 1993.
- Из рукописного наследия П.Е. Скачкова* 1993 – *Из рукописного наследия П.Е. Скачкова* // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: сб. ст. М.: Наука. 1993. С. 40–41.
- История и культура нанайцев* 2003 – *История и культура нанайцев:* историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А.Тураев. СПб.: Наука, 2003.
- Кисляков* 1996а – *Кисляков В.Н.* Собиратели коллекций МАЭ по традиционной культуре народов Китая (дореволюционный период) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1996а. Вып. 4–5. С. 57–74.
- Кисляков* 1996б – *Кисляков В.Н.* Собиратели китайских коллекций МАЭ РАН (послеоктябрьский период) // Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. СПб., 1996б. Т. 1. С. 68–95.
- Кисляков* 2008 – *Кисляков В.Н.* Китайские коллекции МАЭ РАН (история собирания, собиратели) 2008 // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований.

- Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 81–83.
- Кисляков 2009* – *Кисляков В.Н.* Материалы к описанию экспонатов МАЭ РАН по религиозным воззрениям китайцев. Сведения о собирателях // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты / сб. статей / сб. МАЭ РАН. Т. 55 /отв. ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: Наука, 2009. С. 211–253.
- Корсак 1857* – *Корсак А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. Книгопродавца И. Дубровина, 1857.
- Ксенофонтова, Решетов 1980* – *Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М.* Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР: К 100-летию образования первого академического этнографического центра / Сб. статей / Сб. МАЭ. Т. 35 / отв. ред. А.М. Решетов. Л.: Наука, 1980. С. 114–134.
- Куриц 1928* – *Куриц Б.Г.* Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII ст. // Новый Восток, 1928. № 23–24. С. 331–340.
- Куриц 1929* – *Куриц Б.Г.* Государственная монополия России с Китаем в первой половине XVIII ст. Киев: Институт Народного Хозяйства, 1929.
- Ларькин 1964* – *Ларькин В.Г.* Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964.
- [*Лепехин 1780*] – [*Лепехин И.И.*] Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб.: ИАН, 1780.
- Летопись Кунсткамеры 2014* – *Летопись Кунсткамеры. 1714–1836* / Авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович / Отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Мелихов 1967* – *Мелихов Г.В.* «Баци тунчжи» как основной источник по военной организации маньчжуров // Страны Дальнего Востока и Юго-восточной Азии (история и экономика). М.: Наука, 1967. С. 54–62.
- Мелихов 1974* – *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 247 с.
- Миллер 1756* – *Миллер Г.Ф.* Описание о торгах сибирских. СПб.: ИАН, 1756.
- Миллер 2009* – *Миллер Г.Ф.* Описание о торгах сибирских. Репринтное издание 1756 г. СПб.: Альфарет, 2009.
- Миллер 1755–1756* – *Миллер Г.Ф.* Известие о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб.: ИАН,

1755. Ч. II. Сентябрь: С. 195–250; Продолжение описания о торгах сибирских. Глава III. О товарах, которые из России в Сибирь возят. 1755. Ч. II. Декабрь. С. 525–537; Продолжение описания о сибирских торгах. 1756. Ч. I. январь–июнь. Февраль: VII. Глава IV. О сибирских товарах. С. 180–191; Продолжение описания о сибирских торгах, сообщенного в феврале месяце. Март. I. С. 195–226; Продолжение описания о сибирских торгах, сообщенного в марте месяце. Апрель V. С. 339–360; Продолжение описания о сибирских торгах. Глава V. О китайских товарах. Май I. С. 387–421.
- Обстоятельное описание* 1784 – Обстоятельное описание происхождения и состояния Маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего / Т. 1–17. пер. с маньчжурского А.Л. Леонтьева, И.К. Россохина. СПб.: ИАН, 1784.
- [Паллас] 1788 – [Паллас П. С.] Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: ИАН, 1788. Ч. 3. Кн. 1. 624 с.
- Пан, Шаталов 2004 – Пан Т.А., Шаталов О.В. Архивные материалы по истории христианских миссий в Китае: (к изданию работы В.П. Тарановича «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке»). СПб. – Воронеж, 2004. 202 с.
- Постников 2012 – Постников А.В. История географического изучения и картографирования приаргунского участка русско-китайской границы с конца XVII в. до 1911 г. // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: Материалы Междунар. науч. конф. 22–27 нояб. 2012 г. / отв. ред. М.В. Константинов; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2012. С. 17–30.
- Радищев 1941 – Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Наука, 1941. Т. 2. С. 4–35.
- Решетов 1980 – Решетов А.М. История формирования коллекций и изучение народов Зарубежной Азии в МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР: [Сборник статей]: К 100-летию образования первого академического этнографического центра / Сб. МАЭ. Т. 35 / отв. ред. А.М. Решетов. Л.: Наука, 1980. С. 98–107.
- Рудь 2009 – Рудь П.В. Китайские настольные экраны из Особой кладовой Музея антропологии и этнографии // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты: [сб. статей / сб. МАЭ РАН. Т. 55 / отв. ред. М.Ф. Альбедиль]. СПб.: Наука, 2009. С. 106–120.
- Саркисова 1993 – Саркисова Г.И. Вольтер о Китае и становление русского китаеведения // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: сб. ст. М.: Наука, 1993. С. 108–110, 123–136.

- Скачков* 1960 – *Скачков П.Е.* Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России // Проблемы востоковедения, 1960. № 3. С. 198–201.
- Скачков* 1965 – *Скачков П.Е.* О неизвестных рукописях Лариона Россохина // Народы Азии и Африки, 1965. № 1. С. 158–159.
- Скачков* 1977 – *Скачков П. Е.* Очерки истории российского китаеведения. М., 1977. С. 41–52.
- Станюкович* 1953 – *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.–Л.: Наука, 1953.
- Станюкович* 1964 – *Станюкович Т.В.* Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет музея антропологии и этнографии имени Петра Великого / Сб. МАЭ. Т. 22 / отв. ред. Л.П. Потапов. М.–Л.: Наука, 1964. С. 5–150.
- Станюкович* 1978 – *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. По материалам этнографических музеев Академии наук. Л.: Наука, 1978.
- Старцев* 2007 – *Старцев А.Ф.* «Наследник» Золотой империи. Владивосток: Дальнаука, 2007.
- Стренина* 1950 – *Стренина (Смоляк) А.В.* У истоков русского и мирового китаеведения // Советская этнография, 1950. № 1. С. 170–177.
- Таранович* 1945 – *Таранович В.П.* И. Россохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. Вып. 3. М.–Л., 1945. С. 225–241.
- [*Трусевич*] 1882 – [*Трусевич Х.*] Посольские и торговые сношения России с Китаем / соч. Х. Трусевича. М., 1882.
- Фирсов* 1902 – *Фирсов Н.Н.* Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерк из истории торговой политики. Казань: Типография Императорского ун-та, 1902.
- Фирсов* 1921 – *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Сибири. Вып. II. М.: ГИЗ, 1921. С. 36.
- Шафрановская* 1958 – *Шафрановская Т.К.* О поездках Лоренца Ланга в Пекин // Советское китаеведение, 1958. № 4. С. 155–159.
- Шафрановская* 1969 – *Шафрановская Т.К.* Из истории китайских коллекций Кунсткамеры. (Поездка Ф.-Л. Елачича в Китай в 1753–1756 гг.) // Культура народов зарубежной Азии и Океании / Сб. МАЭ. Т. 25. Л., 1969. С. 5–28.
- Шафрановская* 1971 – *Шафрановская Т.К.* Лоренц Ланг и изучение его дневников // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Т. 16. С. 215–224.
- Шафрановская* 1972а – *Шафрановская Т.К.* Лоренц Ланг и связь его с Петербургской Кунсткамерой // КСД ГНС ИЭ, 1971. Л., 1972а. С. 63–64.

Шафрановская 1972б – Шафрановская Т.К. Дневники Лоренца Ланга как историко-этнографический источник: (из истории изучения народов Сибири, Монголии и Китая в первой половине XVIII в.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. и. н. / АН СССР. ИЭ. Л., 1972б.

Шафрановская 1974 – Шафрановская Т.К. Этнографические сведения о Китае в дневниках Л. Ланга // КСД ГИС ИЭ, 1972–1973. Л., 1974. С. 107–108.

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

S.V. Berezniysky. Caravans trade between Russia and China in the eighteenth century and ethnographic studies of the peoples of the Amur river [Karavannyya trgovlya Rossii s Kitaem v XVIII veke i etnograficheskoe izucheniye narodov Amura]

Key words: XVIII century, Russia, China, trade caravans, Russian science, Russian Academy of Sciences, Kunstkamera

Abstract: The article based on archival sources, published documents, analysis of monographs and articles XVIII–XXI centuries, considered the activities of Russian trade caravans of the eighteenth century, also called Chinese caravans and Chinese expeditions. At the end of the XVII–XVIII centuries Russia and China were active in the caravan trade. China took first place in the Russian trade in Siberia and the Far East, and for a long time Russia was the only European power trading with China. The activities of the caravans had the Senate, Siberian Department, College of Foreign Affairs, Health office, Academy of Sciences, Beijing spiritual mission and other institutions. Quite relevant is the research problem related to the need to show that the caravans of the eighteenth century played an important role not only in the field of international trade, but also in the process of acquiring the Chinese collections of Kunstkamera, historical, ethnographic and other scientific materials on Siberia and the Far East to St. Petersburg Academy of Sciences. Trade caravans went to Beijing from Moscow and carried furs, cloth, iron, books, letters. Back in Russia they were returning with silk, tea, tobacco, drugs, items of Chinese art, scientific materials. Thus, the caravans served as a vital communication line, ensuring the exchange of scientific correspondence between the St. Petersburg scientists and the Beijing Jesuits, an important channel for delivery to the Russian Academy of Sciences, in the Museum of historical, ethnographic, geographical, linguistic materials, scientific publications, modern data on the history and culture of peoples of the

Far East. In General, it should be noted that the impact of the activities of the Russian–Chinese trade caravans of the eighteenth century on the development of domestic science was positive.

Author: **Sergei V. Bereznitsky**, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences (Sankt-Petersburg, Russia), e-mail: svbereznitsky@yandex.ru

References

- [Andrievich V.K.] *Sibir' v XIX stoletii (Period ot smerti imperatritsy Ekateriny II do 1806 g.). Istoricheskii ocherk Sibiri, osnovannyi na dannykh, predstavlyaemykh polnym sobraniiem zakonov i senatskim arhivom.* SPb.: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova, 1889.
- [Bantysh-Kamenskij N.N.]. *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru rossiiskim i kitaiskim gosudarstvami s 1619 po 1792 god / sostavlennoe po dokumentam, khranyaschimsya v Moskovskom arkhive Gosudarstvennoi Kollegii Inostrannykh del v 1792–1803 godu Nikolaem Bantysh-Kamenskim / s pribavleniem izdatelya V.M. Florinskogo.* Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1882.
- Bereznitskii S.V. *Etnicheskie komponenty verovaniy i ritualov korennykh narodov amuro-sakhalinskogo regiona.* Vladivostok: Dal'nauka, 2003.
- Bereznitskii S.V. Polevye issledovaniia kul'tury hechzhe v provintsii Heiluntzzyan (KNR) v sentyabre 2012 g. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN.* Vyp. 13 / pod. red. E.G. Fedorovoi. SPb.: MAE RAN, 2013, pp. 100–121.
- Bereznitskii S.V. Karavannaya trgovlya Rossii s Kitaem i otechestvennaya nauka XVIII veka: istoriograficheskii aspekt. *Radlovskij sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g.* / otv. red. Yu.K. Chistov. SPb.: MAE RAN, 2014, pp. 77–90.
- Bereznitskii S.V. Nauchnaya i organizatsionnaya deyatel'nost' A.M. Vladykina v XVIII veke v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke.* 2015, no 2, pp. 137–143.
- Bereznitskii S.V. Etnokul'turnye kontakty, etnicheskaya istoriya i dukhovnaya kul'tura korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. *Etnograficheskie issledovaniya* 1998 g. Vladivostok, 1999.
- Blagoder Yu.G. *Proizvedeniya kitaiskogo dekorativno-prikladnogo iskusstva v fondakh Kunstkamery.* Tambov: Gramota. 2009, no 3–4, pp. 35–37.
- Bolotina N.Yu. «Edu ya dlya trgovago svoego promyslu». Kitaiskie tovary v Rossii XVIII v. *Istoricheskii arkhiv*, 2006, no 4, pp. 172–210.
- Van Guan' Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya. *I ne raspalas' svyaz' vremen... K 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.E. Skachkova:* sb. st. M.: Nauka, 1993, pp. 52–55.

- Datsyshen V. G. *Istoriya izucheniya kitaiskogo yazyka v Rossiiskoi imperii*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. gos. un-t, 2000.
- Datsyshen V. G. *Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'*. M.: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007.
- I ne raspalas' svyaz' vremen... K 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.E. Skachkova*: sb. st. M.: Nauka, 1993.
- Istoriya i kul'tura nanaitsev: istoriko-etnograficheskie ocherki* / otv. red. V.A. Turaev. SPb.: Nauka, 2003.
- Firsov N.N. *Pravitel'stvo i obschestvo v ikh otnoshenii k vnesheinei torgovle Rossii v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II. Ocherk iz istorii torgovoi politiki*. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo un-ta. 1902.
- Firsov N.N. *Chteniya po istorii Sibiri*. Vyp. II. M.: GIZ. 1921. p. 36.
- Kislyakov V.N. Sobirатели коллекtsii MAE po traditsionnoi kul'ture narodov Kitaya (dorevolutsionnyi period). *Kur'er Petrovskoi Kunstkamery*. SPb., 1996a, vyp. 4–5, pp. 57–74.
- Kislyakov V.N. Sobirатели kitaiskikh kolektsii MAE RAN (posleoktyabr'skii period). *Kunstkamera vchera, segodnya, zavtra*. SPb., 1996b, t. 1, pp. 68–95.
- Kislyakov V. N. Kitaiskie kolektsii MAE RAN (istoriya sobiraniya, sobirately). *Kyunerovskii sbornik: Materialy Vostochnoaziatskikh i Yugo-Vostochnoaziatskikh issledovaniy*. Vyp. 5. *Etnografiya, fol'klor, iskusstvo, istoriya, arheologiya, muzeevvedenie*. 2005–2006. SPb.: MAE RAN, 2008, pp. 81–83.
- Kislyakov V.N. Materialy k opisaniyu eksponatov MAE RAN po religioznym vozzreniyam kitaitsev. Svedeniya o sobiratelyakh. *Vostochnaya Aziya: Veshchi, istoriya kolektsii, teksty* / sb. statei / sb. MAE RAN. T. 55 / otv. red. M.F. Al'bedil'. SPb.: Nauka, 2009, pp. 211–253.
- Korsak A. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovykh snoshenii Rossii s Kitaem*. Kazan': Izd. Knigoprodavtsa I. Dubrovina. 1857.
- Ksenofontova R.A., Reshetov A.M. Kitaiskie kolektsii Peterburgskoi Kunstkamery v sobranii MAE. *Sobraniya Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR: K 100-letiyu obrazovaniya pervogo akademicheskogo etnograficheskogo tsentra*. Sb. statei. Otv. red. A.M. Reshetov. Sb. MAE, vol. 35. L.: Nauka, 1980, pp. 114–134.
- Kurts B.G. Iz istorii torgovykh snoshenii Rossii s Kitaem v XVII st. *Novyi Vostok*. 1928, no 23–24, pp. 331–340.
- Kurts B.G. *Gosudarstvennaya monopoliya Rossii s Kitaem v pervoi polovine XVIII st.* Kiev: Institut Narodnogo Khozyaistva, 1929.
- Lar'kin V.G. *Orochi (istoriko-etnograficheskii ocherk s serediny XIX v. do nashikh dnei)*. M.: Nauka, 1964.
- [Lepekhin I.I.] *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya Ivana Lepekhina, akademika i meditsiny doktora, po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1771 godu*. SPb.: IAN, 1780.

- Letopis' Kunstkamery. 1714–1836. Avt.-sost. M.F. Khartanovich, M.V. Khartanovich. Otв. red. N.P. Kopaneva, Yu.K. Chistov. SPb.: MAE RAN, 2014.*
- Melikhov G.V. «Batsi tunchzhi» kak osnovnoi istochnik po voennoi organizatsii man'chzhurov. *Strany Dal'nego Vostoka i Yugo-vostochnoi Azii (istoriya i ekonomika)*. M.: Nauka, 1967, pp. 54–62.
- Melikhov G.V. *Man'chzhury na Severo-vostoke (XVII v.)*. M.: Nauka, 1974.
- Miller G.F. *Opisanie o torgakh sibirskikh*. SPb.: IAN, 1756.
- Miller G.F. *Opisanie o torgakh sibirskikh*. Reprintnoe izdanie 1756 g. SPb.: Al'faret, 2009.
- Miller G.F. Izvestie o torgakh sibirskikh. *Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashcie*. SPb.: IAN, 1755.
- Obstoyatel'noe opisanie proishozhdeniya i sostoyaniya Man'dzhurskogo naroda i voiska, v osmi znamenah sostoyaschego* / T. 1–17. per. s man'chzhurskogo A.L. Leont'eva, I.K. Rossokhina. SPb.: IAN, 1784.
- [Pallas P. S.] *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva*. SPb.: IAN, 1788, ch. 3, kn. 1.
- Pan T.A., Shatalov O.V. *Arkhivnye materialy po istorii khristianskikh missii v Kitae: (k izdaniyu raboty V.P. Taranovicha «Nauchnaya perepiska Sankt-Peterburgskoi Akademii nauk s iezuitami, prozhivayuschimi v Pekine v XVIII veke»)*. SPb.–Voronezh, 2004.
- Postnikov A. V. Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya priargunskogo uchastka russko-kitaiskoi granitsy s kontsa XVII v. do 1911 g. *Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': Istoricheskii rakurs i sovremennye otsenki: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. 22–27 noyab. 2012 g. / otv. red. M. V. Konstantinov; Zabaikal. gos. gum.-ped. un-t. Chita, 2012, pp. 17–30.*
- Radishchev A.N. *Polnoe sobranie sochinenii v 3 t.* M.; L.: Nauka, 1941, vol. 2, pp. 4–35.
- Reshetov A.M. Istoriya formirovaniya kolleksii i izuchenie narodov Zarubezhnoi Azii v MAE. *Sobraniya Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR: [Sbornik statei]: K 100-letiyu obrazovaniya pervogo akademicheskogo etnograficheskogo tsentra* / Sb. MAE. T. 35 / otv. red. A.M. Reshetov. L.: Nauka, 1980, pp. 98–107.
- Rud' P.V. Kitaiskie nastol'nye ekrany iz Osoboï kladovoi Muzeya antropologii i etnografii // *Vostochnaya Aziya: Veshchi, istoriya kollektsii, teksty: [sb. statei / sb. MAE RAN. T. 55 / otv. red. M.F. Al'bedil']*. SPb.: Nauka, 2009, pp. 106–120.
- Sarkisova G.I. Vol'ter o Kitae i stanovlenie russkogo kitaevedeniya. *Ine raspalas' svyaz' vremen... K 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.E. Skachkova: sb. st.* M.: Nauka. 1993, pp. 108–136.

- Skachkov P.E. Pervyi prepodavatel' kitaiskogo i man'chzhurskogo yazykov v Rossii. *Problemy vostokovedeniya*, 1960, no 3, pp. 198–201.
- Skachkov P.E. O neizvestnykh rukopisyakh Lariona Rossokhina. *Narody Azii i Afriki*, 1965, no 1, pp. 158–159.
- Skachkov P. E. *Ocherki istorii rossiiskogo kitaevedeniya*. M., 1977, pp. 41–52.
- Iz rukopisnogo naslediya P.E. Skachkova. *Ine raspalas' svyaz' vremen... K 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.E. Skachkova*: sb. st. M.: Nauka, 1993, pp. 40–41.
- Stanyukovich T.V. *Kunstkamera Peterburgskoi Akademii nauk*. M.–L.: Nauka. 1953.
- Stanyukovich T.V. Muzei antropologii i etnografii za 250 let. *250 let muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo* / Sb. MAE. T. 22 / otv. red. L.P. Potapov. M.–L.: Nauka, 1964, pp. 5–150.
- Stanyukovich T.V. *Etnograficheskaya nauka i muzei. Po materialam etnograficheskikh muzeev Akademii nauk*. L.: Nauka, 1978.
- Startsev A.F. «Naslednik» Zolotoi imperii. Vladivostok: Dal'nauka. 2007.
- Strenina (Smolyak) A.V. U istokov russkogo i mirovogo kitaevedeniya. *Sovetskaya etnografiya*, 1950, no 1, pp. 170–177.
- Taranovich V.P. I. Rossokhin i ego trudy po kitaevedeniyu. *Sovetskoe vostokovedenie*. Vyp. 3, M.–L., 1945, pp. 225–241.
- [Trusevich H.]. *Posol'skie i torgovy snosheniya Rossii s Kitaem* / soch. H. Trusevicha. M., 1882.
- Shafranovskaya T.K. O poezdках Lorentsa Langa v Pekin. *Sovetskoe kitaevedenie*, 1958, no 4, pp. 155–159.
- Shafranovskaya T.K. Iz istorii kitaiskikh kollektsii Kunstkamery (Poezdka F.-L. Elachicha v Kitai v 1753–1756 gg.). *Kul'tura narodov zarubezhnoi Azii i Okeanii* / Sb. MAE. T. 25. L., 1969, pp. 5–28.
- Shafranovskaya T.K. Lorents Lang i izuchenie ego dnevnikov. *Skandinavskij sbornik*. Tallin, 1971, vol. 16, pp. 215–222.
- Shafranovskaya T.K. Lorents Lang i svyaz' ego s Peterburgskoi Kunstkameroi. *KSD GNS I'E*, 1971. L., 1972a, pp. 63–64.
- Shafranovskaya T.K. *Dnevniki Lorentsa Langa kak istoriko-etnograficheskii istochnik: (iz istorii izucheniya narodov Sibiri, Mongolii i Kitaya v pervoi polovine XVIII v.)*: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k. i. n. / AN SSSR. IE. L., 1972b.
- Shafranovskaya T.K. Etnograficheskie svedeniya o Kitae v dnevnikakh L. Langa // *KSD GNS I'E*, 1972–1973. L., 1974, pp. 107–108.
- Zakharenko I.A. Vostokovedcheskoe izuchenie transgranichnykh regionov Rossii i Kitaya: istoriko-geograficheskii i kartograficheskii aspect. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2013, no 2, pp. 98–102.

КОСТЮМЫ И РИСУНКИ: ВИЗУАЛЬНОЕ НАРОДОВЕДЕНИЕ И.Г. ГЕОРГИ

Ключевые слова: Иоганн Готлиб Георги (1729–1802), история академических экспедиций (1768–1774), путешествие, визуальная антропология, народоведение, рисунки, одежды сибирских народов

Аннотация: В статье рассматривается одно из обстоятельств рождения российского народоведения, связанное с визуальными проектами Петербургской Академии наук в XVIII в. Использование этнографических коллекций Кунсткамеры, «парад народов» при Анне Иоанновне, рисунки костюмов народов России – эти факторы повлияли на становление российской науки о народах. Поводом для создания первой «энциклопедии о народах», автором которой был И.Г. Георги, была идея визуальной популяризации: желание дать объяснения рисункам с помощью расширенных подписей к ним. «Визуальный проект» Георги подтолкнул науку: замысел альбома с картинками и поясняющим текстом перерос в дотолу невиданный иллюстрированный этнографический свод народов империи. Проект рисования показывает, что Академия наук осознавала огромную важность визуального материала и ориентировалась на коллекционирование рисунков, гравюр и иллюстрированных научных публикаций. «Рисунки Георги» стали ключом к этнографическому узнаванию народов России и положили начало традиции отечественной визуальной антропологии.

В ходе и после своей имперской экспансии в XVI–XVIII вв. Россия находилась в состоянии приращения новых территорий, ресурсов и народов, представления о которых складывалось благодаря описаниям путешественников, послов, торговцев. Одним из активных участников этого поиска можно считать Петербургскую Академию наук, которая вскоре после создания (в начале XVIII в.) запускает ряд крупных и амбициозных проектов, открывших возможность формирования собственного образа и образа жителей, населяющих империю.

Отличие XVIII в. от предшествующего времени, по мнению некоторых авторов, «состоит не в появлении новой темы, а в том, что в Российской империи процесс описания жителей и производство “народных” образов обрели системный и инструментальный характер» (Вишленкова 2011: 33). Молодая империя стремилась утвердить за собой место в создаваемом западными интеллектуалами «порядке»: системе вещей, народов и культур (Slezkine 1997: 37).

* Татьяна Сергеевна Киссер – младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург), e-mail: tkisser@bk.ru

Во второй половине XVIII в. немецкий гравёр К. Рот задумал издать «все народы Российской империи в костюмах» (*Георги* 1799: Предисл.), с намерением представить, с помощью ученых, «русские нации в подлинных изображениях под заглавием «Изображения различных одежд русских наций, в тетрадах по 5 листов (*Открываемая Россия* 1774–1776). С предложением написать подробные комментарии к рисункам он обратился к Иоганну Готлибу Георги – натуралисту, путешественнику, участнику академических экспедиции по Российской империи 1768–1774 гг. (*Киссер* 2016: 57). В предисловии к своей работе «Описание всех обитающих в Российской империи народов их житейских обрядов, обыновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» Георги обозначил предложение Рота как повод к созданию этого труда. Рисунки сыграли роль стимула к появлению в России систематического народоведения (*Головнёв, Киссер* 2015).

Костюмы как маркеры народов. Предметы, характеризующие культуру народов мира, появились в Кунсткамере вместе с первыми приобретенными Петром I в Европе коллекциями (*Чистов* 2015: 44). В Кунсткамере (6-ти шкафах) хранились уборы и одежда разных народов: «одеяния китайские, персидские, мордовские, самоедские, остяцкие, киргизские, бурятские, тунгусские, якутские, ламутские, татарские, монгольские, чукотские, камчадалские, курильские, алеутские, и многих других к Америке простирающихся народов. Вокруг галереи расставлены по приличным местам восковые статуи разных народов, а именно: 1) статуя китайца, представляющего знатного чиновника, или мандарина; 2) статуя китайской женщины посредственного состояния; 3) японца; 4) алеутки; 5) шамана и колдуна сибирского; 6) шаманки; 7) ламута; 8) лапландца; 9) киргизца, и 10) остяцкой женщины. Все статуи наряжены в собственное платье и уборы тех народов, которых они представляют» (*Беляев* 1793: 68, 69). Отдельная экспозиция была посвящена населяющим Россию народностям (в первой половине XVIII в.), освещала культуру и быт русских, черемисов, мордвы, чувашей, татар, калмыков, бурят, монголов, тунгусов, лапландцев, самоедов, остяков, камчадалов, якутов, ламутов, коряков, юкагиров, ногайцев и других сибирских народов (*Станюкович* 1953: 105).

Академия наук, снаряжая на восток страны научные экспедиции XVIII в., одной из задач ставила создание визуального образа местного населения в разных регионах империи. Например, в инструкции, данной Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) в разделе «О рисунках», предписывалось: «В первую очередь следует сделать рисунки мужчин и женщин каждого народа с их характерными чертами лица и в их обычной, простой и нарядной одежде,

в действии или какой-то позе, которые типичны для этого народа» (Чистов 2015: 46). Этнографические коллекции Второй Камчатской экспедиции настолько обширны, что подобных нет ни в одном собрании мира. Среди них коллекции одежды таких сибирских народностей, как самоеды различных групп: юрацкие, тавгийские и авамские (31 предмет, в том числе мужские и женские одежды, головные уборы, обувь и другие предметы); остяки (14 предметов); якуты (15 предметов); юкагиры (13 предметов); ламуты (21 предмет); коряки (24 предмета); тунгусы (13 предметов); татары качинские с реки Юз и другие (14 предметов), курильцы, мордва. Помимо одежды, было собрано значительное количество предметов культа («три деревянных тунгусских идола», коряцкий идол, «бубен с палочкой», «самоедский бубен»), предметов, характеризующих хозяйство и быт сибирских народностей («два деревянных самоедских сосуда», «самоедская сумка из коры», «ложка», «самоедская лодка», «образец саней, которыми пользуются коряки», «молоток, усаженный острыми костями, которыми коряки пользуются на войне», «калмыцкий колчан со стрелами», «роговая ложка»). В их описаниях указывались народности, у которых они бытовали, и местообитание: например, «коряки, которые живут в Охотске». Для некоторых предметов приводились и местные названия — самоедский идол, «которого они сами называют фунелла», меховая одежда из шкур, называемая «курошоки», платок, называемый «нечку» (Станюкович 1953: 66, 67).

Рис. 1. Буряты в национальной одежде.
Georgi J. G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich
1772–1774. SPb., 1775. Bd. II. Tab. III.

Костюмы воспринимались как неоспоримое доказательство существования той или иной группы жителей, ее принадлежности к России, они же давали народам локальную и культурную приписку (Вишленкова 2011: 35). Однако коллекции костюмов Кунсткамеры понесли урон в связи с «ледяной свадьбой» шутов Анны Иоанновны в 1740 г. (Станюкович 1953: 76) и пожаром в 1747 г. (Чистов 2013: 202).

6 февраля 1740 г. состоялась «потешная свадьба» придворного шута императрицы Анны Иоанновны, князя М.А. Голицына, с шутихою А.Н. Бужениновой (калмычкой). В программу увеселений было включено шествие народов, населяющих Российскую империю, и народов, соседствующих с ней. Мысль о проведении этого «народного маскарада», по всей вероятности, была порождена разнообразными этнографическими коллекциями, и в частности национальными костюмами, которые поступили в Кунсткамеры от Второй Камчатской экспедиции. Коллекции эти, характеризующие культуру и быт почти неизвестных народов, вызывали в то время большой интерес. По стране было разослано «высочайшее распоряжение» от 27 декабря 1739 г. с приказом «срочно прислать в Петербург по типичной молодой паре представителей всех народов». Для свадебного торжества и шутовского шествия по улицам столицы было приказано доставить в Петербург по паре всех известных «инородцев» в национальных одеждах, что само по себе казалось Анне Иоанновне весьма смешным (Анисимов 2008: 57). Из записок генерала Х.Г. Манштейна (он был очевидцем свадьбы) видно, что праздник был задуман с целью «показать, сколько различных народов» обитает в России (Манштейн 1997: 158).

Академии наук было поручено составить подробное описание этих народностей: «подлинное известие учинить о азиатских народах, подданных Ее Императорского Величества, и о соседях, сколько оных всех есть, и которые из них самовладельные были, и как их владельцы назывались, со описанием платья, в чем ходят, гербов на печатях или на других, на чем и на каких скотах ездят, и что здесь в натуре есть платья и таких гербов, и например: мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, чапчадалы [камчадалы], отяки [удмурты], мунгалы, башкирцы, киргизы, лопари, кантыши, каракалпаки, арапы белые и черные, и прочие, какие есть, подданные российские» (Материалы 1886–1887: 276). Другой очевидец, В.А. Нашокин, в своих записях, сделанных после шутовской свадьбы, указывал, что для свадьбы «курьозные были сделаны сани наподобие зверей и рыб морских, а некоторые в образе птиц странных», а

в шутовскую процессию, кроме «разноязычников», были, например, включены «ямщики города Твери», которые «оказывали весну разными высвистами по-птичьи» (Нащокин 1998: 258).

Для современников шествие народов казалось воплощением идеи обширности империи. По идеологии это зрелище определено было ориентировано на петровские традиции (Погосян 2001: 103). Пример «этносвадьбы» демонстрирует большой интерес как императорского двора, так и жителей империи к самим себе, к народам, которые населяют страну, их культуре и быту. В петровское время особенно популярны были различного рода развлечения — ассамблеи, шествия, маскарады, но возникновение моды на этноассамблеи совпадает со временем начала систематического изучения империи.

Изобразительная этнография. Для того чтобы получить «художественную проекцию» империи (Вишленкова 2011: 42) Академия наук стала прикреплять к каждой своей экспедиции рисовальщика: «В изображении иноплеменных народов, — говорилось в инструкции, — надлежит вам стараться списывать с них вернейшие портреты и сохранять в оных характер, свойственный каждому народу или племени... хотя бы они казались или действительно были уродливы, ибо в рисунках ваших натура должна быть представлена как она есть, а не так как она может быть красива и совершенна» (Гончарова 1987: 171). Рисовальщики были включены в состав всех экспедиций XVIII в., начиная с сибирской экспедиции (1719–1727 гг.) Д.Г. Мессершмидта. Народы не являлись единственным объектом для рисования, необходимо было делать зарисовки городов, растений, животных, а также археологических объектов. По большей части работы рисовальщиков представляли собой карандашные зарисовки, сделанные схематично, без детальной прорисовки, однако встречались исключения.

Например, рисунки времени Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.) впоследствии стали иллюстрациями ко многим изданиям, посвященным путешествиям по России. Известно, что и Д.Г. Мессершмидт уделял большое внимание не только описаниям, но и зарисовкам собираемых коллекций. В его отчетах, хранящихся ныне в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, содержатся карандашные и акварельные рисунки, которые несут научную функцию как иллюстрации к данным описаниям (Нарисованный музей 2004: 7). Например, хорошо известны такие работы группы рисовальщиков отряда Мессершмидта, как «вид города Иркутска, То-

больска», коллекция археологических находок, выполненная в рисунках, зарисовки отдельных народов.

Коллекцию рисунков содержит работа П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи», например, изображение мордовских женщин. На рисунке изображены три женщины, каждая из фигур представлена в национальном костюме в нескольких ракурсах: спереди, со спины и в профиль. Фонового пейзажа нет, из-за чего возникает ощущение, что перед нами «манекены на подиуме». Отдельно представлены эрзянки (группа мордвы), две фигуры изображены со спины, одна спереди, а рядом с ними калмык. Паллас в своей работе подробно описывал как эрзян, так и калмыков, обращал внимания на особенности их внешнего вида, одевания, атрибутов, для наглядности он поручил своему рисовальщику сделать рисунок представителей этих этнических сообществ. Например, калмыки изображены в своей среде, на фоне жилища, а мужчины представлены всадниками.

В 1770-е гг. коллекцию графических рисунков народов Российской империи запустил в художественное производство гравёр из Нюрнберга Карл Рот. Эту коллекцию гравюр исследователи называют «костюмами Георги» (т.к. впоследствии эти картинки стали иллюстрациями к первому этнографическому своду) (Вишленкова 2011: 48). Проект удался: тираж журнала «Открываемая Россия» был быстро раскуплен и довольно скоро стал редкостью. «Вышло всего, по указанию В. Сопикова, 15 номеров по 5 рисунков без текста в каждом, причем издатель журнала нам неизвестен. Издание прекратилось в 1775 г. и представляет собой большую редкость» (Соловьев 1907: 426).

Для читателей потребовались краткие исторические сведения о малоизвестных народах, поэтому книгопродавец К.В. Мюллер принял на себя издание, требующее значительных издержек, а Георги взялся за составление описания. Таким образом, повод для создания первой «энциклопедии о народах» был идеей визуальной популяризации: желание дать объяснения рисункам с помощью расширенных подписей к ним. «Визуальный проект» Георги подтолкнул науку: замысел альбома с картинками и поясняющим текстом перерос в дотоле невиданный иллюстрированный этнографический свод народов империи (Головнёв, Киссер 2015: 66).

«Рисунки Георги» были использованы в «Описании всех обитающих в Российской империи народов» в изданиях 1776 и 1779 гг. Всего в работе 99 рисунков 35-ти народов империи. Первый том содержит 25 иллюстраций, второй — 30, третий — 19, четвертый — 25. Они рас-

полагаются параллельно с описанием народов, имеют подписи на трех языках (русский, немецкий, французский), что показывает аудиторию, на которую была ориентирована работа Георги.

На рисунках каждая из фигур одета в традиционный костюм и показана в трех планах: со спины («с тылу»), фронтально («спереди») и в профиль. Отдельно показаны «мужики, бабы и девки». Все они статичны, у них условно прорисованные лица и жесты. На композициях фоновый пейзаж представляет естественную среду обитания того или иного народа. Костюм и предметы занятий каждого народа тщательно прорисованы. Персонажи не имеют ка-

Рис. 2. Самоед. Раскрашенная гравюра. Георги И.Г.

Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. III.

Рис. 3. Черемиска спереди.

Раскрашенная гравюра. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. I.

ких-либо индивидуальных особенностей, перед нами манекены, различающиеся по расовым признакам: типичный европеец, азиат и т.д. Костюм предстает как «этнолицо» народа. На рисунке отражены все детали костюма, от украшений до обуви, а также прически. У всех стандартные «подиумные» позы. Особое внимание уделено, как видно, не людям, а вещам. Костюм указывает на социальную роль, родоплеменную принадлежность человека и эстетику одевания. Именно одежда, вещи, предметы труда и быта – визуальные признаки народа. Интересен тот факт, что в коллекции нет «русских» как отдельного сообщества;

есть лишь образы «калужского купца», «валдайской девки», «донского казака», «российского крестьянина».

До сих пор нет определенности в том, кто был подлинным автором этих рисунков и что послужило для них источником: непосредственные наблюдения, рисунки других художников, фантазия или коллекции Кунсткамеры. Н.Н. Гончарова считает, что они сделаны по зарисовкам Лепренса и Георги (*Гончарова* 1987: 78). А.Э. Жабрева пришла к выводу, что издательский проект Рота с самого начала был прочно связан с коллекцией набросков Георги. Вместе с тем исследовательница считает, что «вопрос о том, кто с кого перерисовывал и переграбивывал иллюстрации для разных изданий конца XVIII – начала XIX в., весьма запутанный и никем пока еще не решенный» (*Жабрева* 2007: 208). Е.А. Вишленкова предполагает, что «народные представители в “Открываемой России” создавались на основе трех компонентов: ранее изданных костюмных гравюр; отложившихся в архиве Академии рисунков (в качестве служащих Академии наук Рот и Георги имели к ним свободный доступ); и хранящихся в Кунсткамере образцов одежды. Каждая экспедиция привозила в Петербург и сдавала в главный музей традиционные или ритуальные костюмы из обследуемого региона» (*Вишленкова* 2011: 50).

Искусствоведы считают, что рисунки не представляют интереса в художественном плане, их достоинство в «этнографизме» (*Гончарова* 1987: 78). По мнению Т.А. Крюковой, они «представляют собой лишь вольное воспроизведение подлинников художником, некую стилизацию, игнорирующую зачастую отдельные ценные детали в целях разрешения общей композиции рисунка. Зарисовки, сделанные художником, нередко искажают оригинал и привносят в него нечто новое, в нем не содержащееся» (*Крюкова* 1949: 140).

Нередко «рисунки Георги» представляются уникальным этнографическим источником. Например, японские исследователи считают рисунок “Ein Kurill” первым в мире портретом курильского айна. Он показывает точные культурные особенности и дает много этнографической информации: например, о цветах (синих и коричневых) одежды, о куртке, изготовленной из хлопка, шерсти, волокон коры (*Сасаки* 2013: 201).

«Рисунки Георги» стали вехой в отечественной культуре, обозначаемой исследователями как рождение «национальной», или «народной», темы в отечественном искусстве. В 1780-е гг. Императорский фарфоровый завод, поставлявший продукцию почти исключительно по заказам Двора, выпустил серию фигурок, изготовленных по образцам «Открываемой России». Наличие на задней поверхности этих изделий монограммы императрицы побуждает историков искусства утверждать, что именно Екатерина II ввела «народную

тему» в фарфоровое производство. Документально установлено, что данная работа на заводе проводилась под руководством приглашенного в 1779 г. профессора скульптуры Ж.Д. Рашетта (Вишленкова 2011: 63, 64). В Российском этнографическом музее экспонируются эти гравюры, расписанные не только красками, но и с применением оригинальной техники тиснения ткани (Жабрева 2007: 208). Интересно, что в 2002 г. в Кунсткамере в рамках выставки цикла «Мир одного предмета» была экспозиция И.Г. Георги, которая создавалась по рисункам из его книги и журнала «Открываемая Россия»; кроме того, был издан календарь с изображениями народов России.

Сюжеты «рисунков Георги» стали основой для создания двух серебряных блюдец, сделанные по предположению в Санкт-Петербурге или Тобольске мастером П.Т. Брюхановым. Использовались два рисунка – «Курилец», «Самоедка в летнем платье». Обе тарелочки были изготовлены в Санкт-Петербурге, на что указывают имеющиеся на них пробы, а также и наличие на тарелочках изображений, выполненных по рисункам, заимствованным из труда Георги (Бауло 2015: 58). Рис. 4.

Рис. 5. Изображение блюдец и «рисунков Георги».
Бауло А.В., 2015. С. 59.

После выхода альбома «Открываемая Россия» художники шли по пути заполнения лакун в «коллекции Георги». Х. Гейслер создал образ крымских татар, К.П. Бегров составил альбом «Народы, живущие между Каспийским и Черными морями». Г.Г. Гагарин представил современникам образы кавказцев («Живописный Кавказ»). В 1862 г. многое из накопленного отечественной графикой было обобщено в альбоме Т. Паули «Народы России», по которому также были сделаны фарфоровые фигуры.

В отличие от других европейских стран, имевших давние художественные традиции, в России начала XVIII в. рисование и живопись с натуры были делом сравнительно новым. В этот период в России работали только иностранные художники, в основном немцы и голландцы (*Нарисованный музей* 2003: 13). Проект рисования показывает, что Академия наук осознавала огромную важность визуального материала и ориентировалась на коллекционирование рисунков, гравюр и иллюстрированных научных публикаций. «Рисунки Георги» стали ключом к этнографическому узнаванию народов России и положили начало традиции отечественной визуальной антропологии.

Грантовая поддержка: Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-01-00141 «Антропология движения: теоретический и научно-практический потенциал» (рук. А.В. Головнёв).

Источники и материалы

Беляев 1793 – *Беляев О.* Кабинет Петра Великого. Отделение I. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1793.

Георги 1799 – *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1. СПб.: Тип. имп. Академия наук, 1799.

Материалы для истории Императорской Академии наук 1886–1887 – *Материалы для истории Императорской Академии наук.* Т. IV. СПб.: Тип. имп. Академия наук, 1886–1887.

Открываемая Россия 1774–1776 – *Открываемая Россия*, или Собрание одежд всех народов, в Российской империи обитающих [№ 1–3]. СПб., 1774–1776.

Научная литература

- Анисимов* 2008 – *Анисимов Е.В.* Женщины на Российском престоле. СПб.: Питер, 2008.
- Бауло* 2013 — *Бауло А.В.* Петр Брюханов, тобольский мастер, из цеховых. Становление серебряного ремесла в Тобольске // Наука из первых рук. 2015. № 3 (63). С. 50–63.
- Вишленкова* 2011 – *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или увидеть русского дано не каждому. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Головнёв, Киссер* 2015 – *Головнёв А.В., Киссер Т.С.* Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–69.
- Гончарова* 1987 – *Гончарова Н.Н.* Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М.: Искусство, 1987.
- Жабрева* 2007 – *Жабрева А.Э.* Изображения костюмов народов России в трудах ученых Петербургской Академии наук XVIII в. // Справочно-библиографическое обслуживание: традиции и новации. СПб., 2007. С. 201–214.
- Киссер* 2016 – *Киссер Т.С.* Путешествие И.П. Фалька и И.Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 53–60.
- Крюкова* 1949 – *Крюкова Т.А.* Коллекция П.С. Палласа по народам Поволжья // Сб. музея антропологии и этнографии. Т. 12. М., Л., 1949. С. 140–145.
- Маништейн* 1997 – *Маништейн Х.Г.* Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997.
- Нарисованный музей* 2003 – *Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760.* Т. I. / Сост. и науч. ред. Р.Е. Кистемакера, Н.П. Копаневой, Д.Й. Мейерс, Г.В. Вилинбахова. СПб.: «Европейский дом», 2003.
- Нарисованный музей* 2004 – *Нарисованный музей* Петербургской Академии наук. 1725–1760. Т. II. / Сост. и науч. ред. Р.Е. Кистемакера, Н.П. Копаневой, Д.Й. Мейерс, Г.В. Вилинбахова. СПб.: «Европейский дом», 2004.
- Нащокин* 1998 – *Нащокин В.А.* Записки // Империя после Петра (1725–1765). М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 225–384.
- Погосян* 2001 – *Погосян Е.А.* «И невозможное возможно»: свадьба шотов в ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 80–109.
- Сасаки* 2013 – *Сасаки С.* Вклад русских академических экспедиций на Курильские острова в XVIII в. в изучении культуры айнов // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Мо-

- сква, 2–5 июля 2013 г. / редкол.: М.Ю. Мартынова и др. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 201.
- Соловьев* 1907 – *Соловьев Н.* Русская книжная иллюстрация XVIII в. // Старые годы. 1907. Июль–сентябрь. С. 423–433.
- Станюкович* 1953 – *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М., Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
- Чистов* 2013 – *Чистов Ю.К.* Этнографические экспозиции Кунсткамеры в XVIII в. // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол.: М.Ю. Мартынова и др. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 202.
- Чистов* 2015 – *Чистов Ю.К.* Костюм народов России в коллекциях Кунсткамеры XVIII века // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. М., Екатеринбург, 2015. С. 44–51.
- Slezkine* 1997 – *Slezkine Y.* Naturalists versus Nation: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Eds. D.R. Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington, Ind, 1997, pp. 27–57.

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

T.S. Kisser Costumes and pictures: J.G. Georgi's visual ethnography [Kostyumi i risunki: vizual'noe narodovedenie I.G. Georgi]

Keywords: Johann Gottlieb Georgi (1729–1802), history of academic expeditions (1768–1774), travel, visual anthropology, ethnography, drawings, clothes of the Siberian peoples.

Abstract: The article is a study of one of the circumstances accompanying the birth of the Russian ethnography and involving the 18th century visual projects of the St Petersburg Academy of Sciences. The use of the ethnographic collections of Kunstkamera, the “parade of the peoples” during the reign of Anne of Russia, the drawings of the costumes of the peoples of Russia — all these factors contributed to the evolution of the Russian ethnographic studies. The motive for the creation of the first “encyclopedia of the peoples” by J. G. Georgi was the idea of visual popularization: a desire to supply the drawings with comments by means of providing extended captions to them. The Georgi's “visual project” received further development: the idea of an illustrated album with explanatory notes developed into an unprecedented illustrated ethnographic description of the peoples of the Empire. “Georgi's drawings” were used in the 1776 and

1779 publications of the “Description of all the peoples leaving in the Russian state”. The drawing project demonstrated that the Academy of Sciences was aware of a tremendous importance of visual materials and cared about collecting drawings, prints, and illustrated academic publications. “Georgi’s drawings” became a key to the ethnographic recognition of the peoples of Russia and laid the foundation for the Russian visual anthropology tradition.

Author: **Tatyana S. Kisser**, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Sankt-Petersburg, Russia), e-mail: tkisser@bk.ru

References

- Anisimov E.V. *Zhenshchiny na Rossiiskom prestole*. St. Petersburg: Piter, 2008.
- Baulo A.V. Petr Brjuhanov, tobol'skii master, iz tsehovykh. Stanovlenie serebryanogo remesla v Tobol'ske. *Nauka iz pervykh ruk*, 2015, no. 3 (63), pp. 50–63.
- Vishlenkova E.A. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili uvidet' russkogo dano ne kazhdomu*. Moscow.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Golovnev A.V., Kisser T.S. Etnoportret imperii v trudakh P.S. Pallasa i I.G. Georgi. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2015, no. 3 (48), pp.59–69.
- Goncharova N.N. E.M. Korneev. *Iz istorii russkoi grafiki nachala 19 veka*. Moscow: Iskustvo, 1987.
- Zhabreva A.E. Izobrazheniia kostiumov narodov Rossii v trudakh uchenykh Peterburgskoi Akademii nauk XVIII v. *Spravochno-bibliograficheskoe obsluzhivanie: traditsii i novatsii*. St. Petersburg, 2007, pp. 201–214.
- Kisser T.S. Puteshestvie I.P. Fal'ka i I.G. Georgi po Rossiiskoi imperii (po materialam dnevnikov). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2016, no. 2 (51), pp. 53–60.
- Kriukova T.A. Kolleksiia P.S. Pallasa po narodam Povolzh'ia. *Sb. muzeia antropologii i etnografii*. Vol. 12. Moscow, Leningrad, 1949, pp. 140–145.
- Narisovannyi muzei' Peterburgskoi Akademii nauk. 1725–1760. Vol. I. St. Petersburg: “Evropeiskii dom”, 2003.
- Narisovannyi muzei Peterburgskoi Akademii nauk. 1725–1760. Vol. II. St. Petersburg: “Evropeiskii dom”, 2004.
- Pogosian E.A. “I nevozmozhnoe vozmozhno”: svad'ba shutov v ledianom dome kak fakt ofitsial'noi kul'tury. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. IV (Novaia seriia)*. Tartu, 2001, pp. 80–109.
- Sasaki S. Vklad russkikh akademicheskikh ekspeditsii na Kuril'skie ostrova v XVIII v. v izuchenii kul'tury ainov. *X Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Moskva, 2–5 iuliia 2013 g.* Moscow: IEA RAS, 2013, pp. 201.

- Solov'ev N. Russkaia knizhnaia illiustratsiia XVIII v. *Starye gody. 1907. Iul'–sentiabr'*, pp. 423–433.
- Staniukovich T.V. *Kunstkamera Peterburgskoi Akademii nauk*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953.
- Chistov Iu.K. Etnograficheskie ekspozitsii Kunstkamery v XVIII v. *X Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Moskva, 2–5 iulia 2013 g.* Moscow: IEA RAN, 2013, pp. 202.
- Chistov Iu.K. Kostium narodov Rossii v kollektssiiakh Kunstkamery XVIII veka. *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov. Ekaterinburg 2–5 iulia 2015 g.* Moscow, Ekaterinburg, 2015, pp. 44–51.
- Slezkine Y. Naturalists versus Nation: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity. *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, Ind, 1997. pp. 27–57.

XIX – начало XX веков

МУЗЕИ АКАДЕМИИ НАУК XIX ВЕКА: ОТ КУНСТКАМЕРЫ К УЗКОСПЕЦИАЛЬНЫМ НАУЧНЫМ ЦЕНТРАМ

Ключевые слова: Академия наук, музеи, Кунсткамера, экспозиция, музейные коллекции, Азиатский музей, Египетский музей, Эрмитаж.

Аннотация: Статья посвящена процессу формирования на базе музея XVIII в. – Кунсткамеры – новых академических музеев середины XIX в. На основе архивных и печатных источников показан процесс развития новых дисциплин в форме организации и деятельности отраслевых академических музеев.

Кунсткамера императорской Академии наук в Санкт-Петербурге – первый в России государственный музей, основанный царем Петром I в 1714 г. В 1724 г. была учреждена императорская Академия наук в Санкт-Петербурге. Универсальное музейное собрание императора Петра I, включавшее произведения прикладного искусства, научные приборы и инструменты, а также естественнонаучные коллекции, было передано в пользование профессоров Академии наук как научно-исследовательская база. Петр I издавал указы о пополнении музея редкостями рукотворными и природными. Еще при жизни Петра началось строительство специального здания для размещения Кунсткамеры. Оно было открыто уже при внуке императора Петра I – Петре II в 1728 г., где и поныне размещается Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Собрания Кунсткамеры развивались за счет правительственных указов о пополнении музея Академии наук, экспедиций по физико-географическому и экономико-географическому описанию различных территорий Российской империи, кругосветных плаваний, покупок и даров частных лиц. Поступали предметы по анатомии, зоологии, ботанике, минералогии, палеонтологии, археологии, нумизматике и этнографии.

История образования, складывания, формирования научных направлений в отечественной этнографии – важная тема, позволяющая обобщить накопленный опыт и определить новые направления

* *Маргарита Федоровна Хартанович* – д.и.н., зав. отделом истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург), e-mail: mkhart@yandex.ru

исследований. Что касается истории первого музея России – Кунсткамеры, то в последние годы накоплен большой материал в области изучения истории Кунсткамеры с начала ее основания до 1836 г., когда в соответствии с уставом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук на основе фондов Кунсткамеры были созданы самостоятельные музеи. В первую очередь необходимо назвать работы Т.В. Станюкович (Станюкович 1953; Станюкович 1978). Однако за прошедшие со времени выхода книг 60 лет новый накопленный материал, а также фрагментарность исследований последних лет позволяют по-новому проанализировать и понять процесс, происходивший в развитии Кунсткамеры как музея и как части Академии наук. Большим подспорьем в изучении первого русского музея является недавно вышедшая работа «Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 гг.» (Летопись 2014). Впервые на большом архивном и опубликованном материале прослежена в последовательной исторической хронологии деятельность Кунсткамеры в ее тесном взаимодействии с развитием Академии наук; прослежена экспедиционная деятельность в России XVIII в. Исследование не имеет аналогов как в России, так и в зарубежных научных и музейных центрах.

Изначально формирование коллекций Кунсткамеры Академии наук XVIII в. отражало принцип универсальности способов организации знаний. Однако в конце XVIII – первой половине XIX вв. происходит разделение науки на различные дисциплины. Развитие науки этого периода и рост отечественной экономики требовали реорганизации Кунсткамеры из универсального музея в дисциплинарно организованные музеи с раздельными бюджетами. Это требование нашло свое максимальное выражение в Уставе Санкт-Петербургской академии наук 1836 г., преобразовавшего Кунсткамеру в ряд отдельных музеев: кабинет Петра Великого <...> музеи: минералогический, ботанический, зоологический и зоотомический с их лабораториями, ботанический сад, нумизматический кабинет, собрание азиатских и египетских древностей и этнографический кабинет» (История 1964: 702). Еще раньше в 1803 г. наступил переломный этап в развитии музея. По штату 1803 г. музей еще оставался единым учреждением, имевшим общее помещение, бюджет и штат, но фактически гармоничное развитие его как единого учреждения закончилось. Собранный к этому времени в стенах его громадный коллекционный материал нуждался как в экспонировании, так и в хранении в более обширных помещениях. Научная обработка и освоение коллекций, в

свою очередь, требовали дальнейшей дифференциации внутри отделов и увеличении числа специального обслуживающего персонала.

Война 1812 г. лишь несколько отсрочила этот процесс, и непосредственно после окончания ее в недрах Академического музея, или Кунсткамеры, наметился целый ряд новых отделов или кабинетов: Азиатский, Ботанический, Зоологический, Египетский, Этнографический, на базе которых несколькими годами позже и создаются академические музеи.

Первым в этом процессе является так называемый «Восточный кабинет», более известный впоследствии под названием Азиатского музея. К созданию этого отдела имелись давнишние предпосылки. Непосредственное соседство Российского государства со странами Востока, разнообразные культурные и торговые связи, сложившиеся между ними на протяжении многих веков, порождали взаимный интерес. Первый известный нам проект учреждения, посвященного исключительно изучению Востока, был проект «Азиатской академии». Составление его относится к 1733 г. и приписывается знатоку восточных языков, составителю нумизматической части каталога 1742 г. – Георгу Кэру. В проекте рассматривались структура учреждения, финансирование, необходимое для учреждения, целью которого было создание учебного заведения для подготовки переводчиков и работников иных профессий, свободно владеющих языками всех стран Востока, начиная с Абиссинии и кончая Китаем. Идея создания научного востоковедческого центра осуществилась в 1818 г. благодаря усилиям тогда президента Академии наук С.С. Уварова. С именем Сергея Семеновича Уварова связано становление в России основ самостоятельной отечественной системы образования и организации науки.

Надо особо отметить, что развитие востоковедения в России ведет свое начало с царствования Петра I. В только что основанную Академию наук приглашались ведущие европейские ориенталисты. В числе первых академиков-востоковедов был историк Г. Байер, знаток китайского, тибетского, монгольского, маньчжурского, санскрита, арабского, древнееврейского и прочих языков. В 1732 г. по прибытии в Санкт-Петербург Георг Кэр – крупный знаток восточных языков, поступил в Коллегию иностранных дел на должность переводчика и профессора восточных иностранных языков. В 1733 г. он представил проект «Академии или Общества восточных наук и языков в Империи Российской» (*История* 1958).

Проект Кэра не получил поддержки. М.В. Ломоносов составил три проекта Регламента Академии наук (1754–1755, 1759, 1764). В

них предусматривалось создание особой кафедры восточных древностей. В 1802 г. то же предложение поступило от Яна Потоцкого. Но все проекты были погребены в архивах как «сумасбродные» или «не имеющие ни малейшей надежды на успех» (Виттекер 1999: 31).

Мысль о создании подобного учреждения нашла свое воплощение в виде проекта, написанного в начале XIX в. Он был сочинен и опубликован будущим министром народного просвещения, президентом Академии наук С.С. Уваровым в 1810 г. под названием «*Projet d'une Academie asiatique*» [Проект Азиатской академии] (СПб., 1810) и, в известной мере, послужил программой деятельности Азиатского кабинета.

Когда в сентябре 1812 г. армия Наполеона подошла к Москве, в Петербурге было принято решение частичной эвакуации коллекций Кунсткамеры. После возвращения предметов обратно в декабре 1812 г. решено было провести ряд перемен, коснувшихся и коллекций восточных монет, рукописей, книг, предметов из Египта. К концу 1815 г. в Кунсткамере (Академическом музее) был создан ряд кабинетов, в том числе и Азиатский. По приглашению С.С. Уварова в Академию наук поступил Христиан Данилович Френ, в котором Уваров видел того ученого, который был способен возглавить академическое востоковедение. В июне 1817 г. Френ приехал из Казани в Петербург и приступил к работе над восточными монетами и древностями Академического музея. 19 ноября 1817 г. Х.Д. Френ был утвержден Александром I ординарным академиком (*Летопись* 2002: 141, 144).

12 января 1818 г. президентом Академии наук стал С.С. Уваров (*Летопись* 2002: 141, 144). В ту пору он уже был автором «Проекта Азиатской академии», членом литературного общества «Арзамас», был соответственно знаком с А.С. Пушкиным, П.П. Вяземским, В.А. Жуковским и др.

11 ноября 1818 г. С.С. Уваров направил письмо в Комитет правления Академии наук об учреждении при Академии Восточного кабинета и определении его хранителем Х.Д. Френа (*Бертельс* 1972: 15). Так был создан Восточный кабинет, который в этом же году с декабря стал именоваться Азиатским музеем Академии наук. С первых же месяцев работы музей приковывал к себе внимание знатоков и любителей Востока, которые приносили в дар музею разные предметы, книги и рукописи.

В новый отдел Кунсткамеры вошли: 1) библиотека, включавшая в себя все имевшиеся сочинения восточных авторов и работы, посвященные им; 2) рукописи на арабском, персидском, турецком языках и

на языках народов Средней Азии и Кавказа, а также китайские, маньчжурские, тибетские, монгольские, японские и другие восточные документы; 3) монеты и достопримечательности тех же народов и народов, населяющих Сибирь и Дальний Восток – древности из сибирских могил, одежда и утварь айнов, археологические предметы, найденные в Болгарах, коллекция «колмыкских» предметов культа и др.

Под этот отдел, называемый «Азиатским музеем», было отведено несколько комнат в 1-м этаже восточного крыла здания Кунсткамеры (окнами на Неву). Итак, С.С. Уваров утвердил в России главный тезис европейского ориентального возрождения – признать и изучать Восток не как объект моды на экзотику, не с точки зрения практического интереса внешней политики, но и как неотъемлемую часть цивилизованного мира, и создать самостоятельную школу постоянных востоковедческих исследований.

Следующим по времени новым отделом Кунсткамеры можно считать ботанический, который выделился из Кабинета натуралиев, или Натур-коморы. Историк Ботанического музея академик Ф.И. Рупрехт считал датой основания Ботанического музея 1824 г. В это время ботаник К.А. Триниус, принятый в Академию в 1823 г., разобрал запущенные ботанические коллекции, сложенные частично в нераспакованном виде, отобрал все сохранившиеся экземпляры. Среди сохранившихся образцов имелись растения из гербария Рюйша и Аммана, сибирские растения, собранные во время путешествия Гмелина, растения, присланные собирателями XVIII в. с Байкала и Кавказа, а также некоторое количество зарубежной флоры с о. Цейлона, мыса Доброй Надежды и из Японии. Отобранные коллекции были перенесены в отопливаемое помещение, куда была передана и ботаническая литература из Библиотеки Академии наук. «Гербарий» Триниуса был выставлен в среднем, т.е. во 2-м этаже здания Кунсткамеры. Он был размещен в рабочих комнатах восточного крыла здания.

В Кунсткамере с 1825 по 1862 гг. располагался Египетский музей императорской Академии наук. Он был организован в связи с покупкой коллекции египетских древностей офицера австрийской армии, дворянина из Милана Франсуа де Кастильоне (*Хартанович* 2016: 143).

Собрание Ф. де Кастильоне насчитывало более 1200 номеров предметов. Известно, что император Александр I купил из его коллекции скарабеев для императорского Эрмитажа. Предварительно собрание Ф. де Кастильоне осмотрел хранитель императорского Эрмитажа Е.Е. Кёллер. Он счёл коллекцию скарабеев единственной

группой памятников в собрании Кастильоне, которая могла бы быть принята в Эрмитаж, в Кабинет резных камней. Все прочие вещи, по мнению Кёллера, имели скорее историческую и филологическую ценность, нежели художественную. Остальная часть коллекции египетских древностей Франсуа де Кастильоне была куплена Академией наук в сентябре 1825 г. за 40 000 руб.

Итак, в Египетский музей Академии наук поступили мумии в саркофагах, статуи, барельефы, скульптурные изображения божеств, рукописи и папирусы, вазы, сосуды. В Кунсткамере уже хранились немногочисленные египетские древности.

Для Египетского музея в здании Кунсткамеры отвели два помещения на первом этаже. Стены помещений были отделаны живописной росписью по египетским мотивам. Настенная живопись сохранилась поныне.

В последующие годы поступления в Египетский музей были незначительны. Среди них выделяют дар купца I гильдии Анастаса Аверова трех мумий в декабре 1827 г. (*Материалы* 1865: 158).

21 ноября 1861 г. президенту Академии наук Д.Н. Блудову из Министерства императорского двора поступило предложение передать в Эрмитаж имеющиеся в Академии египетские древности для пополнения раздела Эрмитажа, посвященного древним культурам.

13 июня 1862 г. министр императорского двора В.Ф. Адлерберг информировал вице-президента Академии наук С.И. Давыдова о том, что император повелел имеющееся в Академии собрание египетских древностей, за исключением мумий, передать в Эрмитаж.

Из оставшихся предметов Египетского музеума, а также археологических коллекций, имевшихся при библиотеке (некоторое количество греческих ваз, предметы из обожженной глины, гипсовые слепки с различных камней) и нумизматического собрания был создан новый музей, получивший название «Музея классической археологии» (СПФ АРАН 2. Оп. 1–1861. Д. 11: 1–2). Он просуществовал до 90-х гг., а затем коллекции его были разделены между Музеем антропологии и этнографии и Эрмитажем.

По регламенту 1836 г. Этнографический Музей числился уже самостоятельным учреждением. Бюджет, фонды и штат первоначально были невелики. По данным 1848 г. в нем хранился 3101 предмет (РГИА. Оп. 142. Д. 1277) китайских коллекций – 1027, японских предметов – 116, сибирских предметов – 549, из остальной Азии – 54, грузинских – 59, американских – 714, из Полинезии – 582» (*Станюкович* 1953: 45).

Фонды Музея первоначально были искусственно обеднены, однако постепенно большая часть изъятых коллекций возвратилась: в 1857 г. Музей получает коллекции из Азиатского, а в 1883 – из Египетского музея Академии наук.

Первым хранителем Этнографического музея стал Егор Иванович Шредер, несший одновременно те же обязанности в Зоологическом Музее; вторым (с 1846 по 1865) – Леопольд Федорович Радлов. Будучи специалистом по северо-западной Америке и северо-восточной Азии, он работал в области лингвистики, написал ряд статей по тлинкитскому языку.

Первым директором стал А.М. Шёгрэн (1844 – 1855). Будучи академиком «по истории и древностям российским», он вел экспедиционную работу по обследованию ряда областей Крыма и Кавказа, русского севера и северо-запада (финской Лапландии).

Сбор археологической коллекции Кунсткамеры начался с подарка промышленника А.Н. Демидова Екатерине I находки «бугровых сибирских вещей». Петр дал распоряжение сибирскому генерал-губернатору М.П. Гагарину о розыске подобных золотых вещей для Кунсткамеры. В январе 1716 г. Гагарин прислал десять золотых вещей, а в декабре того же года – 122 предмета, которые составили основу знаменитой Сибирской коллекции Петра I. Помимо «сибирских бугровых вещей» в Кунсткамеру поступили золотые и серебряные украшения и сосуды, найденные в окрестностях Астрахани, и древности, обнаруженные в 1716–1718 гг. на восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд.

В Кунсткамеру с самого начала поступали археологические коллекции, собранные экспедициями Академии наук; археологические предметы, полученные в ходе раскопок Д.Г. Миссершмита и И.Ф. Страленберга в Южной Сибири, находки и приобретения Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина в ходе второй Сибирской экспедиции Академии наук. В 1764 г. по распоряжению Екатерины II в Кунсткамеру были переданы золотые и серебряные находки из кургана «Литая могила» от генерал-поручика А.П. Мельгунова. Это был первый скифский комплекс, известный отечественной науке. В XVIII в. были приняты и первые попытки «введения в научный оборот» древностей из собрания Кунсткамеры. В первой четверти XIX в. коллекции Кунсткамеры были разделены между несколькими академическими музеями. В составе Азиатского музея к середине столетия существовал помимо минц-кабинета и кабинет древностей, но там хранились только предметы материальной культуры, имевшие надписи, по-

скольку остальные вещи в 1857 г. были переданы в Этнографический музей. Нумизматическое собрание Азиатского музея было систематизировано его первым директором академиком Х.Д. Френем, издавшим соответствующий каталог в 1826 г.

В 1842 г. произошло событие, повлиявшее на развитие в Анатомическом кабинете собирания и изучения краниологического материала. В этом же году в дар Академии наук поступила большая (83 ед.) коллекция черепов народов материковой и островной Юго-Восточной Азии, собранная полковником Г.Й. Пейтчем, инспектором медицинских учреждений в Нидерландской Индии. Благодаря этому событию академик по кафедре зоологии К.М. Бэр возглавил анатомический кабинет Академии наук, где хранилась тератологическая коллекция и анатомические препараты, приобретенные Петром I у Ф. Рюйша (*Лукина* 1975: 89–90). Благодаря Бэру собрание краниологического материала получило систематический характер и стало основой для создания Музея антропологии и этнографии.

17 марта 1843 г. в Академию наук поступило письмо К.М. Бэра о том, что в связи с уходом Александра Загорского с места хранителя Анатомического кабинета К.М. Бэр информировал Академию о своих условиях:

«1) Чтобы эта коллекция рассматривалась и обрабатывалась как вновь образованная и как такая, которая в будущем будет расширяться, с этой целью было бы хорошо привести ее в соотношение с Зоологическим кабинетом, что нужно более подробно обсудить с коллегой Брандтом.

2) Чтобы на место теперешнего хранителя Загорского был приглашен другой хранитель с обязательством, с одной стороны заботиться о сохранении и расширении этого кабинета, с другой – оказывать мне помощь при анатомо-физиологических исследованиях. Для большей части их такая помощь совершенно необходима. Однако последнее не может быть осуществлено без взаимного доверия, поэтому я должен просить, чтобы мне было дано право внести свои предложения. До сих пор доктор Загорский получал 1300 р., из которых он отдавал 300 р. лаборанту Зоотомического музея 17 марта 1843» (СПФ АРАН 1. Оп. 1 (до 1918). Д. 29. Л. 5).

29 марта 1843 г. К.М. Бэр отмечал необходимость расширения коллекции по физической антропологии, в частности, увеличения коллекции национальных черепов. На эту задачу К.М. Бэр обратил внимание в инструкциях Коленати, Э.К. Гофману и А.Ф. Миддендорфу. Бэр считал, что коллекция будет расти медленно. Будет трудно

получать черепа народов из стран, с которыми Россия имеет слабые связи: из Африки, большей части Америки, большей части Азии. Недавно такие черепа начали отливать в гипсе и организовывать коллекции из слепков с черепов и гипсовых бюстов национальных типов. Такие собрания уже есть во многих городах Англии, Франции, Дании, Швеции. Не требует доказательств тот факт, что Россия имеет все условия для исследований и создания таких коллекций, но в России нет еще ничего подобного (СПФ АРАН 2. Оп. 1-1843. Д. 3. Л. 1-2. Ст. 95-97; Лукина 1975: 95-97).

К.М. Бэр предложил Академии основать такую коллекцию гипсовых слепков, как дополнение коллекции национальных черепов. Предлагал использовать возможность отливки гипсовых слепков черепов народов России для обмена и получения гипсовых слепков черепов других народов из-за границы, что позволило бы увеличить коллекцию при небольших расходах. Просил Академию наук выделить 400 руб. серебром в год на образование коллекции по физической антропологии и потребности анатомо-физиологических исследований.

Ставя перед российской наукой задачи по поиску и изучению памятников каменного века, Бэр считал необходимым создание специального музея древностей. Не получив поддержки, Бэр начал вместе с директором Этнографического музея А.А. Шифнером развивать идею объединения антропологических, этнографических и археологических коллекций Академии наук. В специальной записке «О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея» они доказывали, что в условиях отсутствия специального археологического музея Этнографический музей Академии наук должен заниматься сбором каменных орудий и керамики.

В это время Этнографический музей имел крайне неудобное помещение. Коллекции экспонировались частично в зале II этажа, частично в комнатах Азиатского музея, в специальных надстройках над шкафами. Комната для работы и кладовые находились в соседнем здании (в Таможенном переулке), предоставленном академическим музеям биологической группы. Здание музея не отапливалось, и зимой посетителей не пускали. Летом музей был открыт два раза в неделю с 10 до 14 часов. Билеты бесплатно выдавались в Комитете правления по субботам с 10 до 11 часов.

Экспозиция Этнографического музея 1840-1850-х гг. по своей скученности походила на склад. Она демонстрировала три вида коллекций: 1) Китайские и др. азиатские вещи из Азиатского музея» (японские, китайские и монгольские коллекции); 2) Лучшие предме-

ты этнографической коллекции, хранившиеся в бывшей Кунсткамере (египетские и сирийские и не азиатские; 3) новейшие обогащения. Предметы, поступившие после 1837 г., хранились в не распакованном виде в кладовой. Как помещение для демонстрации, так и кладовые плохо проветривались и коллекции страдали от пыли и моли. В 40–50-х гг. в кладовой находились не распакованные такие интересные вещи, как тунгусское платье от К.Т. Хлебникова, кавказские вещи из коллекции Коленатти, якутские вещи от А.Ф. Миддендорфа, оружие от М.А. Кастрена, вещи жителей северо-восточных берегов Америки от И.Г. Вознесенского, Л.А. Загоскина и М.П. Лазарева, и др. (Лукина 1975: 89–90). Как говорил первый историк музея Ф.К. Руссов, начиная с 1858 г. Музей фактически становится недоступным для широкой публики и мало доступным для научной работы.

Таким образом, в середине XIX в. сформировался ряд научных академических музеев, базой для которых являлась Кунсткамера Академии наук. В свою очередь академические музеи стали основой академических научно-исследовательских институтов – Зоологического, Ботанического, Восточных рукописей, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, основой коллекций Государственного Эрмитажа.

Источники и материалы

СПФ АРАН 1 – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 142.

СПФ АРАН 2 – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 733.

«*Projet d'une Academie asiatique*» [Проект Азиатской академии]. СПб., 1810.

Научная литература

Бертельс 1972 – Бертельс Д.Е. Азиатский музей. М.: ЛО Ин-та Востоковедения АН СССР, 1972.

Виттекер 1999 – Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

История 1958 – История Академии наук СССР. 1724–1803 / под ред. К.В. Островитянова. Т. 1. М; Л.: Наука, 1958.

История 1964 – История Академии наук СССР / под ред. К.В. Островитянова. Т. 2. М; Л.: Наука, 1964.

Летопись 2014 – Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 гг. / Авт.-сост. Хартанович М.Ф., Хартанович М.В. / Отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 740 с.

- Летопись* 2002 – *Летопись* Российской Академии наук. 1803–1860 /Отв. ред. М.Ф. Хартанович, Т. 2. СПб.: Наука, 2002.
- Лукина 1975 – Лукина Т.А. Карл Бэр и Петербургская Академия наук. Л.: Наука. 1975.
- Материалы* 1865 – *Материалы* для нового устава императорской Академии наук и состоящих при ней музеев // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., январь, 1865. Ч. СХХV.
- Станюкович 1953 – Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М; Л., 1953.
- Станюкович 1978 – Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи: (По материалам этнографических музеев Академии наук. Л.: Наука, 1978.
- Хартанович 2016 – Хартанович М.В. По следам Египетского музея Императорской Академии наук в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Кунсткамера РАН // Кунсткамера: коллекции и хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач / отв. ред. и составитель В.Н. Семенова. СПб.: МАЭ РАН, 2016 (Сборник МАЭ РАН, Т. LXII).

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

M.F. Khartanovich. 19th century Academy of Sciences Museums: through Kunstkamera to specialized research centers [Muzei Akademii nauk XIX v.: ot Kunstkamery k uzkospetsial'num nauchnum tsentram]

Key words: Academy of Sciences, museums, Kunstkamera, exposition, museum collections, Asian Museum, Egyptian Museum, Hermitage

Abstract: The article is focused on the process of new 19th century academic museums establishment on the 18th century Kunstkamera's foundation. The process of new research branches development in the form of specialized academic museums is shown basing on archive and published sources.

Author: **Margarita F. Khartanovich**, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Sankt-Petersburg, Russia), e-mail: mkhart@yandex.ru

References:

- Bertel's D.E. *Aziatskii muzei – Leningradskoe otdelenie Instituta Vostokovedeniya AN SSSR*. M., 1972.
- Vitteker Ts.Kh. *Graf Sergei Semenovich Uvarov i ego vremya*. SPb., 1999.
- Istoriya Akademii nauk SSSR. 1724–1803* / pod red. K.V. Ostrovityanova. T. 1. Nauka M; L., 1958;
- Istoriya Akademii nauk SSSR* / pod red. K.V. Ostrovityanova. T. 2. Nauka M; L., 1964.

- Letopis' Kunstkamery. 1714–1836 gg.* / Avt.-sost. M.F. Khartanovich, Khartanovich M.V. / Otv. red. N.P. Kopaneva, Yu.K. Chistov. – SPb., MAE RAN, 2014.
- Letopis' Rossijskoj Akademii nauk. 1803–1860* /Otv. red. M.F. Khartanovich, Vol.. 2. SPb., Nauka, 2002.
- Lukina T.A. *Karl Behr i Peterburgskaya Akademiya nauk*. L.: Nauka, 1975.
- Materialy dlya novogo ustava imperatorskoi Akademii nauk i sostoyashhikh pri nei muzeev. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya*. SPb., yanvar', 1865. Ch. CXXV.
- Stanyukovich T.V. *Kunstkamera Peterburgskoi Akademii nauk*. M; L., 1953.
- Stanyukovich T.V. *Ehtnograficheskaya nauka i muzei: (Po materialam ehtnograficheskikh muzeev Akademii nauk)*. L.: Nauka, 1978.
- Khartanovich M.V. Po sledam Egipetskogo muzeya Imperatorskoi Akademii nauk v sobranii Muzeya antropologii i ehtnografii im. Petra Velikogo Kunstkamera RAN. *Kunstkamera: kollektsii i khraniteli. Pamyati Zoi Leonidovny Pugach* / otv. red. i sostavitel' V.N. Semenova – SPb: MAE RAN, 2016 (Sbornik MAE RAN, Vol. LXII).
- «*Projet d'une Academie asiatique*» [Proekt Aziatskoi akademii]. SPb., 1810

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К НАРОДОВЕДЕНИЮ: СТАНОВЛЕНИЕ КЛЕМЕНЦА КАК ЭТНОГРАФА

Ключевые слова: Д.А. Клеменц, народничество, народоведение, этнография, музейное дело, история науки

Аннотация: В статье рассматривается процесс становления Д.А. Клеменца как этнографа. Еще во время участия в народническом движении он интересовался вопросами быта русского народа, а оказавшись в ссылке в Минусинске, переключил свое внимание на изучение сибирских народов. В дальнейшем он прошел путь от этнографа-любителя до фактического руководителя Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества, а затем – заведующего Этнографическим отделом Русского музея. Им была организована одна из крупнейших экспедиций в Якутию (Сибиряковская), разработаны рекомендации по освоению Центральной Азии, а также обоснована важность сохранения кочевого быта у народов Сибири. Его научные взгляды включали в себя элементы эволюционизма, диффузионизма и функционализма, что позволяло ему более широко смотреть на некоторые проблемы этнографии, а также с успехом выступать в роли организатора науки, привлекая к сотрудничеству представителей различных течений в этнографии.

Фигура Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914) стоит особняком как в истории российского освободительного движения, так и в истории российской науки. За свою достаточно долгую жизнь он прошел сложный путь – от недоучившегося студента сначала Казанского, а потом и Санкт-Петербургского университета до заведующего Этнографическим отделом центрального музея Российской империи; от борца с самодержавием до носителя четвертого чина в табеле о рангах.

Еще со времени обучения в Казанской гимназии в нем проснулся живой интерес к естественнонаучным дисципли-

Д.А. Клеменц

* Алексей Борисович Панченко – к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут), e-mail: alexeypank@rambler.ru

плинам, который в дальнейшем, пусть и не по доброй воле, воплотился в активную экспедиционную деятельность и сбор геологических, ботанических и археологических коллекций. Во время пребывания за границей по партийным делам Д.А. Клеменц успевал знакомиться с новейшими достижениями европейской науки. На протяжении всей жизни он стремился не замыкаться в узких рамках какой-то одной деятельности – партийной ли, научной или писательской – что выгодно отличало его от многих современников.

Такая неординарная личность не могла не вызвать интереса как со стороны современников, так и более поздних исследователей его деятельности. Но при этом большинство работ о Д.А. Клеменце носили односторонний характер – затрагивая либо только общественную, либо научную сферу. В двух вышедших еще в советский период монографиях, посвященных ему (*Гольдфарб* 1986; *Федорова* 1988), хоть и рассматривалась все стороны деятельности Дмитрия Александровича, но слишком сильна была роль идеологии, из-за чего научная деятельность выглядела скорее как придаток, который возник из-за невозможности участвовать в политической борьбе против самодержавия. Однако в действительности ситуация была гораздо сложнее. Хотя Д.А. Клеменц и прошел долгий путь от революционного народничества к научному народоведению, но эти стороны его деятельности всегда были нераздельными.

Еще во время обучения в Казанском университете (1867–1868) Д.А. Клеменц увлекается математикой, естественными науками и социологией. После переезда в Санкт-Петербург и зачисления на математический факультет Петербургского университета он продолжал углублять свои знания во всех этих областях. В университете же он заинтересовался историей вообще и древнейшей в частности, о чем позже говорил в беседе с М.П. Овчинниковым: «Затем стал учиться, попал в университет. Там я очень заинтересовался русской историей, много читал по этой науке, причем естественно возникала масса вопросов, на которые не давала ответа и история. Особенно меня занимало: откуда явились в Европу арийцы, как развивалось доисторическое человечество, затем, другие науки то и дело отправляли меня к археологии, напр. социология, история культуры. И я занялся археологией, которая открыла мне глаза на многие явления цивилизации. Дальше, я попал в ряды революции. Археологию пришлось временно забросить... При всем этом, я находил иногда возможность заглянуть в музеи, рассматривать археологические и этнографические коллекции» (*Овчинников* 1915).

В мае 1872 г. Д.А. Клеменц должен был держать выпускной экзамен, до которого был допущен как окончивший четырехлетний курс обучения. Однако из-за активного участия в революционной деятельности экзамен сдан не был, так что Дмитрий Александрович в итоге не получил документа о высшем образовании. В то же время полученных знаний ему в дальнейшем хватило для того, чтобы успешно осуществлять геологические, ботанические, археологические и этнографические исследования.

В 1873 г. Д.А. Клеменц принимал участие в издании «Сборника новых песен и стихов», для чего им были написаны стихотворения «Дума кузнеца», «Когда б я был царем Российским», «Тайное собрание» и «Барка» (последнее в соавторстве с С.С. Синегубом). Эти произведения были созданы в подражание народным песням, а «Барка», являющаяся переделкой бурлацкой песни «Ой, ребята, плохо дело! Наша барка на мель села!», быстро стала очень популярной и легла в основу других песен (в частности «Дубинушки»). Это свидетельствует о том, что Д.А. Клеменц уже в это время был хорошо знаком с русским фольклором, настолько, что его стихи воспринимались как народные. Н.А. Морозов, также бывший активным участником революционного движения, в своих воспоминаниях отмечал, что «такие задирательные противоправительственные песни особенно соответствовали народному вкусу и вызывали в крестьянской публике неудержимый смех. Они тотчас заучивались и разносились присутствовавшими далее по деревням. Как далеко они распространялись, было трудно даже определить» (Морозов 1961:92).

Помимо знакомства с народным творчеством, Дмитрий Александрович хорошо знал и образ жизни русских крестьян, крещеных татар и заводских рабочих, что позволяло ему довольно долго скрываться от полиции, выдавая себя за простого обывателя. По воспоминаниям других участников освободительного движения, Д.А. Клеменц умело подбирал соответствующую одежду, ловко копировал манеру поведения, да к тому же обладал внешностью, в которой сочетались черты татар, калмыков и русских, что делало его неотличимым от крестьянина или рабочего. В отличие от многих других участников «хождения в народ», Д.А. Клеменц не идеализировал крестьянский быт, а старался дать объективную оценку существующему положению, попутно отмечая некоторые этнографические особенности населения центральных губерний Российской империи. Фактически Д.А. Клеменц стремился не учить народ или учиться у народа (что было характерно для большинства «шедших в народ»), а изучать его.

В 1875–1878 гг. Д.А. Клеменц по большей части проживал за границей, где не только изучал новейшие социологические и политические теории и занимался революционной деятельностью, но и познакомился с известным французским географом Э. Реклю, являвшимся одним из основоположников антропогеографии. Безусловно, в дальнейшем взгляды Э. Реклю, в частности представления о равной способности всех народов к культурному творчеству, оказали определенное влияние на становление Д.А. Клеменца как ученого.

После возвращения в Россию в 1879 г. Д.А. Клеменц занимался редакторской работой в нелегальном журнале «Земля и воля», а также сотрудничал с рядом разрешенных изданий. В феврале 1879 г. он был арестован и после почти двухгодичного следствия выслан в Якутскую область (позже место ссылки было изменено на город Минусинск Енисейской губернии) на пять лет. Именно там и произошел перелом в деятельности Д.А. Клеменца – из активного революционера он по воле обстоятельств перешел в исследователи. При этом нельзя сказать, что этот переход был случайным. Народничество Д.А. Клеменца изначально имело в значительной мере научную окраску, а его знакомство с народным бытом, географическими и геологическими теориями определило сферу интересов во время пребывания в ссылке.

Именно в период пребывания в Минусинске Дмитрий Александрович приобрел первый опыт экспедиционной деятельности и музейной работы. В 1883–1884 гг. он принял участие в экспедициях в Верхний Абакан, организованных известным сибирским этнографом и археологом А.В. Адриановым. В ходе этой поездки, помимо археологических, геологических и ботанических исследований, Д.А. Клеменцем был описан один из субэтносов хакасов – «сагайские татары». В своем отчете для Императорского Русского географического общества (ИРГО) он писал: «Жителей улуса инородцы и русские крестят именем джарым-казактер, т.е. полуказаками и они заслуживают этого названия. Вероятно, благодаря смешению с русскими, они усвоили себе многие черты жизни последних. Все население от мала до велика говорит на 2-х языках. По-русски они говорят лучше подгородных минусинских татар. Обыкновенно у инородцев женщины не говорят по-русски, если даже и знают этот язык: это считается неприличным. <...> Обстановка жилищ у джарым-казактер чисто инородческая. Тип, очевидно, смешанный, – очень много белокурых, но приплюснутые носы и широкие скулы выдают инородческую кровь. Костюм представляет дикую смесь русского с инородческим. Женщины – и те меняют свою традиционную тунику на мещанское жен-

ское платье с гладким лифом, застегивающимся на спине на крючки, но характерный инородческий способ повязывать голову платком, завязывая концы на затылке, в общем употреблении. Этот улус единственный известный мне пример такого тесного смешения двух культур. Близость русских тут ни причем: около Минусинска и в 2-х верстах от Таштыпа я видел инородческие поселения, сохранившие в чистоте свой первобытный облик» (*Клеменц* 1892: 338–339). Тогда же Д.А. Клеменц впервые обратился к этнографии русского населения, некоторое время проведя за изучением быта заводских рабочих и работников на приисках Минусинского округа. Интерес к русским рабочим в Сибири был обусловлен народническим прошлым Дмитрия Александровича.

Однако наибольшую известность в академической среде Д.А. Клеменцу принес написанный им каталог Минусинского музея. Помимо классификации бронзовых изделий, хранящихся в музее, он мимоходом обратился и к теоретическим вопросам. Приводя собранную информацию о рунических письменах, не давая ответа на происхождение языка, на котором они были написаны, он указывал, что «1) они древнее фигурных писаниц; ...3) Сходство их с западными рунами Золотого рога, брактеатов и северными указывает на один общий источник всех этих алфавитов. Иначе пришлось бы предположить, что разные народы, на разных концах света, додумались до тождественных знаков для выражения мыслей, что совершенно невероятно» (*Клеменц* 1886:41). Здесь можно говорить, что Д. Клеменц выступает в качестве предшественника классического диффузионизма, идеи которого примерно в то же время начинает развивать немецкий географ и этнограф Ф. Ратцель. Вообще благодаря работе в Минусинском музее Д.А. Клеменц приобрел ценный опыт, который в дальнейшем позволил ему занять одно из первых мест в музейном деле Российской империи.

После окончания срока ссылки в 1886 г. Д.А. Клеменц вместе с супругой Елизаветой Николаевной*, урожденной Зверевой, переехал в Томск. Там он активно сотрудничал с «Сибирской газетой», публикуя как фельетоны и заметки на злободневные темы, так и научные и научно-популярные статьи. По всей видимости, в это время он познакомился с идеями «концентрического родиноведения», предложенными лидером сибирского областничества Г.Н. Потаниным. Сущность их заключалась в описании родины концентрическими кругами: «Пер-

* Д.А. Клеменц познакомился с Е.Н. Зверевой в 1884 г. в Минусинске. Помолвка состоялась осенью 1886 г., незадолго до переезда в Томск.

вый круг: окрестности школы; физическая география их и жизнь в них человека. Второй круг: область в физическом и социальном отношении. Третий круг – Россия» (Цит. по: *Шиловский* 2004: 121). Важное место в этой теории должны были занимать местные музеи, вокруг которых строился второй концентр. При этом необходимо существование тесной связи между региональными и центральными музеями, поскольку без нее невозможен переход на высший уровень изучения России. В дальнейшем Д.А. Клеменц неоднократно обращался к этим идеям, хотя прямо об этом никогда не упоминал.

Д.А. Клеменц был одним из организаторов Томской этнографической выставки, состоявшейся в 1887 г. Выставка продемонстрировала рост интереса к этнографии в регионах, а также показала возможность проведения подобных мероприятий силами исключительно местного сообщества, без привлечения деятелей науки. В дальнейшем тема развития региональной науки силами любителей стала одной из центральных в публицистике Д.А. Клеменца.

Томский период деятельности Д.А. Клеменца ознаменовался несколькими археологическими и географическими экспедициями. Но в ходе их он старался значительное время уделять и этнографическим исследованиям. В ходе экспедиции 1888 г. он собрал информацию о кизыльцах, на основании которой им был сделан вывод, что они представляют собой дальнейшую стадию в переходе от кочевого к оседлому образу жизни по сравнению с качинцами и сагайцами (этнографические группы хакасов). Относительно карагасов Д.А. Клеменц писал, что они являются одними из самых бедных сибирских инородцев, живущих исключительно звероловством, не знающих ни скотоводства, ни земледелия. Несмотря на то, что они говорят на тюркском языке, у них сохранились остатки и какого-то иного наречия, вероятно, самодийского. Сам народ карагасов представляет собой смешанный антропологический тип, образовавшийся в результате смешения как с русскими, так и с тюркскими народами (*Клеменц* 1889).

В современной этнографии вместо этнонима «карагасы» используется «тофалары». Вопрос об их происхождении окончательно не решен, однако наиболее распространенной версией является та, согласно которой тофалары вместе с алтайцами, хакасами, тувинцами и шорцами являются коренным населением Саяно-Алтайской историко-этнографической области. Считается, что эти народы близки по происхождению, культуре и этнической истории, их языки входят в восточно-хуннскую ветвь тюркских языков (*Традиционное* 1989).

После переезда в Иркутск в 1890 г. в область интересов Д.А. Клеменца как этнографа попали народы Забайкалья, в частности буряты, продолжил он изучать и народы Урянхайского края (Тывы). На первом заседании Восточно-Сибирского отделения ИРГО (ВСОИРГО), где он присутствовал после переезда, 27 или 25 февраля 1890 г. Д.А. Клеменц выступил с докладом о сойотах. «Докладчик, следуя мнению А. Кастрена, усматривает в сойотах или урянхайцах угро-самоедское и отчасти енисейско-остяцкое племя, которое под влиянием тюркских народностей забыло свой родной язык и ныне говорит наречием тюркского языка. Помимо тюркского влияния невозм[ожно] отрицать примеси и других народностей, в особенности монгольской. Затем докладчик сообщил о разделении урянхайцев на хашуны и сумо, причем остановился подробнее на хашунах, заселяющих долину Кемчика и нижнего Умрема, так как о них имеются менее полные сведения в литературе» (*ГАИО*. Оп. 1. ОЦ. Д. 8. Л. 21). Дополнительные сведения о сойотах можно извлечь из пересказа этого доклада на страницах «Восточного обозрения»: «Выдающиеся их черты: крайняя восприимчивость, живость темперамента, чрезмерное любопытство; полная свобода в половых отношениях, совершенное отсутствие ревности, наличие гостеприимной проституции, своеобразные понятия о честности и бесчестности, религиозный индифферентизм. Сойоты-шаманисты занимаются скотоводством, звероловством, а отчасти и земледелием в самой примитивной его форме» (*Восточное* 1890).

Д.А. Клеменцем также были высказаны несколько соображений по поводу предполагаемого изучения бурят, среди которых самым серьезным можно считать утверждение о необходимости создания Бурятского комитета, который должен будет координировать усилия многочисленных исследователей. Кроме того, он отмечал желательность стационарного изучения бурят, когда исследователь будет длительное время проживать среди изучаемого народа, что даст ему возможность гораздо ближе познакомиться с мелочами и расположить к себе местное население.

Несмотря на то, что сам Дмитрий Александрович крайне скептически оценивал свои возможности в деле изучения бурят (незнакомство с языком и обычаями), летом 1890 г. он отправился в экспедицию в Забайкалье, вернувшись из которой сделал доклад о свадебных обычаях этого народа.

Помимо активного участия в полевых этнографических исследованиях, он сыграл значительную роль как организатор изучения Восточной Сибири (в том числе и в этнографическом отношении) на посту

правителя дел ВСОИРГО. Например, на одном из заседаний Отдела Д.А. Клеменцем был прочитан доклад «О диких людях Челюгдех», ставший реакцией на статью известного московского археолога, антрополога и этнографа Д.Н. Анучина, представляющей разбор древнерусского сказания «О человецах неизвестных в восточной стране». В завершении доклада им было сделано важное методологическое замечание: «изучение преданий о фантастических людях, в связи со столь реальными фактами, как археологические находки орудий каменного, бронзового и железного веков, могут составить единственный верный и ценный метод для создания “доисторической” истории человечества. До сих пор археология вращалась только в узкой сравнительной сфере – и ее стремлением было создание картины жизни исчезнувших племен. Но пора и ей выйти из этой сферы и подняться до общей задачи науки о человеке – до создания полного учения об эволюции первобытных обществ, их развитии и упадке, их образовании и трансформации» (*Восточное* 1891). Фактически он говорил о необходимости создания комплексной науки о человеке, включающей достижения археологии и этнографии, истории и социологии и т.д. Такая позиция ставила его в один ряд с выдающимся отечественным ученым Д.Н. Анучиным, автором известной триады – археология, антропология и этнография – как подлинное народоведение.

В Иркутске Д.А. Клеменц продолжил заниматься музейной деятельностью, причем и как собиратель коллекций, и как экскурсовод, и как администратор и теоретик. В деле пополнения коллекций музея Д.А. Клеменц обращал внимание не только на традиционные археологические или этнографические экспонаты, но и на те, которые были новым явлением в мировом музейном деле – на фотографии. Важность фотографии как средства популяризации информации, причем наиболее наглядного, была осознана Д.А. Клеменцем в то время, когда происходило становление нового подхода к визуальному народоведению. В последующие десятилетия фотография становится очень популярной, а открытки с фотографическими видами распространяются в широких массах.

В октябре 1892 г. Д.А. Клеменцем была прочитана публичная лекция в Кяхте о значении местных музеев в деле изучения страны. Особо отметив, что музеи в регионах выполняют одновременно просветительские, научные и досуговые функции, он выделил несколько принципов, руководствуясь которыми Н.М. Мартыанов смог всего за несколько лет на пустом месте создать крупнейший региональный музей в Минусинске: использовать каждого человека, могущего оказать помощь; стремление оказывать научную и организационную помощь

всем, кто за ней обратится; отношение к собранным коллекциям не как к своей собственности, а как к всеобщему научному достоянию; стремление собирать все коллекции, какие только возможно (*Клеменц* 1892а). Он обратил особое внимание на необходимость создания музея в Кяхте и Троицкосавске, поскольку эти города расположены на границе с Китаем, а потому могут предоставить ценную информацию для продвижения российского влияния на эту территорию.

Вообще региональные музеи для Д.А. Клеменца представлялись как первичное звено в деле комплексного народоведческого изучения России. В дальнейшем он развил эти идеи в цикле статей «К развитию научной деятельности в Сибири», опубликованных в «Восточном обозрении» в 1894–1895 гг. Общий посыл этих заметок – необходимо создать единый координационный центр по изучению как Сибири, так и России в целом. Должна быть создана сеть из местных музеев, региональных отделений ИРГО и прочих научных обществ, которая позволит охватить широкий круг проблем – от геологических и минералогических до этнографических и археологических. В дальнейшем, уже после отъезда из Сибири, он попытался реализовать свои идеи в рамках работы сначала в Музее антропологии и этнографии (МАЭ), а затем и Этнографическом отделе Русского музея (ЭО РМ).

Незадолго до того, как Д.А. Клеменц покинул пост правителя дел ВСОИРГО, он принял участие в организации одной из крупнейших этнографических экспедиций в Якутскую область на деньги известного промышленника и мецената Иннокентия Михайловича Сибирякова. Помимо незаурядных организаторских способностей, проявившихся в получении разрешения от губернских властей на участие в экспедиции ссыльнопоселенцев и в улаживании конфликтов между самими ее участниками, Д.А. Клеменц показал блестящее владение методологией проведения этнографических исследований. На предварительных совещаниях перед началом экспедиции он предложил свою программу по изучению быта якутов. В программу Д.А. Клеменца входили следующие пункты: быт частный и семейный (рождение ребенка, свадьба и брачные отношения, жилище и дом, пища и напитки, занятия мужчин и женщин, скотоводство, рыболовство и звероловство), увеселения и развлечения, общественные собрания, суд, администрация, верования и фольклор (ГАИО. Оп. 1. Д. 803. Л. 33–42). При этом программа, предложенная Д.А. Клеменцем, стала единственной, к которой не было предложено поправок со стороны остальных участников совещания.

Организацией Сибиряковской экспедиции, к которой были привлечены ссыльные, проживавшие в Якутской области, Д.А. Клеменц

фактически спас для науки В.И. Иохельсона и В.Г. Богораз, которые очень тяжело переживали вынужденное бездействие на месте своего поселения. Но для самого Дмитрия Александровича в решении привлечь к этнографическому изучению края ссыльных не было ничего экстраординарного – он всегда стремился рационально использовать все силы для организации народоведческих исследований.

Переезд Д.А. Клеменца в Санкт-Петербург и поступление на службу в МАЭ в 1897 г. (фактически в МАЭ он был принят раньше – в 1896 г., но этот год он провел в командировке по Монголии) открыли перед ним широкие возможности для научной и музейной деятельности. Объем работы по регистрации коллекций МАЭ был настолько огромным, что помимо двух штатных хранителей этим занимались и многие другие исследователи, привлеченные на основах «вольного найма» за небольшое вознаграждение. С начала 1898 г. в штат на некоторое время были приняты В.И. Иохельсон, обрабатывавший привезенные им материалы по северо-восточной Сибири, а также антрополог Н.М. Могилянский, ставший на долгие годы одним из ближайших сотрудников Д.А. Клеменца.

В 1897–1898 гг. Д.А. Клеменц принимал участие в нескольких экспедициях по Сибири и Центральной Азии с целью сбора коллекций. Благодаря стараниям руководителя музея В.В. Радлова и остальных сотрудников, количество экспонатов стремительно увеличивалось. Расширение масштабов деятельности МАЭ привело к тому, что В.В. Радлов обратился в Академию Наук с просьбой увеличить штат и ввести должность старшего этнографа, на которую он просил принять Д.А. Клеменца с 1 января 1899 г. В силу бюрократических проволочек, а также того факта, что Дмитрий Александрович не имел законченного высшего образования, это дело затянулось на целый год, в течение которого Д.А. Клеменц считался исполняющим должность старшего этнографа.

Помимо практической деятельности, Дмитрий Александрович в это время продолжает осмысливать и теорию музейного дела. Наличие собственного взгляда на организацию этнографического изучения и формирование музейных коллекций стало одной из причин последовавшего затем разрыва между Д.А. Клеменцем и В.В. Радловым в 1901–1902 гг. Так, Д.А. Клеменц написал в предисловии к первому выпуску «Сборника Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии Наук», который был составлен его коллегой Ф.К. Руссовым, следующие слова: «Мы имеем уже весьма ценные собрания по отечественной этнографии, как в столичных и местных

музеях, так и в частных руках... Но объединение всех подобных материалов при одном учреждении – задача будущего Центрального Русского музея. Потребность в подобном учреждении сознается уже всеми образованными людьми» (Клеменц 1900: VIII). А далее должна была следовать фраза, вычеркнутая из текста В.В. Радловым: «Можно только пожелать одного – чтобы коллекции нашего музея так или иначе вошли в это учреждение; так как без них в музее будет отсутствовать наглядная история русской этнографии и те уникалы из прошлого, которые составляют незаменимое пособие, для изучения которых в настоящее время и достать невозможно» (Цит. по: Решетов 1998: 83).

Также Д.А. Клеменц стал действительным членом Русского антропологического общества (РАО), созданного в 1884 г. (реально начало функционировать с 1888 г.) при Петербургском университете. Изначально его задачей было изучение антропологии инородческого населения империи, антропологические особенности славянского населения интересовали РАО гораздо меньше. С декабря 1899 г. во главе РАО встал приват-доцент Петербургского университета Д.А. Коропчевский, а его секретарем стал Д.А. Клеменц; в его состав вошли и некоторые бывшие народники – В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг и другие. С этого времени РАО начало переориентироваться от изучения антропологии инородцев к антропогеографии, в чем была заслуга и Дмитрия Александровича. Значительную часть своих экспедиций Д.А. Клеменц посвятил изучению быта русских рабочих на золотых приисках, а потому был прекрасно осведомлен об антропологии русских. Кроме того, в ходе Сибиряковской экспедиции, к которой Дмитрий Александрович имел прямое отношение, был установлен факт взаимовлияния русских и якутов, что способствовало пересмотру задач российской антропологии.

1901 год стал последним для Д.А. Клеменца в МАЭ. Вплоть до лета Дмитрий Александрович продолжал заниматься организацией деятельности музея, регистрировал коллекции и проводил экскурсии. С июня по август он вновь был командирован в Европу, где не только изучал музейный опыт, но и налаживал связи с музеями Германии, Австрии и Швейцарии, в том числе для участия в Парижской выставке. Казалось, что его деятельность в МАЭ протекала без каких-либо трудностей, и ничто не предвещало его скорого ухода оттуда, причем с достаточно острым конфликтом с В.В. Радловым. Причиной этого стало участие Дмитрия Александровича в совещаниях по организации ЭО РМ, прошедших зимой-весной этого года.

Дискуссиям вокруг создания ЭО РМ и месту в них Д.А. Клеменца посвящено немало специальных работ (Баранов 2012; Грус-

ман, Дмитриев 2012; Дубов 1998; Конаков 1968; Могиланский 1911; Шангина 1998). Однако в них в полной мере не отражены мотивы, которыми он руководствовался, принимая участие в становлении нового музея. Для Дмитрия Александровича была очевидной необходимость создания центрального этнографического музея Российской империи, вокруг которого смогут объединиться все разрозненные региональные музеи. Только при существовании тесных связей между центральным и местными музеями будет возможным комплексное изучение России по принципам «концентрического родоноведения».

Одним из важнейших вопросов, возникших при организации ЭО РМ, было определение сферы его интересов, по поводу которой существовало четыре мнения: общая этнография с преобладанием этнографии Российской империи; этнография только Российской империи; этнография Российской империи и сопредельных стран; этнография Российской империи и этнография славян (Могиланский 1911: 476–477). Дмитрий Александрович выступил за соединение третьего и четвертого вариантов, что логично вытекало из его представления о роли музеев в народоведении.

В дальнейшем проявились дипломатические таланты Д.А. Клеменца – он смог заручиться поддержкой управляющего РМ Велико-го Князя Георгия Михайловича (выступавшего за второй вариант), что обеспечило ему успех в дальнейших действиях. Возможно, ему удалось привлечь высокого покровителя своими геополитическими идеями – изучением пограничных народов (в том числе и славянских) ради использования их в качестве агентов влияния на сопредельные территории. Как бы то ни было, ЭО РМ был создан как музей этнографии России, сопредельных стран и славян.

Однако самым важным в научном плане было стремление представить в музее не только предметы старины или наиболее экзотические элементы культуры, но и те, которые отражали современный быт русского населения страны. Это было по-настоящему новаторское предложение, если исходить из того, что среди большинства ученых этнография в это время понималась как история первобытной культуры. На этом фоне стремление представить в музее именно народы, а не культуры, причем народы на современном этапе их развития, в том числе не относящиеся к первобытным, выглядело небывалым новшеством. Такой подход потребовал принципиально иного способа систематизации экспонируемых объектов. Именно поэтому Д.А. Клеменцем впервые была предложена классификация, в дальнейшем получившая развитие в советской этнографии под именем теории хозяй-

ственно-культурных типов. Им было выделено пять зон в пределах Российской империи: тундра с преобладанием охотничьего хозяйства; умеренная зона с земледелием; лесостепная зона как переходная от кочевого скотоводства к земледелию; степь с кочевым скотоводством; южные районы с земледелием (*Федорова* 1988: 126). Но в силу того, что предложение Д.А. Клеменца было слишком непривычным для участников совещания, эта точка зрения не была принята и экспозиция была выстроена по географическому признаку.

Стремление представить в ЭО РМ не только «первобытные народы», но и «культурные», резко провело грань между ним и МАЭ. В академическом музее отбор материалов для экспонирования происходил по принципу их важности для выстраивания единой линии эволюции культуры, поэтому культура небольшого народа, находящегося на низкой ступени развития, могла быть представлена гораздо полнее, чем крупного и более развитого. В ЭО РМ предполагалось уделять большее место экспонатам крупнейшего народа (русских, включавших в себя великороссов, малороссов и белорусов), показывая тем самым его влияние на остальные народы империи (*Станюкович* 1978: 139–140).

Вообще вопрос о месте русского народа в экспозициях музея стал камнем преткновения для участников дискуссии. При построении экспозиций по этническому (неразрывно с которым стояли расовый и лингвистический) принципу, русская культура оказывалась в явно проигрышном положении, поскольку возникало впечатление «что русских мало, а инородцев много» (Цит. по: *Баранов* 2010: 30). Если же следовать только географическому принципу, то русский народ оказывается распределенным по всему музею, а поскольку элементы его культуры выглядят «непрезентабельно», уступал бы в яркости культуре большинства инородцев.

Д.А. Клеменц выступал против обеих точек зрения, предлагая соединять этнический и географический принцип через построение экспозиции по хозяйственным зонам. После того, как его предложение было отвергнуто, он предложил выделить для русского народа (именно народа, а не культуры) самый большой зал и особое внимание уделить подбору экспонатов для него. Это было сделано для того, чтобы показать колонизаторские способности русских: «Все это разнообразное разноязычное, разноеверное население состоит из русских подданных. Это одно достаточно доказывает силу России и значение господствующего племени. Лучше показать влияние русских на местное население. Лучше показывать хорошие вещи русских, тщательно подбирать их» (Цит. по: *Баранов* 2010: 30).

По итогам совещаний Д.А. Клеменцу было предложено занять пост заведующего ЭО РМ, на что он, после некоторого колебания, согласился. В ходе своей деятельности на этой должности он внес важную поправку в существовавшие прежде принципы собирания материала, предложив отбирать и те экспонаты, в которых проявляется инородческое влияние на русских. Так, в письме председателю правления Камчатского торгово-промышленного общества А.А. Прозорову он писал: «Нас интересуют не одни инородцы, но также и русское население – рабочее или крестьянское. Оно представляет по вещам и костюмам полную смесь инородческого, американского и русского... В ряде русских коллекций других местностей, которые мы тщательно собираем, русские на крайнем Северо-востоке были бы очень интересны» (АРЭМ. Л. 3 об.). Такая позиция была обусловлена представлением Д.А. Клеменца о нелинейности процесса развития, когда невозможно точно установить, какое явление стоит выше на эволюционной лестнице. В этом же письме важно упоминание о русских рабочих, поскольку прежде в качестве объекта этнографического изучения и экспонирования рассматривались исключительно крестьяне, скотоводы, охотники и рыболовы.

Характеризуя научные взгляды Д.А. Клеменца, исследователи чаще всего называют его эволюционистом (Дубов 1998: 116; Федорова 1988: 111–115), что верно только отчасти. Действительно, он разделял господствовавшие в то время представления о прогрессивной направленности человеческого развития, но делал существенную оговорку по поводу нелинейности этого процесса. Лучше всего это было изложено в работе «Заметки о кочевом быте» (впервые вышедшей в 1903 г. и переизданной в 1908 г.) (Клеменц 1908). В противовес распространенной в то время схеме эволюции хозяйства «охота – кочевое скотоводство – земледелие» Д.А. Клеменц писал о нелинейном характере этого процесса. Указывая на охоту как на древнейшую форму, далее он говорил о том, что кочевое скотоводство возникло либо позже земледелия, либо вместо него в тех районах, где земледелие было невозможным. Первоначальным очагом скотоводства он считал Среднюю Азию, откуда оно затем распространилось в другие регионы. Это роднило его с представителями диффузионистского направления в этнографии.

Исходя из нелинейности развития, он отрицал прогрессивность земледелия относительно скотоводства, говоря, что именно благодаря последнему человечеству удалось освоить районы, слабо пригодные для жизни – сухие степи, пустыни и тундру. Также кочевничество дало толчок для развития культуры и стало причиной быстрого вытеснения

матриархата патриархатом. Соответственно, бессмысленно стремиться к переводу кочевников на оседлый образ жизни и приучению их к земледелию, поскольку скотоводство является не менее важной отраслью хозяйства, обеспечивая потребности всей России в мясе, шерсти и тягловом скоте, а также позволяет расширить пространство Ойкумены. Кроме того, в кочевниках-бурятах он видел возможных проводников русского влияния в прилежащие районы – Монголию и Северный Китай.

В статье «Беглые заметки о желтой опасности» (1905 г.) он затронул сразу несколько принципиальных вопросов этнологии, в числе которых критика расизма и происхождение первобытной культуры. Он постарался развенчать существующие в российском и европейском сознании мифы о врожденной агрессивности восточных народов. Кроме того, он указал на отсутствие единства Востока, отметив существование серьезных различий даже между близкими по культуре японцами и китайцами, не говоря об остальных народах. Выступая против колониализма, основанного на превосходстве арийской расы над остальными, он писал, что не существует врожденных способностей к прогрессу, а мыслительные процессы определяются не формой или размером черепа. Из этого он делал важный вывод, что «арийское происхождение нашей культуры следует считать не только не доказанным, но и прямо-таки вопиющей нелепостью. Культуру нашу надобно считать с того периода, когда из примата выделился человек» (*Клеменц* 1905: 45). Таким образом, культура создана не одной какой-то расой, а является плодом трудов всего человечества, все важнейшие достижения – речь, огонь и т.д. – были сделаны независимо в разных частях земного шара. Здесь он, напротив, противостоял теории диффузионизма, особенно ее наиболее радикальным вариантам (панегиптизму или панвавилонизму).

Также о нелинейности эволюционного процесса он писал в предисловии к переводу труда немецкого этнографа Г. Шурца «История первобытной культуры» (*Клеменц* 1907) и многочисленных редакторских примечаниях. Он разделял представления Г. Шурца о существовании в первобытности деления по половым и возрастным группам, помимо семей, родов, и союзов родов. Каждая такая группа имеет свои права и обязанности, а принадлежность к ним меняется по мере достижения человеком определенного возраста (РГАЛИ: Л. 10 об.). Важной частью научных взглядов Д.А. Клеменца было отрицание деления человечества на «высшие» и «низшие» расы, что определяло и его взгляды на принципы представленности народов на музейных экспозициях.

Заметно, что Д.А. Клеменц старался соединить элементы эволюционного подхода с диффузионизмом, причем его эволюционизм был гораздо ближе не к современному ему направлению (линейному эволюционизму), а к тому, который возник спустя полвека после его смерти – неозволюционизму, основополагающим принципом которого было представление о нелинейности процесса развития человечества.

После выхода в отставку с поста заведующего ЭО РМ Д.А. Клеменц переехал в Москву и практически оставил занятия научной деятельностью. Единственным научным сочинением, опубликованным в это время, стала совместная с М.Н. Хангаловым статья «Общественные охоты у северных бурят» (*Клеменц, Хангалов* 1910). Эта работа стала итогом многолетнего изучения Дмитрием Александровичем бурят, начатого еще в 1890–1891 гг. Опираясь как на собственные данные, так и на материалы, предоставленные ему М.Н. Хангаловым, Д.А. Клеменц описал обряды, связанные с совместной охотой, которые уже начали исчезать из-за перехода бурят к скотоводству и земледелию.

Последние годы жизни он тяжело болел, но, тем не менее, нашел в себе силы написать воспоминания, которые были опубликованы еще при жизни. Его кончина, последовавшая в день похорон супруги Елизаветы Николаевны, вызвала массу откликов среди всех людей, с которыми он сталкивался на протяжении жизни – от соратников по партии до сотрудников по Этнографическому Отделу Русского Музея. Уже только это позволяет говорить о Д.А. Клеменце как одной из знаковых фигур в общественно-политической и научной жизни России второй половины XIX – начала XX вв. Пройдя путь от народника-революционера до ученого и администратора, Дмитрий Александрович никогда не отказывался от своих убеждений. Более того, народничество стало первой ступенью в формировании интереса к научному народоведению, позволив Д.А. Клеменцу раскрыться как одному из выдающихся российских этнографов.

Источники и материалы

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 328.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 293.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 263.

В географическом обществе // Восточное обозрение. 1890. № 10. 4 марта.

В географическом обществе // Восточное обозрение. 1891. № 13. 24 марта.

Научная литература

- Гольдфарб* 1986 – *Гольдфарб С.И.* Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.
- Грусман, Дмитриев* 2012 – *Грусман В.М., Дмитриев В.А.* Этнографический отдел Русского музея и концепция национального музея // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 1. С. 10–27.
- Баранов* 2010 – *Баранов Д.А.* Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26–43.
- Баранов* 2012 – *Баранов Д.А.* К истории классификаций в Этнографическом отделе Русского музея («великорусы», «русские», «иностранцы») // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 1. С. 28–37.
- Дубов* 1998 – *Дубов И.В.* У истоков Российского этнографического музея (К 150-летию со дня рождения Дмитрия Александровича Клеменца) // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 112–121.
- Клеменц* 1886 – *Клеменц Д.А.* Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Изд. Ин. Кузнецова, 1886.
- Клеменц* 1889 – *Клеменц Д.А.* Предварительные сведения об экскурсии Д.А. Клеменца в Ачинский и Канский округа // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1889. Т. XX. № 1. С. 43–69.
- Клеменц* 1892 – *Клеменц Д.А.* К вопросу о взаимодействии русского и инородческого населения в восточной России. Обрусение западно-сибирских инородцев // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1892. Том X. Вып. 2. С. 338–339.
- Клеменц* 1892а – *Клеменц Д.А.* Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник: (Приложение к «Восточному обозрению»). 1892. Вып. 2. С. 1–35.
- Клеменц* 1900 – *Клеменц Д.А.* Предисловие // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 1. С. I–VIII.
- Клеменц* 1905 – *Клеменц Д.* Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7. С. 36–56.
- Клеменц* 1907 – *Клеменц Д.* Предисловие к русскому изданию // Шурц Г. История первобытной культуры. СПб.: Тип. Т-ва «Просвещение», 1907. С. VII–XIV.
- Клеменц* 1908 – *Клеменц Д.А.* Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 7–57.
- Клеменц, Хангалов* 1910 – *Клеменц Д.А., Хангалов М.Н.* Общественные охоты у северных бурят (зэгэтэ-аба – охота на росомах) // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 117–154.

- Конаков 1968 – Конаков А.П. Д.А. Клеменц – основатель Этнографического отдела Русского музея // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1968. Т. 94. С. 45–61.
- Могилянский 1911 – Могилянский Н.М. Русские этнографические музеи и собрания. II Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // Живая старина. 1911. Кн. 4. С. 473–498.
- Морозов 1961 – Морозов Н.А. Повести моей жизни. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1.
- Овчинников 1915 – Овчинников М. Из моих встреч с Д.А. Клеменцем // Сибирский архив. 1915. № 11. С. 499.
- Решетов 1998 – Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб.: Изд-во «Лань», 1998. С. 59–94.
- Станюкович 1978 – Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев академии наук). Л.: Наука, 1978.
- Традиционное 1989 – Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1989.
- Федорова 1988 – Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988.
- Шангина 1998 – Шангина И.И. Д.А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб.: Изд-во «Лань», 1998. С. 95–110.
- Шиловский 2004 – Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: биографический очерк. Новосибирск: ИД «Сова», 2004.

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

Alexey B. Panchenko From narodnik movement to narodovedenie: D.A. Klements' formation as ethnographer [Ot narodnichestva k narodovedeniyu: stanovlenie D.A. Klementsа kak etnografa]

Keywords: D.A. Klements, *narodnik* movement, ethnology, ethnography, museum business, science history

Abstract: In the article a process of D.A. Klements formation as an ethnographer is considered. Even during the participation in the *narodnik* movement he was interested in questions of Russian people way of life and, being in exile in Minusinsk, he turned his attention to the study of the Siberian people. He has gone from an amateur

ethnographer to the actual head of the East-Siberian branch of the Imperial Russian geographical society, and later on to the chief of Ethnographic department of the Russian museum in Sankt-Petersburg. D.A. Klements organized the largest expedition to Yakutia (Sibiryakovskaya), sponsored by gold miner I.M. Sibiryakov, developed the recommendations on the practical policy in Central Asia, and also substantiated the importance of preservation of a nomadic life among local peoples of Siberia. D.A. Klements was a supporter of creation of the central ethnographic museum, which would allow to unite all regional museums in uniform network, that would allow to conduct a complex research of Russia. His scientific views included elements of evolutionism, diffusionism and functionalism that allowed him to look more widely at some problems of the ethnography, and also successfully act as an organizer of science, attracting to cooperation scholars with different political and scientific approaches. For D.A. Klements the *narodnik* movement became the first step in his formation as a professional ethnographer.

Author: **Alexey B. Panchenko**, assistant professor of the Surgut state pedagogical university (Surgut, Russia), e-mail: alexeypank@rambler.ru

References

- Gol'dfarb S.I. D.A. Klements – *revoliutsioner, uchenyi, publitsist*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1986.
- Grusman V.M., Dmitriev V.A. Etnograficheskii otdel Russkogo muzeia i kontseptsiiia natsional'nogo muzeia. *Muzei. Traditsii. Etnichnost'*. 2012, no 1, pp. 10–27.
- Baranov D.A. Etnograficheskii muzei i "ratsionalizatsiia sistemy". *Etnograficheskoe obozrenie*. 2010, no 4, pp. 26–43.
- Baranov D.A. K istorii klassifikatsii v Etnograficheskom otdel Russkogo muzeia ("velikorusy", "russkie", "inorodtsy"). *Muzei. Traditsii. Etnichnost'*. 2012, no 1, pp. 28–37.
- Dubov I.V. U istokov Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia Dmitriia Aleksandrovicha Klementsa). *Etnograficheskoe obozrenie*. 1998, no 6, pp. 112–121.
- Fedorova V.I. *Revoliutsionnyi narodnik, uchenyi i prosvetitel' D.A. Klements*. Krasnoiarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 1988.
- Klements D.A. *Drevnosti Minusinskogo muzeia. Pamiatniki metallicheskhikh epokh*. Tomsk: Izd. In. Kuznetsova, 1886.
- Klements D.A. Predvaritel'nye svedeniia ob ekskursii D.A. Klementsa v Achinskii i Kanskii okruga. *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1889, vol. XX, no 1, pp. 43–69.
- Klements D.A. K voprosu o vzaimodeistvii russkogo i inorodcheskogo naseleniia v vostochnoi Rossii. Obrusenie zapadno-sibirskikh inorodtsev. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete*. 1892, vol. X, no. 2, pp. 338–339.

- Klements D.A. Mestnye muzei i ikh znachenie v provintsial'noi zhizni // *Sibirskii sbornik: (Prilozhenie k "Vostochnomu obozreniiu")*. 1892, no. 2, pp. 1–35.
- Klements D.A. Predislovie. *Sbornik Muzeia po antropologii i etnografii pri Imperatorskoi Akademii nauk*. St. Petersburg, 1900, vol. 1, no. 1, pp. I–VIII.
- Klements D. Beglye zametki o zheltoi opasnosti. *Russkoe bogatstvo*. 1905. no 7, pp. 36–56.
- Klements D. Predislovie k russkomu izdaniuu. Shurts G. *Istoriia pervobytnoi kul'tury*. St. Petersburg: Tip. T-va "Prosveshchenie", 1907, pp. VII–XIV.
- Klements D.A. Zametki o kochevom byte. *Sibirskie voprosy*. 1908, no 49–52, pp. 7–57.
- Klements D.A., Khangalov M.N. Obshchestvennye okhoty u severnykh buriat (zegete-aba – okhota na rosomakh). *Materialy po etnografii Rossii*. St. Petersburg, 1910, vol. 1, pp. 117–154.
- Konakov A.P. D.A. Klements – osnovatel' Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia. *Trudy instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia*. 1968, vol. 94, pp. 45–61.
- Mogilianskii N.M. Russkie etnograficheskie muzei i sobraniia. II Etnograficheskii otdel Russkogo muzeia Imperatora Aleksandra III. *Zhivaia starina*. 1911, no. 4, pp. 473–498.
- Morozov N.A. *Povesti moei zhizni*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961, vol. 1.
- Ovchinnikov M. Iz moikh vstrech s D.A. Klementsem. *Sibirskii arkhiv*. 1915, no. 11, pp. 499.
- Reshetov A.M. D.A. Klements i Muzei antropologii i etnografii Imperatorskoi Akademii nauk. *Pigmalion muzeinogo dela v Rossii (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Klements)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Lan", 1998, pp. 59–94.
- Staniukovich T.V. *Etnograficheskaiia nauka i muzei (po materialam etnograficheskikh muzeev akademii nauk)*. Leningrad: Nauka, 1978.
- Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri: Chelovek. Obshchestvo /* E.L. L'vova, I.V. Oktiabr'skaia, A.M. Sagalaev, M.S. Usmanova. Novosibirsk: Nauka, 1989.
- Shangina I.I. D.A. Klements i Etnograficheskii otdel Russkogo muzeia Imperatora Aleksandra III. *Pigmalion muzeinogo dela v Rossii (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Klements)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Lan", 1998, pp. 95–110.
- Shilovskii M.V. "Polneishaia samootverzhennaiia predannost' nauke". G.N. Potanin: *biograficheskii ocherk*. Novosibirsk: ID "Sova", 2004.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ: САВВА ВАСИЛЬЕВИЧ КОКИЕВ

Ключевые слова: история этнографического осетиноведения, Савва Васильевич Кокиев, этнография, семейные обряды, религиозные верования, осетины, Всеволод Федорович Миллер

Аннотация: Статья посвящена деятельности С.В. Кокиева в области этнографического осетиноведения. Рассмотрено его творческое сотрудничество с выдающимся русским ученым В.Ф. Миллером по изучению языка, этнографии и фольклора осетин. Показан вклад С.В. Кокиева в подготовку «Осетинско-русско-немецкого словаря» В.Ф. Миллера (составление осетинско-русского глоссария, создание авторского коллектива и координация его работы по сбору словарного материала). Описана двухнедельная научная экспедиция В.Ф. Миллера в Осетию летом 1880 г. с целью сбора фольклорного материала для первой части его книги «Осетинские этюды». Отмечена помощь С.В. Кокиева в качестве сопровождающего экспедицию, в поиске информантов, хорошо знавших устное народное творчество, в производстве записей на новом для ученого дигорском диалекте и т.д. Особый акцент сделан на включение фольклорных и этнографических материалов С.В. Кокиева в книгу В.Ф. Миллера «Осетинские этюды». Рассмотрена информация С.В. Кокиева по общественному и семейному быту осетин, данная М.М. Ковалевскому в ходе научной экспедиции 1883 г. Акцентируется внимание на ценных материалах С.В. Кокиева по обычному праву, семейной общине, системе родства и терминах, обозначающих различные степени родства у осетин. Указано на использование полевых материалов С.В. Кокиева и его статьи «Записки о быте осетин» в фундаментальном труде М.М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон». Проанализирована статья С.В. Кокиева «Записки о быте осетин», опубликованная в 1885 г. в первом выпуске «Сборника материалов по этнографии, издаваемом при Дашковском этнографическом музее». Рассмотрены статьи С.В. Кокиева «Калым у осетин» и «Похоронные обряды у осетин», опубликованные в газете «Терские ведомости». Показано содействие С.В. Кокиева В.Ф. Миллеру в сборе материалов по грамматике осетинского языка, ономастике у осетин и других народов Северного Кавказа. В статье широко использованы письма С.В. Кокиева к В.Ф. Миллеру. Сделан вывод о значительном вкладе С.В. Кокиева в этнографическое осетиноведение.

* Лариса Казбековна Гостиева – к.и.н., старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (г. Владикавказ), e-mail: lagost@mail.ru

Савва (Саукуй) Васильевич Кокиев родился в 1840-х гг. в с. Садон Алагирского ущелья. Точная дата его рождения не известна. В 1852 г. семья Кокиевых переселилась в новообразованное с. Вольно-Христиановское (ныне г. Дигора). Савва начал свое обучение в школе, которую в 1856 г. открыл на свои средства священник Иоанн Мревлов. 25 ноября 1858 г. его перевели в алагирскую двухклассную церковно-приходскую школу, срок обучения в которой был четыре года. Здесь Савва проживал в пансионе и содержался на средства Осетинской духовной комиссии. В сентябре 1861 г. С. Кокиева в числе 16-ти учеников перевели во Владикавказское духовное училище.

В 1866 г. С. Кокиев поступил в только что открытую в предместье г. Тифлиса, в Навтлуге, Александровскую учительскую школу. В учительской школе, как и в духовном училище, он обучался на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе. В учебно-воспитательном отношении школа находилась в ведении Главного инспектора учебных заведений на Кавказе и за Кавказом, а с 1868 г. – в ведении Попечителя Кавказского учебного округа. Школа была открыта с целью подготовки и выпуска учителей начальных училищ и была обязана направлять выпускаемых учителей в школы Общества. Срок обучения в школе был три года. В 1869 г. С.В. Кокиев окончил Александровскую учительскую школу со званием учителя народных училищ.

В августе 1869 г. он начал работать учителем подготовительного класса Владикавказского первого реального училища, в котором проработал более 20 лет. В 1891 г. С.В. Кокиева вынудили подать в отставку. Его отставка была связана с закрытием с 5 января 1891 г. Владикавказской Ольгинской женской школы. Трехклассное училище с пансионом, преобразованное в 1866 г. из осетинской женской школы, открытой протоиереем А. Колиевым 10 мая 1862 г. носило имя Великой княгини Ольги Федоровны, жены наместника Кавказа. Учебное заведение пользовалось большой популярностью у осетин. Однако администрация Терской области, считавшая, что расходы на женскую школу слишком обременительны, с каждым годом сокращала число воспитанниц. Совет «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» решил закрыть школу или перевести ее в Закавказье.

Осетинская интеллигенция была глубоко обеспокоена вестью о закрытии Ольгинской женской школы. Было решено обратиться с прошением к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. В квартире священника А. Цаликова Коста Хетагуров написал текст прошения, который содержал протест против закрытия жен-

ского просветительского учреждения и просьбу о возобновлении его деятельности. Прошение подписали 16 представителей осетинской интеллигенции, в том числе и С.В. Кокиев.

В прошении подчеркивалось, что женская школа, успешно действовавшая в Осетии в течение двадцати шести лет, сыграла большую роль в народном образовании женщин. Аналогичное прошение было направлено Великой княгине Ольге Федоровне.

Борьба осетинской интеллигенции за существование Ольгинской женской школы продолжалась до середины 1891 г. В итоге школе удалось отстоять, решение о ее закрытии было отменено. Школа была переименована во Владикавказский Ольгинский женский приют. Однако все лица, подписавшие прошение против закрытия школы, подверглись различного рода наказаниям.

Местные власти расценили подписание С.В. Кокиевым прошения как «протест и демонстрацию против существующего строя». Начальник Терской области генерал Каханов настоял на административной высылке С.В. Кокиева из Терской области, как неблагонадежного в политическом отношении. В письме к В.Ф. Миллеру от 28 августа 1891 г. С.В. Кокиев подробно описал ситуацию, сложившуюся в связи с борьбой за женскую школу и просил его совета и поддержки (*Калоев* 1963: 109–112). В этом же письме С.В. Кокиев спрашивал В.Ф. Миллера о его предложении стать постоянным корреспондентом московских этнографических изданий, сделанным ему в 1885 г. Тогда С.В. Кокиев не смог принять этого предложения: «Вы когда-то предлагали мне принять звание корреспондента, обещая при этом свое содействие. Тогда я уклонился от этого дела по неимению времени, а главное — потому, что нам, преподавателям, строго воспрещено циркуляром участие в периодич[еских] изданиях...» (*Калоев* 1963: 111).

С.В. Кокиев был выслан в г. Ташкент, где работал в Управлении Оренбургско-Ташкентской железной дороги. После революции 1905 г. С.В. Кокиев переехал в г. Ревель, где служил на вагоно-строительном заводе. В 1910 г. он скончался в г. Ревеле. Тело С.В. Кокиева было перевезено в г. Владикавказ и похоронено на городском кладбище. Могила его не сохранилась.

Большой интерес представляет научное наследие С.В. Кокиева, который был одним из основных помощников выдающегося русского ученого В.Ф. Миллера в процессе этнографического изучения осетин. К своей исследовательской работе об осетинах В.Ф. Миллер активно привлекал представителей светской и церковной интеллигенции. В.Ф. Миллер находился в многолетней переписке со многими

учителями-осетинами, в том числе и с С.В. Кокиевым. Дружеские отношения, сложившиеся у В.Ф. Миллера с учителями и другими представителями осетинской интеллигенции, также способствовали плодотворности их этнографических изысканий.

При первом приезде в Осетию летом 1879 г. В.Ф. Миллер познакомился с С.В. Кокиевым, которому поручил составить русско-осетинский глоссарий для осетинско-русско-немецкого словаря. На V Археологическом Съезде, проходившем в Тифлисе (8–21 сентября 1881 г.), В.Ф. Миллер официально поставил вопрос о необходимости составления осетинского словаря.

С.В. Кокиев подготовил русско-осетинский глоссарий (декабрь 1880 г.) и сформировал авторский коллектив. В письме к редактору газеты «Терек» от 3 июля 1883 г. (№78) В.Ф. Миллер перечислил фамилии авторского коллектива (Толпаров, Дигуров, Ибрагим и Индрис Шанаевы, Туаев, Кокиев, Туккаев и священники: Цаликов и Дзампаев) и указал на то, что «каждый из них взял на себя по несколько букв из моего собрания с целью восполнить их незанесенными мною словами» (*Миллер* 1927: IV).

В.Ф. Миллер в статье «Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года» писал: «Во Владикавказе мне удалось привлечь образованных осетин к участию в составлении осетинско-русского словаря. Привезенный мною рукописный словарь, заключающий 2800 слов, на карточках, начал быстро пополняться, благодаря энергии, с которой взялись за это дело сами осетины» (*Миллер* 1884–1885: 203).

Сбор материала для словаря координировал С.В. Кокиев, который потом передавал его В.Ф. Миллеру. В дальнейшем для работы над словарем были созданы две группы – иронская и дигорская, первую из которых возглавлял Цоцко Амбалов, вторую – Инал Собиев.

К сожалению, при жизни В.Ф. Миллера словарь не был издан. После смерти ученого в 1913 г. словарь в количестве свыше 8000 слов остался в рукописи на карточках и поступил вместе с библиотекой В.Ф. Миллера в Азиатский музей Академии наук. В 20-е гг. XX в. словарь был значительно доработан и расширен при участии В.И. Абаева, Гр.А. Дзагурова, Ц.Б. Амбалова, М.К. Гарданова и многих других исследователей. В 1927–1934 гг. три тома осетинско-русско-немецкого словаря В.Ф. Миллера под редакцией А.А. Фреймана были изданы Академией наук СССР. Отмечая научную значимость этого издания, В.И. Абаев в конце 40-х годов XX в. писал, что «словарь В. Миллера –

основной и незаменимый справочник по осетинской лексике» (Абаев 1948: 23).

С.В. Кокиев сопровождал В.Ф. Миллера в его второй двухнедельной научной экспедиции в Осетию летом 1880 г. В.Ф. Миллер писал: «В этой поездке сопровождал нас природный дигорец, учитель в реальном Владикавказском училище г. Кокиев...» (Миллер 1881: 4).

В.Ф. Миллер ставил своей целью сбор лингвистического, этнографического и фольклорного материалов. Во время этой поездки ученый впервые лично познакомился с дигорским диалектом осетинского языка.

Маршрут экспедиции начался в г. Владикавказе. На армянском базаре В.Ф. Миллер и С.В. Кокиев купили бурку, переметную сумку для перевозки багажа верхом, башлык, провиант и отправились в Алагирское ущелье. По предложению С.В. Кокиева, в с. Салугардан решено было остановиться в доме его родственника, священника А. Гатуева. Только благодаря родственным отношениям С.В. Кокиев смог войти в дом священника, который в это время отсутствовал. Как известно, посещение мужчиной чьего-либо дома в отсутствие хозяина считалось у осетин крайне неприличным.

Хозяйкой дома гостям для ночлега была предложена гостиная с европейской мебелью. Для В.Ф. Миллера это был первый случай ночевки под осетинским кровом. В доме священника А. Гатуева Миллер впервые познакомился с обычаями осетинского гостеприимства и этикета. Когда для гостей вечером был накрыт стол, то Кокиев предложил хозяйке дома удалиться, чтобы не вызывать чувства неловкости у ученого, поскольку по этикету женщинам полагалось стоять в присутствии мужчин.

В.Ф. Миллер впервые испытал на себе обычай, по которому перед сном гостю полагалось обязательно снять сапоги. Первоначально этот обряд его шокировал, но за несколько дней ночевки в осетинском доме он к нему привык и старался не задерживать хозяев его исполнить. Миллер писал: «Чтобы не задерживать рано лежащих спать осетин, мы, бывало, пораньше подвергнемся обряду и затем, когда сапогосниматель удалится, снова наденем сапоги» (Миллер 2007: 340).

Из Алагира В.Ф. Миллер и С.В. Кокиев отправились по Военно-Осетинской дороге до Садона. По дороге В.Ф. Миллер записывал свои впечатления о поселениях, жилищах и землепользовании осетин. В поездке С.В. Кокиев не упускал ни одной возможности, чтобы В.Ф. Миллер узнавал как можно больше о традиционной культуре осетин. В.Ф. Миллер отмечал, что когда они остановились переку-

силь в трактире, «мой спутник, заметив в духане фандыр – двухструнную скрипку – стал водить по ней смычком, издавая жалкие звуки, и спрашивал проезжих осетин, нет ли между ними фандыриста. Такового, однако ж, не оказалось» (Миллер 2007: 342).

В с. Нижний Садон В.Ф. Миллер и С.В. Кокиев остались на ночь. Вечером В.Ф. Миллер записал от старика-садонца «Сказание о Даредзанах» (Миллер 1881: 147–149). Проехав Верхний Садон, экспедиция перебралась через Згидский перевал в сторону Дигорского ущелья и остановилась в с. Камунта, одном из древнейших селений Дигории.

В поездке Савва Васильевич выполнял также такую важную задачу, как поиск информаторов, хорошо знающих устное народное творчество. Стремясь установить доверительные отношения со стариками Камунты, он обстоятельно объяснял им на осетинском языке цель поездки ученого в Осетию. В.Ф. Миллер писал по этому поводу: «Начались расспросы о цели нашего приезда; мой спутник, как природный осетин, знакомый с нравами и обычаями, старался всячески растолковать эту совершенно непонятную им цель, но по-видимому, безуспешно. У них, как мы заметили, сложилось убеждение, что мы путешествуем неспроста, не для того, чтобы слушать побасенки, а с какою-то тайною целью, тщательно скрываемою под пустыми предлогами» (Миллер 2007: 347).

Тем не менее, сбор материала в Камунте происходил очень продуктивно. В.Ф. Миллер записал несколько преданий: «Предание о бадиятах», «Предание об осаде Галиаты Сахом», «Предание о ногайцах, живших некогда в Дигории», «Рассказ о Дигор-Кабане» (Миллер 2007: 140, 141–142, 152–154).

От Григория Дзилихова В.Ф. Миллер записал «Предание о поселении дигорцев в Камунте» (Миллер 2007: 138), от одного из потомков 132-летнего База Дзилихова – «Предание о грузинской короне» (Миллер 1881: 141). Ученый записал несколько сказок: от Бимболата Бозирова – сказку «Человек, волк и лисица» (Миллер 1881: 82–83), от Иналука Дзилихова – «Сказку о балкарском и кабардинском охотниках» (Миллер 1881: 150–152). Им также была записана «Сказка об Алыппе» (Миллер 1881: 154–156).

В поездке В.Ф. Миллер уделял внимание и археологическим памятникам. Вместе с С.В. Кокиевым он осмотрел известный могильник у с. Камунта и приобрел у местных жителей несколько предметов из могильников с. Камунта и с. Галиат.

Пробыв в Камунте два дня, экспедиция направилась в сторону с. Стур-Дигора, по пути побывав в сс. Галиат, Уакац, Махческ. В

с. Уакац В.Ф. Миллер внимательно осмотрел надмогильные памятники. В долине Уруха у с. Нар В.Ф. Миллер и С.В. Кокиев побывали на могиле, которую местные жители приписывали нарттовскому герою Сослану. Поздним вечером, миновав сс. Моска и Одола, они прибыли в с. Стур-Дигора, в котором остановились на ночлег в доме местного священника Шио Схиртладзе.

Ученый записал от Баде Гобеева «Предание о великанах», «Предание о Хамицаевых», «Предание об Уаскерги». От Айдарука Цопанти им были записаны нарттовские сказания: «Из сказаний о Сослане», «Из сказаний о Батразе» (Миллер 1881: 145–147); предание «О крымском хане и приходе русских» (Миллер 1881: 143); от Биаслана Хамицаева – «Предание рода Хамицаевых» (Миллер 1881: 143–144)

При работе В.Ф. Миллера с информантами С.В. Кокиев помогал ученому производить записи на новом для ученого дигорском диалекте. В.Ф. Миллер писал: «Мой спутник, г. К[окиев], которого предки выселились из Дигории на плоскость и который мог, хотя и не без труда, понимать дигорский диалект, повторял мне медленно слова стариков, и на бумаге они становились несколько понятнее, хотя нередко встречались слова, совершенно неизвестные в тагаурском... Благодаря г. К[окиеву], мне все-таки удалось записать отчетливо довольно много текстов, по которым можно судить о характере дигорского наречия» (Миллер 2007: 361).

На другой день В.Ф. Миллер и С.В. Кокиев отправились в обратный путь по старому маршруту в Садон и в Алагирское ущелье. Переночевав в канцелярии с. Махческ, они отправились в с. Галиат, где приняли участие в похоронах умершего от дифтерита мальчика, младшего сына галиатского старика, с которым ранее познакомились. В.Ф. Миллер писал впоследствии о том, как они выражали соболезнование: «Мы спешили: я остался в кругу мужчин, а г. К[окиев] вошел в кунацкую, чтобы повидать старика. В комнату, где лежал покойник, и он, как не родственник, не решался войти» (Миллер 2007: 365).

После ночевки в Садоне В.Ф. Миллер и С.В. Кокиев по дороге проезжали мимо древней нузальской церкви и крепости напротив с. Нузал. Далее они направились в святилище Реком, где в этот день проходило ежегодное празднество. В.Ф. Миллеру удалось даже попасть внутрь святилища. Позже он составил довольно полное описание святилища Реком и совершавшегося в честь него праздника (Миллер 2007: 370–375).

Сразу же после возвращения во Владикавказ Всеволод Федорович написал статью «В горах Осетии», которая основывалась на

его дневниковых записях, сделанных в экспедиции. На следующий год статья была опубликована в журнале «Русская мысль» (Миллер 2007: 335–376).

Во второй научной экспедиции в Осетию В.Ф. Миллер собрал богатый фольклорный материал, который был им опубликован в первом выпуске «Осетинских этюдов».

В 1881 г. В.Ф. Миллер издал первую часть своих знаменитых «Осетинских этюдов», в которую вошли «Сказания о нартах», «Сказки, местные предания и песни», «Местные предания и сказки, записанные по-русски».

В первом разделе «Сказания о нартах» В.Ф. Миллер опубликовал «Сказание о Ростоме и Безане», которое записал в Алагире. Это сказание напомнило ему известный эпизод Шах-наме – убийство Зораба его отцом Рустэмом. Зная о варианте сказания о Ростоме, записанном С.В. Кокиевым, В.Ф. Миллер во введении к первой части «Осетинских этюдов» писал: «В одном варианте сказания о Ростоме, записанное г. Кокиевым в Беслане, как я знаю из письма ко мне г. Кокиева, про Ростом, между прочим говорится, что он «амардта Туранти алдари» – т.е. убил властителя туранцев. Это подтверждает наше предположение о связи Ростом с персидским. Впрочем к осетинам иранское, быть может, перешло через посредство грузин» (Миллер 1881: 13).

В третьем разделе «Местные предания и сказки, записанные по-русски» ученый поместил еще один вариант сказания о Ростоме («Сказание о Дарезановых»), записанное в Садоне.

Во втором разделе «Сказки, местные предания и песни» Миллер опубликовал текст песни «Сагъæстæ» («Думки») (Миллер 1881: 12). С.В. Кокиев помогал В.Ф. Миллеру разбирать список стихотворения. При разборе С.В. Кокиеву пришлось даже реконструировать одну из строк стихотворения, заключив ее в скобки: («Мæ зæрдæ нæ уромв ацв **vu**») (Мое сердце не выносит этой печали). В.Ф. Миллер в примечаниях отмечал: «Этого стиха не было в списке г. Т. Он добавлен г. Кокиевым, чтобы дополнить строфу» (Миллер 1881: 101–107).

Изучая историю создания стихотворения «Сагъæстæ» («Думки»), Б.А. Алборов в своей работе «Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсуров» установил, что его создателем являлся не Мусса Кундухов, а его племянник Темирболат Мамсуров. В 1926 г. Б.А. Алборов записал один из вариантов песни от 62-летнего Магомета Саламова из с. Христиановского. При этом информатор сообщил ему, что «передал записанный им тогда текст

«Сагъæстæ» вместе с дигорскими пословицами приехавшему в Христианское село вместе со студентом-осетином Габуди Туккаевым и М. Ковалевским профессору Вс. Ф. Миллеру» (*Миллер* 1881: 132).

По мнению Б.А. Алборова, «стихотворение это компилятивное, сводное из стихотворения, принадлежащего перу Т. Мамсурова, народных стихов по поводу переселения, и стихов, составленных М. Кундуховым или о М. Кундухове. Обработал ли стихотворение в одно целое Т. Мамсуров или певцы, участники Дунайской кампании сами объединили в Стамбуле части различных песен, трудно сказать, пока мы не получим из Турции подлинного текста стихотворения «Sahæstæ» Т. Мамсурова» (*Алборов* 2005: 187).

В.Ф. Миллер записал стихотворение «Сагъæстæ» в с. Христиановском от Магомета Саламова, который в свое время записал его от нескольких участников Дунайской войны. Считалось, что песня написана Муссой Кундуховым, однако на самом деле ее создателем являлся его племянник Темирболат Мамсуров.

В том же разделе В.Ф. Миллер поместил «Бæхфæлдесун» («Посвящение коня»), записанное по-дигорски от С.В. Кокиева. Г.А. Кокиев отмечал: «Этот замечательный памятник, являющийся, кстати, в записи Кокиева наиболее полным и лучшим, был использован Миллером в его осетинских текстах» (*Алборов* 2005: 187).

Отмечая помощь С.В. Кокиева при работе над первым разделом «Сказания о нартах», В.Ф. Миллер писал в предисловии к книге: «Мы нашли нелишним снабдить осетинские тексты ударениями и для этой цели, не всегда доверяя своему слуху, перечли наши тексты два раза, первый раз в Владикавказе вместе с г. Кокиевым, второй раз в Москве вместе со студентом Петровско-земледельческой Академии дигорцем г. Туккаевым» (*Миллер* 1881: 4). В.Ф. Миллер писал о С.В. Кокиеве: «... его содействию мы обязаны отчетливым воспроизведением в транскрипции дигорских текстов, которые в нашем собрании впервые являются в печати» (*Миллер* 1881: 4).

В конце предисловия В.Ф. Миллер отмечал: «В заключение считаем приятным долгом принести нашу искреннюю благодарность гг. Кокиеву и Туккаеву за живое участие, которое они принимали в нашей работе. С.В. Кокиев взял на себя труд составить русско-осетинский глоссарий и доставил нам его из Владикавказа в декабре 1880 г. С.А. Туккаев помогал нам в занятиях в Москве в течение зимы и лета текущего года и доставил два дигорских текста в наше собрание. Оба были нам полезны при объяснении отдельных слов и расстановки ударений» (*Миллер* 1881: 4).

В.Ф. Миллер пользовался материалами С.В. Кокиева и в своей работе «Религиозные верования осетин», ставшей седьмой главой второй части «Осетинских этюдов». В начале работы В.Ф. Миллер отметил, что «источниками сообщаемых ниже сведений о верованиях осетин служат: статья г. Гатиева, природного осетина, «Суеверия и предрассудки у осетин», помещенная в «Сборнике сведений о Кавказских горцах», рукописная записка священника Гатуева о дигорских дзуарах и некоторые сведения, собранные нами на месте или сообщенные нам г. Туккаевым и Кокиевым» (Миллер 1881: 5).

Таким образом, С.В. Кокиев оказал существенную помощь В.Ф. Миллеру при написании им «Осетинских этюдов».

Летом 1883 г. В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский совершили экспедицию в горские общества Кабарды и в Осетию. Первая часть экспедиции, которую сопровождал Сафарали Урусбиев, проходила на территории современной Кабардино-Балкарии, в основном в горных обществах Балкарии.

Вторая часть экспедиции В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского проходила в Осетии (во Владикавказе, Ново-Христиановском, Алагире и Ардоне). Эту часть экспедиции сопровождал С.В. Кокиев. Целью поездки в Осетию для В.Ф. Миллера было изучение южно-осетинского говора и составление осетинско-русского словаря, а для М.М. Ковалевского – сбор материалов по обычному праву горцев.

В 1979 г. видный этнограф-кавказовед Б.А. Калоев в приложении к книге «М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа» впервые опубликовал «Полевые записи М.М. Ковалевского в Северной Осетии и Балкарии» (Калоев 1979: 157–176). Во втором разделе приложения «Осетины» были размещены «Показания Саввы Васильевича Кокиева, уроженца Терской области». Информация С.В. Кокиева содержала большой материал по общественному и семейному быту, обычному праву осетин.

С.В. Кокиев сообщил М.М. Ковалевскому, что в 1877 г. он выступал в качестве одного из третейских судей в деле о споре между царгасатами и крестьянами за владение выгонным местом Харес. Он изложил ученому подробности этого давнего конфликта.

С.В. Кокиев дал обстоятельную информацию М.М. Ковалевскому об одном из случаев примирения кровников в одном из плоскостных сел Осетии, в котором непосредственно принимал участие. В 1875 г. он был приглашен стороной убийцы вместе с девятью другими лицами, чтобы выпросить прощение у пострадавшей стороны.

Савва Васильевич описал семейную общину осетин. В качестве примера он взял семейную общину своей матери, насчитывающей в 1860–1863 гг. около 30 человек. Главой семейной общины был отец – «хицау», хозяйством распоряжалась его жена – «афсин». С.В. Кокиев подробно описал права и обязанности членов семьи.

Для большой семьи было характерно общее владение движимым и недвижимым имуществом и общее потребление производимого ее членами дохода. Личный заработок (жалованье священника или учителя) передавался в общую семейную кассу. Важным моментом, отмеченным С.В. Кокиевым, было появление личной собственности: «Пряжа составляла частную собственность пряжи» (Калоев 1979: 164). М.М. Ковалевский считал, что появление личной собственности у отдельных членов семьи было одним из факторов раздела большой семьи (Ковалевский 1886: 103).

Большое внимание С.В. Кокиев уделил разделу большой семьи, порядку распределения имущества, из которого выделяли доли для старшего и младшего братьев. Он указал на то, что раздел имущества производился при помощи выборных лиц.

С.В. Кокиев акцентировал внимание читателей на брачном праве осетин, взаимоотношениях родителей и детей, правах отца по отношению к детям от законной жены и от *номылус*. Он указал на размер калыма за невесту, доходящего до 100 руб., и выплачиваемого чаще предметами, а не деньгами. Он отметил и другую форму брака – путем похищения, или умыкания невесты. По его данным, «случаи похищения невесты женихом встречаются редко» (Калоев 1979: 165).

С.В. Кокиев познакомил М.М. Ковалевского с системой родства, которая была одной из малоизученных проблем этнографии осетин. Он сообщил ему термины, которые обозначали различные степени родства. Савва Васильевич остановился на обычаях избегания, которые проявлялись в том, что после свадьбы дочь и зять не могли появляться в доме тестя. Для дочери запрет прекращался с момента рождения ребенка. Он отметил появление завещательных распоряжений, которые, правда, встречались у осетин редко.

Полевой материал Саввы Васильевича Кокиева был широко использован М.М. Ковалевским в его фундаментальном труде – книге «Современный обычай и древний и закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (Ковалевский 1886).

В 1881 г. С. Кокиев опубликовал в газете «Терские ведомости» очерк «Сел. Христиановское. Путевые заметки» (Кокиев 1881). В

своем очерке он кратко описал трудовую жизнь крестьян в селении Христиановском, указав на ее трудности. Одной из причин относительного благополучия жителей селения он считал развитие ремесла, отметил трудолюбие дигорцев. По его сведениям, у жителей селения ощущалась острая нехватка земли: в селении проживало 700 дворов, а земельных наделов было всего 360. Жители вынуждены были нанимать земли под пастьбу, пахоту, сенокос в соседних станицах, на что уходило от 30 до 40 тыс. в год. Кокиев также писал о тесноте и неудобстве местной школы, в которой училось 60 учащихся, но еще 160 детей оставались за бортом. Он сетовал на медленные темпы строительства школьного здания, возводимого в центре селения.

В 1885 г. в I выпуске редактируемого В.Ф. Миллером серийного издания «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее» была издана статья С.В. Кокиева «Записки о быте осетин» (Кокиев 1885). Статья была написана по подробной программе для собирания этнографических данных, подготовленной В.Ф. Миллером.

До опубликования своей статьи «Записки о быте осетин» С.В. Кокиев послал ее В.Ф. Миллеру, который одобрил ее и дал некоторые советы по ее окончательному литературному оформлению. В письме В.Ф. Миллеру от 15 ноября 1884 г. С.В. Кокиев писал: «Премного благодарен Вам, Всеволод Федорович, за лестный отзыв относительно моей статьи, а в особенности за советы Ваши, которыми я не премину воспользоваться, как только разделаюсь от своих дел, что будет скоро, до нового года» (НА СОИГСИ. Л. 12). После доработки С.В. Кокиев направил статью В.Ф. Миллеру, который вскоре ее опубликовал.

В статье рассматривалась материальная и духовная культура равнинных осетин.

С.В. Кокиев подробно описал жилища осетин в нагорной полосе и на плоскости. В зависимости от способа постройки он выделил различные типы осетинского жилища. Наиболее древними жилищами горцев Савва Васильевич считал «галуаны», которые включали в себя дом-крепость, хозяйственные постройки и башню. Он подчеркнул высокое значение, придаваемое осетинам своему жилищу, подробно рассмотрел многочисленные религиозные верования осетин, связанные с жилищем, заметив, что «всякое оскорбление жилища словом или действием как-то подбрасывание дохлых животных, собак, кошек или совершение в нем какого-либо неприличного действия — наказывается наравне с кровомщением» (Кокиев 1885: 67–68).

С.В. Кокиев писал, что одним из главных начал общественной и семейной жизни осетин было уважение к старшим.

Он отметил, что в традиционном быту осетин высокий статус имели надочажная цепь и *фынг* – трехногий деревянный круглый столик для еды. Относительно надочажной цепи он писал: «В числе орудий первое место занимает, по своему высокому религиозному значению, цепь (рæхыс). Она – основание всей домашней жизни, и оскорбление ее считается наравне с убийством. ...Тот не очаг, не дом, где нет цепи, которая постоянно висит над очагом и служит для приготовления пищи. Всякое прикосновение к ней домашних без надобности, даже невинных детей, считается величайшим святотатством. Жертвенное животное непременно перед закланием должно коснуться ее, чтобы быть приятным Богу. Следовательно, она – посредник между человеком и небом» (Кокиев 1885: 80–81).

Широко употреблявшийся в осетинском быту до недавнего времени трехногий круглый деревянный столик – *фынг*, предназначавшийся для принятия пищи, имел и сакральные функции, связанные как с отношением осетин к пище, так и к самому *фынгу*. С.В. Кокиев отмечал, что всё, касающееся приготовления и приема пищи, было чрезвычайно важным и даже торжественным. Он отмечал, что осетин никогда не приступал к пище, пока не воздаст должной благодарности Богу и святым, «таким образом, перед пищей и после нее совершается как бы целое богослужение с большою торжественностью и со строгим подразделением всех этих божественных сил по иерархическим степеням» (Кокиев 1885: 95). Он писал, что «несмотря на такое уважение к пище, осетин относительно ее отличается необыкновенной умеренностью, воздержанием и выносливостью. Неумеренность и обжорство считается большим пороком. Малейший намек на страдания голода считается высшим бесстыдством, бессовестностью, почему осетин действительно стоически может переносить голод, не заявляя никому никогда об этом» (Кокиев 1885: 96).

По поводу святости *фынга* у осетин С.В. Кокиев отмечал: «Второе место по своему значению в домашней утвари занимает *фынг* (столик). ... В его глазах играет важную роль *фынг*, который его постоянно кормит: на нем ему подается пища. Это – небольшой, круглый точеный столик на трех ножках; он его чтит в высшей степени: при еде, безусловно, воспрещаются всякие непристойные разговоры и действия, оскорбления *фынга* хозяин никому не прощает; его именем проклинает, а также божится. Ничто остальное в домашнем

обиходе осетина не имеет уже того таинственного, религиозного значения, как цепь и стол» (Кокиев 1885: 81).

Современные исследователи выявили связи *фынга* с культовой практикой. Так, О.А. Габуева писала, что *фынг* в погребально-поминальной обрядности осетин использовался в качестве «жертвы» и в таком случае назывался *нывондаг* – предмет, жертвваемый и посвящаемый покойному. По полевым данным О.А. Габуевой, *фынг* специально приобретали или заказывали к дню «Новогодних годовых поминок» («Ног азы афæдзы хист»). После тризны *фынг* посвящался покойному и считался его собственностью, его не могли ни отдать, ни продать (Габуева 1977: 89–90). В.С. Уарзиати считал осетинский *фынг* предметом глубоко архаичным, восходящим функционально к жертвенникам, генетически к индоевропейской традиции. Он писал, что понятие *фынг* в сознании осетин сопровождается почтительным отношением, граничащим со святостью (Уарзиати 1987: 107–108).

Савва Васильевич рассмотрел в своей статье традиционную одежду осетин. Народная мужская одежда осетин состояла из рубахи, штанов, бешмета, черкески, папахи, самодельной обуви, а также из шубы, бурки и башлыка. Верхней мужской одеждой была черкеска, которую шили из местного домотканого сукна. Одним из элементов осетинской одежды был бешмет, который имел стеганный воротник-стойку. Бешмет застегивался слева направо на металлические крючки, либо на шнурковые пуговицы и петли. Неизменной принадлежностью мужского костюма был пояс из кожи, на котором носили кинжал.

Теплой верхней одеждой служила шуба, шившаяся из овчины. Осетины носили сыромятные шубы, поскольку способ дубления кожи им был неизвестен. Иногда шубу покрывали домотканым сукном или покупной тканью. Пожилые зажиточные мужчины носили овчинные тулупы. Традиционной верхней накидной одеждой осетин была бурка – войлочный плащ с подкроенными и сшитыми плечами и вырезом для шеи. Бурка защищала мужчину от дождя, холода и жары, служила и постелью.

С.В. Кокиев кратко остановился и на женской одежде, которая, по его мнению, «по своему покрою ничем существенно не отличается от мужской, кроме большей длины и более яркого цвета» (Кокиев 1885: 90–91).

Были рассмотрены также виды осетинской обуви. Осетины носили обувь с высокими ноговицами из домашнего сукна или кожи. Ноговицы начинались от подъема ноги и заканчивались выше колена, под коленами укреплялись войлочными или кожаными подвязками или

ремешками. Наиболее распространенным видом обуви Кокиев считал чувяки из домашнего сукна или сафьяна. Подошву вырезали из прокопченной воловьей или буйволиной кожи. Кокиев отмечал, что чувяки не отличались особой прочностью, легко промокали. Наибольшее внимание он уделил зимней обуви со сплетенной из ремней подошвой. Ее делали из цельного куска шкуры домашних животных, наполняли мягкой сухой травой и надевали на босу ногу. По мнению автора, эта обувь была чрезвычайно прочной.

Ученый осветил музыкальное творчество осетин и описал некоторые музыкальные инструменты. Известный осетинский композитор и глубокий исследователь традиционной музыкальной культуры осетин Ф.Ш. Алборов отмечал, что статья С.В. Кокиева содержала ценные сведения об осетинском музыкальном творчестве. В своей книге «Музыкальная культура осетин» Алборов привел отрывок из статьи Кокиева, из которого «видно не только особое отношение и любовь осетин к искусству пения, но и довольно четкая жанровая дифференциация их песенного фольклора» (Алборов 2004: 9).

Алборов обратил внимание читателей на то, что Кокиев описал в статье существующий обычай осетинского застолья, который свидетельствовал не только о богатстве музыкальной культуры осетин, но и о глубоком знании народом своего песенного творчества. Он указал на то, что в работе Кокиева отмечены некоторые осетинские традиционные музыкальные инструменты: двухструнная скрипка *хъисын-фæндыр*, пастушья свирель *уадындз* и арфа *дыуадзæстæнон*. Алборов отметил, что уже в 1885 г. автор статьи выражал тревогу по поводу того, что «теперь все музыкальные инструменты почти изгнаны из употребления гармоникой, которая сильно распространяется...» (Кокиев 1885: 87). По мнению Алборова, статья Кокиева «явилась, таким образом, едва ли не первой работой осетинского автора, более или менее обстоятельно осветившей некоторые стороны музыкального быта и творчества осетин» (Алборов 2004: 10).

Кокиев в своей работе уделил также внимание народной медицине.

Статья Саввы Васильевича Кокиева «Записки о быте осетин» была широко использована М.М. Ковалевским в его труде «Современный обычай и древний и закон» (Ковалевский 1886). Во второй главе I тома «Религиозные верования и общественное устройство осетин» М.М. Ковалевский ссылаясь на статью С.В. Кокиева при освещении численного состава большой семьи у осетин, описания

жилища и обрядов, связанных с жертвенным приношением огнем (Ковалевский 1886: 68, 76, 79).

В 1887 г. Кокиев опубликовал в газете «Терские ведомости» статью «Калым у осетин» (Кокиев 1887). В своей статье он рассмотрел обычай взимания калыма у осетин как фактор, способствующий распространению воровства. Ученый отметил, что размеры калыма в нарушение общественного приговора 1881 г., который установил максимальный размер калыма в сумме 100 руб., подскочили до 500–1000 руб. Кокиев осуждал родителей, которые устраивали рыночный торг своими дочерьми, увеличивая калым. По его мнению, необходимость выплаты высокого калыма приводило женихов к воровству, мести и другим преступлениям.

Кокиев был убежден, что «с какой бы стороны не посмотреть, а современный характер калыма для Осетии есть величайшее зло и в экономическом и нравственном отношении, такое грандиозное зло, которое грозит развиться до того, что в самом продолжительном времени разорит дотла народное хозяйство, если не принять против него своевременных мер» (Кокиев 1887). Он призвал вмешаться в этот вопрос и администрацию Терской области, установив более строгий контроль над нарушителями приговора 1881 г.

Кокиев призвал передовую часть народа и интеллигенцию Осетии собраться в ближайшее время для обсуждения этой насущной проблемы. Он предлагал даже поставить вопрос о полной отмене калыма, тем более, что такие примеры уже были в лице покойных Татарии Саламова и Хатахцо Ходова, которые выдали своих дочерей без всяких калымов.

В 1901 г. С.В. Кокиев опубликовал в трех номерах газеты «Терские ведомости» статью «Похоронные обряды у осетин» (Кокиев 1901. № 20, 23, 26). Статья посвящена похоронным обрядам осетин-мусульман. В начале своей статьи ее автор подчеркнул, что среди обычаев осетин он видит как положительные, так и отрицательные обычаи. По его мнению, подлежат уничтожению такие обычаи, как поминки, кровомщение и другие. Такие же обычаи, как почтительность младших к старшим, посещение больных, участие к горю близкого, призрение бедняков и сирот автор приветствовал.

Кокиев подробно остановился на обычае посещения больного родственниками, соседями, односельчанами и даже жителями других селений. В случае, если больной человек был одинок, то сверстники и друзья брали на себя заботу по ведению некоторой части его хозяйства.

Большим вниманием пользовался человек, получивший ранение огнестрельным или холодным оружием. Кокиев писал, что для поднятия духа «по вечерам около такого больного собираются сверстники и друзья, приглашается музыкант, умеющий играть на балалайке или скрипке о двух-трех струнах (*фаендырдзæгдæг*) и под аккомпанемент последней поют вполголоса песни и баллады исторического характера» (Кокиев 1901. № 20).

В случае смерти человека родственники и соседи спешили в дом покойного, чтобы выразить соболезнование родным. Для оповещения односельчан о печальном событии отправляли общественно-го крикуна – *фидиуага*, который, останавливаясь по всем перекресткам улиц, громко и протяжно кричал, что умер такой-то.

С целью оповещения родственников в других селениях о смерти человека посылали всадников *хъæргæнаг* – печальных вестников. С.В. Кокиев писал, что «всякий, повстречавшийся с карганагом, спрашивает его: «С доброю ли вестью?» Карганаг, останавливая коня, сообщает печальным тоном о цели своей поездки. Получив ответ, вопрошающий сразу принимает печальный вид и тихо, как бы про себя, произносит: «Царствие небесное» (Кокиев 1901. № 20).

С.В. Кокиев отметил, что получив весть о кончине родственника, мужчины и женщины отправлялись в дом покойного, мужчины верхом впереди, а женщины – позади на арбах. По этому поводу он писал, что «обычай проведения покойника всеми, мужчинами и женщинами, до того строг и общепоказателен, что всякий, узнавший о смерти кого-нибудь, какою бы спешною работою он ни был занят, бросает свое дело и спешит выразить свое сочувствие и соболезнование горю родных почившего, чтобы хоть этим отчасти уменьшить страдание последних. Не сделавший почему-либо печального визита, случись то даже через десяток и больше лет, навлекает на себя неудовольствие родных покойника» (Кокиев 1901. № 23).

Кокиев отмечал, что родственники и соседи не ограничивались соболезнованием, а принимали активное участие в погребении покойника.

Он указал на то, что погребение покойника у осетин-мусульман происходило в день смерти, а если смерть наступала вечером или ночью, то на следующий день. Перед погребением мулла обмывал тело покойника водою, одевал его в новое белье и обертывал в кусок ткани. Покойника клали на похоронные носилки, которые хранились при мечети, и ставили посреди двора. После кратких молитв муллы в честь покойника устраивалась церемония посвящения коня. «Осед-

ланный конь, покрытый траурным покрывалом, подводится к изголовью покойника; кто-нибудь из стариков, знающих обряд, берет в руки чашку с араком или пивом и произносит формулу посвящения. Затем, дав коню отведать напиток, выливает последний на копыта его, чем заканчивается церемония» (Кокиев 1901. № 23). Он также отметил, что во время проведения церемонии посвящения коня все присутствующие хранили гробовое молчание.

После посвящения коня происходило прощание с покойным, которое сопровождалось общим плачем. На кладбище носилки с покойником несли несколько человек, впереди шли мужчины, а позади них, на некотором расстоянии – женщины. Перед погребением мулла читал над покойным отходную молитву.

В течение первых трех дней, утром и вечером, мужчины во главе с муллой приходили на кладбище к могиле покойного, где участвовали в молитве. Чуть позже мужчин на могилу приходили женщины, чтобы устроить оплакивание. В день смерти покойника, за упокой его души, бедным раздавалась материя на платья. Материя покупалась семьей умершего, либо кем-то из родственников. Мулла за свои труды получал одежду покойника, или часть одежды.

После похорон устраивались поминки. Резали быка, корову или несколько баранов. В течение первых трех дней после похорон соседки и родственницы не оставляли пострадавшую семью, они оставались в доме для помощи в домашних работах. С.В. Кокиев перечислил поминки, которые справлялись по покойнику в течение года: поминки в день похорон, поминки в первые три пятницы, поминки в Троицкую родительскую субботу, поминки в день малого и большого Байрама и годовые поминки.

В первые три пятницы устраивались малые поминки, на которых присутствовали ближайшие родные и соседи покойника. В Троицкую родительскую субботу участников поминок было больше. На поминки закалывали барана, пекли пироги с разной начинкой, готовили брагу, квас, араку и т. д. Все приготовленное на поминки раскладывали на круглые треножные низенькие столики и большие деревянные тарелки. Обязательным элементом поминок был обряд посвящения пищи покойному, который устраивали перед началом поминальной трапезы. С.В. Кокиев привел текст ритуальной молитвы, которая произносилась при посвящении пищи. Наиболее многочисленными были годовые поминки, в которых принимали участие все мужское население селения. По данным автора, расходы на эти поминки были огромны: резали несколько голов крупного рогато-

го скота и несколько десятков мелкого скота, заготавливали сотни ведер араки и квасу, десятки пудов хлеба и разных пирогов. Бремя расходов разделяли и родственники, они доставляли часть провизии для поминок. Соседи тоже не оставались безучастными, они брали на себя заготовку и доставку из леса дров, необходимых для гонки и варки араки, кваса.

Кокиев подробно описал скачки, которые устраивали в честь покойного в наиболее многочисленные поминки. В скачках участвовали лошади из окрестных селений. По данным автора, призами на скачках были деньги или предметы одежды (от 3 до 15). Он указал на два вида скачек: по кругу или на определенное расстояние (70–80 верст). Отметил, что на скачках нередко происходили несчастные случаи.

Подводя итог похоронным обрядам осетин, этнограф писал, что поминки «до того разорительны, что многие после них надолго бывают лишены возможности сколько-нибудь сносно вести свое несложное хозяйство. В последнее время все стали сознавать разорительность поминок; но так как они освящены давностью времени и общественным мнением, то никто не решается понести им последний смертельный удар, не рискуя за это сделаться в глазах окружающей среды предметом презрения и посмешищем» (Кокиев 1901. № 23).

Таким образом, Савва (Саукуй) Васильевич Кокиев внес значительный вклад в этнографическое осетиноведение. Известный историк-кавказовед Г.А. Кокиев в своей статье «С.В. Кокиев – этнограф осетинского народа» писал, что Савва (Саукуй) Васильевич Кокиев «...является одним из выдающихся просветителей осетинского народа второй половины XIX в. и лучшим знатоком его этнографии» (Кокиев 1946: 133).

Источники и материалы

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Ф. 33. Оп. 1. Д. 396.

Кокиев 1887 – Кокиев С.В. Калым у осетин // Терские ведомости. 1887. №4.

Кокиев 1901 – Кокиев С.В. Похоронные обряды у осетин // Терские ведомости. 1901. № 20, 23, 26.

Кокиев 1881 – Кокиев С. Сел. Христиановское. Путевые заметки // Терские ведомости. 1881. №20.

Научная литература

- Абаев 1948 – Абаев В.И. Всеволод Миллер как осетиновед // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Сталинград, 1948. Вып. VI. С. 19–30.
- Алборов 2005 – Алборов Б.А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2005. Кн. 2.
- Алборов 2004 – Алборов Ф.Ш. Музыкальная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2004.
- Габуева 1977 – Габуева О.А. Крестьянские промыслы осетин во 2-й пол. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1977.
- Калоев 1979 – Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
- Калоев 1963 – Калоев Б.А. Миллер-кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1963.
- Ковалевский 1886 – Ковалевский М.М. Современный обычай и древний и закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. I–II.
- Кокиев 1946 – Кокиев Г.А. С.В. Кокиев – этнограф осетинского народа // Советская этнография. 1946. №3. С. 133–137.
- Кокиев 1885 – Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1885. Вып. I. С. 67–112.
- Миллер 2007 – Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ: Алания, 2007.
- Миллер 1881 – Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. I.
- Миллер 1927 – Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Под ред. и доп. А.А. Фреймана. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. Т. I.
- Миллер 1884–1885 – Миллер В.Ф. Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1884–1885. Т. VIII. С. 198–204.
- Уарзиати 1987 – Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol. 1*

L.K. Gostieva. From the history of ethnographic Ossetian studies: Savva Vasilyevich Kokiev [Iz istorii etnograficheskogo osetinovedeniya: Savva Vasilievich Kokiev]

Keywords: osetinovedeniya ethnographic history, Savva Vasilievich Kokiev, ethnography, family rituals, religious beliefs, Ossetians, Vsevolod Fedorovich Miller

Abstract: The article is devoted to the activities of S.V. Kokiev in the area of ethnography of Ossetians. Considered his creative collaboration with prominent Russian linguist and folklorist scientist Vsevolod F. Miller at studying the Ossetians ethnography and folklore. Kokiev made a significant contribution to the preparation of "The Ossetian-Russian-German dictionary", compiled by V.F. Miller. Kokiev prepared an Ossetian-Russian glossary, organized a group of knowledgeable assistants and authors and coordinated their work on gathering the materials for the dictionary. The author describes two-week scientific expedition of V.F. Miller to Ossetia, undertaken in summer 1880 in order to collect folklore material for the first part of his book "Ossetian etudes". S.V. Kokiev helped Miller to find the informants who knew folklore, made the records on a new academic Digor dialect, etc. The author shows S.V. Kokiev assistance to V.F. Miller in collecting materials on the grammar of the Ossetian language, Ossetians and other peoples of the North Caucasus onomastics. Particular emphasis is placed on the inclusion of folklore and ethnographic materials from S.V. Kokiev's book in V.F. Miller's "Ossetian etudes". The author pays a special attention to the materials on social and family life of Ossetians, gathered and published by Kokiev and later on used by M.M. Kovalevsky in his fundamental work "Modern and ancient customs and the law". The attention is paid to valuable materials gathered by S.V. Kokiev on customary law, family community, kinship system, and terms identify varying degrees of kinship among the Ossetians. The author analyzed S.V. Kokiev's article "Notes on the life of Ossetians", published in 1885 in the first edition of "Collection of materials on the ethnography, published at the Dashkovsky ethnographic museum", as well as his articles "Ossetians Kalym" and "Ossetians Funeral rites", published in the newspaper "Terskie Vedomosti". The author of this paper is widely used the letter of S. Kokieva to V.F. Miller. It is concluded that S.V. Kokiev made a significant contribution to the ethnographic osetinovedenie.

Author: **Larissa K. Gostieva**, North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after VI. Abaeva – a branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center «Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Vladikavkaz, Russia), e-mail: lagost@mail.ru

References

- Abaev V.I. Vsevolod Miller kak osetinoved. *Izvestiia Iugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Stalinir, 1948, iss. VI, pp. 19–30.
- Alborov B.A. *Nekotorye voprosy osetinskoj filologii*. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriiatie im. V.A. Gassieva, 2005, bk. 2.

- Alborov F.Sh. *Muzykal'naia kul'tura osetin*. Vladikavkaz: Ir, 2004.
- Gabueva O.A. *Krest'ianskie promysly osetin vo vt. pol. XIX – nach. XX v.: Avtoref. dis... kand. ist. nauk*. Moscow, 1977.
- Kaloev B.A. *M.M. Kovalevskii i ego issledovaniia gorskikh narodov Kavkaza*. Moscow: Nauka, 1979.
- Kaloev B.A. *Miller-kavkazoved (issledovaniia i materialy)*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izd-vo, 1963.
- Kovalevskii M.M. *Sovremennii obychai i drevnii i zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii*. Moscow, 1886, vol. I–II.
- Kokiev G.A. S.V. Kokiev – etnograf osetinskogo naroda. *Sovetskaia etnografiia*, 1946, no. 3, pp. 133–137.
- Kokiev S.V. Zapiski o byte osetin. *Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom etnograficheskom muzee*. Moscow, 1885, iss. I, pp. 67–112.
- Miller V.F. *V gorakh Osetii*. Vladikavkaz: Alaniia, 2007.
- Miller V.F. *Osetinskie etiudy*. Moscow, 1881. Ch. I.
- Miller V.F. *Osetinsko-russko-nemetskii slovar'*, ed. A.A. Freiman. Leningrad.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1927, vol. I.
- Miller V.F. Soobshchenie o poezdke v Gorskie obshchestva Kabardy i v Osetiiu letom 1883 goda. *Izvestiia Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Tiflis, 1884–1885, vol. VIII, pp. 198–204.
- Uarziati V.S. *Narodnye igry i razvlecheniia osetin*. Ordzhonikidze: Ir, 1987.

ВКЛАД В.В. БОГДАНОВА И Б.М. СОКОЛОВА В СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Ключевые слова: В.В. Богданов, Б.М. Соколов, журнал «Этнографическое обозрение», «Этнография», преемственность в науке, этнографическая периодика

Аннотация: Конкретная задача настоящей статьи – на основании материалов трех московских архивных хранилищ: Научного архива ИЭА РАН, отдела рукописей Государственного литературного музея и Российского Государственного архива литературы и искусства показать вклад В.В. Богданова и Б.М. Соколова в создание российской этнографической периодики. Они явились ключевыми фигурами и инициаторами продолжения послереволюционного этнографического журнала, открыли широкие перспективы становления и развития российской этнологии и антропологии на переломе эпох и внесли огромный вклад в развитие этнографической периодики. Кроме того, мы попытались показать преемственность журнала «Этнографическое обозрение», выходившего с 1889 г., журнала «Этнография», возобновившегося после длительного перерыва в 1926 г. и сегодняшнего одноименного издания, и, таким образом, доказать ошибочность изначальной даты его создания, указанной на титуле современного журнала. К сожалению, В.В. Богданову не удалось осуществить продолжение издания журнала «Этнографическое обозрение». Став в 1926 г. ответственным секретарем возобновленного журнала, Б.М. Соколов и новая редакционная коллегия приняли решение, вероятно, из-за необходимости отмежевания от дореволюционного издания, присвоить журналу другое название – «Этнография». Журнал продолжал издаваться в Москве, и структурно был идентичен дореволюционному «Этнографическому обозрению». В «Этнографии», как и в предшествующем ему издании, принимали организационное и авторское участие представители старого поколения этнографов – В.Н. Харузина, Д.К. Зеленин, Л.Я. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан и другие, что, несомненно, способствовало сохранению традиций дореволюционного «Этнографического обозрения». Все это дает веские основания для исправления ошибочной даты создания журнала, появившейся на его титуле в 1967 г.

* *Мариям Мустафаевна Керимова* – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), e-mail: mkerimova@yandex.ru

Вопрос об изменении на титуле нынешнего журнала «Этнографическое обозрение» ошибочной даты его основания был поднят автором настоящей статьи в 2013 г. в дискуссии, состоявшейся на защите докторской диссертации. Прозвучала мысль о том, что журнал выходил с 1889 по 1916 гг. под названием «Этнографическое обозрение», с 1926 по 1930 гг. – «Этнография», с 1931 по 1991 г. – «Советская этнография», но возврат с 1992 г. к старому дореволюционному названию указывает на предметную преемственность современного издания (Керимова 2013: 229).

Разумеется, нельзя говорить о полной идентичности старого дореволюционного и сегодняшнего одноименного журнала. Современное издание существенно изменилось, пополнилось новыми задачами, идеями, научными концепциями, темами и проблемами, стало поистине всероссийским центральным органом, освещающим разнообразные актуальные знания по этнологии и антропологии.

С 1931 по 1966 гг., когда главным редактором журнала «Советская этнография» был член.-корр. АН СССР С.П. Толстов, на титуле журнала просто значилось, что он выходит 6 раз в год. В сентябре 1966 г. Президиум АН СССР назначил главным редактором журнала д.и.н. Ю.П. Петрову-Аверкиеву (Тумаркин 2001: 20) и, начиная с № 1 за январь–февраль 1967 г. на титуле появилась неверная дата его основания – 1926 г.¹

Чтобы доказать преемственность старого и нового журнала «Этнографическое обозрение», обратимся к истории его создания и развития с 1889 по 1930 гг. В этом нам помогут материалы трех московских архивных хранилищ: Научного архива ИЭА РАН (НА ИЭА РАН), отдела рукописей Государственного литературного музея (ГЛИМ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).

Журнал «Этнографическое обозрение» был создан Этнографическим отделом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕ-АЭ). Своему возникновению он обязан таким корифеям этнографии как Д.Н. Анучин, В.Ф. Миллер, Н.Н. Харузин, Н.А. Янчук, главными же инициаторами издания журнала были Миллер и Харузин.

¹ С 1889 по 1909 гг. журнал издавался 4 раза в год, с 1910 по 1916 гг. сдвоенными номерами два раза в год. В дореволюционный период вышло около ста номеров. С 1946 г. восстановлено регулярное издание журнала четыре раза в год. С 1957 г. издается 6 раз в год. Главные редакторы журнала: Н.А. Янчук, Н.Н. Харузин, В.Ф. Миллер, В.В. Богданов (1889–1916), С.Ф. Ольденбург (1926–1930), Н.М. Маторин (1931–1933), И. И. Мещанинов и А.А. Бусыгин (март 1934–1938), С.П. Толстов (1946–1966), Ю.П. Петрова-Аверкиева (1967–1980), К.В. Чистов (1980–1991), М.В. Крюков (1992–1994), И.В. Власова (1995–2004), Ю.Д. Анчабадзе (и.о. гл. ред.) (2003), С.В. Соколовский (и.о. гл. ред.) (2004 – июнь 2009), С.В. Чешко (июль 2009 – ноябрь 2010), С.В. Соколовский (декабрь 2010 г. по н.в.).

Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) – выдающийся ученый-лингвист, этнограф, фольклорист, археолог, востоковед более 30 лет отдал Московскому университету, где с 1892 г. в качестве профессора читал лекции на кафедре русского языка и литературы. Великолепный знаток индоиранской филологии, он также блестяще руководил Лазаревским институтом восточных языков. Охват тем и проблем, затрагиваемых в его научном творчестве, чрезвычайно широк. Это этнография, история и филология народов Кавказа, Древнего Востока, музееведение, музыкальная этнография, фольклористика. Этнографические пятницы в его доме, экспедиционная деятельность, огромные усилия по введению в университетские курсы этнографии как специальной дисциплины – все это было результатом заслуг не только самого профессора, но и его учеников. Миллер создал свою школу этнографов и фольклористов. Среди них были братья и сестра Харузины (*Керимова* 2011), а также П.Г. Богатырев, Е.Н. Елеонская, Б.М. и Ю.М. Соколовы и мн. другие.

Николай Николаевич Харузин (1865–1900) – приват-доцент Московского университета, одним из первых в России читал курсы лекций по этнографии студентам Московского университета и Лазаревского института восточных языков. Еще со студенческой скамьи он стал любимым учеником проф. В.Ф. Миллера. В 1888 г. Харузин был избран действительным членом ИОЛЕАЭ, затем помощником председателя Этнографического отдела общества, который тогда возглавлял В.Ф. Миллер (1881 – 1913), а с 1891 по 1900 гг. – секретарем отдела.

История создания журнала, в том числе организационные и материальные трудности, которые сопровождали самые первые шаги журнала, достаточно подробно отражены в рукописи «Этнография в истории моей жизни» известного этнолога, географа, музееведа В.В. Богданова в главе «Редакция „Этнографического обозрения“», а также в некоторых других документах, сохранившихся в его личном фонде (НА ИЭА РАН. Ф. Богданов В.В. Д. 8а. Л. 15–43. Глава 3. «Редакция „Этнографического обозрения“. 1948 г.)). Именно В.В. Богданов, как мы покажем ниже, а позднее Б.М. Соколов стали ключевыми фигурами в послереволюционном продолжении этого важнейшего печатного органа этнологов России. Итак, в конце 1887 г. Миллер выдвигает на президиуме возглавляемого им Этнографического отдела ИОЛЕАЭ предложение о создании нового журнала, которому было решено дать название «Этнографическое обозрение»

по примеру «Критического обозрения», издававшегося В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским в 1879–1880 гг.

В.В. Богданов дает такое разъяснение первоначальной идеи этого издания. Он писал: «Это событие произошло в конце 27-го года существования самого общества (ИОЛЕАЭ – М.К.), которое поставило своим девизом теоретическое и прикладное естествознание, изучение человека и народов мира, в том числе, в первую очередь, народов России... Мысль о необходимости широкого научного общения по вопросам этнографии, призыва к этнографическому изучению в первую очередь народов России при посредстве научного журнала возникла в среде молодых московских этнографов. Среди них выделялся своей начитанностью, неутомимостью в полевой, экспедиционной и исследовательской работе Николай Николаевич Харузин» (*Там же* Л.16). Харузин и его друзья по ИОЛЕАЭ лелеяли мысль о создании нового специального и мобильного печатного органа. Богданов отмечал, что на «этнографических пятницах» в доме Харузиных постоянно присутствовали студенты юридического и других факультетов университета: П.М. Богаевский, В.В. Кандинский, А.Д. Солодовников, А.А. Ивановский, Н.Л. Гондатти, Г.И. Куликовский, А.С. Хаханов, Н.А. Янчук и другие ученики В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского и А.И. Чупрова. Именно с ними Харузин впервые поделился мыслью о необходимости приступить к изданию журнала. Затем это предложение было высказано на заседаниях Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, на которых обычно присутствовали профессора и магистры: Д.Н. Анучин, Ф.Е. Корш, Н.С. Тихонравов, А.И. Кирпичников, В.М. Михайловский, П.Н. Милюков, И.Е. Забелин, графиня П.С. Уварова, В.И. Сизов, Ф.И. Буслаев и др. Было принято решение о том, что журнал должен носить научный характер, его авторами могли стать лица, работы которых были бы одобрены или на заседании Этнографического отдела, или компетентными учеными. Что касается проблематики журнала, то в него могли быть включены материалы по всем народам мира и общим вопросам этнографии. Руководителями журнала, как пишет Богданов, были выдвинуты В.Ф. Миллер и Д.Н. Анучин, но они отказались, как и В.М. Михайловский. Тогда Харузин предложил издавать журнал под редакцией председателя Отдела и его секретаря Н.А. Янчука (с 1888 г.). Миллер внес также и кандидатуру Харузина как второго секретаря Отдела (планировалось писать, что журнал выходит под редакцией двух секретарей отдела: Янчука и Харузина), но

Янчук был против, а Харузин, как деликатный и неконфликтный человек, отказался числиться на титуле журнала.

Н.Н. Харузин выдвинул вопрос о вступительной статье под заглавием «О задачах русской этнографии». Ее согласился написать Д.Н. Анучин. Известно, что Л.Я. Штернберг, как большую заслугу В.Ф. Миллера и других сотрудников журнала, отмечал привлечение в него учащейся молодежи, а также представителей различных национальностей России и зарубежных славянских стран, которые несли в новое издание культуру своих народов, что значительно обогатило его содержание. Кроме того, в журнале не боялись печатать бывших политических ссыльных (В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Д.А. Клеменц, Н.А. Виташевский, Л.Г. Левенталь, Э.К. Пекарский, В.Г. Карзин, И.И. Майнов, Г.Ф. Осмоловский и др.) (*Там же*. Л. 37–40). Из редакции журнала, находившейся в Политехническом музее Москвы, издание рассылалось по всей России бесплатно, более чем в ста экземплярах. С первых выпусков журнала именно Н.Н. Харузин стал главной фигурой этого издания, его ответственным секретарем и редактором. Поскольку начальные шаги журнала были сопряжены с большими материальными трудностями, Харузину пришлось лично субсидировать его первые выпуски. Выработка программы журнала и неустанные заботы о нем, редактирование библиографических и иных материалов сочетались у Харузина с большой авторской работой. В разделе «Критика и библиография» журнала он опубликовал около 140 рецензий на русские и иностранные книги, а также обстоятельные критические обзоры о наиболее крупных исследованиях западноевропейских ученых – Э. Гроссе, Ш. Летурно, Г. Кунове, Р. Гильдебранда и мн. др. Это было очень важно, так как в предреволюционную эпоху в России складывались устойчивые традиции не только знакомства с достижениями западной этнологии, но и серьезного и объективного анализа всего того, что означало преемственность в науке вообще. В.Ф. Миллер отмечал, что в течение десятилетия Н.Н. Харузин «вел самую энергичную пропаганду научного значения этнографии и в Отделе, и на университетской кафедре, и в своих исследованиях и многочисленных журнальных и газетных публикациях, и, наконец, в своих сношениях со многими любителями этнографии в Москве и провинции» (Миллер 1900: 6). В.В. Богданов писал, что со смертью Харузина в 1900 г. «журнал лишился одного из самых энергичных и плодovitых сотрудников» (Богданов 1913: 28).

В.В. Богданов с 1891 г.² наряду с Н.Н. Харузиным и Н.А. Янчу-

² Владимир Владимирович Богданов родился 9 (21) декабря 1868 г. в с. Голынки Смоленского у. в семье железнодорожного мастера. Среднее образование он получил в Смоленской гимназии, по окончании которой в 1888 г. поступил на историко-филологическое отделение Московского университета. После завершения учебы (с 1892 по 1894 гг.) он был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре языка и словесности у проф. М.И. Соколова (отец Б.М. Соколова. – *М.К.*). Но не эта специальность становится в дальнейшем областью научных интересов Богданова. Еще в 1891 г. его избирают членом-сотрудником Этнографического отдела ИОЛЕАЭ благодаря вниманию к нему В.Ф. Миллера, Н.А. Янчука и Н.Н. Харузина. С этого же года он начинает принимать деятельное участие в журнале «Этнографическое обозрение», пишет обзоры вышедших тогда славянских этнографических журналов (сербский, болгарский и польский языки он учил у эмигрантов, живущих в Москве, а чешский – у проф. Р.Ф. Брандта), а также провинциальных русских, рецензии, заметки, библиографические обзоры, хронику и т.д. С 1896 и особенно с 1900 г. (после смерти Н.Н. Харузина) Богданов вплоть до 1916 г. остается бессменным секретарем и редактором журнала.

С 1905 по 1930 гг. (вплоть до завершения существования ОЛЕАЭ) Богданов был ученым секретарем общества.

В 1891 г. по поручению Общества он едет в Бельский и Духовщинский у. Смоленской губ., где в течение трех месяцев собирает полевые этнографические и фольклорные материалы.

В 1890-е гг. Богданов становится ближайшим помощником В.Ф. Миллера и Д.Н. Анучина по делам Общества. В 1894 г. он участвует в организованной Анучиным экспедиции по исследованию русских озер, положившей начало лимнологическому изучению России, в 1899 г. едет на Русский Север. Результаты последней экспедиции были изложены в очерке «Мурман и порт Александровск» («Землеведение», 1900, кн. 1). Кроме того, Анучин с 1895 г. привлекает Богданова к редактированию журнала «Землеведение».

Еще одна важная сфера деятельности В.В. Богданова – музейная этнография, – началась в 1901 г., когда он был командирован ИОЛЕАЭ для изучения музейных собраний Германии, Австрии и Швейцарии. Вторая поездка в эти же страны состоялась в 1910 г. Богданов посетил этнографические музеи Берлина, Вены, Лейпцига, Мюнхена, Нюрнберга, Дрездена, Невшателя, Женевы, Цюриха. Эти поездки обогатили его многими научными и практическими сведениями, но, к сожалению, не улучшили музейное дело в России (НА РАН. Ф. Богданов В.В. Д. 47 (1)).

В 1908 г. Богданов был зачислен сначала на должность помощника хранителя Отделения этнографии Румянцевского музея, а затем, после смерти Н.А. Янчука (в 1922 г.), заведующим этим отделом. В его ведомстве были, главным образом, коллекции по зарубежной этнографии. На этой должности он находился до 1930 г. Почти полное отсутствие средств и многочисленность научного штата не давали возможность вести в музее ни планомерной научной работы, ни экспедиционной, ни даже простого подбора научной литературы по этнографии. Революция негативно отразилась на деятельности ОЛЕАЭ и этнографической науки в целом. Несмотря на это В.В. Богданов в 1918 г. едет от имени Общества

в Сухуми, для организации там научной станции по изучению природы и населения Черноморского побережья Кавказа.

Заведующим Отделения этнографии музея он оставался вплоть до преобразования Отдела в Центральный музей народоведения (1924 г.), где он был назначен хранителем восточнославянской коллекции.

С 1919 по 1930 г. Богданов по совместительству занимал должность директора Московского областного музея. В 1919 г. его избирают членом Государственной Академии материальной культуры (ГАИМК), и вплоть до 1930 г. ученый исполнял обязанности зав. Московской секцией и зав. Этнологическим отделением ГАИМК. В 1921 г. Богданов по приглашению Главнауки Наркомпроса принимает участие в Первой конференции Краеведения в Москве, на которой избирается членом бюро краеведения и Председателем московского отделения Центрального бюро краеведения при Академии наук, руководит этим отделением в течение трех лет до 1924 г. С 1924 г. он начинает вести музейно-организационную работу по развитию музейного дела в Областном музее Московского края (впоследствии – Государственный музей Центрально-Промышленной области), основанного по его инициативе еще в 1919 г. Здесь он разворачивает большую работу по изучению Центральной области. Ему удается на базе музея организовать экспедицию под руководством Б.А. Куфтина по русской Мещере, тем самым стараясь пробудить интерес к изучению местных губернских музеев и собрать ценные коллекции для написания научно-исследовательских трудов.

С 1935 по 1938 гг. Богданов работает сначала помощником заведующего, а затем заведующим Отделом физико-географических карт Научно-издательского Института Большого Советского атласа мира.

Его преподавательская деятельность начинается с 1894 г. и длится по 1917 г., когда он ведет занятия по русской словесности в средних учебных заведениях Москвы, затем с 1914 по 1920 г. в звании доцента преподает этнографию в Университете им. А.Л. Шанявского, где читает музейно-экскурсионные курсы: курс «Общие задачи этнологии в краеведении и научные задачи музейной этнографии»; «Этнографический музей и работа в нем в связи с задачами краеведения»; ведет семинар «Музейная техника краеведения. Инструкция и общие указания». Затем в должности доцента с 1920 по 1937 гг. преподает в МГУ на кафедре этнографии, с 1936 по 1941 г. – на кафедре географии читает курс по этнографии в Московском областном педагогическом институте (НА ИЭА РАН. Ф. Богданов В.В. Д. 54).

В 1929 г. «за совокупность работ по этнографии» Владимир Владимирович был награжден большой золотой медалью Государственного географического общества (ныне РГО).

Круг научных интересов В.В. Богданова был чрезвычайно широк (список его трудов насчитывает 91 позицию). Это: труды по отдельным вопросам этнографии, в частности по материальной культуре народов СССР и мира (главным образом о средствах передвижения), различные статьи по общим вопросам этнографии славян и славяноведению, по этнографии восточных, южных и западных славян, по этнографии и фольклору русского народа и отдельных народов СССР, по этнографии народов зарубежных стран (финнов, немцев Восточной Германии, народов Дальнего Востока – китайцев, корейцев, японцев), труды по исторической этнографии и истории этнографии, по языкознанию и диалектологии, по исторической географии и истории географических открытий и путеше-

ком вел работу секретаря и редактора журнала. А после внезапной смерти Харузина в 1900 г.³ принимает на себя основную работу по его изданию, последний сдвоенный номер которого (№ 3–4), датированный 1916 г., в реальности был опубликован в 1918 г.

«Этнографическое обозрение» сыграло немалую роль в консолидации сил российских этнографов, в оформлении этнографии как специальной науки. Одним из бесспорных достоинств журнала были хорошо поставленная информация о российских и зарубежных новинках в этнографической литературе, обстоятельная библиография и хроника. В этом несомненная заслуга В.В. Богданова и его предшественников. Помимо сложностей, связанных с политической и экономической обстановкой в стране, сказалась разобщенность этнографических кадров, их частичный отток из ведущих столичных научных центров, эмиграция, а также невозможность собирать новые материалы и обрабатывать их. «Это не могло не сказаться на издательском деле, в том числе на выпуске специализированных научных журналов, включая и этнографические» (Решетов 2001: 27–28). Вот что писал об этом В.В. Богданов в своих «Кратких заметках об этнологическом изучении России за 1917–1923 год»:

В.В. Богданов

«1.VII.1923 г. *Издательская деятельность по этнологии* (курсив Богданова. – М.К.) почти затеряна повсюду. «Этнографическое обозрение» закончилось № 3–4 за 1916 г., который вышел, однако, благодаря затруднениям типографским, лишь в 1918 г. К концу 1916 г. редакция «Этнографического обозрения» сдала <в печать> весь материал на 1917 г., который, однако не был напечатан, и теперь, вероятно, потерялся. «Живая старина» также прервала свой выход последним номером за 1916 год. Оба журнала возобновляются лишь теперь» (НА ИЭА РАН. Ф. Богданов В.В. Д. 46).

ствий, по этнографическому музееведению и краеведению, по истории российской науки. Кроме того, В.В. Богданов оставил множество научно-популярных и общественно-политических статей, рецензий и отзывов на труды российских и зарубежных ученых, а также доклады по научно-организационной работе в сфере этнографии и музееведения.

С 1 февраля 1943 г. и до кончины работал в ИЭА РАН в должности старшего научного сотрудника, а с 1 апреля 1946 – заведующего славяно-русским сектором. Умер в Москве 16. IX. 1949 г. от инфаркта (Там же. Д. 47 (9)).

³ Но только на титуле журнала № 1 за 1909 г. появляется надпись: «под редакцией председателя Отдела В.Ф. Миллера, товарища председателя Н.А. Янчука и секретаря В.В. Богданова».

В фонде Богданова отложились также составленные им предварительные планы содержания №№ 1 и 2 «Этнографического обозрения» за 1923 и 1924 гг. В этих номерах он намеревался поместить, например, статьи: «Задачи этнологического изучения великоруссов» В.В. Богданова, «Великорусская понева» Б.А. Куфтина, «Изба-пряха и изба непряха у северных великоруссов» (с чертежами) Б.А. Куфтина, «Из области культовых обрядов у великоруссов Нижегородской губернии» Б.С. Жукова, «Этнологические вопросы в области домусульманского быта талишинцев» Б.В. Миллера и др. В разделе «Смесь» намечалось поместить обзор литературы о бирке В.В. Богданова, в разделе «Критика и библиография» – отзывы о новых изданиях и новой этнографической литературе. Для раздела «Хроника» Богданов подготовил текст под названием «Скорбный лист этнографической науки за 1917–1923 годы» и некрологи о Н.А. Янчуке, Г.Н. Потанине, А.В. Маркове, В.В. Радлове, Н.Ф. Сумцове, А.А. Шахматове, Ф.К. Волкове, В.Н. Добровольском, Н.А. Виташевском, В.В. Каллаше, В.Н. Щепкине, Д.В. Дербиз, А.И. Колмогорове, Е.Э. Линевой, К.Д. Логиновском, А.Л. Маслове, Д.П. Никольском, Бр. Пилсудском, А.Д. Элькинде, А.В. Адрианове, Р.Ф. Бранте, А.С. Будиловиче, А.Я. Ефименко, Н.Ф. Катанове, В.В. Латышеве, С.Г. Рыбакове, Б.А. Тураеве, В.М. Ионове. Кроме того, Богданов замыслил раздел «Из жизни ученых обществ и учреждений». Во второй номер 1923 г. были намечены статьи А.Н. Максимова «Орудия и техника народного строительства у великоруссов (с рисунками В.В. Богданова), Б.А. Куфтина «Жилище крымских татар», Н.П. Попова «Одно совпадение в материальной культуре болгар и остяк-самоедов (с рис. Б.А. Куфтина), а также статьи В.А. Гордлевского и Д.К. Зеленина. В 1924 г. (в кн. CXIV) намечалось поместить объемную статью А.Н. Максимова «Скотоводство малокультурных народов». В этой же папке находим подборку рецензий на иностранные и российские издания, вышедшие в период с 1919 по 1923 г. для раздела «Критика и библиография» (Там же. Д. 112). Среди них рецензии на труды Б.Э. Петри «Далекое прошлое бурятского края» (Иркутск, 1922), А.Н. Максимова «Какие народы живут в России, справочное издание» (М., 1919), А.А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» (РАЖ, 1919) и мн. др. Среди перечисленных выше авторов – три наиболее видных представителя «культурно-исторической школы», доминирующей в российской этнологии 1920-х гг.: сам В.В. Богданов, Б.А. Куфтин и Б.С. Жуков (Алымов, Решетов 2003). Впоследствии в журнале публиковали свои статьи Б.А. Куфтин, Б.С. Жуков, Д.К. Зеленин, Б.В. Миллер и др. Запланированная Богдановым на 1923 г. объемная статья (58 стр.) Б.А. Куфтина «Жилище крымских татар в связи с историей заселе-

ния полуострова» вышла отдельной брошюрой в 1925 г., а рецензия на нее известного этнолога, археолога и антрополога Г.А. Бонч-Осмоловского в № 1–2 «Этнографии» за 1926 г. Приведенные архивные свидетельства говорят о намерении В.В. Богданова продолжить издание «Этнографического обозрения» в 1920-е годы. Разумеется, это были лишь предварительные наброски, которые в случае выхода в свет журнала могли дополниться и другими статьями. К сожалению, большинство из намеченных Богдановым материалов так и не увидело свет, а сам он не смог продолжить свою деятельность на поприще секретаря «Этнографического обозрения».

Почему же не Богданов, а Соколов стал ответственным секретарем возобновленного в 1926 г. журнала «Этнография»? С 1924 г., когда В.В. Богданов стал главным хранителем восточнославянской коллекции ЦМН, наметилось охлаждение прежних дружеских отношений между ним и Б.М. Соколовым, что впоследствии привело к конфликту, который завершился в 1929 г. для В.В. Богданова увольнением из ЦМН, а для Б.М. Соколова в 1930 г. – уходом (по собственному желанию) с поста директора музея.

21 января 1929 г. было созвано заседание Правления ЦМН, на котором присутствовали члены Правления: директор Б.М. Соколов, зам. директора М.М. Баскин, хранитель вводного кабинета М.С. Плисецкий, ученый секретарь музея Е.М. Шиллинг, уполномоченный Секции научных работников С.А. Токарев, председатель месткома и сотрудник Отдела восточных славян Ю.А. Самарин, секретарь ячейки С.И. Фокин, техник И.П. Сургучев, представитель строительной конторы Замоскворецкого районного совета К.И. Рязанцев, инженер А.С. Ширяев.

В.В. Богданов пишет, что «были высказаны самые оскорбительные» для его чести обвинения в том, что он, якобы, не заведует, а «организует тихий саботаж» в руководимом им Отделе восточных славян, в котором «как в зеркале... отражается империалистическая политика царизма, и который сейчас должен больше, чем другие отделы характеризовать национальную политику Советской власти», в том, что он не способен служить Советской власти и «не понимает азов политической экономии и разницы между классом и сословием», что «историко-культурное освещение им той или иной народности не соответствует действительности, проникнуто духом шовинизма и великодержавных великорусских тенденций». Его обвиняли в «политической безграмотности», «политиканстве» и непонимании им якобы изжившего себя термина «крестьянство» (НА ИЭА РАН. Ф. Богданов В.В. Д. 71(9). Л. 1).

Поскольку в момент организации ЦМН В.В. Богданов состоял директором Московского областного музея и, кроме того, имел

немалое количество других должностей и обязанностей (см. прим. выше), на пост директора музея был назначен Б.М. Соколов. Кроме обвинений в адрес Богданова в умышленно неправильной организации работы Отдела, противоречащей основным принципам, проводимым Правлением и другими подразделениями музея, ему незаслуженно вменялось небрежное отношение к службе (хотя всем было известно, что Богданов не брал летних отпусков в течение 10 лет и больше, чем многие другие сотрудники, находился в музее), дискредитацию и травлю директора музея, создание нездоровой обстановки в руководимом им Отделе. Основную часть обвинений сформулировал Б.М. Соколов. Из всех присутствовавших на этом позорном заседании лишь С.А. Токарев в заключении сказал, что В.В. Богданов должен представить свое «заявление, в котором эти данные могли бы получить значительные изменения» (НА ИЭА РАН. Ф. Богданов В.В. Д. 71 (9). Л. 4.)

8 февраля 1929 г. В.В. Богданов направил в Союз научных работников и представил Правлению 26-страничное обоснованное опровержение собранного на него «компромата». Свою роль в этой неблагоприятной истории сыграло то, что в научных кругах В.В. Богданова, занимавшего до революции руководящие посты секретаря Этнографического отдела ИЮЛЕАЭ при Московском университете, хранителя Этнографического отделения Румянцевского музея, причисляли к буржуазным ученым: он не получил поддержки в среде ученых новой формации, что впоследствии сыграло отрицательную роль и способствовало его увольнению из ЦМН. К концу 1920-х гг. в стране уже сложился режим. Вероятно, «бичевание» В.В. Богданова было связано и с событиями, предварявшими «Академическое дело» (1929–1931). 12 января 1929 г. при утверждении нового состава АН СССР из 39 человек при тайном голосовании были забаллотированы три кандидата-коммуниста, что и явилось поводом для обвинений ее руководства. Вскоре В.В. Богданов был арестован. Обстоятельства ареста и ссылки ученого (1930–1933) не прояснены (Турьинская 2008а: 249–250).

Рассматривая конфликт В.В. Богданова и Б.М. Соколова, необходимо отметить, что в 1918 г. Б.М. Соколов был зачислен в Этнографическое отделение Румянцевского музея по просьбе В.В. Богданова. Еще при жизни Н.А. Янчука Б.М. Соколов непродолжительное время работал в музее «по восточнославянским коллекциям, главным образом русским, но разочарованный условиями, при которых ему приходилось работать (парализовалась его инициатива и самостоятельность, настойчиво требовалось выполнение директив самого Хранителя)», оставил музей. Б.М. Соколов вообще отличался амбициозностью, а по словам В.В. Богданова – «честолюбием, переходящим границы». На протяжении многих лет В.В. Богданов оказывал

Б.М. Соколову всяческую помощь: давал советы по организации в Саратове этнографического музея, помогал защитить музей от попыток его ликвидации; предложил кандидатуру последнего для избрания научным сотрудником ГАИМК, упорно добивался и добился его утверждения в этой должности, несмотря на серьезные возражения со стороны членов Академии, когда на первом этапе выборов Б.М. Соколов был забаллотирован. Но Богданов, как действительный член Академии, в длинном письме на имя ее председателя «доказывал потенциальные достоинства» Соколова, поднимал его научный престиж и добился пересмотра предыдущего решения на следующем заседании, хотя из-за этого сам мог поплатиться членством в Академии. После назначения В.В. Богданова в 1921 г. хранителем Этнографического отделения Румянцевского музея он вновь предложил Б.М. Соколову, рассматривая его как своего преемника, заниматься русскими коллекциями, но того больше привлекала административно-организационная деятельность, и В.В. Богданов поддержал его и в этом начинании. В 1924 г. Б.М. Соколов, став директором ЦМН, высказал желание занять и должность секретаря Этнографического отдела ОЛЕАЭ. В.В. Богданов готов был уступить ему эту должность, но столкнулся с неприятием личности Б.М. Соколова товарищами по отделу – пришлось отступить, т.к. Соколов был забаллотирован на выборах нового секретаря Отдела.

Б.М. Соколов

Первоначально в должности директора музея Б.М. Соколов не слишком доверял своим силам и «всячески полагался на авторитет и опытность» В.В. Богданова, предложив последнему взять на себя научную часть, а самому заниматься административной, но Богданов «решительно отказался», поскольку считал, что такое разделение не приведет к успешной деятельности музея. В тот момент он считал свое дело в музее законченным и хотел уйти, но сотрудники уговорили его остаться. «Основным аргументом, заставившем меня остаться, – пишет Богданов, – было то, что Б.М. Соколов тогда еще не имел достаточного авторитета, был неопытен в музейном руководстве» (Там же: Л. 5–8). Имея колоссальный опыт музейной деятельности, именно В.В. Богданов представил задачи и план работы ЦМН в своей записке, одобренной Ученым советом, которая затем легла в основу первой редакции «Положения по музею». В ней уделялось большое внимание обстановочным залам, другим элементам музейной структуры, которые были обоснованы ранее в курсе лекций В.В. Богданова в университете А.Л. Шанявского (опубликован в 1923 г.). Богданов

также принял самое горячее участие в разработке планов постройки нового здания музея на территории Мамонова парка. Кроме того, он вел большую культурно-просветительскую работу в музее, считая ее одним из направлений научной деятельности. Когда его абсурдно обвинили в том, что культурно-просветительская работа, которую он вел в музее, не научна, в своей объяснительной записке он отмечал, что «культурно-просветительская работа должна быть основана на научной достоверности и, следовательно, не может быть ненаучной». Богданов написал путеводитель по музею, которым пользовались все сотрудники, под его руководством были разработаны темы экскурсий, очерков, листовок, этикеток и т.п. (*Там же*: Л.10). На протяжении многих лет деятельность В.В. Богданова была направлена на развитие Этнографического отделения Румянцевского музея, а затем Центрального музея народоведения, он привел в ЦМН молодых, перспективных ученых – Б.С. Жукова, Б.А. Куфтина, П.П. Свешникова, Н.И. Лебедеву. Богданов мотивированно опроверг и обвинения в якобы отрицательном отношении к «реэкспозиции иностранных коллекций в Этногалерее», «не сочувственному отношению к перевозу коллекций из Румянцевского музея в ЦМН», опроверг как совершенно абсурдное обвинение в том, что он выступал против изучения современного народного быта.

Итак, приведенный документ доказывает, что все достижения В.В. Богданова по созданию и развитию Этнографического отделения Румянцевского музея и ЦМН незаслуженно были сведены на нет.

* * *

Новая эпоха и идеология диктовали новые требования к журналу. Официальным учредителем «Этнографии» выступило Главное управление научными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР и Академия наук (*Перишиц, Чебоксаров* 1976: 3). Он замышлялся как замена двух дореволюционных журналов московского «Этнографического обозрения» и Санкт-Петербургской «Живой старины»⁴ (*Бахтина* 2000: 227). Редакция журнала находилась в Мо-

⁴ Петербургский журнал «Живая старина» (ЖС) (1890–1916), печатный орган Отделения этнографии ИРГО, выходил ежеквартально. Основатель и ответственный редактор – председатель Отделения В.И. Ламанский. С 1911 г. работала редакционная комиссия Отделения. В издании журнала участвовали члены ИРГО: академик А.Н. Веселовский, проф. И.П. Минаев, академик Л.Н. Майков, А.Н. Пыпин. Впоследствии главными редакторами стали: председатель Отделения этнографии С.Ф. Ольденбург, В.Ф. Миллер, А.А. Шахматов. Секретарями журнала были Э.К. Пеккарский, А.Н. Самойлович, Н.Н. Виноградов (см.: *Турьинская* 2008б: 149–161). В отличие от «Этнографического обозрения», в ЖС большее внимание уделялось фольклору, диалектологии и материальной культуре, публиковались отчеты о де-

скве на Воробьевском шоссе д. 2 в здании Центрального музея народо-ведения, а заседания редакционной коллегии проходили в Ленинграде. Журнал начал выходить дважды в год, а с 1930 г. – четыре раза в год, членами редколлегии были утверждены: акад. С.Ф. Ольденбург – секретарь АН СССР, директор Азиатского музея АН СССР, видный деятель Географического общества (*Крачковский* 1934), москвичи Б.М. Соколов (отв. секретарь журнала), В.Д. Виленский-Сибиряков (председатель Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, член Комитета содействия народностям Севера при ВЦИК СССР) и ленинградцы Д.А. Золотарев (профессор, руководитель Этнографического отдела Русского музея) и Л.Я. Штернберг (профессор Ленинградского государственного университета и один из ведущих сотрудников Музея антропологии и этнографии АН СССР). В 1928 г. в редколлегию вошли профессор В.Г. Богораз-Тан (член Комитета содействия народам северных окраин, директор Музея истории религии), а с 1929 г. – ленинградский этнограф и лингвист Я.П. Кошкин (Алькор). В 1930 г. в состав редколлегии (№ 4) были введены московские партийные деятели А.А. Тахо-Годи (с 1930 г. – директор ЦМН) и Б.С. Хотинский. В докладе, посвященном журналу «Этнография», на Совещании этнографов и антропологов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) среди членов редколлегии Б.М. Соколов упоминает имя еще одного известного московского этнолога П.Ф. Преображенского (*Арзютов и др.* 2014: 492).

Каждый из членов редакции в № 1–2 журнала за 1926 г. получил возможность высказаться, определить свое видение задач науки и журнала (*Решетов* 2001а: 28–29). Планировалось публиковать данные о том, что уже сделано в области этнографии в СССР и за границей, экспедиционные материалы, все, что было упущено из-за мировой, а потом и гражданской войн. Журнал должен был знакомить читателей «с богатыми сведениями о той этнографической работе, которая велась и ведется в настоящее время». Одним из достоинств издания было появление раздела «Personalia», освещающего работу «всех ученых, занимающихся этнографией, а также публикаций планов научных работ родственных учреждений, что должно было устранить параллелизм в их деятельности» (*Станюкович* 1986: 89). Уже по содержанию первых номеров видно, как в угоду времени изменилась тематика издания. Тем не менее структурно журнал

тельности Отделения, его комиссий, региональных отделов. Авторами статей в основном являлись члены ИРГО. Структурно ЖС отличалась от «Этнографического обозрения», в ней были рубрики: Исследования, наблюдения, рассуждения; Памятники языка и народной словесности; Небольшие материалы и замечания; Вопросы и ответы. Из членов редакционной коллегии «Живой старины» с журналом «Этнография» сотрудничал только В.Ф. Ольденбург.

«Этнография» остался верен дореволюционному «Этнографическому обозрению», в нем присутствовали разделы: Статьи, Обзоры, Заметки, Хроника, Рецензии. Каждый из членов редколлегии в № 1–2 за 1926 г. получил возможность изложить свое видение задач науки и журнала. В первых номерах опубликовали свои программные статьи С.Ф. Ольденбург, Л.Я. Штернберг, Д.А. Золотарев, В.Д. Виленский-Сибиряков. В 1926–1930 гг. заметное место в журнале занимают работы теоретического характера. Таковы, например, «Пределы этнографии» Е.Г. Кагарова (1928. № 1), в которой он пытается определить предметную область этнографии, или статья С.П. Толстова «К проблеме аккультурации (в связи со статьей проф. Д.К. Зеленина об образовании великорусской народности)» (1930. № 1–2). В этом ряду необходимо отметить и работу Л.Я. Штернберга «Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы», рассматривавшую направления этнологической мысли на Западе и перспективы развития российской этнологии, исходя из национальной политики советского государства. «Этнография» продолжает публикацию и материалов прикладного характера (Д.А. Золотарев «Вопросы изучения быта деревни СССР»; В.Д. Виленский-Сибиряков «Задачи изучения малых народов Севера»). Большое место в журнале занимают статьи славистов Д.К. Зеленина и Н.П. Гринковой, кавказоведа Е.М. Шиллинга. С 1926 г. «Этнография» публикует и монографические работы в двух-трех и даже четырех номерах подряд, например, «Русские крестьянские постройки. Критический обзор новейшей литературы» С.П. Толстова (1927), «Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг.» Д.К. Зеленина (1926–1927) или объемный труд В.Н. Харузиной «Примитивные формы драматического искусства» (1927–1928). Отметим, что журнал «Этнография» в течение всего периода своего существования переживал непростые времена: первые выпуски 1926 г. были объемными, а № 3 1930 г. содержал лишь девять статей, и такие разделы, как Хроника, Обзоры, Рецензии, – вообще отсутствовали. Тем не менее, сохраняя традиции «Этнографического обозрения», журнал наряду с когортой видных российских этнографов (В.Г. Богораз, Д.К. Зеленин, В.Н. Харузина, Л.Я. Штернберг) активно публиковал и молодых ученых, среди которых выделялись А.Г. Данилин, Е.А. Крейнович, С.А. Токарев, С.П. Толстов и др.

В своей программной статье академик С.Ф. Ольденбург отмечал, что после *продолжительного перерыва* (курсив мой – М.К.) появился новый журнал, посвященный этнологии и этнографии. В нем будет уделено особое внимания вопросам теоретическим и методологическим. Этнологию необходимо развивать в русле контакта со смежными науками – археологией, социологией и лингвистикой. «Новая национальная жизнь

наших многочисленных республик, – пишет Ольденбург, – выявляет богатейший и разнообразнейший материал в области этнографии нашего Союза.... Направление и содержание нового журнала предопределила сама жизнь... Громадные перемены, произошедшие в стране найдут отражение на страницах журнала, будет уделено внимание, как переходным формам быта, так и пережиткам старого, который исчезает очень быстро, и который нужно успеть запечатлеть» (Ольденбург 1926: 5–6).

Созданию журнала «Этнография» предшествовала большая подготовительная работа. Как мы уже отмечали, на поприще ответственного секретаря журнала В.В. Богданова сменил Б.М. Соколов⁵ – из-

⁵ Б.М. Соколов родился 7 апреля 1889 г. в г. Нежин, где его отец был профессором русской словесности в Нежинском Историко-филологическом институте им. кн. Безбородко. Вскоре Матвей Иванович был переведен на должность профессора по той же кафедре в Московский университет. По окончании историко-филологического факультета Московского университета Борис Матвеевич Соколов был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. Наиболее сильное влияние на его научную деятельность оказал академик В.Ф. Миллер. В 1908–1909 гг. (вместе с братом Ю.М. Соколовым) был командирован ИОЛЕАЭ, Археологическим обществом и Диалектологической комиссией Академии наук в Белозерский край Новгородской губ. (по следам экспедиции Н.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга) для сбора этнографических материалов. Принимал деятельное участие в учрежденной Миллером Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ. В 1912 г. совершил научную поездку в Германию, где посетил этнографические музеи Берлина, Лейпцига, Мюнхена. С 1911 по 1919 г. преподавал в Московском учительском институте, с 1916 по 1919 – на Высших женских курсах. Одновременно с 1914 по 1918 г. работал архивариусом в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел, позднее в I отделении Единого архивного фонда, где занимался научным описанием славяно-русских рукописей собрания И.Е. Забелина в Московском Историческом музее. В 1918 г. Соколов сдал магистерские экзамены и стал приват-доцентом Московского университета. С 1918–1919 работал зав. Русским отделением Этнографического отдела Румянцевского музея в Москве. В конце 1919 г. был репрессирован и отправлен в Бутырскую тюрьму, выпущен через 2 месяца без предъявления обвинения. После этого переехал в Саратов, где с 1919 г. в профессорском звании читал лекции на кафедре русской литературы. В 1919–1920 гг. занимался организацией этнографического изучения Саратовского края, организовал Этнографический музей в Саратове и стал его заведующим. С 1922 по 1924 гг. был деканом Педагогического факультета Саратовского университета. В 1921–22 гг. принимал деятельное участие в борьбе с голодом в Поволжье. В 1923 г. под руководством Соколова состоялась большая экспедиция для изучения населения Петровского у. Саратовской губ. (русских, мордвы, чувашей, татар). Экспонаты, собранные в экспедиции, были выставлены на Всесоюзной сельскохозяйственной и промышленной выставки в Москве.

В конце 1923 г. Соколов был приглашен Главнаукой в Москву для организации Центрального музея народоведения, директором которого состоял с января 1924 по апрель 1930 г. Помимо директорства, он руководил в музее двумя отде-

вестный этнограф и фольклорист, директор Центрального музея народоведения в Москве, который выступил главным инициатором и организатором издания журнала «Этнография».

В архиве Государственного Литературного Музея (ГЛМ, Ф. 50, Соколов Б.М.) сохранился большой пласт материалов, касающихся создания и деятельности журнала с 1925 по 1930 гг.: письма разных лиц в редакцию и лично Б.М. Соколову по поводу издания статей и других материалов, его переписка с членами редколлегии, ведущими этнологами России, главным редактором журнала, с Главнаукой, Всесоюзным обществом культурных связей (ВОКС), с зарубежными деятелями науки и т.п.

Это, например, письма от С.Ф. Ольденбурга о необходимости публикации в журнале большего количества рецензий на зарубежные издания по этнографии, в частности, об обзоре французских научных журналов, аннотаций на различные новые книги (их за последние годы, пишет он, вышло около 500) (6. I. 1927), о посылке в редакцию рецензии ученика Н.Я. Марра Н.Я. Золотова (28.V.1927)⁶ (ГЛМ. Ф.50. Д. 153. Л.1–10).

Письма члена редколлегии Д.А. Золотарева, в которых он уведомляет Соколова о том, что Ольденбург согласился стать ответственным редактором журнала (19.IX.1925) (*Там же*. Д. 92. Л. 3), о

лами: финно-угорским и восточно-славянским. В 1925 и 1927–28 гг. под руководством Соколова музей провел этнографические экспедиции в Марийскую область, в Карелию и Вологодскую губ. В 1928 г. был направлен в Германию, Польшу, Финляндию, Швецию, Норвегию и Данию для ознакомления с работой этнографических музеев.

С 1924 по 1926 гг. преподавал сначала в должности сверхштатного профессора II МГУ, затем профессора этнологического факультета I МГУ. С 1924 г. Соколов – действительный член Государственной академии художественных наук, сотрудник Российской ассоциации научно-исследовательских институтов Общественных наук (РАНИОН), член Государственной Академии материальной культуры (ГАИМК).

С 1929 г. состоял заместителем председателя Научно-исследовательского комитета Севера при ВЦИК, председателем этнографической секции ВОКС, членом Государственного Ученого Совета.

Б.М. Соколов – автор множества работ по этнографии, фольклористике, литературоведению, этнографическому музееведению и краеведению.

За два месяца до смерти (май 1930 г.) ушел с поста директора музея, но оставался зав. восточно-славянским отделом. (О причинах ухода и конфликте с В.В. Богдановым см.: НА РАН. Ф. В.В. Богданова. Д. 71 (9); *Бахтина* 2000: 243; *Померанцева, Чичеров* 1955).

Умер в Москве 30 июля 1930 г. от болезни почек. (РГАЛИ. Ф. 483. Д. 2901. Богатырев П.Г. Памяти друга. Некролог. Л.1–2; ГЛМ. Ф. 50. Д. 279. Л. 1–4).

⁶ *Золотов Н.* Рец. на: Ф. Павлов. Чуваш и их песенное и музыкальное творчество. Чебоксары, 1927 (была опубликована в «Этнографии» № 1–2 за 1927 г.).

рецензиях на статьи для № 1 за 1926 г., о встрече с Ольденбургом для обсуждения дел редакции и набора второго номера (20. XII. 1925; 18. IV. 1926) (*Там же*. Л. 4, 5) и т.п.

Письмо ученого секретаря Центрального музея народоведения Ю.А. Самарина (7. XI.1926) о том, что сверстывание и печатание первого номера «Этнографии» задерживается, т.к. его объем превысил предоставленные Госиздатом 15 листов, в связи с чем весь материал должен распределиться на следующие номера 1926 и 1927 г. (*Там же*. Д. 182. Л.9).

Письма Д.К. Зеленина, в которых он сообщает Соколову о подготовке обзора литературы по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг. для № 1 за 1926 г., планирует следующие рубрики: труды по материальной культуре (жилище, одежда, техника, крестьянское искусство), об обрядах (свадьбы, похороны и т.п.) и верованиях, по музееведению и труды общего характера. В последний раздел, по его мнению, войдет и главная краеведческая литература. Ему не ясно, войдет ли в номер особый раздел о программах и анкетах (18. XII. 1925; 30. XII. 1925). В письмах сообщается, что Ольденбург одобрил для публикации вышеуказанный обзор, и что им подготовлена для журнала рецензия на последний том Л. Нидерле «Život Starých Slovanů» («Славянские древности»), вышедший в 1925 г. (1. II. 1926). После выхода в свет первого номера журнала Зеленин пишет (17. I. 1927), что он произвел на него «самое лучшее впечатление», но, тем не менее, «сырые материалы должны быть заменены настоящими исследованиями или описаниями исследовательского типа (как, например, труд Б.А. Куфтина «Материальная культура русской Мещеры»). Зеленин считал, что основное внимание в журнале должно уделяться материальной культуре и верованиям, но без народной словесности, поскольку этой проблеме посвящен журнал «Художественный фольклор», сообщает о подготовке для журнала статьи «Примитивная техника гончарства в Восточной Европе» (в том числе и по полевым материалам, собранным им летом 1926 г. у обрусевшей мордвы), а также о намерении опубликовать автореферат его книги «Russische (Ostslavische) Volkskunde»⁷, одобряет проект Ольденбурга о 500 аннотациях на иностранные книги и сам предлагает писать аннотации на книги и статьи о славянах. Кроме того, Зеленин сообщает (14. I. 1930) о том, что не согласен с позицией Соколова, высказанной на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда об усилении статей о нацменьшинствах за счет восточных славян (*Там же*. Д. 88. Л. 1–17).

В письмах члена редколлегии В.Г. Богораза содержатся сведения о посылке рецензии его и Я.П. Кошкина на книгу Г.А. Старце-

⁷ Рец. на книгу: Д.К. Зеленин. Russische (Ostslavische) Volkskunde опубликована в «Этнографии», 1928, № 2 под авторством В.Н. Харузиной.

ва «Остяки» (30. IV. 1929), о получении оттисков «Этнографии», о необходимости публикации тезисов и резолюции Совещания этнографов Москвы и Ленинграда во втором номере 1929 г. Он высказывает надежду, что Соколов приедет в Ленинград для обсуждения следующих номеров журнала и интенсификации его деятельности (17. V. 1929), обещает послать для журнала свою статью «Применение марксистского метода к изучению этнографических явлений» (13. IX. 1929), просит повторно прислать ему «Этнографию» с его рецензией на А.Н. Максимова⁸, т.к. свой экземпляр подарил Ф. Боасу в США (б.д., предположительно сентябрь 1928 г.), предлагает следующее: прислать для журнала рецензию на книгу М. Мосса, материал о Конгрессе американистов, статью С.А. Макарьева – директора Карельского государственного музея на тему: «Этнографические изыскания о вепсах»⁹, свою статью о Л.Я. Штернберге в редакции Ольденбурга (15. XI. 1927) (Там же. Д. 41. Л.1–9).

Письма члена редколлегии Л.Я. Штернберга (9. III. 1926; 17. VII. 1929) представляют интерес в связи с планами издания номеров журнала, говорят о его беспокойстве в связи с чрезвычайно медленным поступлением в редакцию статей для раздела «Personalia» и по поводу задержки корректуры. Его просьба к Соколову: увеличить размер листов, таблиц и рисунков, организовать финансирование авторов статей и рецензий. Свою статью об избранничестве и статью Богораза, материалы о конгрессах и аннотации на вышедшие книги направляет в редакцию, также просит Соколова срочно поместить в журнале рецензию на «Тунгусский словарь»¹⁰. Штернберг уверен, что статья Е.Н. Басовой – ученицы В.Н. Харузиной о гончарном искусстве (по мнению рецензента С.И. Руденко) для журнала не подходит, т.к. по его мнению, это скорее материал для популярной брошюры. Он также сообщает о своем отъезде в Японию (19. VIII. 1926) (Там же. Д. 241. Л.1–14).

Здесь же находим письма С.А. Штернберг – жены Штернберга, написанные после его смерти (27. VIII; 3. XII. 1927) по поводу высылки ей сначала корректуры, а затем оттисков статьи Льва Яковлевича «Избранничество»¹¹ и о подготовке ею для журнала посмертного научно-биографического очерка о нем (Там же. Д. 242. Л. 1–9).

⁸ *Богораз-Тан В.* Палланцы и уканцы, заметка А. Максимова. Труды этнографо-археологического музея I МГУ. 1927 г. // *Этнография.* 1928. № 1. С. 117–118.

⁹ *Макарьев С.А.* Этнографическая работа среди вепсов после революции // *Этнография.* 1927. № 1.

¹⁰ Рец: *Кошкин Я. Е.И.* Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926 // *Этнография.* 1928. № 1. С. 141–143.

¹¹ *Штернберг Л.Я.* Избранничество в религии // *Этнография.* 1927. № 1. С. 3–56. 120

Интересны письма В.Н. Харузиной (14. XI. 1927; 8. II., 27. VII. 1928), в которых она беспокоится, соблюдена ли вся правка, которую она внесла в гранки своей статьи «Примитивные формы драматического искусства» (№ 1–2, 1927; № 1–2, 1928), сожалеет о кончине Штернберга и пишет, что его статья «Избранничество» очень интересна. Сокрушается об утрате ее статьи «Заговоры», которая, вероятно, потерялась в редакции, спрашивает, будет ли опубликована ее заметка о статье В.К. Гутмана о пчеловодстве, поскольку на нее обратили внимание даже европейские этнологи, т.к. она наталкивает на новые мысли. Харузина уведомляет Соколова, что ее рецензия на книгу Зеленина готова к печати, просит опубликовать в память о Е.Н. Басовой, умершей в 1928 г., ее статью о гончарном искусстве, написанную еще в 1922 г., но отклоненную редакцией (*Там же*. Д. 226. Л.1–4 об.).

С.А.Токарев в письме Соколову (31.VII.1929) советует заказать рецензию на книгу «Этнос» С.М. Широкогорова, изданную в Шанхае¹², у Кошкина (у которого он ее видел), спрашивает, нужно ли рецензировать «Золотую ветвь» (Д. Фрезера) и кому заказать рецензию на книгу Йохельсона, изданную на английском языке. Предлагает дать ее на рецензирование Куфтину, поскольку Левин по-английски не читает (*Там же*. Д. 213. Л. 1 об.– 2)¹³.

¹² Имеется в виду книга: *Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. Шанхай: Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета, 1923. – *Ред.*

¹³ В ГЛМ также отложились письма Б.М. Соколову от следующих лиц:

От Куфтина Б.А. (15. II. 1927), содержащие критические замечания по поводу рецензии Г. Бонч-Осмоловского на его труд «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова» (опубликована в «Этнографии» № 1–2 за 1926); в корректуре просит исключить из нее легкомысленное и «вредоносное для науки отношение» (ГЛМ. Ф.50. Д.284. Л.1);

От Г.А. Бонч-Осмоловского (б.д., 1926) о посылке в редакцию дополнений к его рецензии на работу Б.А. Куфтина «Жилище крымских татар». (*Там же*. Д. 45. Л. 1);

От фольклориста и этнографа В.А. Калинского (22. XII. 1926; 20. II. 1927) с предложением издать в журнале его статью «Юридический фольклор и его изучение на Украине», а также обзор об экспедициях в Подольскую, Волынскую, Черниговскую губ. за период с 1920 по 1926 г. Желает С.Ф. Ольденбургу продолжения «успешного начинания, прекрасным и серьезным выражением коего является журнал...» (*Там же*. Д. 285. Л. 1, 2);

Письма из Харькова от ученицы В.Н. Харузиной Р.С. Данковской (31. I. 1927; 15. II. 1928), в которых она откликается на просьбу Соколова прислать для журнала заметку об этнографической работе в Харькове за 1927 г., а также статью об украшении окон, которую обещает написать сразу на русском, а не на украинском языке; выражает благодарность за журнал и особенно за интересную статью о В.Ф.Миллере, который «среди профессоров был такой же светлой личностью, как и В.Н. Харузина» (*Там же*. Д. 74. Л. 1, 2);

От фольклориста Н.М. Элиаш (16. X. 1926; 10. XII. 1927) о ее поездке в Германию, об установлении научных контактов с немецкими этнологами, присылке в журнал ее статьи о немецких этнографических музеях и статьи об этнографических наблюдениях в Староруссе (*Там же*. Д. 244. Л.1–11);

От председателя Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами А.А. Знаменского, адресованные Соколову и Ольденбургу (7. VI. 1927) с просьбой регулярной присылки журнала «долженствующего стать центром обмена опытом научных работ по этнографии» (*Там же*. Д. 266. Л.1);

От известного фольклориста и литературоведа Н.П. Андреева о присылке в журнал своих статей и заметки памяти финского фольклориста А.А. Аанге (23. XII. 1929) (*Там же*. Д. 26. Л.1).

Переписка Соколова с проф. Пермского университета П.С. Богословским – этнографом, фольклористом, организатором историко-литературного и театрального музея при Пермском университете, членом РГО. Последний просит Соколова опубликовать в журнале его статью «К номенклатуре и топографии свадебных чинов по этнографическим данным» (8. IV. 1927), а Соколов сообщает Богословскому о помещении в «Этнографии» его обзора о пермской этнографии (16. IV. 1927) (*Там же*. Д. 42. Л. 1 об.–3);

Два письма от этнографа и историка Н.И. Гаген-Торн (1. XI. 1929; 16. XI. 1929) с просьбой напечатать в журнале ее заметку по поводу работы этнографа П.Д. Степанова из Саратова о мордовских головных уборах (*Там же*. Д. 60. Л. 1–3);

Письмо от известного лингвиста Л.А. Мерварт (25. IX. 1928) о присылке в редакцию ее статьи «Современное положение изучения голландской этнографии», в котором она спрашивает о необходимости сопровождения ее иллюстрациями (статья была опубликована в № 1 за 1929 г. (*Там же*. Д. 138. Л.1);

Письма от Н.В. Никольского – профессора Восточного педагогического института (Казань) (26. III. 1927; 21. V. 1927), в которых он сообщает, что по просьбе Соколова готовит обзор литературы о народах Поволжья в заграничной прессе и сетует на то, что знает мало изданий на иностранных языках (например, грамматика марийского языка на нем. яз. (1922) и обзор татарских песен (на итал. яз.) (1924). Просит Соколова, по возможности, прислать ему иностранную литературу по данной теме, а в другой открытке интересуется об исследованиях, опубликованных в Москве, по изучению народов Поволжья (*Там же*. Д. 147. Л.1, 2);

От В.В. Паскалова – этнографа и музыковеда (19. V. 1926; 28. II. 1928) с просьбой сообщить ему: есть ли надежда на выход первого номера журнала «Этнография», посылает в редакцию свою статью: «Деятельность московских музыкантов-этнографов за последние 8 лет» (издана в «Этнографии». 1926. № 1-2) (*Там же*. Д. 157. Л. 1–2);

От редактора А.П. Примакова (4. VII. 1930) по поводу корректуры статьи Е.А. Крейновича «Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков» (издана в «Этнографии». 1930, № 1-2) (*Там же*. Д. 173);

От Б.Г. Герасимова – учёного-краеведа, учредителя Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения РГО. Он сообщает о своей заметке об этнографической работе секции Географического общества за 1917–1925 гг., предлагает для публикации в журнале свою статью о поляках-старообрядцах Южного Алтая (14. V. 1927; 25. V. 1929) (*Там же*. Д. 57. Л. 1–4);

От музыковеда-историка С.Л. Гинзбурга о материалах по западной этнографии для раздела «Personalia» и его статье о музыкально-этнографической работе в Ленинграде (5. X. 1927; 29. V. 1929) (*Там же*. Д. 58. Л. 1–2);

От председателя этнографической секции Чухломского музея Костромской губ. Г.И. Лебедева, в котором он пишет, что ждет получения журнала, необходи-

мого для ознакомления с этнографической работой, ведущейся в России, и что с жадностью прочитал его первый номер. Он посылает для «Этнографии» обзор об этнографической работе музея (*Там же*. Д. 119. Л.1);

От С.Е. Елховского – краеведа, этнографа, фольклориста (б.д. 1927, 28 гг.), который шлет для раздела «Personalia» сведения о себе, о музейно-этнографической работе в Залесском крае, просит прислать ему литературу о масленице и других календарных обрядах (*Там же*. Д. 78. Л. 1–2);

От лингвиста и этнографа С.А. Еремина (4. I. 1927), который посылает рецензию на книгу А.И. Никифорова «Этнография в школе» (М.–Л, 1926), написанную для журнала по рекомендации Д.А. Золотарева (*Там же*. Д. 80. Л.1);

От этнографа и лингвиста Н.К. Каргера (12. I. 1928) о присылке в журнал (по рекомендации В.Г. Богораза) рецензии на работу И.А. Лопатина «Гольды» (*Там же*. Д. 102. Л. 1)

От музыковеда-фольклориста К.В. Квитки (14. XII. 1925; 26. II. 1926) о том, что он направляет в редакцию свою статью «Музыкальная этнография на Украине в послереволюционные годы» (издана в «Этнографии» № 1–2 за 1926), и о том, что выход первого номера журнала сильно затянулся (*Там же*. Д. 103. Л. 1–3);

От этнографа Л.В. Костикова из Этнографического отдела Русского музея в Ленинграде (13. XII. 1929; 2.1.1930) о выходе в свет его статьи «Боговы олени в религиозных верованиях хасово» (вышла в «Этнографии». 1930. № 1–2) (*Там же*. Д. 108. Л.1–2).

От лингвиста и этнографа Г.Н. Прокофьева (28. II; 18. IV. 1929), который сокрушается, что не получил из редакции гранки его статьи «Остяко-самоеды Туруханского края», в которых допущены ошибки в написании самоедских слов, просит внести исправления (*Там же*. Д. 174. Л. 1);

От воронежского краеведа А.М. Путинцева (10. XII. 1925; 13. II. XII. 1929) по поводу публикации его статьи о народной косметике, одобренной Д.К. Зелениным. Пишет, что дважды просил Ольденбурга напечатать ее. (*Там же*. Д. 175. Л.1);

От литературоведа и искусствоведа Л.П. Семенова (13. XI. 1927; 13. II; 28. V. 1929) из Владикавказа о согласии подготовить для публикации в журнале обзор этнографической литературы о Кавказе за 1917–1927 гг. и предложении написать статьи об Ингушетии (по его новым полевым материалам), «Осетинские святилища», заметку о работе Ингушского Института краеведения в 1928 г. (*Там же*. Д. 183. Л. 3–10);

От фольклориста и филолога, организатора Астраханского университета, И.И. Солосина (31. III; 6. V. 1928), который уведомляет Соколова, что по его просьбе написал для журнала «Отчет о поездке в Астраханскую губ.» и присылает его сокращенный вариант (*Там же*. Д. 208. Л.1, 2);

От археолога, этнографа и краеведа Н.И. Спрыгиной (26. I. 1927; 17. II. 1928), которая посылает в редакцию свой обзор о работе Пензенского Областного музея и Пензенского Общества любителей естествознания и краеведения (*Там же*. Д. 209. Л. 1);

От известного востоковеда и археолога А.В. Шмидта из МАЭ (10. VI. б.г.) о передаче ему Д.К. Зелениным рецензии о связи археологии и этнографии (*Там же*. Д. 240. Л.1).

От иркутского историка, этнографа и археолога П.П. Хороших (25. XII. 1925) с предложением опубликовать статью «Бирки иркутских бурят» и присылать рецензии на работы о Бурятии и Монголии, а также сотрудничать по вопросам материальной культуры и изобразительного искусства бурят-монголов (*Там же*. Д. 281 Л. 1);

От краеведа П. Батина из Великого Устюга (4. II; 25. IX. 1926), который предлагает для журнала статью «Братчаны в их историческом прошлом», на которую

Публикуемые архивные материалы представляют, на наш взгляд, новые данные, свидетельствующие не только о дружески-доверительных отношениях большого числа известных российских этнологов на протяжении длительного периода, но и об их тесном деловом сотрудничестве на почве профессионального анализа научных достижений в самых различных сферах гуманитарных наук, о ценнейших предложениях расширения и углубления теоретического, методологического и фактологического диапазона исследований, вклада в дальнейшее развитие отечественной этнологии и антропологии в СССР.

имеются отзывы проф. Московского университета С.И.Смирнова и акад. М.М. Богословского (*Там же*. Д. 282. Л. 1–3);

От А.М. Панова – научного сотрудника Белорусского Государственного музея (7.IV.1927) с предложением своей статьи о слущких поляках (*Там же*. Д. 288. Л. 1);

От фольклориста С.В. Рклицкого (25. III.1928) о возможности публикации его статьи «К вопросу о влиянии народной мелодии на старинное культовое пение Греции, Украины и Московии» (*Там же*. Д. 294. Л.1);

Из редакции журнала «Краеведение» (13.IV.1928) (Ленинград) с просьбой принять к публикации статью проф., члена Всеукраинской ассоциации востоковедения, председатель Северо-Кавказского общества истории, археологии, этнографии, известного правоведа А.М. Ладыженского «Методы этнологического изучения права» и от него (22. XII.1928; 9. XII.1929) с категорическим требованием о присылке ему корректуры этой статьи (опубликована в «Этнографии» № 1 за 1929) (*Там же*. Д. 269. Л.1; Д. 301. Л.1);

От известного фольклориста, этнографа и журналиста Н.Е. Ончукова (30. XI.1925) о передаче ему Ольденбургом печатного приглашения участвовать в издании «Этнографии». В связи с этим он предлагает для первого номера свою статью о спиритизме, вере в черта и проч. (*Там же*. Д. 154. Л. 1, 1 об.); От филолога и этнографа А.С. Сидорова (3.III; 17.III.1927) о своем труде «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» и переговорах с Л.Я. Штернбергом о его сокращении и печатании только методологической части, а также статьи о тамгах у коми, которую одобрил Золотарев (*Там же*. Д. 185. Л.1-4);

От Л. Белковца из Минска (25. IX. 1928) с предложением о присылке статьи «Растительный мир в быту белорусского крестьянства» (*Там же*. Д. 298. Л. 1);

От А.М. Коллонтай, с которой Соколов познакомился во время своей командировки в Скандинавию в 1928 г. (на бланке: Полномочное представительство СССР в Норвегии), о присылке ему перевода статьи из норвежской газеты «Дагбладет» (*Dagbladet*) (15. X. 1928) (*Там же*. Д. 104. Л. 1–2);

От А. Пражака А. – декана философского факультета в Братиславе (6. VIII. 1927) с просьбой к Соколову о написании для их журнала «Učene spoločnosti šafarikivu» статьи об этнографических исследованиях в России (*Там же*. Д. 172).

От партийного деятеля и журналиста, зав. Отделом ВОКС Г.И. Крумина (17. VI. 1928) о необходимости обмена между «Этнографией» и журналом чешского этнографического общества «Národopisná spoločnosť československá»;

Письмо Соколова редактору ж. «Lud» А. Фишеру с просьбой установить обмен между журналами (б.д.) (*Там же*. Д. 15).

Остановимся на наиболее важных материалах, касающихся создания, первого и заключительного этапов деятельности журнала «Этнография».

Нами обнаружено письмо С.Ф. Ольденбурга к Б.М. Соколову от 25 июня 1925 г., в котором он пытается объяснить свой отказ стать главным редактором журнала:

«Вы знаете, что я от работы не бегу, но теперь я до того завален работой по Академии, что сплю не более четырех часов. И взять еще какую-нибудь работу было бы с моей стороны недопустимо. Редакторство, особенно теперь, дело серьезное и ответственное. Оно требует времени – у меня его нет. Числиться редактором и не быть им – нельзя и потому, как ни жаль мне, но добросовестное отношение мое к работе требует в данном случае отказа. Я не могу взять на себя редакторство. Не согласится ли Н.Я. Марр? Он все-таки свободнее меня и Ф.Н. Петров¹⁴... будет за него» (*Там же*. Д. 153. Л. 1, 1 об.).

Из ответного письма Б.М. Соколова на запрос в Главнауку о ведущейся работе по созданию журнала (октябрь 1925 г.) видим, что переговоры о создании журнала велись еще с 1923 г., а первый его номер должен был выйти в свет в 1925 г., но фактический его выход состоялся в конце 1926 г.:

«В НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ ГЛАВНАУКИ

В ответ на Ваше отношение от 28 сентября 1923 г. за № 12430 настоящим имею честь сообщить следующее в отношении издания журнала «Этнография».

За 1925 год отчет по изданию журнала пока не может быть представлен, так как только недавно была сконструирована и утверждена редакция журнала. Сейчас ведется деятельная подготовка к печати первого (двойного) № журнала за 1925 г. (15 листов). Журнал желательно издавать 4-мя книгами в год по 7 листов, имея, таким образом, на год 30 печатных листов; выходить будет через 3 месяца.

Журнал «Этнография» должен, прежде всего, служить объединению и взаимному осведомлению ученых этнографов СССР и выявлять в обзорах и информациях и пр. результаты научных этнографических достижений за революционную эпоху. Вместе с тем журнал должен знакомить русских читателей с современным состоянием этнографической науки за границей.

Большое внимание поэтому журнал предполагает уделить обзорам трудов по отдельным вопросам и широкой информации об этнографических обзорах на местах, и особенно среди национальностей СССР.

В отношении статей, исключительное внимание будет отдано исследовательским статьям. Печатание этнографического сырого материала без научного исследования его редакция за недостатком места производить не намерена.

¹⁴ Ф.Н. Петров – видный государственный, партийный и научный деятель. С 1922 по 1928 г. – начальник Главнауки (Главного управления научными, художественными, музейными, театральными и литературными учреждениями и организациями Народного комиссариата просвещения РСФСР).

Цену желательно назначить небольшую, так как редакция журнала хотела бы, чтобы «Этнография» нашла себе широкое распространение в провинции среди краеведческих учреждений. Б.М. Соколов» (*Там же*. Д. 267. Л. 1–3).

В этом же фонде нами обнаружено письмо Соколова к Ольденбургу, датированное 28.IX.1925 г. Приведем выдержки из него:

Многоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Когда мы виделись в последний раз в Москве, Вы ответили мне на вопрос о Вашем согласии взять на себя ответственное редакторство «*Этнографического обозрения*» (курсив мой – *М.К.*) обнадёживающим словом «подумаю». Питаю огромную надежду, что теперь Вы дадите утвердительный ответ. Как я Вам говорил, если Вы не возражаете, состав редакционного комитета был бы следующим: Вы – ответственный редактор, члены редакции – Л.Я. Штернберг, В.Д. Виленский-Сибиряков и я. Я бы, если Вы пожелали, взял бы на себя ответственное редакторство, так как журнал, как считает Главнаука, должен печататься в Москве, в частности по техническим условиям.

Был один щекотливый вопрос в переговорах о членах редакции – это решительный отвод Русским музеем Д.А. Золотаревым и С.И. Руденко от членов редакции В.Г. Тана-Богораза. Это было все сказано Д.А. Золотаревым при мне Ф.Н. Петрову. Вышеуказанный состав редакции принят последним. Члены редакции представляли бы собой главнейшие этнографические учреждения Ленинграда и Москвы. Академию наук, Этнографический отдел Географического общества – Вы, музеи Антропологии и этнографии – Л. Штернберг, Русский музей – Д.А. Золотарев, Центральный музей народоведения – я, Общество изучения Урала и Сибири и Северный Комитет – В.Д. Виленский– Сибиряков.

От Д.А. Золотарева и В.Д. Виленского-Сибирякова получено согласие. От Л.Я. Штернберга формального согласия еще не испрашивал, так как во время пребывания в Ленинграде я не знал, как окончательно решится вопрос с В.Г. Таном-Богоразом в виду определенного заявления представителей Русского музея.

Формально, чтобы В.Г. Тан-Богораз не обиделся (я, например, лично очень жалею, что так сложились настроения, так как гораздо приятнее максимально объединить этнографов) следует указать, как говорил Ф.Н. Петров, что в члены редакционного комитета входит по одному представителю от учреждения.

Не найдете ли Вы возможность поговорить с Л. Штернбергом лично и попросить его принять участие в редакции.

Относительно количества листов на этот год – мы имеем 15! Выпустить можно одной книжкой. Срок сдачи рукописей к первому ноябрю. Это я выяснил у т. Молодыха. На следующий год есть полное основание ожидать увеличения числа печатных листов. На редакционные расходы дается 15 руб. с листа, т.е. 225.

Технику дела можно было бы, если Вы с этим согласитесь, организовать таким образом. Присылка рукописей шла бы по моему адресу, я бы подбирал весь принимаемый материал, сообщал Вам о поступивших рукописях и предложениях, а затем по накоплении рукописей приезжал бы в Ленинград, заранее условившись с Вами о созыве заседания редакторской комиссии, на котором распределялись рукописи на просмотр и отзыв редакторов и приблизительно

намечался состав номера. Через 2 недели или месяц (ведь пока предполагается всего 2 книги в год) Вы бы вновь созывали заседание коллегии, на котором на основании отзывов и обмена мнений окончательно намечался номер, который в подобранном виде шел затем через меня к Вам на последний просмотр, а затем сдавался бы в Москве мною в печать.

С москвичом Виленским я мог бы знакомить рукописи до отправления их в Ленинград, так, чтобы его мнение имелось для заседания коллегии, а может быть и он бы сумел бы приезжать на заседания.

Что касается состава первого сдвоенного номера, он как первый номер *после обычного перерыва* (курсив мой – М.К.) должен послужить, прежде всего, ознакомлению этнографов друг с другом, с работой исследователей, собирателей, с работой этнографических учреждений России за годы молчания этнографического журнала, т.е. за годы революции.

В № 1 должна быть, по крайней мере, на мой взгляд, дана обстоятельная информация тому, что сделано за этот период (с 1917 года) в разных местностях страны в области этнографии.

Я уже предварительно говорил с разными лицами, например, с проф. Арсеньевым с Дальнего Востока, с В.И. Смирновым и др. – они горячо сочувствуют этому. Здесь важно дать сведения не только о печатных работах, но и может быть, главным образом, о напечатанных уже трудах, о совершенных или совершаемых экспедициях и т.д. Для выполнения этого желательно разослать печатное обращение (Госиздат берется напечатать) к соответствующим лицам и учреждениям с просьбой прислать к 20-му октября нужные сведения.

Проект такого обращения посылаю Вам на Ваше рассмотрение и утверждение.

В 1 №, казалось бы, нужно дать общую статью о ближайших задачах этнографии в Союзе, очень нужно бы дать статью о важности этнографического изучения в связи с самоопределением народов Союза (хорошо бы Н.Я. Марр) и две-три статьи-исследования, а затем указанная информация <....>, библиография (рецензии, а может быть и обзоры в разных размерах). Думается, что составленный таким образом № 1, дал бы сразу то, что нужно.

То обстоятельство, что главным редактором были бы Вы – это сразу дало бы тон журналу: в Вашем лице объединяются интересы и материальной и духовной этнографии, и потому избегается односторонность, затем Ваше имя сразу дало бы понять, что редакция будет считать желательными сотрудниками журнала местных провинциальных этнографов-краеведов, а не одних только столичных.

Для того, чтобы журнал стал действительно органом, объединяющим всех русских этнографов без различия их группировок (увы, в нашей жизни часто не принципиальных, а личных), думаю, что Вы согласитесь со мной, чтобы приглашение сотрудников в журнал было разослано всем этнографам без исключения.

Тогда, думается, журнал будет, действительно, объединяющим всех органом.

Под Вашим мудрым руководством, я верю, «Этногр. обозрение» (курсив мой – М.К.) возродится, и очень прошу Вас дать скорейший ответ, тем более он нужен, потому что т. Молодых издает сейчас каталог научных журналов, где нужно поместить состав редакции, а главное, имя ответственного редактора.

Питаю надежду, что Вы не огорчите этнографов своим отказом. Я очень прошу Вас не отказать и в извещении меня, когда Вы будете в Москве. Мне хотелось Вас видеть эти дни, но я никак не мог узнать, где Вы остановились.

Если Вы считаете нужным теперь же создать редакционную коллегию для составления 1 №, то по Вашему вызову я приеду на тот же день, когда Вы назначите заседание.

Мой адрес: Москва, Воробьевское шоссе, д. № 2, Центральный Музей Народо́ведения

Б.М. Соколову (телефон 3-96-44)

Сердечно преданный Вам Б. Соколов. 28/IX-25 года» (ГЛМ. Ф. 50. Д. 6. Л. 1–3 об.).

После получения согласия Ольденбурга Соколов направил письмо заведующему Главнаукой Ф.Н. Петрову об утвержденном составе редколлегии и согласии Ольденбурга быть главным редактором (*Там же*. Д. 8. Л. 1).

В ГЛМ также хранится 7 писем академика А.М. Лободы (из Киева) Б.М. Соколову по поводу рецензирования статей и разъяснительных материалов к ним для журнала, обмена изданиями между редакциями «Этнографии» и «Етнографічний Вісник», о подготовке для «Этнографии» его статьи и статьи К.В. Квитки о развитии музыкальной этнографии на Украине и другим вопросам, касающимся журнала. Для нас интересно письмо А.М. Лободы, написанное после выхода первого номера журнала:

«Горячо поздравляю Вас с «Этнографом» (ошибочное название ж. «Этнография». – *М.К.*), но только недоумеваю, почему это не «Этнографическое обозрение», и вообще, какая судьба последнего? Неужели у Вас в Москве раскол? Или старое Общество любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии окончательно умерло? Не думайте, что я Вас об этом спрашиваю в суд и осуждение; я вполне понимаю, что Вам или Центральному Музею Народо́ведения по самому положению теперь не может не принадлежать первая скрипка, но разве это мешало действовать *viribus unitis*? (объединенными усилиями. – *М.К.*)» (Б.д. 1926 – начало 1927) (*Там же*. Д. 123. Л. 8–8 об.).

Приведенное письмо свидетельствует о том, что первоначально планировалось оставить старое название «Этнографическое обозрение». Вероятно, из-за появления в 1924 г. в Москве нового этнографического музея (ЦМН), в котором сосредоточились ведущие научные силы московских этнологов, ослабевавшей роли ОЛЕАЭ (в 1931 г. оно практически перестало существовать, слившись с Московским Обществом испытателей природы), а также необходимостью отмежевания от старого дореволюционного названия, возникла идея присвоить журналу название «Этнография». «Он унаследовал от дореволюционного “Этнографического обозрения” не только подчеркнутую аполитичность названия (что было символично), но и преемственность в отношении целей и задач». 1920-е гг. вообще

характеризовались сохранением преемственности с дореволюционной наукой; нэп давал надежду если не на реставрацию, то на “размягчение” режима (Соловей 2004:185). Документы и письма 1926–1928 гг. отражают и растущее влияние идеологии. Так, Б.М. Соколов сообщает о рекомендации С.Ф. Ольденбурга давать в журнал больше статей по современности и народам Союза в связи с проблемами государства, поскольку он боится архаизации этнографического материала, а также статьи, посвященные 10-летию революции и сдвигам, произошедшим в быту национальностей СССР. Кроме того, Б.М. Соколов пишет, что В.Д. Виленский-Сибиряков скептически смотрит на помещение в ближайшем номере статьи Л.Я. Штернберга об избранничестве, переведенной с английского языка; подчеркивает важность разделов Хроника и Personalia, которые делают грандиозное дело: показывают размах этнографической работы при советском строе (ГЛМ. Д. 6. Л. 7–11). Перспективы журнала «Этнография» обсуждались и на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г.: Б.М. Соколов призывал всех к активнейшему участию в работе издания через создание при Ленинградском этнографическом НИИ, при кафедрах этнографии в ВУЗах, а также в этнографических музеях групп специалистов для составления планомерных аннотаций этнографического материала; подчеркивал необходимость «приближения» журнала к широким читательским массам. Он предлагал выпускать периодические приложения к «Этнографии» – сборники этнографических материалов и бюллетеней экспедиций и стационарных работ. Подчеркивая важность совещания, планировал издать его материалы отдельным оттиском (РГАЛИ. Д. 3368. Л. 12).

В другом письме Лобода пишет о недостатках журнала: высказывает мнение, что он должен выходить чаще двух раз в год, иначе будет отставать от своего времени, более дешевыми книжками, т.к. цена 4 руб. достаточно высокая; пишет, что необходимо увеличение тиража с 800 экз. до 1200–1500 экз. и даже до 2000, считает нужным исключить из журнала статьи по палеоэтнологии, критикует раздел библиография за недостаточную систематичность (Там же. Л.12)

В фонде Б.М. Соколова (РГАЛИ) нами обнаружен автограф «Протокола первого заседания редакционного комитета журнала “Этнография”», состоявшегося в Ленинграде 6 декабря 1925 г. Приведем полный текст протокола, в котором обозначены цели и задачи нового издания:

Присутствовали: С.Ф. Ольденбург, Л.Я. Штернберг, Б.М. Соколов, С.И. Руденко (последний по приглашению отсутствующего в Ленинграде Д.А. Золотарева).

Слушали: Утвержденный Главнаукой состав редакции: С.Ф. Ольденбург (отв. редактор), Д.А. Золотарев, В.Д. Виленский-Сибиряков, Л.Я. Штерберг.

Постановили: Принять к сведению руководства.

Слушали информацию отв. секретаря Б.М. Соколова о плане издания журнала на 1926 г.

Постановили: Ввиду снятия журнала «Этнография» на 1925 г. вопрос договора с Отделом научных журналов Госиздата

1) Полагать, что на 1926 г. журналу должно быть предоставлено не 15, а 30 печатных листов.

2) Возбудить ходатайство перед Главнаукой об отпуске удвоенной суммы на редакторские расходы (в месяц 15 руб., за печатный лист – 30 руб.) ввиду необходимости оплаты гонораров за статьи и рецензии, написанные по заданию редакции.

3) Считать необходимым получение редакцией журнала в ее распоряжение 300 печатных экземпляров каждого № на предмет обмена с другими изданиями и для рассылки авторам.

4) Все означенные пункты предусмотреть при подписании договора с Главнаукой на 1926 г.

5) Просить Л.Я. Штернберга составить список иностранных учреждений и редакций, с которыми желательно проводить обмен.

6) Обсуждение основных принципов и плана журнала.

Постановили: в ближайших номерах журнала помещать статьи-обзоры по разным областям этнографической науки, статьи исследовательского характера, материал (этнографические записи и пр.) помещать лишь при наличии научного комментария, отвести широкое место информации об этнографической работе в СССР за годы революции, помещать список этнографов с адресами и сведениями об их работах, наконец, разработать отдел рецензий, ограничивая их лишь изданиями, вышедшими не ранее 1924 г.

7) Обсуждали план и статьи первого нового номера журнала. Постановили: Одобрить план, выработанный С.Ф. Ольденбургом.

Задачи журнала.

Акад. С.Ф. Ольденбург. Задачи журнала.

Проф. Л.Я. Штернберг. Современное состояние этнологии и ее задачи.

Ак. Н.Я. Марр. Этнография и самоопределение народов СССР.

В.Г. Тан-Богораз. Обзор теоретических трудов по этнографии.

Б.С. Жуков. Работы по палеоэтнологии в СССР.

С.И. Руденко. Обзор трудов по антропологии.

Д.К. Зеленин. Обзор трудов по этнографии в СССР.

Б.М. Соколов. Фольклор в СССР за годы революции (обзор трудов).

В.Д. Виленский-Сибиряков. Изучение малых народов Севера.

Акад. А.М. Лобода. Создание этнографии на Украине.

С.П. Григоров. Этнографические музеи в СССР.

Б.А. Куфтин. Д.Н. Анучин и его значение в области этнографии.

М.Т. Маркелов. Похоронные обряды волжских финнов.

Н.П. Гринкова. Старая и новая свадьба в Ржевском у.

Б.М. Соколов. Былины старой записи.

Personalia. Этнография СССР, информация о работе этнографических учреждений, рецензии. Кроме того, постановлено признать необходимым помеще-

ние статьи Д.А. Золотарева об изучении современной деревни, а также статьи об этнографии, в связи с самоопределением народов СССР (изучение быта национальностей). По поводу предложенной Н.Я. Марром статьи о слове «брат» постановлено: ввиду значительности размера статьи и отсутствия в Москве яфетического шрифта, считать помещение этой статьи в журнал затруднительным; просить Н.Я. Марра дать статью в журнал на тему о связи яфетических изысканий в связи с изучением материальной культуры.

Обсуждали: Распределение функций между членами редакции при предварительном просмотре статьи. Постановили: Распределить следующим образом

- 1) Иностранная этнография – Л.Я. Штернберг
- 2) Русская этнография – Д.А. Золотарев
- 3) Фольклор – Б.М. Соколов
- 4) Восток – С.Ф. Ольденбург
- 5) Общественно-политические вопросы – В.Д. Виленский-Сибиряков.

Все статьи до заслушивания на редакционном комитете предложено с заключением редакторов направлять ответственному секретарю. Имеющиеся в портфеле секретаря статьи: Я.В. Абрамова по Кавказу; С.В. Мартынова о волжских народах, передать Д.А. Золотареву; Б.М. Соколова – С.Ф. Ольденбургу; Н.П. Гринковой о свадьбе – Б.М. Соколову.

Постановлено: Просить всех членов редакции составлять списки <...> для рецензирования книг, с указанием предлагаемых рецензентов и направлять эти списки секретарю.

По вопросу о составлении информации о деятельности этнографических учреждений постановить просить составить информацию:

- 1) по экспедициям Академии Наук – П.В. Виттенбурга
- 2) по музею Антропологии и Этнографии Академии наук и по этнологическому факультету Ленинградского университета – Л.Я. Штернберга
- 3) по сказочной комиссии – Н.П. Гринкову
- 4) по Русскому музею, Академии Истории материальной культуры и Географическому обществу – Д.А. Золотарева
- 5) по Центральному музею народоведения – Б.М. Соколова

Подписи: Отв. ред. С.Ф. Ольденбург

Отв. секретарь Б.М. Соколов (РГАЛИ. Ф. 483. Д. 3062. Л. 1, 2).

Из письма Б.М. Соколова С.Ф. Ольденбургу от 8.IV.1927 г. видно, что абсолютно все вопросы, касающиеся журнала, решались исключительно с ведома главного редактора: Соколов сообщает ему, что отдал ряд статей на рецензирование и редактирование Виленскому-Сибирякову, о рекомендации Ольденбурга давать в журнал больше статей по современности и по народам Союза в связи с проблемами государства, поскольку он боится архаизации этнографического материала, статью, посвященную 10-летию революции и о сдвигах, произошедших в быту национальностей СССР. Кроме того, Соколов сообщает, что Штернберг вернул ему статьи Е.Н. Басовой и Д.К. Зеленина о гончарстве у малочисленных народов и гончарстве у русских, но, к сожалению, не написал, можно ли печатать обе ста-

тью или только одну; о необходимости помещения Обзора этнографических экспедиций и работе экспедиционной комиссии Академии наук; беспокоится о том, что отдел рецензий, по его мнению, слаб (список рецензентов находится в Ленинграде у Н.П. Гринковой), но ни одна рецензия еще не получена, хотя Толстов прислал очень хороший обзор по русским крестьянским постройкам; спрашивает мнение Ольденбурга о статье Н.М. Элиаш об этнографических музеях Германии; пишет о необходимости (вместе с Ольденбургом во время его очередного приезда в Москву) посетить Ф.Н. Петрова и Н.И. Троцкую¹⁵; об увеличении тиража журнала (нужно издавать более 800 экземпляров); увеличении оплаты гоноров за аннотации на иностранные книги, а также о технических новшествах: теперь статьи набираются по мере сдачи их редакцией, а верстаются лишь после набора. «Сергей Федорович, почему Вы себя не бережете. Ведь, видимо, Вы не осознаете, что значите Вы для научной и культурной жизни страны!» – так тепло отзывается Соколов об Ольденбурге (ГЛМ. Ф. 50. Д. 6. Л. 7–11).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. журнал был коренным образом реорганизован. Об этом свидетельствует документ из архива РГАЛИ «Резолюция по сообщению Б.М. Соколова о журнале “Этнография” на основании его доклада, сделанного на Совещании этнографов Ленинграда и Москвы 5–11 апреля 1929 г.»:

1) Одобрить намеченный пополненным составом редакции «Этнографии» план введения в журнал новых отделов: методологического и «этнография и советское строительство».

2) Поручить редакции «Этнографии» обеспечить такое направление журнала, которое бы базировалось на историко-материалистическом подходе и давало бы методический отпор всем нематериалистическим построениям в этнографической науке.

3) Считать абсолютно необходимым доведение числа выпусков «Этнографии» до шести в год, ибо уже в двух выпусках в год журнал не может справляться со своими все расширяющимися и углубляющимися задачами.

4) Признать нужным усиление в «Этнографии» неславянского материала, для чего в большей степени вовлечь в работу журнала лиц, работающих по этнографии национальностей Союза. В этой связи просить редакцию также проработать вопрос о введении в журнал отдела кратких статей и заметок, а также отдела инструктажа местной этнографической работы. Обратить также внимание на освещение работы студенческих этнографических научных кружков.

5) Призвать всех этнографов нашей страны к активнейшему участию в работе журнала. В частности, считать целесообразным создание при Ленинградском этнографическом научно-исследовательском институте, при кафедрах этнографии в ВУЗах, а также в этнографических музеях групп этнографов по

¹⁵ Н.И. Седова-Троцкая – вторая жена Л. Троцкого, зав. Музейным отделом Наркомпроса (с 1918 по 1928 гг.).

составлению планомерных аннотаций этнографического материала. Просить редакцию организационно это дело поставить.

6) Поручить редакции проводить необходимые мероприятия по приближению журнала «Этнография» к более широким читательским массам, чем до сих пор.

7) Признать целесообразным, в связи со все продолжающимся пополнением большого этнографического экспозиционного материала и значительности его, как в теоретическом отношении, так и для потребностей советского строительства, поднять в соответствующем порядке вопрос о периодическом выпуске приложений к «Этнографии» в виде сборников этнографических материалов. Наряду с этим, необходимо издание при журнале бюллетеней этнографических экспедиций и стационарных работ.

8) Считать необходимым в след. выпуске журнала поместить резолюции и тезисы докладов Совещания этнографов Ленинграда и Москвы, издав эти материалы отдельным оттиском¹⁶. Вообще подчеркнуть необходимость большей популяризации в печати роли, значения и достижений современной этнографии (РГАЛИ. Ф. 483. Д. 3368. Л. 12).

К концу 1920-х гг. влияние С.Ф. Ольденбурга в редакции постепенно ослабевало. Этому немало способствовало разразившееся в октябре 1929 г. так называемое Академическое дело, которое первоначально планировалось в отношении руководящей верхушки АН СССР, в первую очередь против секретаря АН СССР Ольденбурга, академика Ферсмана и др. Жертвами этого дела стала большая группа известных ученых, в том числе академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Н.В. Измайлов, С.В. Рождественский, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, Д.Н. Егоров, В.Н. Бенешевич. Была арестована и группа ленинградских этнографов: А.М. и Л.А. Мерварты, Т.А. Корвин-Круковская, Г.Г. Гультвин, сотрудники Русского музея, Центрархива и др. Всем им было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии в стране (*Перченко* 1991а: 163; *Перченко* 1995б: 141–210). Хотя академик С.Ф. Ольденбург не был осужден по этому делу, 30 октября 1929 г. его освободили от должности Непременного секретаря АН СССР, которую он непрерывно занимал с 4 (17) октября 1904 г. Захватившие руководящие позиции молодые радикалы-большевики, неплохо освоившие основы марксистской теории, искажали реальное положение вещей (*Тумаркин* 2002: 4). «Оказавшись не в состоянии решить сложные научные проблемы сугубо интеллектуальными средствами, они использовали аргументы политического поряд-

¹⁶ Вероятно, из-за скоростной смерти Б.М. Соколова стенограмма Совещания так и не была издана, хотя Я.П. Кошкин в своем письме Соколову от 30 июня 1929 г. сообщает, что выслал ее в Главнауку и Соколову для последующей публикации в журнале (ГЛМ. Ф. 50. Д. 110. Л. 1, 1 об.)

ка, вызывая к политическому руководству, как арбитру в научных спорах» (Соловей 1990: 51). В 1931 г. журнал был реформирован. Одной из причин этого, вероятно, явился и неожиданный уход из жизни Б.М. Соколова. Новые направления и новые тенденции в этнологии конца 1920-х гг. определили и его новое название – «Советская этнография» (Абрамзон 1976: 90–92).

Итак, преемственность, о которой идет речь в данной статье, не однолинейная и простая, с плавным переходом из года в год, из века в век, из одной социально-политической эпохи в другую: она не подразумевает бесконфликтной смены редакционных составов и единства проблемно-тематического содержания. Привлечение новых архивных документов дает возможность перекинуть мост между «Этнографическим обозрением» и «Этнографией», показать преемственность традиций, основных задач, программных тезисов журналов и даже их основных рубрик, а также оценить значение этого печатного органа в развитии российской этнологии. Представленные материалы демонстрируют неопределимую роль В.В. Богданова не только в дореволюционном журнале «Этнографическое обозрение», но и в продолжении его издания в 1920-е годы. Из-за трений, возникших между ним и Б.М. Соколовым, осуществить эту идею В.В. Богданову, к сожалению, не удалось. Став в 1926 г. ответственным секретарем возобновленного журнала, Б.М. Соколов изначально намеревался сохранить его прежнее наименование, но, вероятно, из-за необходимости отмежевания от дореволюционного издания было принято решение назвать его «Этнография». Журнал продолжал издаваться в Москве и структурно был идентичен дореволюционному «Этнографическому обозрению». В «Этнографии», как и в предшествующем ему издании, принимали организационное и авторское участие представители старого поколения этнографов – В.Н. Харузина, Д.К. Зеленин, Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз-Тан и другие, что несомненно способствовало сохранению преемственности. Все это дает веские основания для исправления ошибочной даты создания журнала, появившейся на титуле по причинам идеологического характера лишь в 1967 г. и, как нам представляется, доказывает преемственность ныне издающегося журнала «Этнографическое обозрение» с его одноименным дореволюционным изданием, выходившим затем под названиями «Этнография» и «Советская этнография» и вернувшим в 1992 г. свое исходное наименование.

Источники и материалы

ГЛМ – Государственный литературный музей, архив рукописного фонда. Ф. 50.

НА ИЭА РАН – Научный архив Института этнологии и антропологии РАН. Ф. Богданова В.В.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 483.

Научная литература

Абрамзон 1976 – Абрамзон С.Н. Советская этнография в начале 1930-х гг. // Советская этнография. 1976. № 4. С. 90–92.

Алымов, Решетов 2003 – Алымов С.С., Решетов А. М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. Т. 2. / Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 227–268.

Арзютов и др. 2014 – Арзютов Д.В., Андерсон Д. Дж., Алымов С.С. (ред.) От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) . СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Бахтина 2000 – Бахтина В.А. Фольклористическая школа братьев Соколовых. М.: Наследие, 2000.

Богданов 1913 – Богданов В.В. В.Ф. Миллер как председатель Этнографического отдела // Этнографическое обозрение. 1913. № 3–4. С. 21–34.

Богораз-Тан 1927 – Богораз-Тан В.Г. Палланцы и уканцы, заметка А. Максимова. Труды этнографо-археологического музея ИМГУ // Этнография. 1928. № 1. С. 177–118.

Ипполитова 2001 – Ипполитова А.Б. История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

Керимова 2011 – Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. М.: Восточная литература, 2011.

Керимова 2013 – Керимова М.М. Становление и развитие российской этнографии последних десятилетий XIX – первой трети XX в. (на основе изучения научного наследия семьи Харузиных). Дисс. ... д.и.н. М., 2013.

Кошкин 1928 – Кошкин Я.П. Е.И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926 // Этнография. 1928. № 1. С. 141–143.

Крачковский 1934 – Крачковский И.Ю. (отв.ред.) Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности 1882–1932. Сб. статей. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Макарьев 1927 – Макарьев С.А. Этнографическая работа среди вепсов после революции // Этнография. 1927. № 1. С. 196–200.

Миллер 1900 – Миллер В.Ф. Н.Н. Харузин // Этнографическое обозрение. 1900. № 2. С. 1–14.

- Ольденбург* 1926 – *Ольденбург С.Ф.* Задачи журнала “Этнография” // Этнография. 1926. № 1–2. С. 5–6.
- Перишиц, Чебоксаров* 1976 – *Перишиц А.И., Чебоксаров Н.Н.* 50 лет журнала “Советская этнография” // Советская этнография. 1976. № 4. С. 3–26.
- Померанцева, Чичеров* 1955 – *Померанцева Э., Чичеров В.* Борис Матвеевич Соколов (1889– 1930) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 97–105.
- Решетов* 2001 – *Решетов А.М.* Журнал российских этнографов. Некоторые вопросы истории. Часть I. 1926–1930 // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 27–37.
- Соловей* 1990 – *Соловей Т.Д.* Эволюция понимания предмета этнографии в советской этнографической литературе. 1917–1932 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1990. № 5. С. 50–60.
- Соловей* 2004 – *Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004.
- Станюкович* 1986 – *Станюкович Т.В.* Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии // Сергей Федорович Ольденбург / Отв. ред. Г.К. Скрыбин. М.: Наука, 1986. С. 84–90.
- Тумаркин* 2001 – *Тумаркин Д.Д.* Четырнадцать лет в “Советской этнографии” (Из воспоминаний заместителя главного редактора журнала в 1966–1980 гг.) // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 20–26.
- Тумаркин* 2002 – *Тумаркин Д.Д.* От составителя // Репрессированные этнографы / Сост. Д.Д. Тумаркин. Т. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 3–8.
- Турьинская* 2008а – *Турьинская Х.М.* Автобиографические источники в научном наследии В.В. Богданова // Антропология академической жизни. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 236–257.
- Турьинская* 2008б – *Турьинская Х.М.* Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX в. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Харузина* 1928 – *Харузина В.Н.* Рец. на: Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde // Этнография. 1928. № 2. С. 144–154.

Article Summary From the history of Russian ethnography. Vol. 1

V.V. Bogdanov's and B.M. Sokolov's contribution to the creation and development of Russian ethnographical periodicals at the end of 19th – first quarter of 20th centuries [Vklad V.V. Bogdanova i B.M. Sokolova v sozdanie i razvitie Rossiiskoi etnograficheskoi periodiki v kontse 19–pervoi chetverti 20 vekov]

Keywords: V.V. Bogdanov, B.M. Sokolov, the magazine «Ethnographic Review», «Ethnography», the continuity in science, ethnographical periodicals

Summary: This article is written on the basis of the materials from three Moscow archival storage: the Scientific archive of Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, the Manuscripts Department of the State Literature Museum and the Russian State Archive of Literature and Art. The specific goal of this article is to show the contribution of well-known Russian and Soviet ethnographers V.V. Bogdanov and B.M. Sokolov to the Russian ethnographic periodicals. They were the initiators and key figures of the process of creation of first postrevolutionary ethnographic journal, they opened up broad prospects for the formation and development of the Russian Ethnology and Anthropology at the turn of the eras and made an enormous contribution to the development of ethnographic periodicals. In addition, we have tried to show the continuity between the “Ethnographic Review” journal, first being published in 1889, through the post-revolutionary journal “Ethnography”, first came out after a long break in 1926 and nowadays journal “Ethnograficheskoe Obozrenie”. The author argues that the data of creation of the nowadays “Ethnograficheskoe Obozrenie” journal marked as 1926 year, is inaccurate. Unfortunately, V.V. Bogdanov was unable to carry out the continuation of the publication “Ethnographic Review”. After becoming the executive secretary of the renewed journal in 1926, B.M. Sokolov and the new editorial board decided, probably because of the necessity of dissociating from the pre-revolutionary publications, give to the journal a different name – “Ethnography”. The journal continued to be published in Moscow, and was structurally identical to the pre-revolutionary “Ethnographic Review”. The authors of old generation of ethnographers – V.N. Kharuzin, D.K. Zelenin, L.Y. Sternberg, Bogoras-Tan and others took part in editorial work on both “Ethnograficheskoe Obozrenie” and “Ethnography” journals, which undoubtedly helped to preserve continuity. All these facts make a strong case for correcting the erroneous date of creation of the nowadays’ journal “Ethnograficheskoe Obozrenie”, which appeared on the title only in 1967.

Author: **Mariam M. Kerimova**, Institute of ethnology and anthropology of Russian Academy of sciences (Moscow, Russia), mkerimova@yandex.ru

References

Abramzon S.N. Sovetskaiia etnografiia v nachale 1930-kh gg. *Sovetskaiia etnografiia*, 1976, no. 4, pp. 90–92.

- Alymov S.S., Reshetov A.M. Boris Alekseevich Kuftin: izlomy zhiznennogo puti. *Repressirovannye etnografy*, vol. 2, ed. D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003, pp. 227–268.
- Arziutov D.V., Alymov S.S., Anderson D.D. (ed.) *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)*. St. Petersburg: MAE RAN, 2014.
- Bakhtina V.A. *Fol'kloristicheskaia shkola brat'ev Sokolovykh*. Moscow: Nasledie, 2000.
- Bogdanov V.V. V.F. Miller kak predsedatel' Etnograficheskogo otdela. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1913, no. 3–4, pp. 21–34.
- Bogoraz-Tan V.G. Pallantsy i ukantsy, zametka A. Maksimova. *Trudy etnografo-arkheologicheskogo muzeia I MGU. Etnografiia*, 1928, no. 1, pp. 177–118.
- Ippolitova A.B. Istoriiia muzeia narodov SSSR v Moskve. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 2, pp. 144–160.
- Kerimova M.M. *Zhizn', otdannaia nauke. Semi'a etnografov Kharuzinykh*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011.
- Kerimova M.M. *Stanovlenie i razvitie rossiiskoi etnografii poslednikh desiatiletii XIX – pervoi tretii XX v. (na osnove izucheniiia nauchnogo naslediiia sem'i Kharuzinykh)*. Dissertation Thesis. Moscow, 2013.
- Kharuzina V.N. Rets. na: Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde. *Etnografiia*, 1928, no. 2, pp. 144–154.
- Koshkin Ya.P. E.I. Titov. Tungussko-russkii slovar'. Irkutsk, 1926. *Etnografiia*, 1928, no. 1, pp. 141–143.
- Krachkovskii I. Yu. (ed.) Sergei Fedorovichu Ol'denburgu. *K 50-letiiu nauchno-obshchestvennoi deiatel'nosti 1882–1932. Sb. statei*. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1934.
- Makar'ev S.A. Etnograficheskaiia rabota sredi vepsov posle revoliutsii. *Etnografiia*, 1927, no. 1, pp. 196–200.
- Miller V.F. N.N. Kharuzin. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1900, no. 2, pp. 1–14.
- Ol'denburg S.F. Zadachi zhurnala "Etnografiia". *Etnografiia*, 1926, no. 1–2, pp. 5–6.
- Pershits A.I., Cheboksarov N.N. 50 let zhurnala "Sovetskaia etnografiia". *Sovetskaia etnografiia*, 1976, no. 4, pp. 3–26.
- Pomerantseva E., Chicherov V. Boris Matveevich Sokolov (1889–1930). *Sovetskaia etnografiia*, 1955, no. 4, pp. 97–105.
- Reshetov A.M. Zhurnal rossiiskikh etnografov. Nekotorye voprosy istorii. Chast' I. 1926–1930. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 4, pp. 27–37.
- Solovei T. D. Evoliutsiia ponimaniia predmeta etnografii v sovetskoii etnograficheskoi literature. 1917–1932 gg. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 8, Istoriiia, 1990, no. 5, pp. 50–60.
- Solovei T.D. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoi etnografii v distsiplinarnom kontekste (XIX – nachalo XXI vv.)*. Moscow: Prometei, 2004.
- Staniukovich T. V. Deiatel'nost' S.F. Ol'denburga v oblasti muzeevedeniia i etnografii. Sergei Fedorovich Ol'denburg, ed. G.K. Skriabin. Moscow: Nauka, 1986, pp. 84–90.

- Tumarkin D.D. Chetyrnadtsat' let v "Sovetskoj etnografii" (Iz vospominanii zamestitelia glavnogo redaktora zhurnala v 1966–1980 gg.). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 4, pp. 20–26.
- Tumarkin D.D. Ot sostavitelia. *Repressirovannye etnografy*, ed. D.D. Tumarkin, vol. 1. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002, pp. 3–8.
- Tur'inskaia Kh.M. Avtobiograficheskie istochniki v nauchnom nasledii V.V. Bogdanova. *Antropologiya akademicheskoi zhizni*. Moscow: IEA RAN, 2008, pp. 236–257.
- Turyinskaya Kh.M. *Etnograficheskoe muzevedenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* Moscow: IEA RAN, 2008.

У ИСТОКОВ ТЕОРИИ ЭТНОСА: Н.М. МОГИЛЯНСКИЙ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Ключевые слова: этнос, теория этноса, Н.М. Могиялянский, этнические различия, антропология как дисциплина, история антропологии

Аннотация: Слово «этнос», употребляемое, как правило, в качестве синонима «народа» или «народности», до сих пор широко распространено в российском научном и общественно-политическом языке, несмотря на критику, которой теория этноса подверглась в последние десятилетия со стороны профессиональных этнологов. Статья рассматривает интеллектуальную и политическую ситуацию, в которой возникла первая формулировка представления об «этносе» как предмете изучения этнографии. Эта идея, предложенная этнографом Н.М. Могиялянским, рассматривается как органичное продолжение традиции петербургской антропологии и деятельности таких ее представителей как Ф. Волков, Д. Коропчевский и Э. Петри. В качестве главных черт этой традиции выделяются: ориентация на естественные науки и позитивистское представление о биосоциальных законах, управляющих природой и обществом, а также представление об этнографии как части обобщающей естественноисторической дисциплины антропологии. Этнические различия понимались Могиялянским и его предшественниками как подтип расовых различий, существующих наряду с культурными и лингвистическими.

Слово «этнос», употребляемое, как правило, в качестве синонима «народа» или «народности», до сих пор широко распространено в российском научном и общественно-политическом языке. Это словоупотребление, подвергавшееся в последние десятилетия критике профессиональных этнологов, вышло далеко за рамки академии. Столь же известной и в определенных кругах популярной является «теория этноса», ставящая своей задачей формулировку определенных закономерностей существования своего объекта – «этноса» на протяжении истории и в современности. Теория этноса, как известно, существовала в нескольких версиях (наиболее известными являются теории С.М. Широкогорова, Ю.В. Бромляя и Л.Н. Гумилева) и в разные эпохи – наиболее плодотворными периодами в XX в. для нее оказались 1910–1920-е и 1960–1970-е гг. Несмотря на то, что име-

* Сергей Сергеевич Алымов – к.и.н., научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), e-mail: alymovs@mail.ru

ется немало работ, посвященных критике и/или осмыслению политического смысла данных теорий, в науке еще не проделана работа детального исторического анализа этого феномена. В частности, недостаточно исследована интеллектуальная и политическая ситуация, в которой зарождались первые формулировки представлений об «этнотосе». Настоящий очерк является шагом в направлении выявления интеллектуальных корней данной теории.

Известно, что первым мнение об «этнотосе» как объекте изучения этнографии высказал Николай Михайлович Могиянский в статье «Этнография и ее задачи (по поводу одной книги)» (*Могиянский* 1909). Эта статья представляла собой «реферат, читанный в Антропологическом Обществе при С.-Петербургском университете в начале 1902 года», а рецензируемой автором книгой был первый выпуск «Этнографии» Н.Н. Харузина. В 1902 г. Могиянский был сравнительно молодым тридцатилетним исследователем, только начинавшим карьеру хранителя в Русском музее. Это обстоятельство делает необходимым рассматривать появление термина и создание теории этноса скорее как плод деятельности целой группы интеллектуалов, взаимодействовавших, обменивавшихся идеями и испытывавших влияние различных направлений мировой науки своего времени. Могиянский и Широкогоров, несомненно, принадлежавшие к одному кругу петербургских антропологов, впитывали идеи, «разлитые в воздухе», и нашей задачей является реконструкция этой атмосферы.

Интеллектуальная традиция, которой теория этноса обязана своим возникновением, сложилась в Петербурге в конце XIX – начале XX вв. Ее создали ученые, группировавшиеся вокруг таких институций, как кафедра географии и этнографии Санкт-Петербургского университета и Русское антропологическое общество, а также некоторые их коллеги, работавшие в МАЭ и Этнографическом отделе Русского музея. Главными чертами, объединявшими этих исследователей, были: 1) ориентация на естественные науки и позитивистское представление о биосоциальных законах, управляющих природой и обществом, 2) специализация в области физической антропологии, 3) внимание к географии и «географическому детерминизму», 4) активное заимствование и осмысление теорий французской и германской антропологии, 5) следование идущему главным образом из французской науки представлению об антропологии как обобщающей естественно-исторической науке, частью которой должна являться этнография. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что такие ключевые данной группе фигуры, как Ф.К. Волков (Вовк) и Н.М. Могиянский в равной мере

принадлежали украинской науке и играли активную роль в украинском национальном движении (Альмов 2017).

Парадигма, в которой этнография была частью широкого цикла главным образом естественноисторических дисциплин, диктовалась для ученых рассматриваемого нами круга ее положением в цикле университетских наук. Кафедра географии и этнографии была открыта в Санкт-Петербургском университете в 1887 г. на физико-математическом факультете. Первым преподавателем антропологии на ней был Э.Ю. Петри (1854–1899). Эдуард Юльевич родился в семье прибалтийских немцев в Риге. Учился в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, а затем, будучи отчисленным за участие в студенческих волнениях, получил степень доктора медицины в Бернском университете, где с 1883 г. занимал кафедру географии и антропологии (Тихонов 2003: 109–112; Могильнер 2008: 112–120). В понедельник 31 августа 1887 г. «в час пополудни» экстраординарный профессор Петри начал преподавательскую деятельность в России, прочтя вступительную лекцию на тему «Человеческие расы и их значение в науке и жизни» (ЦГИА СПб. 1. Оп. 1. Д. 8843. Л. 6.). Он преподавал антропологию и географию в Санкт-Петербургском университете и других учебных заведениях города до конца своих дней. Летние месяцы он, как правило, проводил в поездках в Уфимскую, Оренбургскую и Пермскую губернии с целью проведения раскопок и изучения «инородческих племен». Два тома его курса антропологии, опубликованные в 1890 и 1895 гг., являются главным источником сведений о его научных взглядах.

Петри понимал антропологию как «естественную историю человека». Она подразделялась им на разделы, изучающие человека как «индивидуальный организм» (анатомия, физиология, психология), и как «социальный организм» (этнография, этнология, социология). Этнография понималась Петри достаточно буквально по аналогии с анатомией как описание внешних признаков представителей разных народов или «сравнительная анатомия различных народов» для классификации их по типам или расам. Этнология же, отчасти соответствующая физиологии, изучает «жизнь народов» и имеет дело с их материальной культурой, общественным строем, религиозными воззрениями и «успехами в науках и искусствах» (Петри 1890: 42–43). Петри скептически относился к возможности классификации человечества исключительно по физическим или психическим свойствам, и описываемые им «типы» европейцев, негров и монголов имели как физические, так и психические характеристики. «Резюме-

руя наши соображения, – писал он, – мы придем к тому заключению, что человечество, в виду единства происхождения своего, не представляет признаков, свойственных исключительно той или другой расе. Все антропологические признаки, будь они этнографического или этнологического и социального характеров, встречаются нам лишь в бесконечных переходах и оттенках. Все эти признаки лежат, так сказать, в “человеке”; они лишь суммируются в различных народностях в более или менее яркие типы. Антропологические признаки неустойчивы по самой природе человека» (*Петри* 1890: 99). Понятию расы, делящему человечество на ясно очерченные группы, Петри предпочитал понятие «типа», группирующее отдельные характеристики, относительно более или менее выраженные у разных групп. В то же время Петри спорил с Фр. Мюллером, настаивавшим на строгом различии расы и народности. Последние, по Мюллеру, отличаются в бытовом и языковом отношении, что обусловлено исключительно общностью исторической судьбы. Такому определению, считал Петри, скорее соответствуют национальности, объединенные политическим строем, народности же, по его мнению, – это «меньшие группы» внутри рас, которые «могут быть объединены на основании всех существующих о них антропологических сведений» (*Петри* 1890: 107).

В 1888 г. было основано Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете, также ставшее ареной дебатов о природе этнических различий. Наряду с его председателем профессором А.А. Иностранцевым активную роль в развернувшихся дискуссиях играл выдающийся анатом, антрополог и педагог П.Ф. Лесгафт, стоявший также у истоков антропологических исследований в Казанском университете. Бурное обсуждение вызвал его доклад «О методах антропологического исследования», в котором он подверг сомнению целесообразность краниометрических исследований, поскольку они «не дают возможности определить национальные различия черепа, и до сих пор нет ни одного типичного признака как относительно национального различия, так и степени культурного развития лица, которому череп принадлежал» (Протоколы заседаний: 12). Вместо этого Лесгафт предлагал изучать «живого человека» и его «изменяемость под влиянием окружающей среды», детей и их развитие, сочетая физиолого-антропологические и психологические методы. Лесгафту возражал Д.Н. Анучин, и в прениях было выяснено, что «национальных антропометрических признаков не имеется, но можно говорить только о расовых особенностях» (*Там же*: 18).

В итоге предложения Лесгафта об изучении типов детских темпераментов были подвергнуты сомнению, и за основу исследований общества была принята методика Парижской антропологической школы (*Там же*: 25). В то же время, доклады на заседаниях РАО свидетельствуют об интересе исследователей этого периода к понятию «вырождения» и обусловленностью его наследственностью, социальными и природными факторами (*Beer* 2008).

Преемником Петри по кафедре и руководству РАО был Дмитрий Андреевич Коропчевский (1842–1903). Он родился в Москве и учился в Московском университете, где под влиянием А.П. Богданова и Г.Е. Щуровского заинтересовался вопросами доисторической археологии и антропологией. В 1860–1880-е гг. он работал как журналист и популяризатор в различных изданиях («Современное обозрение», «Слово», «Знание» и др.), помещая в них статьи на самые разные темы, включая рецензии на антропологические курсы Э. Петри и П. Топинара. Кроме того, он был автором нескольких повестей и романов и принадлежал, по словам Клеменца, к «талантливой богеме» Москвы 1860-х годов. В своем наброске к некрологу Коропчевского Клеменц передает рассказ о нем писателя Глеба Успенского: «К Коропчевскому <...> ходил всякий народ: то придет ученый и заведет разговор о том, какие уши были у первобытного человека, то актер и примутся оба декламировать, то литератор какой-нибудь, гости не переводились» (АИВР. Оп. 1. Д. 143. Л. 4–5). В 1889 г. он держал устный экзамен в Санкт-Петербургском университете на звание магистра географии (ЦГИА СПб. 1. Оп. 1. Д. 9045), а осенью 1899 г. приступил в нем к чтению лекций по географии и антропологии в звании приват-доцента. В его личном деле сохранилось объявление о том, что «приват-доцент Д.А. Коропчевский прочтет вступительную лекцию по курсу Антропогеографии в понедельник 31 сего января» (ЦГИА СПб. 1. Оп. 2. Д. 1390. Л. 11–12).

Выбор этой темы не был случайным. В истории отечественной науки Коропчевский известен главным образом как издатель, переводчик и популяризатор. Под его редакцией в России были переведены работы Э. Тайлора, Д. Леббока, Э. Реклю, К. Бюхера и других антропологов и географов. Он также издавал переводы авторов, придерживавшихся социобиологических и социо-дарвинистских взглядов, например, Вальтера Беджгота, писавшего об образовании и борьбе народов в терминах естественного подбора и других понятий естествознания (*Беджгот* 1874). Однако наибольшее влияние на Коропчевского как на преподавателя и исследователя оказал немец-

кий географ и этнолог Фридрих Ратцель. Двухтомное «Народоведение» Ратцеля вышло на русском языке под редакцией Коропчевского (Ратцель 1904). Он также опубликовал «Введение в политическую географию», основанную на изложении теорий немецкого ученого (Коропчевский 1901).

Антропогеография рассматривала влияние различных географических условий (климата, почв, морей и океанов и т.д.) на развитие культуры и политической мощи народов и государств. Ратцель, как известно, видел в борьбе народов за пространство основное содержание истории. Все народы стремятся к неограниченному расширению своего «жизненного пространства», однако только те из них, кто наделен определенной энергией и расположен в выгодном географическом положении, способны делать это за счет менее счастливых конкурентов. В то же время, политическое значение имеет только такое расширение, которое связывается с заселением и земледельческим освоением данной территории. Ратцель придавал решающее значение земледелию как источнику культурного развития (Smith 1980). Представлению народов как основных «актеров» на исторической сцене была посвящена и последняя крупная работа Коропчевского «Значение “географических” провинций в этногенетическом процессе», которую он собирался представить в качестве магистерской диссертации и опубликованная уже после его смерти в первом томе «Ежегодника Русского антропологического общества». В этом же номере были опубликованы два некролога Коропчевского, написанные Н.М. Могиланским и Д.А. Клеменцем, а также некролог Ратцеля, написанный Б.Ф. Адлером (Адлер 1905; Клеменц 1905; Могиланский 1905).

Коропчевский начинал свое исследование с критики понятия «раса», которое он, вслед в основном за французскими антропологами Топинаром и Деникером, считал абстрактным и субъективным конгломератом физических характеристик. В реальности же, по его мнению, существуют народы и этнические группы, которые и должны изучаться этнологией. «Теоретически главным предметом исследования этнолога является народообразовательный процесс, начиная от его первичной формы («рода»), продолжая дальнейшими осложнениями ее («племенами») и кончая законченной формой, к которой может быть приложено обозначение «народа». Практически задача этнолога сводится к определению – к какой из стадий этногонического процесса может быть отнесена та или иная этническая группа?» (Ежегодник 1905: 27). Расовые типы, считал ученый, следует

заменить на этнические типы и изучать их в связи с географической средой, воздействовавшей на их образование, поскольку «каждая область, имеющая известную географическую индивидуальность является ... почвой, дающей начало определенной этнической группе» (Там же: 46). Принимая, вслед за Ратцелем, за основу закон натуралиста Морица Вагнера об образовании видов посредством миграций и изолированного развития, а также «географические провинции» Бастиана, Коропчевский пытался описывать формирование этнических групп и их антропологических особенностей как приспособление к условиям географических провинций.

В своем «Введении в политическую географию» Коропчевский близко подходил к вопросам отношения численности населения, размеров территории и «уровня культуры», которые занимали впоследствии Широкогорова в его попытке построить формулы развития этносов. Жизнеспособность народов и государств, по его мнению, во многом зависит от географических возможностей для расширения своей территории, которое является естественным законом для всех них. Однако для государств важна не большая территория сама по себе, но населенная как можно большим количеством населения, что в свою очередь, зависит от уровня развития его культуры. «Государства, стоящие на низкой ступени культуры, занимают небольшие пространства и содержат небольшое число обитателей. Маленькое государство служит выражением своеобразной, малоподвижной и замкнутой культуры, между тем как большому государству свойственны более обширные горизонты, более богатые культурные средства и более оживленная деятельность отдельных лиц. Первое заботится о поддержании числа своих жителей на известном уровне, не позволяя переходить за его предел, уничтожая излишек населения в детском и старческом возрасте. Последнее, т.е. большое государство стремится к увеличению своего населения, т.к. у него всегда есть в запасе еще неразработанные ресурсы, которые ждут только приложения деятельной силы» (Коропчевский 1901: 122). Следует указать, что в данной геополитической логике «государства» и «народы» часто выступали как синонимы, а колониализм виделся «естественным» ходом исторического развития: «Изучая различия роста народа, мы видим, что он заключается не столько в почве и климате, сколько в культуре. Внутренний рост народа через размножение, т.е. перевес рождений, может происходить на всех степенях культуры, но у низших народов, при столкновении с культурными, замечается своеобразное явление вымирания как последствие пере-

веса смертей над рождениями. <...> Если мы примем во внимание, что вымирание диких народов происходило и до столкновения их с европейцами, то мы убедимся, что это последнее только ускорило первое. Мы должны признать, что народы низшей культурной ступени стоят на нездоровой основе. Они физически и нравственно ниже культурных народов. Вся жизнь их содействует не увеличению, а уменьшению их численности. То, что убывает, естественно должно уступать место тому, что растет. Читая историю, мы всегда должны помнить, что одни народы увеличиваются, а другие уменьшаются в своей численности. Белая раса не могла бы выступать в роли победительницы, если бы, в силу ее географических и культурных условий, ей не свойственно было размножение, превышающее размножение некультурных рас. Победа ее облегчается тем, что противники ее носят сами в себе причины своего ослабления» (Там же: 134–136). В связи с этим Коропчевский был настроен вполне оптимистично относительно расширения границ России до «естественных» пределов «благодаря соседству таких народов, которые не обладали большой силой сопротивления» и выражал надежду на то, она не только встанет «твердой ногой на берегах Великого океана», но и «рано или поздно проложит путь и к Индийскому океану» (ЦГИА СПб 2. Оп. 1. Д. 19836. Л. 4–5).

С 1900 по 1903 гг. ученый читал в университете следующие курсы: 1) Общая этнология с антропологическим введением; 2) этнография черной и желтой расы; 3) психология народов; 4) сравнительная мифология. Вполне в духе французской школы он понимал антропологию как обобщающую науку о человеке: «Объект антропологии, как ее понимал покойный Д.А., – человек с его физической природой и индивидуальной организацией, человек как член данной мелкой группы – народа, более крупной – расы, как член всего человечества в его целом, как член известной социальной группы – семьи, рода, национальности, государства, как животное в ряду других организованных существ, человек с его индивидуальной психологией и психологией той или иной общественной группы или среды, словом человек – во всем объеме его физической и духовной организации и культурной жизни...» (Могиланский 1904: 114–115). После смерти Коропчевского Д.А. Клеменц вспоминал, что, несмотря на «невыгодное положение» антропологии, бывшей в университете неким «придатком к кафедре географии», в результате его преподавательской деятельности появилась «целая серия молодых людей из С-Петербургского университета, интересующихся и работающих по

этнографии», которым он всячески помогал (Клеменц 1905: 258). Среди них, очевидно, был и Н.М. Могилянский, публикации которого свидетельствуют о достаточно близком знакомстве этих ученых и их совместной работе в Русском антропологическом обществе. О том же свидетельствует переписка Коропчевского с Клеменцем, хранящаяся в архивном фонде последнего (АИВР. Оп. 2. Д. 163).

Влияние Ратцеля, одним из проводников которого был Коропчевский, видно и в дискуссии, развернувшейся в начале 1900-х годов при организации Этнографического отдела Русского музея. Напомним, что Клеменц и Могилянский были главными организаторами и заведующими этого отдела – первый с 1902 по 1910, второй – с 1910 по 1917 годы. Дискуссия велась о профиле отдела, географии его интересов и принципах построения экспозиции. Ее решено было построить по географическому (областному) принципу. Для выделения этих областей была создана комиссия в составе Д.А. Клеменца, Д.А. Коропчевского, В.И. Ламанского и В.П. Семенова-Тянь-Шанского (Могилянский 1911; Очерк 1910; Станюкович 1978: 136–143; *Cvetkovski* 2014). Они предложили двадцать одну область, однако Клеменц выступил с особым мнением, суть которого сводилась к более радикальному проведению географического принципа, предложив всего пять таких регионов (тундры, умеренного климата, переходную область, степей и южных районов) исходя из принципа «отношений человека и природы», поскольку «природа <...> определила образ жизни человека», а культура «имеет самое элементарное значение приспособления к природным условиям жизни» (АИВР. Оп. 1. Д. 197. Л. 6–8). Ратцель был почетным членом Российского антропологического общества, а роль личного посредника между мюнхенским профессором и российскими учеными играл ученик Ратцеля Бруно Адлер, которого Клеменц долгое время пытался устроить в Русский музей и который (судя по их переписке) организовывал личные встречи Клеменца с Ратцелем в Германии (АИВР. Оп. 2. Д. 1. Л. 11, 21). Несмотря на то, что в письме А.А. Шахматову Могилянский признавался в 1915 г., что он не является поклонником Ратцеля и не считает антропогеографом Ламанского (*Турьинская* 2008: 160), не следует забывать, что доклад Могилянского «Этнография и ее задачи» был прочитан в год открытия Русского музея (1902), когда дебаты о построении его этнографического отдела были в самом разгаре.

Н.М. Могилянский, как уже было сказано, принадлежал к кругу петербургских антропологов, активно впитывавших традиции западноевропейской науки своего времени. Он родился в Чернигове в

1871 г. В 1889 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета, где слушал лекции П.Ф. Лесгафта по анатомии, Э.Ю. Петри по антропологии и географии, а также изучал такие предметы, как химию, зоологию, ботанику, минералогию, геологию, физику и физическую географию (ЦГИА СПб. 1. Оп. 3. Д. 26932). Университетское образование зародило в молодом человеке интерес к антропологии, однако лекции Петри его не удовлетворяли, равно как и лекции А.И. Таренецкого в Военно-медицинской академии, которую он некоторое время посещал после окончания университета. «Мне же нужна была антропологическая наука в широком ее понимании, которое я нашел в лаборатории Вгоса...», – вспоминал он впоследствии (ГАРФ. Оп. 1. Д. 17. Л. 75). В 1895–1907 гг. Могилянский учился в Париже в Школе антропологии у Л. Мануврие. Вернувшись в 1898 г. в Санкт-Петербург, он поступил на работу сначала в МАЭ, а в 1901 г. стал хранителем в Русском музее, с этнографическим делом которого была связана его дальнейшая профессиональная деятельность вплоть до 1917 г. (Решетов 2002; Дмитриев 2002).

*Н.М. Могилянский.
Сентябрь 1926 г., Прага.
© ГАРФ. Ф. 5787.
Оп. 1. Д. 16а. Л. 11.*

Могилянский понимал антропологию как синтетическую «науку о человеке», а этнографию как ее составную часть, «имеющую предметом изучение развития интеллектуальных и духовных способностей человеческого рода под влиянием географической среды и исторических условий, своеобразно протекавшее в различных группах, представляющих расы и народы земного шара, и нашедшее свое выражение в особенностях материального и духовного уклада их жизни» (Могилянский 1908: 112). Формулировки Могилянского задач этнографии в «реферате» 1908 г. и в известной статье «Предмет и задачи этнографии» 1916 г., давшей более развернутое введение понятия «этнос» в язык отечественной науки, схожи¹.

¹ Следует оговорить, что Могилянский в обеих статьях писал «этнос» по-гречески, «русификация» термина, очевидно, была предпринята уже Широкоголовым. Греческое написание также встречается в курсе Петри, в сноске, разъясняющей этимологию термина «этнография»: «этнос» = народ, «графо» = пишу (Петри 1890: 42).

Признавая этнографию самостоятельной наукой, входящей в «систему антропологических знаний», ученый утверждал, что этнография есть народоведение, отличающееся от истории культуры по версии Харузина и других эволюционистов тем, что в центре внимания ее стоит этнос, а не человечество в целом. «Понятие этнос – сложное понятие: это – собрание индивидуумов, объединенных в одно целое как общими чертами физических (антропологических) признаков, так и общностью исторических судеб, наконец, общностью языка, этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения, народной психологии, – словом всей духовной культуры. Сохраняя этнос как базу для научной этнографии, мы тем самым сохраняем ее как таковую, на будущее время, когда наука достигнет идеала в своем развитии, и вместе с тем вводим в круг ее ведения народы промышленные, культурные, которые многими этнографами прямо исключаются из объектов этнографического исследования» (Могилянский 1916: 11). Даже когда все народы мира, продолжал Могилянский, будут носить один костюм и усвоят «современное позитивное мировоззрение», своеобразие национальных типов все равно будет проявляться в их темпераменте, психологии и отношении к окружающему миру.

Доклад Могилянского завершался предложением учредить в российских университетах три отдельных кафедры: антропологии и этнографии на естественном факультете и истории культуры – на историко-филологическом. Выступившие в прениях Л.Я. Штернберг и В.И. Иохельсон не были согласны с подобным разведением культуры и «этнуса» и помещением этнографии в раздел естественных наук. Определение данной науки как народоведения означало, по мнению Иохельсона, «объяснять один спорный термин другим», и если понимать этнографию как «исследование того или другого народа как самодовлеющего коллектива со всеми его особенностями, обусловленными физико-климатическими условиями», то следует учитывать, что «индивидуальные элементы в развитии народов» не действуют самостоятельно и связаны с эволюционным развитием культуры вообще. Штернберг также был против разграничения Могилянским истории эволюции культуры и изучения отдельных народов (народоведения) (Журнал заседания 1916: 5–9). Данная дискуссия выявила разницу в понимании самого принципа выделения этносов-народов в качестве единиц изучения. Переведя разговор в термины «культуры», Иохельсон и Штернберг, по всей видимости, не осознавали в достаточной мере, что за отстаиванием Могилян-

ским естественноисторического статуса дисциплины стояло и другое понимание природы этнических различий, отличающееся от их чисто гуманитарного или «культурного» подхода.

«Этнография, как наука, имеющая дело с этническими группами, с анализом явлений, связанных органически с этногенезисом, – писал Могилянский филологу и историку А.А. Шахматову по поводу дискуссии о преподавании этнографии, – не может быть оторвана от антропологии как естественно-исторической дисциплины и должна преподаваться на естественном факультете, ибо натуралисты не оторвут этого изучения от его корней, от его этнического субстрата» (СПФ АРАН. Оп. 3. Д. 998. Л. 8)². Более развернутое определение мы находим в его курсе «Основы антропологии», записанном им уже в 1921 г. в Париже, но, очевидно, основанном на курсах, долгие годы читавшихся им в России на Высших женских курсах М.А. Лохвицкой-Скалок, Высших педагогических курсах военного ведомства и в Санкт-Петербургском Учительском институте. Во введении к нему Могилянский писал: «Давно уже люди заметили, что среди населяющих землю народов существуют различия более или менее значительные и различия более мелкие. Группы, значительно разнящиеся между собою резкими, заметными признаками получили название типов или рас, более мелкие подразделения – получили название племен и народов. Часть науки, имеющая предметом изучения типы, расы, племена и народы, населяющие землю, получила название расовой антропологии или этнологии. Быт народов, населяющих землю, все развитие их внешней (материальной) культуры и культуры духовной сделалось содержанием особой отрасли антропологии под названием этнографии». Наконец, социология является разделом антропологии, изучающим «отношения в пределах человеческой группы» и рассматривает «группы большие и малые, как например семья, род, государство в их происхождении, развитии и значении» (ГАРФ. Оп. 1. Д. 23. Л. 5).

В своем курсе Могилянский сначала излагал такие темы как онтогенезис и филогенезис человека, его происхождение и ископаемые формы, а также деление на расы. Вторая часть курса, называемая «Этнологической антропологией», была посвящена описанию методов физической антропологии, доисторической археологии и классификации народов мира. Излагая классификацию рас Европы, Могилянский опирался на шесть основных европейских рас

² Я благодарю Христину Турьинскую, любезно предоставившую данную цитату.

Ж. Деникера, а далее переходил к классификации народов Европы, основанной исключительно на лингвистическом признаке, подчеркивая, что лингвистические и антропологические признаки постоянно «противоречат» друг другу, а языковые группы очень пестры в отношении физического типа и быта (*Там же*: Л. 156–160). Далее следовал раздел «Этнография», включавший в себя сведения о таких разных явлениях, как «добывание пищи и ее приготовление», скотоводство, земледелие, антропофагия, гончарное производство, жилище, одежда и украшения, средства передвижения, верования, (культ предков, анимизм, фетишизм, тотемизм, обожествление сил природы), наука, медицина, искусство и географические представления. Ключевым термином данного раздела было понятие «культуры», определяемое им как «накопленная трудом предшествующих поколений умственная сила, сказывающаяся в целом ряде самых разнообразных внешних проявлений». Могиланский подчеркивал, что культура не может принадлежать какому-либо отдельному народу, но есть «результат коллективной мысли и труда всего человечества» (*Там же*: Л. 201–204). Изложение материала в данном разделе было построено вполне в духе общечеловеческой «истории культуры», без особого внимания к этническим различиям. Таким же образом был построен раздел «социология», включавший главы о формах семьи, праве, табу и международных отношениях.

В заключении, однако, Могиланский с одобрением цитировал «молодого русского ученого» Н.С. Трубецкого, критиковавшего понятие «общечеловеческая цивилизация», за которой скрывается «определенное этнографическое понятие», а именно – культура романо-германцев. В то же время, он не соглашался с тезисом Трубецкого, что «европеизация есть безусловное зло». Европейская культура, по мнению ученого, находится на особом положении: «В недрах этой культуры родилась наука и научные методы исследования, и это обстоятельство дало европейской культуре ее экстенсивность и ее преобладающее влияние в мире. Устоит ли европейская цивилизация под ударами тех сил, которые развились в недрах ее в виде классовой борьбы, или она будет втянута в ту же пропасть, где гибнут ростки русской культуры – несомненно, отпрыски культуры европейской? Все говорит нам о том, что русский опыт не будет повторен Европой и что цивилизации европейской не грозит самоуничтожение. <...> Во всяком случае, ничто не говорит о регрессе в человечестве, которое, в целом, движется неуклонно вперед, и прогрессивному движению этому нельзя положить никакие границы, и начало XX века уже

давно опередило самые смелые чаяния философов, веривших в силу и мощь человеческого гения» (*Там же*: Л. 304–305). Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, Могиянский в своем курсе лекций в большей степени, чем в программных выступлениях, сближал этнографию с понятием «культура», понимаемом им, впрочем, вполне по-эволюционистски. С другой стороны, он по-прежнему обсуждал тему различий между народами в разделе «этнологической антропологии», посвященной главным образом физической антропологии, что, по-видимому, свидетельствовало о сохранении их «естественноисторического» статуса.

Могиянский не создал теории этноса в строгом смысле этого слова. Само это слово отсутствует в его курсе «Основы антропологии», так как он вполне мог довольствоваться терминами народ, народность и этническая группа. Наиболее интересное применение его представление об этничности нашло в решении «украинского вопроса». В неопубликованной полностью большой работе «Украина во время мировой войны» (не ранее 1922 г.) и очерке «Трагедия Украины» (1919 г.) Могиянский указывал на возможность объективного и беспристрастного, чисто научного разрешения вопроса «Существует ли украинский народ, как особая этническая разновидность, которую можно характеризовать определенными антропологическими и этнографическими признаками». Этот ответ он находил в работах своего старшего друга и учителя Федора Кондратьевича Волкова (Хвидера Вовка). Как и Могиянский, Волков был выходцем из Украины, учился и преподавал антропологию во Франции. С 1887 по 1905 гг. Волков жил в Париже, где слушал курсы Мануврие и Топинара, а также преподавал и сотрудничал во французских антропологических журналах (*Золотарев* 1918; *Дубов* 1997; *Платонова* 2010). В 1907 г. он вернулся в Россию и преподавал в Санкт-Петербургском университете, работал в Этнографическом отделе Русского музея и был председателем Русского антропологического общества. Волков и Могиянский тесно общались уже во время парижской учебы Могиянского. Одну из первых своих этнографических работ Могиянский опубликовал под псевдонимом М. Могильченко на украинском языке в сборнике под редакцией Волкова, изданном во Львове (*Могильченко* 1899).

В двух своих итоговых больших статьях «Антропологические особенности украинского народа» и «Этнографические особенности украинского народа», опубликованных во втором томе книги «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (1916) Федор Кон-

дятьевич дал всесторонний компендиум физической антропологии, материальной и духовной культуры украинцев (Волков 1916). Могиланский безоговорочно принимал выводы Волкова, считая их «объективным беспристрастным изучением вопроса <...> вооруженным всеми методами современного антропологического изыскания и самым совершенным техническим аппаратом» (ГАРФ. Оп. 1. Д. 28. Л. 8). Волков, по его мнению, доказал, что «украинцы представляют собой довольно однородное племя: темноволосое, темноглазое, выше среднего или высокого роста, брахицефалическое, высокоголовое, узколицее, с прямым узким носом со сравнительно короткими верхними и длинными нижними конечностями». Этнографические особенности, описанные Волковым, также указывали на то, что «украинский народ на всей занимаемой им территории отличается целым рядом общих для всего его состава этнографических особенностей, которые не оставляют сомнений в том, что он представляет собой одно этническое целое, совершенно определенно выделяющееся из среды прочих славянских народов, <...> не подвергался очень глубоким этническим влияниям извне и <...> ассимилировал некоторые чуждые ему формы, но не в такой степени, чтобы они могли изменить его основные этнографические черты и удалить от общего славянского типа» (Могиланский 2014: 584–585). В опубликованной в 1917 г. рецензии на второй том «Украинского народа», содержащий статьи Волкова, Могиланский указывал также на политическую значимость последнего вывода о том, что этнографические особенности великорусов и белорусов близки украинским «в своих наиболее старинных формах». Этот «объективный вывод нелицеприятной науки» должен послужить великорусам и малорусам в их идейном развитии, предостерегая первых от «паломничества в Турцию для защиты национальной культуры», а вторых от политики, при которой немцам в Российской империи дозволено обучаться на родном языке, а украинцам нет (Могиланский 1917: 138).

Данная Волковым картина гомогенного и издавна обладающего своими уникальными отличительными особенностями населения, очевидно, могла представляться Могиланскому неким эталоном объективного антропологически изученного народа-этноса и одновременно свидетельством существования самого этого феномена. Не случайно и то, что и в определении задач этнографии как науки о народах, каждый из которых представляет собой некую оригинальную индивидуальность, а также в отстаивании естественноистори-

ческого статуса дисциплины и ее университетской принадлежности Могилянский в целом следовал за Волковым (Волков 1915).

Как и Волков, Могилянский был достаточно активным участником украинского национального движения, что, конечно, не могло не отразиться на исследованиях обоих. Впрочем, это тема отдельного исследования, которой мы можем лишь вскользь коснуться в данной работе. Основной ее задачей было проследить определенную преемственность в рассуждениях об этнических различиях, присущую антропологам петербургской школы конца XIX – начала XX вв. Преемственность этой традиции, по нашему мнению, сыграла важную роль в формировании первой версии теории этноса, сформулированной в развернутом виде С.М. Широкогоровым в его работе «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений».

Источники и материалы

АИВР – Архив Института восточных рукописей РАН. Ф. 28.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5787.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 134.

ЦГИА СПб 1 – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербург. Ф. 14.

ЦГИА СПб 2 – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербург. Ф. 139.

Научная литература

Адлер 1905 – Адлер Б.Ф. Фридрих Ратцель (Некролог) // Ежегодник Русского антропологического общества. 1905. Т.1. С. 309–312.

Алымов 2017 – Алымов С.С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое Обозрение. 2017. №5. С.67–84.

Беджгот 1874 – Беджгот В. Естествознание и политика. Мысли о применении начала естественного подбора и наследственности к политическому обществу. СПб.: Изд-во редакции журнала «Знание», 1874.

Волков 1915 – Волков Ф.К. Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Русского антропологического общества. 1915. Т. V. С. 99–107.

- Дмитриев 2002 – *Дмитриев С.В.* Судьбы сотрудников этнографического отдела Русского музея: Н.М. Могилянский / Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев: 2002. С. 151–155.
- Дубов (ред.) 1997 – *Дубов И.В. и др. (ред.)* Традиции отечественной палеоэтнологии. Под ред. И.В. Дубова и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997.
- Ежегодник 1905 – *Ежегодник Русского антропологического общества.* Под ред. Б.Ф. Адлера. Т. 1. 1905.
- Золотарев 1918 – *Золотарев Д.А.* Некролог Ф.К. Волкова // Русский исторический журнал. 1918. №5. С. 353–365.
- Клеменц 1905 – *Клеменц Д.А.* Дмитрий Андреевич Коропчевский (некролог) // Ежегодник Русского антропологического общества. 1905. Т.1. С. 255–258.
- Коропчевский 1901 – *Коропчевский Д.А.* Введение в политическую географию. М.: Типография А.В. Васильева и К, 1901.
- Могилянский 1904 – *Могилянский Н.М.* Д.А. Коропчевский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Март 1904. С. 108–123.
- Могилянский 1905 – *Могилянский Н.М.* Научные взгляды Д.А. Коропчевского // Ежегодник Русского антропологического общества. 1905. Т.1. С. 258–270.
- Могилянский 1909 – *Могилянский Н.М.* Этнография и ее задачи // Ежегодник Русского антропологического общества. 1909. Т. 3. С. 101–114.
- Могилянский 1911 – *Могилянский Н.М.* Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // Живая старина. 1911. № 1. С. 473–498.
- Могилянский 1916 – *Могилянский Н.М.* Предмет и задачи этнографии // Живая старина, 1916, № 1. С. 1–22.
- Могилянский 1917 – *Могилянский Н.М.* рец. на «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. 2. // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Т. 68. (март-апрель). С. 130–138.
- Могилянский 2014 – *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 года / Под ред. А.Н. Артизова и др. М.: Росспэн. 2014. С. 582–604.
- Могильнер 2008 – *Могильнер М.* Ното Імперії. Історія фізическої антропології в Росії (кінець ХІХ – початок ХХ в.). М.: Нове літературне обозрення. 2008.
- Могильченко 1899 – *Могильченко М.* Будівля на Чернигівщини, Глухівського повіту у с. Полошках // Матеріали до Українсько-руської етнології. Львів, 1899. Т. 1. С. 79–95.

- Очерк* 1910 – *Очерк* деятельности этнографического отдела Русского музея с 1902 по 1909 г. // Материалы по этнографии России. Под ред. Ф.К. Волкова. Т. 1. СПб., 1910.
- Платонова* 2010 – *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб: Нестор-История, 2010.
- Протоколы* 1889 – *Протоколы* заседаний Русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете за 1888 г. СПб., 1889.
- Ратцель* 1904 – *Ратцель Ф.* Народоведение. СПб.: Изд-во товарищества «Просвещение», 1904.
- Решетов* 2002 – *Решетов А.М.* Н.М. Могиланский – выдающийся российский этнограф и музейевед // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Санкт-Петербург, Кишинев, 2002. С. 147–151.
- Станюкович* 1978 – *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978.
- Тихонов* 2003 – *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003.
- Турьинская* 2008 – *Турьинская Х.* Этнографическое музейеведение в России в конце XIX – начале XX в. Москва.: ИЭА РАН, 2008.
- Журнал* 1916 – *Журнал* заседания отделения этнографии ИРГО 4 марта 1916 года // Живая старина. 1916. № 2–3. С. 1–11.
- Beer* 2008 – *Beer D.* Renovating Russia. The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880-1930. Cornell University Press, 2008.
- Cvetkovski* 2014 – *Cvetkovski R.* Empire Complex: Arrangements in the Russian Ethnographic Museum, 1910 // An Empire of Others. Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR / Ed. by R. Cvetkovski and A. Hofmeister. Budapest-New York: CEU Press. 2014. P. 211–252.
- Smith* 1980 – *Smith, Woodruff, D.* Friedrich Ratzel and the Origins of Lebensraum // German Studies Review. Vol. 3. No. 1 (Feb., 1980). P. 51–68.

Article Summary *From the history of Russian ethnography. Vol. 1.*

S.S. Alymov. At the Origins of the Theory of Ethnos: N.M. Mogilianskii and the Saint-Petersburg Anthropology of the late XIX – early XX centuries [U istokov teorii etnosa: N.M. Mogilaynskii i peterburgskaya antropologiya kontsa XIX – nachala XX vekov]

Key words: ethnos, theory of ethnos, N. Mogilianskii, ethnic differences, anthropology as discipline, history of anthropology

Abstract: The concept of “ethnos” is still widely used in Russian scientific and political discourse as an equivalent of “people” or “nationality”, in spite of the critique leveled at this concept by Russian ethnologists during the recent decades. The paper considers intellectual and political milieu in which the idea of “ethnos” as subject matter for ethnography first appeared. This idea, suggested by ethnographer Nikolai Mogilianskii, is seen as an organic outgrowth of the tradition of Saint-Petersburg anthropology and the ideas of its most influential representatives F. Volkov, D. Koropchevskii, and E. Petri. Among the characteristic features of their thinking were: the inclination towards natural sciences, the positivistic idea of biosocial laws which govern both nature and society, the view of ethnography as part of anthropology perceived as a natural science of man. Ethnic differences were conceptualized by Mogilianskii and his predecessors as a subtype of racial ones. Although their views on the relations between cultural and physical differences of human societies were not totally coherent, they can be described as racialized nationalism.

Author: **Sergei S. Alymov**, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: alymovs@mail.ru

References

- Adler B.F. Fridrikh Rattsel' (Nekrolog) [Fridrich Ratzel (obituary)]. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva* 1905, no 1, pp. 309–312.
- Alymov, S.S. Ukrainskie korni teorii etnosa [The Ukrainian Roots of the Theory of Ethnos]. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 5, pp. 67–84.
- Bagehot, W. *Estestvoznaniye i politika. Mysli o primenenii nachala estestvennogo podbora i nasledstvennosti k politicheskomu obshchestvu*. [Natural Sciences and Politics. Thoughts on Natural Selection and Heredity as Applied to Politics] Saint-Petersburg: Izdatel'stvo redaktsii zhurnala “Znanie”, 1874.
- Dmitriev S.V. Sud'by sotrudnikov etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia: N.M. Mogilianskii [Lives of the Members of the Ethnographic Department of the Russian Museum: N.M. Mogilianskii]. *Muzei. Traditsii. Etnichnost'*. XX–XXI vv. 151–155. Saint-Petersburg–Kishinev, 2002.
- Dubov I.V., ed. *Traditsii otechestvennoi paleoetnologii* [Traditions of Russian Paleoethnology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997.
- Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva* [Yearbook of the Russian Anthropological Society]. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1905.
- Klements D.A. Dmitrii Andreevich Koropchevskii (nekrolog) [D.A. Koropchevskii (obituary)]. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva*, 1905, no 1, pp. 255–258.
- Koropchevskii D.A. *Vvedenie v politicheskuiu geografiyu* [Introduction to Political Geography]. Moscow: Tipografiya A.V. Vasil'eva i K, 1901.

- Mogilianskii N.M. D.A. Koropchevskii (nekrolog) [D.A. Koropchevskii (obituary). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* March 1904, pp. 108–123.
- Mogilianskii N.M. Nauchnye vzgliady D.A. Koropchevskogo [Scientific Views of D.A. Koropchevskii]. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva*, 1905, no 1, pp. 258–270.
- Mogilianskii N.M. Etnografiia i ee zadachi [Ethnography and its Tasks]. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva*, 1909, no 3, pp. 101–114.
- Mogilianskii N.M. Etnograficheskii otdel Russkogo muzeia Imperatora Aleksandra III [Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III]. *Zhivaia starina*, 1911, no 1, pp. 473–498.
- Mogilianskii N.M. Predmet i zadachi etnografii [Subject Matter and Tasks of Ethnography]. *Zhivaia starina*, 1916, no 1, pp. 1–22.
- Mogilianskii N.M. Review of *Ukrainskii narod v ego proshlom i nastoiashchem* [Ukrainian People in its Past and Present], edited by F.K. Volkov et al. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1917, vyp. 68, pp. 130–138.
- Mogilianskii N.M. Tragediia Ukrainy [Tragedy of Ukraine]. In *Getman P.P. Skoropadskii. Ukraina na perelome 1918 goda*. [Getman P.P. Skoropadskii. Ukraine in the Crisis of 1918], 582–604. Edited by A.N. Artizov. Moscow: Rosspen, 2014.
- Mogil'ner, Marina. *Homo Imperii. Istoriia fizicheskoi antropologii v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Homo Imperii. A History of Physical Anthropology in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie 2008.
- Mogil'chenko M. Budivlia na Chernigivshchini, Glukhiv'skogo povitu u s. Poloshkakh [Housing at Chernigov Region]. In *Materiali do Ukraïns'ko-rus'koi etnologii* 1899, no 1, pp. 79–95.
- Ocherk deiatel'nosti etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia s 1902 po 1909 g. In *Materialy po etnografii Rossii* [Materials in Ethnography of Russia]. Edited by F.K. Volkov. Vol. 1. Saint-Petersburg.
- Platonova N.I. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX veka* [History of Archaeological Thought in Russia]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2010.
- Protokoly zasedanii Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete za 1888 god* [Minutes of the Russian Anthropological Society of the University of Saint-Petersburg]. Saint-Petersburg, 1889.
- Ratzel, Fridrich. *Narodovedenie* [Anthropology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo tovarishchestva "Prosveshchenie", 1904.
- Reshetov A.M. N.M. Mogilianskii – vydaiushchiisia rossiiskii etnograf i muzeeved [N.M. Mogilianskii – Russian Ethnographer and Museologist]. In *Muzei. Traditsii. Etnichnost'. XX–XXI vv.*, Saint-Petersburg-Kishinev, 2002, pp. 147–151.
- Staniukovich T.V. 1978. *Etnograficheskaiia nauka i muzei* [Ethnography and Museums]. Leningrad: Nauka.

- Tikhonov I.L. 2003. *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki* [Archaeology at Saint-Petersburg University. Historiographical Essays]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Tur'inskaia Kh. 2008. *Etnograficheskoe muzeevedenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Ethnographical Museums in Russian in late 19 – early 20 century]. Moscow: IEA RAN.
- Volkov F.K. Antropologiya i ee universitetskoe prepodavanie [Teaching Anthropology at University]. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva* 1915, vol. V, pp. 99–107.
- Zhurnal zasedaniia otdeleniia etnografii IRGO 4 marta 1916 goda. *Zhivaia starina*, 1916, no. 2–3, pp. 1–11.
- Zolotarev D.A. Nekrolog F.K. Volkova [Obituary of F.K. Volkov]. *Russkii istoricheskii zhurnal*, 1918, no 5, pp. 353–365.

ЭТНОГРАФО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ А.З. НОСОВА В КОРОЛЕВСТВО СЕРБИЯ (1911–1912): ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Ключевые слова: Анатолий Зиновьевич Носов, музеологическое наследие, семинары Волкова, Сербия, экспедиционные поездки, традиционная культура

Аннотация: Статья освещает проблему комплектования вещевых и фотографических коллекций РЭМ по сербской этнографии в историко-биографическом ключе. В частности, приводится характеристика и оценка результатов экспедиционной работы А.З. Носова в Королевстве Сербия в 1911–1912 гг. Анализ собирательских и исследовательских стратегий А.З. Носова позволяет сделать вывод о их соответствии заложенным в тот период основным принципам комплектования фондов и целостной концепции научно-экспозиционного пространства музея. Приведенная в статье биография ученого также наглядно иллюстрирует те процессы, которые затронули научное сообщество и обусловили развитие этнографии как научной дисциплины в эпоху смены парадигм в первой половине XX в.

Существенную роль в становлении этнографии, антропологии и этномузеологии как дисциплинарных направлений гуманитарной отрасли научного знания сыграло складывание в конце XIX – в начале XX в. в Санкт-Петербурге научного сообщества, объединившего через исследовательскую, экспедиционно-собирательскую и просветительскую деятельность многих выдающихся ученых того периода. Институционально эта научная активность была выражена в работе таких учреждений как Русское антропологическое общество, Императорское Русское Географическое общество, Кафедра географии и этнографии физико-математического факультета Санкт-Петербургского императорского университета, Этнографическое Отделение Русского музея им. Александра III. В условиях накопления знаний, опыта и методов складывался благоприятный климат для появления в этнографической науке нового поколения талантливых кадров, поддерживаемого и наставляемого на путь своими выдающимися старшими коллегами.

* Алена Алексеевна Михайлова – к.и.н., научный сотрудник Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), e-mail: alena-muzej@yandex.ru

Одной из ярчайших фигур в петербургской педагогике начала XX в. был Ф.К. Волков (*Козьмин* 2004: 318; *Тихонов* 2012: 303). Его знаменитые семинары по анатомической, физиологической, зоологической, доисторической антропологии, а также этнографии и этнологии всего за десятилетие работы в Санкт-Петербургском императорском университете (1907–1917) позволили воспитать целую плеяду видных ученых – археологов, антропологов, этнографов, таких как Руденко, Золотарев, Чикаленко, Алешо и другие (*Ивановская* 2012: 134–140). Педагогическому успеху Ф.К. Волкова способствовало то, что он создавал своим ученикам условия и возможности апробировать приобретаемые теоретические знания в практическом применении. Совмещение Ф.К. Волковым преподавательской деятельности с работой в Этнографическом Отделе Русского музея Императора Александра III в должности этнографа-хранителя и заведующего отделом Юго-запада России и зарубежных славян позволяло ему интегрировать своих учеников в специальность путем привлечения их к музейной работе, в частности, к регистрации новых вещевых поступлений. В летнее время студенты участвовали в экспедициях по сбору экспонатов и изучению культуры и быта этнических сообществ.

Среди учеников Ф.К. Волкова есть имена, чьи профессиональные достижения незаслуженно остались в тени современной биографической историографии, среди них – Анатолий Зиновьевич Носов. Биография этого ученого и его наследие на сегодняшний день остаются малоизученными, однако представляются значимыми как в контексте накопления этнографических знаний, так и в музееологическом аспекте.

Из личного дела А.З. Носова следует, что он родился в 1883 г. в семье коллежского асессора и, как и Ф.К. Волков, происходил из Полтавской губернии. В 1899–1903 гг. он обучался в Двинском реальном училище, а в 1904 г. поступил в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. На четвертом курсе А.З. Носов внезапно прервал свое обучение и принял решение о переезде в Санкт-Петербург для продолжения учебы в Императорском университете (ЦГИА СПб. Оп. 3. Л. 1–4). Есть основания полагать, что это решение было мотивировано сознательным намерением юноши попасть в ученики к своему легендарному земляку. Встреча А.З. Носова и Ф.К. Волкова в стенах университета в качестве студента и преподавателя имела продуктивный результат и определила всю дальнейшую судьбу молодого человека.

Благодаря Волкову Носов овладел методикой экспедиционной и исследовательской работы в области антропологии и этнологии и уже в студенческие годы вместе с некоторыми другими учениками включился в работу Этнографического отдела Русского музея в качестве регистратора по вольному найму (Весь Петроград 1916: 491). С 1911 по 1916 гг. А.З. Носов зарегистрировал в Этнографическом Отделе около 120 коллекций численностью более 1200 предметов. Эти коллекции отражают материальную культуру разных народов: татар, персов, дагестанцев, аджарцев, черкесов, кубачинцев, турок, айсоров, цыган, арабов, греков, индусов, армян, евреев, абхазов, грузин, узбеков, казахов, таджиков, сартов, туркменов, украинцев и др. Работа с предметами и их описанием, несомненно, выработала у молодого специалиста интуитивное понимание природы музеологического памятника, что в его дальнейшей профессиональной деятельности оказалось для него довольно ценным навыком.

В первые десятилетия работы Этнографического отдела Русского музея императора Александра III основная деятельность этого учреждения была направлена на решение двух главных задач – комплектование фондов и разработку концепции по созданию постоянной экспозиции. С целью «представить картину народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с ней», отдел организовывал множество экспедиций для приобретения предметов этнографического значения (Александрова и др. 2001: 11). Однако, если пополнение фондов предметами, представляющими культуру народов Российской империи, происходило регулярно, то в отношении зарубежных «славянских народностей, культурно и исторически тесно связанных с русскими племенами» (Александрова и др. 2001: 32), эта задача осуществлялась весьма эпизодически и с заметно меньшим успехом. Помехами тому служили удаленность славянских регионов и необходимость устанавливать дипломатические договоренности по вопросам приобретения и вывоза предметов на межгосударственном уровне.

Одним из регионов проживания славянского населения, «культурно и исторически» связанного с Россией, был Балканский полуостров, в отношении которого на протяжении всего XIX в. Российская империя придерживалась политики покровительства христианским народам (Гуськова 2002: 70–82). Эта политика способствовала приобретению в последней трети XIX в. рядом славянских стран независимости от Османской империи, в том числе Королевством Сербия. Нестабильность на Балканах, обусловленная экспансионистскими

настроениями Австро-Венгрии, с одной стороны, и ослаблением Османской империи, с другой, служили факторами особого внимания российской общественности к этой стране. На этом фоне интерес Этнографического отдела Русского музея к сербской этнографии был вполне закономерным.

За первое десятилетие существования Этнографического отдела в фонд формирующегося музея поступили всего две коллекции сербских предметов. Первая из них была представлена праздничными пряниками из Белграда, а вторая – мужским костюмным комплектом из Воеводины (территории, на тот момент входившей в состав Австро-Венгрии) (Михайлова 2013: 196–202). Для осуществления более крупного привоза коллекций по сербской этнографии требовались специалисты или корреспонденты, которых у Отдела на тот момент не было. Инициативу по решению этого вопроса взял на себя Ф.К. Волков. В 1911 г. он добился от Русского Географического Общества и Русского музея финансирования экспедиции в Королевство Сербию для своего двадцативосьмилетнего студента А.З. Носова (АРЭМ 1. Оп. 2. Д. 438. Л. 1). Молодой человек ранее уже бывал в Сербии, поскольку в 1909–1910 г. совершил «поездки в земли западных и южных славян с целью общего ознакомления с ними», поэтому его кандидатура была одобрена для совершения подобной миссии (АРЭМ 2. Оп. 3. Д. 163. Л. 3). В задачи экспедиции было поставлено проведение антропологических и этнографических исследований, а также приобретение экспонатов для Этнографического Отдела.

О подробностях поездки 1911 г. сведений практически не сохранилось. Известно, что молодой этнограф посетил Белградский, Вальевский, Шабачкий, Чачанский, Крагуевацкий, Подринский, Рудницкий и Ужицкий округа Королевства Сербии, откуда привез в музей 215 экспонатов. Среди экспедиционных приобретений была домашняя утварь, посуда, гончарный круг и образцы глины, прялки и образцы кудели, ткацкий стан, текстиль, килимы, предметы табакокурения, музыкальные инструменты, элементы женской и мужской одежды, украшения, оружие, писанки, предметы религиозного культа. Поскольку данные предметы были собраны, главным образом, на территории Центральной Сербии, возникала проблема неполной музееологической репрезентации сербской культуры в географическом ключе, а также проблема нехватки данных для проведения анализа антропологической работы. Для восполнения образовавшейся лакуны было принято решение повторно отправить студента А.З. Носова в Сербию. В ходе экспедиции 1912 г. он посетил Юго-Восточную

часть страны – Нишский, Пиротский, Враньский и Моравский округа. Помимо одежды и хозяйственной утвари в новом экспедиционном привозе Носова, состоявшем в общей сложности из 219 предметов, была представлена богатая палитра образцов сербской вышивки и традиционной керамики, в том числе глиняные игрушки. Благодаря этим двум экспедициям сербское собрание музея существенно пополнилось и приобрело выраженную историко-этнографическую ценность. Исключительное место в нем заняли три мужских и три женских сербских традиционных костюмных комплекса конца XIX – начала XX вв. (Карпова 2005: 30). Собрание также обогатилось за счет украшений, в том числе старинных уникальных изделий из серебра.

Помимо предметов материальной культуры и быта А.З. Носов передал в фототеку музея 192 фотографии (4 коллекции). На снимках запечатлены различные типы жилищ и хозяйственных построек, женщины и мужчины в традиционной одежде, множество сюжетов из городской и сельской жизни, а также манекены в традиционной одежде с первой экспозиции Этнографического музея в Белграде (ИК ЭО: 26, 28, 59).

О второй поездке А.З. Носова в Сербию сохранился отчет, в котором он упоминает о сложностях, возникавших во время экспедиции. Прежде чем отправиться вглубь страны, студенту было необходимо получить одобрение на поездку по стране от сербского МИДа через русское консульство в Белграде. Оформление бумаг длилось десять дней. Пребывая в ожидании, Носов посетил белградский Этнографический музей, рассчитывая получить поддержку от сербских коллег. Но там он встретил *«только приветливую встречу»* и *«игнорирование интересов российского музея»*, что объяснил *«известной национальной боязнью перед вывозом этнографически ценных предметов»* (АРЭМ 1. Оп. 2. Д. 438. Л. 27). В глубинке отношение к нему со стороны местных властей было более теплым, чем в столице. В экспедиционной работе молодому ученому помогали местные учителя и чиновники, сопровождавшие его в поездках по селам. Однако в областях, расположенных вблизи сербско-турецкой границы, население весьма недоверчиво воспринимало приезжего этнографа, и бывали случаи, что А.З. Носова не пускали в дома. После вывоза собранного им материала в Россию об экспедиции Носова в одной из сербских газет была опубликована обличительная статья.

В отчете Носова об экспедиции 1912 г. также содержатся упоминания о широком распространении в Южной Сербии традиционных ремесел – ковроткачестве и гончарстве, об особенностях

национальных костюмов, о скотоводстве, о традициях сыроделия. Лишь при посещении г. Ниша он отметил что: *«здесь заметно утрачивается национальный характер как внутреннего обихода, так особенно и внешнего, что видно на постройках – домах, которые уже полугородского типа и довольно разнообразны, неидентичны; костюмы тоже носят с заметным городским влиянием. Но что интересно здесь, так это то, что сохраняются вышивки на рубахах и особенно женских передниках, отличающиеся большим разнообразием рисунка и красок»* (АРЭМ 1. Оп. 2. Д. 438. Л. 29). Особое внимание в отчете уделено теме жилища. В частности, подчеркивается существование выраженного различия между жилыми постройками юга Сербии и ее центральной части. Так, на юге (Пиротский округ) исследователю чаще встречались плетеные из лозы беленые хаты с очагом в центре, а в центральной части Королевства (в Пожаревацком и Моравском округах) – теремообразные хаты с двух и трехсводчатым входом (Отчет 1914: 11).

В ходе своих поездок А.З. Носов провел антропологические измерения на 187 мужчинах и 8 женщинах, которые легли в основу его исследовательского труда «К антропологии сербов Королевства» (Носов 1913: 123). В работе были опубликованы фотопортреты сербов, сделанные А.З. Носовым во время экспедиций. Анализируя составленную им самим статистику, отражающую территориальную вариативность таких антропологических признаков, как цвет глаз, волос, рост, размеры и формы отдельных частей тела, Носов сделал ряд важных выводов. В частности, согласно собранным данным, средний рост населения по Сербии в 1911–1912 гг. составлял 171,3 м (самый высокий 1,75 м, самый низкий – 1,665 м). В работе отмечалось: «Наблюдается постепенное повышение роста с востока на запад и с севера на юг; самым высоким ростом (1750) в Королевстве отличается Враньский округ, причем он, по-видимому, врезается резким клином в полосу роста выше среднего, идущую с востока (северная Болгария, где рост 1666) на запад с постепенным повышением к западу; полоса эта, кончая Нишским (1665) и Крушевацким (1684) округами, резко переходит в область высокого роста (1740) Чачанского округа. <...> Что касается цвета глаз, то в Сербии преобладает смешанный тип (русые) – 56,4%, темные – 23%, светлые – 19,9%» (Носов 1913: 134–135). Волосы у сербов преимущественно темные – 62,7%, но встречаются и русые – 33,5% и светлые 3,8%. Наибольший процент темноволосых наблюдался в Крушевацком (100%) и

Подринском (85,7%) округах, а наименьший во Враньском (50,6%) и Смедеревском (43,5%).

Сравнивая полученные в результате работы данные, Носов сделал вывод об антропологической близости сербов другим славянским народам. Несмотря на скромную выборку и недостаточную по современным меркам обоснованность данного вывода, работа Носова представляет собой весьма показательный исследовательский опыт: из 195 измеренных человек лишь 8 были женщины. Патриархальная мораль, царившая в Сербии в те годы, служила серьезным препятствием к проведению измерений на женщинах.

Студенческий исследовательский опыт А.З. Носова в области сербской этнографии и антропологии в дальнейшем продолжения не имел. В 1913 г. Носов окончил университет и летом того же года отправился в антропологическую экспедицию с князем Д.Э. Ухтомским в Монголию (Носов 1914: 109). Еще в студенческие годы Носов побывал в экспедиции в Забайкалье, где изучал бурятскую этнографию (АРЭМ 2. Оп. 3. Д. 163. Л. 3). Возможно, еще тогда, в 1910 г., его привлекло это направление. Можно также предположить, что причиной его научной переориентации стало превращение Балкан в театр военных действий. Осенью 1912 г. началась Первая Балканская война, летом 1913 г. – Вторая Балканская, а в 1914 г. разгорелась Первая мировая война. В 1915 г. территория Сербии попала под австрийско-болгарскую оккупацию (Торовић 2006: 750). Особому разорению подверглись Нишский, Враньский и Пиротский округа, где неприятелем проводилась политика насильственной болгаризации населения (Laffan 1918: 252). Этот факт делает собрание Носова бесценным, т.к. его экспедиция в эти области была совершена буквально накануне упомянутых событий.

Война не обошла стороной и самого этнографа. Несмотря на то, что в 1914 г. он был признан медицинской комиссией «совершенно непригодным» для несения военной службы, в 1915–1918 гг. А.З. Носов был отправлен на Западный фронт в качестве уполномоченного передовых отрядов (АРЭМ 2. Оп. 3. Д. 163. Л. 3). Это событие прервало его систематические занятия в области этнографии и антропологии.

После миссии Носова целенаправленных экспедиций в Сербию по инициативе музея больше не предпринималось, но сербское собрание периодически пополнялось отдельными предметами. Так, согласно описи, в 1912 г. от М.М. Йованович передан в музей мужской костюм из Ужицкого края и народный музыкальный инструмент «двояницы»; в 1914 г. от Г.Г. Бурданова поступил керамический

кувшин; в 1916 г. от профессора академика Миленко Вукчевича в Белграде были приняты гусли; в 1915 г. собиратель Э.А. Вольтер передал две сербских свирели; в 1922 г. из собрания К.Д. Далматова в музей поступил «зубун»; в 1926 г. от М.В. Горяниновой – две вышивки с рукавов из Скопья (КО РЭМ: 20, 85, 86, 93, 94). В 1948 г. в Государственный музей этнографии в Ленинграде (ныне РЭМ) поступили коллекции расформированного в Москве Государственного музея народов СССР (РЭМ 2001: 52). Среди них оказались и сербские предметы, собранные специально для Первой этнографической выставки, состоявшейся в 1867 г. (Калашиникова 2008: 13) Коллекции включали несколько сербских костюмов и предметы быта (Карпова 2008: 235). Подавляющая часть этих вещей представляла культуру и традиции сербов, проживавших в XIX в. на территории Австро-Венгрии и Княжества Черногории. Во второй половине XX в. сербское собрание больше не пополнялось.

Судьба самого А.З. Носова в дальнейшем оказалась связанной с музейной и научной деятельностью. По окончании войны он возвратился в Петроград, но в мае того же года отбыл на Украину по поручению Комиссии Изучения Племенного Составы Населения России при Российской Академии Наук. В том же году умер его учитель Ф.К. Волков. Переехав в Киев, Носов стал членом Украинского научного общества и был принят на работу во Всенародную библиотеку Украины. В 1921 г. ученики Волкова перевезли из Петрограда в Киев книги и коллекции своего профессора и основали при Всеукраинской академии наук Музей антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка (рус. – Волкова). А.З. Носов стал штатным сотрудником этого музея, а в 1922 г. был назначен его директором. Руководя музеем, Носов продолжал вести активную научную работу. Он был членом Комиссии краеведения, сотрудником Фольклорно-этнографической комиссии, членом Всеукраинского археологического комитета, главой географической секции Естественнонаучного отдела, членом-сотрудником сельскохозяйственного отдела и Института украинского литературного языка, читал лекции в Киевском институте народного хозяйства, являлся членом-корреспондентом ВУАН (ІНАНУ 1993: 375, 488, 418; ІНАНУ 1998: 626; ІНАНУ 2003: 488; Вернадський 2011: 690–708). Главной областью его научных интересов стала антропология Украины (Носов 1924; Носів 1927а; Носів 1927б; Носів 1927с; Носів 1928; Носів 1929; Носов 1929; Носов 1930а; Носов 1930б; Носов 1931а; Носов 1931б; Носов 1932). В то же время связи Носова с Петербургом и Этнографическим отделом Русского музея прерваны не были. На

непродолжительное время в 1922 г. его даже приняли в штат Этнографического отдела научным сотрудником. В 1920-е годы он также еще оставался членом Русского географического общества. Однако дальнейшая судьба ученого все же оказалась связанной с Украиной. В 1929 г. А.З. Носов был арестован по делу «Союза освобождения Украины», а в феврале 1933 г. по обвинению в связях с «Украинской военной организацией» (УВО, подпольной организацией националистического толка) он получил пять лет исправительно-трудовых лагерей. После освобождения работал в Ялтинском краеведческом музее (ИАНУ 1998: 515). Известно, что ученый скончался в 1941 г., однако достоверных сведений об обстоятельствах его смерти не опубликовано. Существуют мнение, что он умер в ГУЛАГе (Сегеда 2001: 22). В 1989 г. был реабилитирован.

В 1934 г. Музей антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка был реорганизован и включен в новосозданный Институт истории материальной культуры (ИАНУ 2003: 35). В официальных сообщениях говорилось: «Очищенная от контрреволюционных и троцкистских элементов Академия наук при участии ЦК ВКП (б) и советского правительства создали условия для бурного роста УАН и подъема ее на высочайший уровень, соответствующий историческим задачам главного научного центра Советской Украины» (ИАНУ 2003: 152).

О вкладе А.З. Носова в науку и музейное дело следует отметить, что экспонаты и фотографии, переданные им в Русский музей более ста лет назад, по сей день остаются востребованными как в экспозиционно-выставочной, так и в научно-исследовательской работе. Нынче они демонстрируются в Российском этнографическом музее, участвуют в выездных проектах, публикуются в отечественных и в зарубежных изданиях. Несмотря на то, что экспедиции Носова в Сербию происходили в рамках его студенческой практики, собранные им материалы представляют собой на сегодняшний день полноценную историко-научную источниковую базу. Анализируя коллекции и сведения, оставленные Носовым о своей полевой работе, можно делать выводы о глубокой архаичности сербской традиционной культуры начала XX в. – то есть периода, который в современной историографии связывают с активизацией модернизационных процессов (Батаковић 2012: 391). Это дает возможность исследователям проследить те изменения, которые сербская традиционная культура пережила за прошедшее столетие.

По своему характеру и контексту сербское экспедиционно-исследовательское наследие Носова является воплощением и отраже-

нием тех научно-исследовательских методов и подходов, которые были характерны для комплексной научной деятельности его времени, и которые были заложены в основу собирательских стратегий императорского этнографического музея. Таким образом, несмотря на то, что для сегодняшнего Российского этнографического музея более приоритетным направлением является практическая работа в области отечественной этнографии, сербское этномузеологическое наследие Носова несомненно следует рассматривать в качестве неотъемлемого компонента целостной концепции, послужившей базой для формирования современного научно-экспозиционного музейного пространства.

Источники и материалы

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14.

АРЭМ 1 – Архив Российского этнографического музея. Ф. 1.

АРЭМ 2 – Архив Российского этнографического музея. Ф. 2.

Весь Петроград, 1916 – Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год. Петроград, 1916.

ИК ЭО – Инвентарная книга Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. Т. III.

КО РЭМ – Коллекционная опись Российского этнографического музея № 70.

Отчет 1914 – Отчет Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III за 1912 г. СПб.: Энергия, 1914.

ІНАНУ 1993 – Історія Національної Академії Наук України (1918–1923): документи і матеріали. Київ: НБУВ, 1993.

ІНАНУ 1998 – Історія Національної Академії Наук України (1924–1928): документи і матеріали. Київ: НБУВ, 1998.

ІНАНУ 2003 – Історія Національної Академії Наук України (1934–1937): документи і матеріали. Київ: НБУВ, 2003.

Научная литература

Александрова и др. 2001 – Российский этнографический музей 1902–2002: Альбом / сост.: Л.К. Александрова и др. СПб.: Славия, 2001.

Гуськова 2002 – Гуськова Е.Ю. Балканы в планах России в первой половине XIX вв. // Югославянская история в новое и новейшее время. М.: МГУ, 2002. С. 70–82.

Ивановская 2012 – Ивановская Н.И. Профессиональная социализация студентов Санкт-Петербургского университета в семинаре Ф.К. Волкова в 1907–1917 гг. // Феномен социализации в этнической культуре (Материалы одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений). СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2012. С. 134–140.

- Калашиникова 2008 – Калашиникова Н.М. Первая этнографическая выставка России // Славяне Европы и народы России. СПб., 2008. С. 12–45.
- Карпова 2005 – Карпова О. Сербские коллекции в собрании Российского этнографического музея // Колекција јесен/зима 1867. Београд, 2005. С. 22–31.
- Карпова 2008 – Карпова О.В. Зарубежные славяне // Славяне Европы и народы России. СПб.: Славия, 2008. С. 234–236.
- Козьмин 2004 – Козьмин В.А. Кафедра этнографии и антропологии // Исторический факультет Санкт-Петербургского Университета. 1934–2004: Очерк истории. СПб., 2004. С. 317–339.
- Михайлова 2013 – Михайлова А.А. Вклад А.З. Носова в формирование сербских коллекций РЭМ // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики. Материалы двенадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СП-ГУТД, 2013. С. 196–202.
- Носов 1914 – Носов А.З. К антропологии монголов-халхасцев // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском Университете. Т. V. СПб.: тип. К. Биркенфельд, 1914. С. 198–215.
- Носов 1913 – Носов А.З. К антропологии сербов Королевства // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском Университете. Т. IV. СПб.: тип. А. Розена, 1913. С. 123–125.
- Laffan 1918 – Laffan R.G.D. The guardians of the gate. Historical lectures on the Serbs. Oxford, 1918.
- Батаковић 2012 – Батаковић Д. О парламентарној демократији у Србији, 1903–1914 // Глас CDXX Српске академије наука и уметности, одељење историјских наука, књ. 16. Београд, 2012.
- Вернадський 2011 – Вернадський В.І. Листування з українськими вченими. Кн. 2. Ч. 1. Київ: б.и., 2011.
- Носов 1924 – Носов А.З. Антропо-етнологічне вивчення людини – населення України // Червоний шлях. 1924. № 1–2. С. 136–140.
- Носів 1927а – Носів А. До антропологічного типу українського населення. Оттиск. Харків: Харківське наукове товариство, 1927.
- Носів 1927б – Носів А. Досягнення української антропології за останнє десятиріччя // Вісник природознавства. 1927. № 5–6. С. 295–298.
- Носів 1927с – Носів А. Матеріали до антропології України. Українці Поділля // Етнографічний вісник. Кн. 5. Київ, 1927. С. 94–117.
- Носів 1928 – Матеріали до антропології України. Українці Кубані // Антропология. Річник Кабінету антропології ім. Ф. Вовка. Т. 1. Київ, 1928. С. 31–64.
- Носів 1928 – Петрогліфи з долини р. Орхона (Монголія). Київ, 1928.
- Носів 1929 – Носів А. Ф.К. Вовк і українська наука // Антропология. Річник Кабінету антропології ім. Ф. Вовка. Т. 2. Київ, 1929. С. 1–8.

- Носов* 1929 – *Носов А.* До антропології Кримських татар // Антропологія. Т. 2. Київ, 1929. С. 9–69.
- Носов* 1930а – *Носов А.* До антропології болгарів // Антропологія. Т. 3. Київ, 1930. С. 6–57.
- Носов* 1930б – *Носов А.* Кримські татари: антропологічні нариси // Східний світ. 1930. № 10–11. С. 301–313.
- Носов* 1931а – *Носов А.З.* Професор Ф. К. Волков в українській археології (1847–1918–1928) / А.З. Носов. – Записки ВУАК. – 1931. – Т. 1. С. XXIII–XXVIII.
- Носов* 1932 – *Носов А.* Матеріали до антропології України. Українці Дніпропетровщини // Журнал геолого-географічного циклу. 1932. № 3–4. С. 51.
- Сегеда* 2001 – *Сегеда С.* Антропологічний склад українського народу: етногенетичний аспект. Київ: вид. ім. Олени Теліги, 2001.
- Носов* 1931б – Словник антропогеографічної термінології: (Проект) / Уклад *А. Носов*. Харків: УРЕ, 1931.
- Тихонов* 2012 – *Тихонов И.Л.* Ф.К. Волков в Санкт-Петербурге // Археологія і давня історія України. Вип. 9. Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 302–309.
- Ђоровић* 2006 – *Ђоровић В.* Историја Срба. Београд: Дом и школа, 2006.

Article Summary

From the history of Russian ethnology. Vol. 1.

A.A. Mikhailova. The ethnographic and anthropological expeditions of A.Z. Nosov to the Kingdom of Serbia (1911–1912) and their results [Etnografo-antropologicheskie ekspeditsii A.Z. Nosova v Korolevstvo Serbia (1911–1912): ikh rezul'taty i znachenie]

Keywords: A.Z. Nosov, musicological heritage, traditional culture, Volkov's seminars

Abstract: The article throws the light on the problem of acquisition of the ethnographic museum collections of artifacts and photographs in historical and biographical context. In particular, A.Z. Nosov's research and collecting strategies come under review in relation with the holistic concept of scientific and exhibition space of ethnography museum. The details of the A.Z. Nosov's biography backcast the processes which have affected the scientific community in the first half of XX century on the back of paradigm shift and further development of ethnography as a scientific discipline. Meanwhile many of these details have been never mentioned in previous publications about this personality as well as his contribution to scientific work and museology have been wrongly forgotten. Notably this is the case of Serbian ethnography collections which have been gathered 105 years ago and now are deposited in Russian ethnography museum. Those artifacts and

photographs reflect the archaic and traditional ways of being in different areas of Serbia before the wars and turmoil of XX century. The collection contains rare and unique pieces and presents the exclusive source material for Serbian ethnography and history studies. Since that time there were no special expeditions to Serbia organized by the Russian ethnography museum any more.

Author: **Alena A. Mikhailova**, Russian Ethnographical Museum (St-Petersburg, Russia), e-mail: alena-muzej@yandex.ru

References

- Gus'kova E.Iu. Balkany v planakh Rossii v pervoi polovine XIX vv. *Iugoslavijskaia istoriia v novoe i noveishee vremia*. Moscow: MGU, 2002, pp. 70–82.
- Ivanovskaia N.I. Professional'naia sotsializatsiia studentov Sankt-Peterburgskogo universiteta v seminare F.K. Volkova v 1907–1917 gg. *Fenomen sotsializatsii v etnicheskoi kul'ture (Materialy odinnadtsatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii)*. St. Petersburg: IPTs SPGUTD, 2012, pp. 134–140.
- Kalashnikova N.M. Pervaia etnograficheskaia vystavka Rossii. *Slaviane Evropy i narody Rossii*. St. Petersburg, 2008, pp. 12–45.
- Karpova O. Serbskie kollektsii v sobranii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia. *Kolektsija jesen/zima 1867*. Beograd, 2005, pp. 22–31.
- Karpova O.V. Zarubezhnye slaviane. *Slaviane Evropy i narody Rossii*. St. Petersburg: Slaviia, 2008, pp. 234–236.
- Koz'min V.A. Kafedra etnografii i antropologii. *Istoricheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo Universiteta. 1934–2004: Ocherk istorii*. St. Petersburg, 2004, pp. 317–339.
- Mikhailova A.A. Vklad A.Z. Nosova v formirovanie serbskikh kollektsii REM. *Etnograficheskie kollektsii v muzeiakh: kul'turnye strategii i praktiki. Materialy dvenadtsatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii*. St. Petersburg: IPTs SPGUTD, 2013, pp. 196–202.
- Nosov A.Z. K antropologii mongolov-khalkhastsev. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom Universitete*. Vol. V. St. Petersburg: K. Birkenfel'd, 1914, pp. 198–215.
- Nosov A.Z. K antropologii serbov Korolevstva. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom Universitete*. Vol. IV. St. Petersburg: A. Rozen, 1913, pp. 123–125.
- Rossiiskii etnograficheskii muzei 1902–2002: *Al'bom* / sost.: L.K. Aleksandrova i dr. St. Petersburg: Slaviia, 2001.
- Laffan R.G.D. *The guardians of the gate. Historical lectures on the Serbs*. Oxford: Caledonian press, 1918.
- Batakovic D. O parlamentarnoj demokratiji u Srbiji, 1903–1914. *Glas CDXX Srpske akademije nauka i umetnosti, odeljenje istorijskikh nauka*, knj. 16. Beograd, 2012.

- Vernads'kii V.I. *Listuvannia z ukraïns'kimi vchenimi*. Vol. 2. Part. 1. Kiïv: b.i., 2011.
- Nosov A.Z. Antropo-etnologichne vivchannia liudini – naselennia Ukraïni. *Chervonii shliakh*. 1924. no. 1–2, pp. 136–140.
- Nosiv A. *Do antropologichnogo tipu ukraïns'kogo naselennia*. Ottisk. Kharkiv: Kharkivs'ke naukove tovaristvo, 1927.
- Nosiv A. Dosiagnennia ukraïns'koï antropologïi za ostanne desiatirochchia. *Visnik prirodoznavstva*. 1927. no. 5–6, pp. 295–298.
- Nosiv A. Materiali do antropologïi Ukraïni. Ukraïntsi Podillia. *Etnografichnii visnik*. Kn. 5. Kiïv, 1927, pp. 94–117.
- Nosiv A. F. K. Vovk i ukraïns'ka nauka. *Antropologiia. Richnik Kabinetu antropologïi im. F. Vovka*. Vol. 2. Kiïv, 1929, pp. 1–8.
- Nosov A.Z. Profesor F.K. Vovk v ukraïns'kii arkheologïi (1847–1918–1928) / A.Z. Nosov. *Zapiski VUAK*. 1931. Vol. 1. pp. XXIII–XXVIII.
- Nosiv A. Materiali do antropologïi Ukraïni. Ukraïntsi Kubani. *Antropologiia. Richnik Kabinetu antropologïi im. F. Vovka*. Vol. 1. Kiïv, 1928, pp. 31–64.
- Nosov A. Do antropologïi Krims'kikh tatar. *Antropologiia*. Vol. 2. Kiïv, 1929, pp. 9–69.
- Nosov A. Do antropologïi bolgariv. *Antropologiia*. Vol. 3. Kiïv, 1930, pp. 6–57.
- Nosov A. Krims'ki tatari: antropologichni narisi. *Skhidnii svit*. 1930. no. 10–11. pp. 301–313.
- Nosov A. Materiali do antropologïi Ukraïni. Ukraïntsi Dnipropetrovshchini. *Zhurnal geologo-geografichnogo tsiklu*. 1932. no. 3–4, pp. 51.
- Segeda S. *Antropologichnii sklad ukraïns'kogo narodu: etnogenetichnii aspekt*. Kiïv: vid. im. Oleni Teligi, 2001.
- Slovník antropogeografichnoï terminologïi: (Proekt)* / Uklav A. Nosov. Kharkiv: URE, 1931.
- Tikhonov I.L. F.K. Volkov v Sankt-Peterburge. *Arkheologiia i davnia istoriia Ukraïni. Istoriiia arkheologïi: doslidniki ta naukovii tsentri*. Vol. 9. Kiïv, 2012, pp. 302–309.
- Corovic V. *Istorija Srba*. Beograd: Dom i skola, 2006.

ДЕЯТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ: ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ШИРОКОГОРОВА

Ключевые слова: Е.Н. Широкогорова, С.М. Широкогоров, феминизм, музыкальная и женская этнография, экспедиции, Забайкалье, Маньчжурия, Китай, тунгусы, орохоны, лоло

Аннотация: В статье предпринята попытка восстановить биографию и особенности научного творчества супруги Сергея Михайловича Широкогорова, Елизаветы Николаевны Широкогоровой, долгое время находившейся в тени своего знаменитого мужа. В статье на основе разнообразных источников показано, что Елизавета Николаевна в совместных с мужем экспедициях овладела этнографической методикой и собрала важные данные по материальной культуре, орнаменту, женской этнографии тунгусов, орохонов, северных маньчжуров и сыграла существенную роль в успехе экспедиций и в целом научном творчестве своего супруга. Е.Н. Широкогорова стояла у истоков тунгусской музыкальной этнографии. Она принимала активное участие в археологических разведочных раскопках на Амуре летом 1916 г. Вместе они внесли весомый вклад в формирование коллекций Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамеры) по этнографии и фольклору тунгусо-маньчжурских народов. Находясь в эмиграции в Китае, Е.Н. Широкогорова участвовала в антрополого-этнографических экспедициях ее мужа на юг Китая. В статье аргументируется, что побудительным мотивом этнографических, фольклорных, антропологических занятий Е.Н. Широкогоровой была любовь к своему мужу.

Зависимость знания от пола, возраста, социального статуса ученого давно стала общим местом в западной эпистемологии, социологии и истории науки. Пониманию этого способствовали вторая волна феминизма, постмодернизм и социология знания второй половины XX в. Назрела необходимость пересмотра «великого канона» западных женщин-ученых, утвердившегося в зарубежной истории науки, с тем, чтобы обратить внимание на еще неизвестные женские имена (Созаев 2007). Российская этнография нуждается в таком пересмотре на всех этапах ее развития.

* Анна Анатольевна Сирина – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), e-mail: annas@iea.ras.ru

** Владимир Николаевич Давыдов – к.соц.н., PhD по социальной антропологии, зав. отделом Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург), e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Общество конца XIX – начала XX вв. имело вполне определенные взгляды на женщину, чьей основной обязанностью считалось ведение домашнего хозяйства, уход за мужем и детьми. Женщины проникали в мужские профессии разными путями, чаще всего как жены миссионеров и путешественников. Можно вспомнить жену и верную спутницу Г.Н. Потанина, Александру Викторовну Потанину, автора работ о природе, жизни и быте народов Центральной Азии, первую женщину – члена ИРГО; Веру Николаевну Харузину, первую женщину – профессора этнографии, автора многих этнографических статей, работавшую вместе со своими братьями (*Керимова* 2011); Дину Лазаревну Бродскую (Иохельсон), имевшую степень магистра медицины и работавшую с мужем в Джезуповской (Тихоокеанской) экспедиции, экспедиции Рябушинского на Камчатку и Алеутские острова (*Гурвич* 1963; *Слободин* 2005: 100); Людмилу Александровну Левину (Мерварт), индолога, проводшую вместе с мужем успешную экспедицию на Цейлон в начале XX в. (*Вигасин* 1999; *Краснодембская*, наст.сб.).

Н.Л. Пушкарёва пишет о том, что женщины-этнографы не сразу заявили о своей особости как ученых. Она подметила, что «овладение профессией включало тогда обучение видению мира в «мужской перспективе» (*Пушкарёва* 2011). В то же время, женщины не могли не привнести в профессию свой собственный женский взгляд. Порой женщины умели совмещать и семейную жизнь, и занятия творчеством, в частности, литературным и научным. Так, Екатерина Алексеевна Авдеева-Полевая (1788–1865), происходившая из купеческого сословия, вырастив пятерых детей, стала автором замечательных книг по этнографии сибирского города, опубликовать которые ей помог брат; одна из них была переведена на немецкий, английский, чешский языки и названа А.Н. Пыпиным одной из первых «собственно этнографических» книг в России (*Авдеева-Полевая* 1837; *Виноградов* 1941). В ее книгах привлекает именно женский взгляд на мир, и ее дальнейшее творчество было связано с тиражированием опыта ведения домашнего хозяйства (*Авдеева-Полевая* 1842).

Гендерный состав российских этнографов постепенно менялся и в советское время, во второй половине – конце XX в., стал по преимуществу женским. Причины этого явления еще предстоит изучить, они комплексные, связанные с войнами, демографией, гендерной политикой в СССР, где женщина была признана равноправным членом советского общества, с престижностью и материальной обеспеченностью профессиональных занятий. Если портрет классического

американского антрополога середины – второй половины XX в. – это мужчина средних лет и среднего класса (Эриксен 2014), то в СССР, особенно в конце XX – начале XXI вв., это была женщина. Какие ограничения и преимущества принесло такое изменение гендерного состава нашей науки, еще предстоит изучить¹.

В данной статье мы хотим привлечь внимание к неизвестному имени в истории российской этнологии – Елизавете Николаевне Широкогоровой (1884, г. Екатеринодар, Россия – 1943, г. Пекин, Китай), долгое время остававшейся в тени своего супруга, выдающегося русского ученого-эмигранта Сергея Михайловича Широкогорова. Образ дамы в мужском костюме (Гуревич 1940. Цит. по: Крадин, Решетов 2007: 5), на первый взгляд, хорошо вписывается в «мужскую перспективу». На самом деле, как мы покажем в этой статье, побудительным мотивом Е.Н. Широкогоровой к занятиям этнографией и путешествиям была любовь к мужу. Впервые на это обратил внимание А.М. Решетов (Решетов). В отличие от современных женщин, намеревающихся сделать карьеру в науке, сталкивающихся на этом пути с мужчинами и испытывающими к себе порой отношение, провоцирующее рост феминистских настроений, она не была озабочена карьерой, и не была феминисткой. Интересы Сергея Михайловича, страстно увлеченного этнологическими исследованиями, стали ее интересами, потому что она любила своего мужа и была любима им, что давало силы преодолевать трудности экспедиций, неустроенность быта, тяготы камеральной обработки материала. Результаты ее работы влились в книги, написанные Сергеем Михайловичем, и только несколько трудов она опубликовала под своим именем.

Помимо гендерного вопроса, стоит поставить вопрос о «кухне» этнографического текста, иными словами, о том, каков вклад добровольных помощников, родственников, знакомых в его создание; как правило, авторский текст является продуктом реализации разнообразных социальных связей и сотворчества исследователя и информантов, соавторства исследователей и представителей местной интеллигенции, и чем интенсивнее это сотворчество, тем интереснее сам текст (Сирина 2013; Гостиева, наст. сб.)².

¹ Имеющиеся публикации написаны в жанре научных биографий, однако в некоторых читается и гендерный аспект (Ермолова 2003; Михайлова 2015; Нитобург 2003; Хаховская 2016 и др.). См. также статью О.Б. Наумовой в настоящем сборнике.

² В последние десять-пятнадцать лет это стало особенно заметным в работах, написанных совместно антропологами и представителями коренных народов о традиционных экологических знаниях.

До настоящего времени информация об истории семьи Елизаветы Николаевны была малоизвестной. И это понятно, поскольку часть её родственников продолжали жить и работать в Советском Союзе. По словам племянницы Елизаветы Николаевны, Елены Васильевны Робинсон, им было опасно демонстрировать свою связь с эмигрировавшими в Китай супругами Широкогоровыми, тем более, что муж сестры Елизаветы Николаевны, Марии Николаевны, в 1930-е годы занимал пост министра экономики.

Елизавета Николаевна родилась 22 мая 1884 г. в Екатеринодаре в семье кубанского провизора (аптекаря) Николая Александровича Робинсона и Надежды Федоровны Робинсон (Гамбургер), которые

*Рис. 2. Елизавета (слева) с отцом
Николаем Александровичем Робинсон,
сестрой Марией и братом Василием 1898 г.
Фото из личного архива Е.В. Робинсон*

поженились в 1883 г. Предками Н.А. Робинсона были эстонцы, остзейские немцы и шведы. С 1882 по 1898 гг. он работал управляющим в первой вольной аптеке в Екатеринодаре – аптеке Гамбургеров. Также он владел сельской аптекой в станице Белореченской. Отец троих детей, Николай Александрович умер от брюшного тифа 31 января 1899 г. в возрасте 46 лет, когда Елизавете было 15 лет.

Елизавета Робинсон в 1902 г. окончила частную женскую гимназию М.Н. Стоюниной в Петербурге (ул. Союза Печатников, бывшая Кабинетская, д. 20)³. В личном архиве Е.В. Робинсон имеется документ – удостоверение от 18 мая 1902 г., в котором сказано:

Сим удостоверено, что Елизавета Робинсон окончила в истекшем 1901/1902 учеб[ном] году VIIIой педагогический кл[асс] в вверенной мне гимназии со званием домашней учительницы, в чем установленное свидетельство будет выдано ей осенью сего года.

Брат Елизаветы, Василий (1885–1967) учился в Кубанском Александровском Реальном Училище, закончил его в 1905 г., а затем изучал в Санкт-Петербургском университете минералогию и завершил учебу в мае 1916 г. Позднее Василий Николаевич станет профессором геологии, посвятив жизнь исследованию геологии Кавказа.

А.М. Решетов предположил, что Елизавета Робинсон и Сергей Широкогоров познакомились в Париже, но не исключено, что это произошло в Юрьеве, где в университете работали их родственники. Молодые обвенчались 29 июня (12 июля) 1908 г. в Свято-Троицкой и Александра Невского церкви в Париже. На бракосочетании присутствовал родной дядя Сергея Михайловича, Иван Иванович Широкогоров, командированный на год в Париж для работы в Пастеровском институте под руководством профессора И.И. Мечникова (*Решетов*). В 1910 г. супруги вернулись в Россию, навестили родственников Елизаветы Николаевны в Екатеринодаре.

Сергей Михайлович Широкогоров продолжил свое образование в Санкт-Петербургском Университете, устроился регистратором коллекций в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру). Под влиянием коллег он запланировал экспедиционные исследования малоизученных тунгусских групп Забайкалья. Елизавета Николаевна сопровождала своего мужа во всех его экспедициях, проведенных на территории Сибири и Китая (Отчет 1914; *Shirokogoroff* 1929; Крюков 2007).

³ По словам Е.В. Робинсон, родственники Елизаветы Николаевны Широкогоровой были знакомы с потомками архитектора Сильвио Данини, спроектировавшего этот дом.

*Рис. 3. Слева направо: А.В. Гамбургер; ее муж,
дядя Е.Н. Широкогоровой, Н.Ф. Гамбургер; М.Н. Смирнов;
его жена М.Н. Смирнова-Робинсон;
мать Е.Н. и М.Н. Широкогоровых Н.Ф. Робинсон;
Е.Н. и С.М. Широкогоровы.
1911, г. Екатеринодар, Гимназическая, 45.
Фото В.Н. Робинсон(?). Из личного архива Е.В. Робинсон*

Сначала она жалела мужа, видя, как трудно приходится собирать материал (он проводил перепись, а местные жители очень неохотно отвечали на вопросы): «4 июля 1912 г. Сережа оставил меня дома, а сам по жаре пошел исполнять свое трудное дело – перепись. Жду его и жалею всем сердцем, что ему так трудно и много приходится бороться (СПбФ АРАН 2. Оп. 5. Д. 803. Л. 12–12об.). А к началу 1916 г. она уже втянулась в этнографические исследования, проводимые ее мужем, и писала С.А. Ратнер-Штернберг:

Здесь в Сахалине бездна интересного. Масса различных народностей, постоянный обмен людей (этнографических). Приезжают сюда всевозможные типы, включительно до орочен. Мы здесь уже встречали в лавках нескольких человек. Глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться (СПбФ АРАН 2. Оп.2. Д.320. Л.3–4об.).

На основании комплексного анализа литературы и документов по-новому видится фигура Елизаветы Николаевны Широкогоровой: не только как помощницы своего мужа, но и как самостоятельного исследователя.

Экспедиции 1912–1913 годов: в поисках тунгусского языка.

Экспедиция в Забайкалье летом 1912 г. стала первой совместной экспедицией супругов Широкогоровых. В настоящее время ее контекст можно восстановить не только на основании опубликованного отчета (*Отчет* 1914), но и писем С.М. Широкогорова к Л.Я. Штернбергу⁴ и фрагмента (?) дневника Елизаветы Николаевны за 1912 г., который впервые публикуется нами в Приложении к данной статье (*Широкогоров* 2015; СПбФ АРАН 3. Оп.5. Д. 803). Дневниковые записи Е.Н. Широкогоровой играют важную роль для понимания первых шагов исследователей в поле.

Цель первой экспедиции в Забайкалье была лингвистическая: предполагалось начать изучение тунгусского языка в тех же местах, где М. Кастрен когда-то записал тунгусский словарь (*Отчет* 1914:131; *Mamontova* 2016). По приезду на место оказалось, что за более чем полвека со времени путешествия Кастрена тунгусский язык практически исчез. Кочевые тунгусы-скотоводы Читинского уезда жили в семи улусах, расположенных на расстоянии от 15 до 35 верст друг от друга. По данным С.М. Широкогорова, в 130 юртах жили 670 человек. В улусах кочевых тунгусов исследователи провели один месяц и выяснили, что «кочевые тунгусы всю материальную культуру, язык, отчасти верования заимствовали от бурят и в антропологическом отношении являются смесью с заметным влиянием также бурят» (*Отчет* 1914:132).

Со свойственным Елизавете Николаевне светлым взглядом на мир, мягким юмором она отметила в своем дневнике нацеленность Сергея Михайловича на запись тунгусских/орочонских слов в любой ситуации, а также то, как быстро это надоедало местным и они начинали «бегать» от ее мужа.

«25-го [июля] Утром мы, так сказать, гуляли, т.к. никого не было, у кого бы можно было спрашивать слова... 26-го утром С[ергей] расспросил довольно много слов... Ночью Сережа долго придумывал слова. 27-го встали поздно <...> Павел скрывается от писания слов <...> Павел бегал долго и Серка пришел совсем в уныние. Начал придумывать разные способы, чтобы привлечь его к делу. Я думаю, что из этого ничего не выйдет, т.к. самое для них лучшее состояние – это ничегонеделание. <...> стали кое-кто приходить к нам, что было Сережей истолковано в смысле записи слов» (СПбФ АРАН 3. Оп.5. Д. 803. Л.3–37).

Работа среди тунгусов и орочонов позволила записать около 1800 слов, до 300 фраз и 5 небольших текстов рассказов; на основании этих материалов был сделан важный вывод о значительных морфологических и фонетических различиях между диалектами, изученными Кастреном,

⁴ Большая часть их переписки пока не опубликована и хранится в СПбФ АРАН.

и ороchonским. В экспедиции 1913 г. у орочонов Забайкалья было записано 1000 новых слов, свыше 700 фраз и около 3 ½ печатных листа текстов. На основании этого материала Сергей Михайлович выделил два говора: нерчинский и баунтовский и отдельно ангарский диалект (*Отчет* 1914: 135, 144). Запись слов, фраз и рассказов на ороchonском/тунгусском языке с параллельным переводом на русский язык проводились и в последующих экспедициях. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились лингвистические записи из экспедиции 1915 г., составленные по преимуществу рукой С.М. Широкогорова: например, запись от 20 августа 1915 г. от Прокопия Гаврилова Келекова Сологонского рода (хинганские орочоны) (СПбФ АРАН 3. Оп.5. Д. 794. Л.29–30).

Елизавете Николаевне достался большой труд оформления всех собранных лингвистических материалов в виде «чистой» рукописи словаря, впоследствии изданной в виде фотоконии (*Shirokogoroff* 1944). Эта работа не была востребована лингвистами при составлении двухтомного «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (*ССТМЯ* 1975: XXVII–XXX). Трудно сказать, чем это было вызвано: то ли недоступностью самой книги, – издания исключительно редкого и необычного, то ли фонетическими ошибками и недочетами. Вместе с критикой лингвистических занятий Широкогорова М.М. Хасанова и А.М. Певнов отметили тот факт, что его словарь был первым тунгусско-русским словарем, представившим диалекты разных эвенкийских групп (*Хасанова, Певнов* 2008).

Методика полевой работы. Путешественники-этнографы выезжали в поле как индивидуально, так и коллективами, в т.ч. семейными. Преимущества семейных экспедиций на собственном примере С.М. Широкогоров обосновывал тремя основными причинами: супруга помогала установить дружественные отношения с тунгусами и маньчжурами; очень много помогала в сборе материалов, прежде всего по закрытой для мужчин женской «интимной» стороне жизни; и, наконец, исследователи могли наблюдать одновременно происходящие в разных местах обряды и ритуалы, т.е. работали более эффективно (*Shirokogoroff* 1929, V; *Широкогоров* 1914, 145). М.В. Крюков на основании документов китайского периода жизни Широкогорова высказал предположение, что Елизавета Николаевна была «фактически единственным помощником, с которым он мог плодотворно сотрудничать», поскольку «отличался фатальным неумением ладить с людьми, а его «аристократические замашки»⁵ неизменно вызывали резко негативную реакцию окружающих (*Крюков* 2007: 93). С.М. Широкогоров,

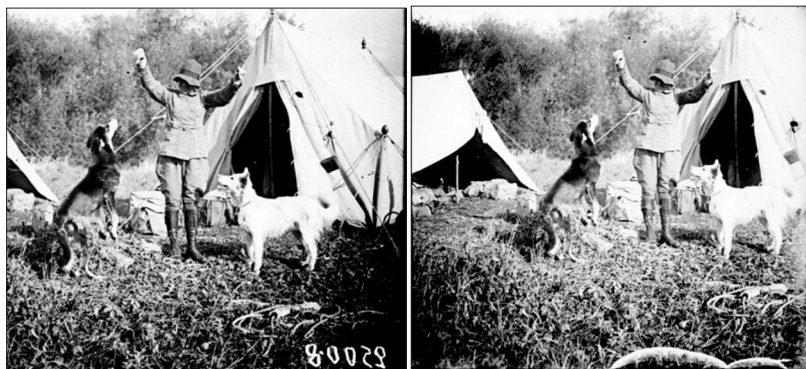
⁵ Речь идет об экспедиционных исследованиях, проводившихся в Китае.

как и многие выдающиеся личности, имел, по-видимому, непростой характер («Боюсь вступать с ним в какие-либо споры, чтобы он уже не разнервничался», – записала однажды в дневнике Елизавета Николаевна), но возможно ли адресовать этнографу «фатальное неумение ладить с людьми»?

Елизавета Николаевна, как женщина любящая, тонкая и умная, держалась в тени своего мужа, не выставя себя и свои заслуги; их отмечал сам Сергей Михайлович на страницах печатных трудов и в письмах.

Прежде всего, Елизавета Николаевна выполняла в «поле» свою обычную роль заботливой и любящей жены. В 1912 и 1913 гг. она почти постоянно была на виду у местных женщин, которые приходили к ней из любопытства, послушать фонограф, посмотреть вещи путешественников, принести на обмен или продажу продукты или вещи собственного изготовления, рассказать свои жизненные истории. Вместе с тем исследователи принадлежали к иному социальному слою, и грязные и тяжелые работы они не выполняли, нанимая для этого местных жителей⁶

Е.Н. Широкогорова училась этнографии непосредственно в поле сама и от своего мужа, она делала своего рода небольшие эксперименты в сборе материала: например, предлагала местным жителям что-нибудь нарисовать и затем описывала, что получилось в результате развития этой ситуации; предлагала прослушать европей-

*Рис. 4. Елизавета Николаевна Широкогорова
в экспедиции 1915 г. © МАЭ РАН. №2500-8
Фото С.М. Широкогорова (?)*

скую музыку тунгусам, бурятам и орочам и фиксировала разную реакцию на нее. Одним из методов была доверительная беседа. В

⁶ Сравни положение в экспедиции советского этнографа В.Г. Кузнецовой (Давыдова 2015; Михайлова 2015; Хаховская 2016).

дневнике 1912 г. имеется перечень вопросов, что нужно спрашивать у женщин. Наверняка, учитывая характер совместной работы, муж и жена вместе составляли вопросы, да и почерка этого небольшого вопросника несколько различаются.

Судя по дневниковым записям, первичную обработку собранных полевых материалов супруги начинали проводить уже в полевых условиях:

Примечание: Этот дневник дал 157 карточек. Помечены карточки взятые из этого дневника двумя VV анилиновым карандашом, карточки взятые из моего II-го дневника в числе 438 помечены одним V анилиновым карандашом. Карточки моего первого дневника от Хайлара до Черняево помечены одним скворцом красным карандашом. 15.01. 1917 года (СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Д. 807. Л. 22об.–23).

Это подтверждает и тот факт, что хранящиеся в архиве листы с лингвистическими записями слов, выражений, предложений и рассказов, о которых выше шла речь, перечеркнуты синим и красным карандашом, что означает их отработанность; имели значение цвет карандаша и особенности пометок; перечеркивание делалось, чтобы не запутаться в дальнейшем при обработке вновь собранного материала. В «поле» Елизавета Николаевна проявляла пластинки и печатала фотографии, помогала мужу составлять описи собранных коллекций.

Северо-западная Маньчжурия: географический очерк. В экспедициях Широкогоровы работали маршрутно-стационарно. Пройденные в 1915 г. маршруты по северо-западной Маньчжурии в рамках двухлетней экспедиции 1915–1917 гг. нашли отражение в географическом очерке путешествия, написанном Елизаветой Николаевной в лучших традициях российской географии и этнографии. Этот регион редко попадал в сферу внимания путешественников и исследователей из-за местонахождения в стороне от основных дорог и соответственно труднодоступности. Автор связала занятия населения с природно-географическими условиями местности: «Население пройденной нами страны состоит из монголов, дауров, солонов, баргутов, орочен, отчасти бурятов, тунгусов, манджуров, русских и китайцев. Занятия этого конгломерата народов сводятся к трем главным отраслям: скотоводству, охоте и земледелию; соответственно этому перечисленные мною народности размещаются по указанным мною в начале очерка трем районам: степно-возвышенному, таежному и степно-низкому» (*Широкогорова* 1919: 35). Широкогорова дала краткие характеристики всех перечисленных народов, а также этнографические характери-

ки культурных особенностей трех групп орохонов: хинганских конных, испытавших административное и культурное влияние монголов, оленных орохонов р. Быстрая и кумарских орохонов, находившихся под маньчжурским влиянием.

Следует отметить ясный и легкий стиль письма, чередование информативных страниц тонких наблюдений над особенностями природы и населения, сдержанность в описании опасных отрезков маршрутов, поэтические описания местности, постоянно поддерживающие интерес к повествованию. Приведем несколько примеров.

«Стало значительно холоднее, ночью был мороз, а утром термометр показывал -10. Это местечко называется по имени безводной пади – Джонкон. <...> Привал устроили в прелестном поэтическом местечке <...> Это было теплое, узкое и крутое ущельице, в котором в русле шириной всего в несколько вершков по камешкам сбегал маленький журчащий ручеек, чистый и прозрачный. К величайшему удивлению нашему и удовольствию наших лошадей мы нашли здесь зеленую траву» (*Широкогорова* 1919: 24).

Или еще: «Картина кочующих на оленях орохонов имеет вид фантастический, театральный, игрушечный. Это впечатление вызывается, вероятно, красотой животного, обовьюченного и оседланного ярко орнаментированными сумами и седлами; узды и повод оленя сделаны из хорошо выделанной замши, ярко орнаментированы синими, черными, белыми, и красными полосами, украшены бахромой из той же замши» (*Широкогорова* 1919: 19).

Труд Е.Н. Широкогоровой был написан не только с научной, но и с практической целью, чтобы помочь тем исследователям, которые придут сюда впоследствии. Мы знаем, что Этель Джон Линдгрэн, путешествовавшая спустя пятнадцать лет со своим мужем по тем же местам, что и супруги Широкогоровы, читала этот очерк: он до сих пор хранится в ее коллекции № 79007 архиве Гуверовского института в Стэнфорде США (searchworks.stanford.edu/view/4089108). Известно также, что Линдгрэн не сослалась на своих предшественников, работавших в том же регионе, в своей статье «Северо-западная Маньчжурия и тунгусы-оленоводы», опубликованной в июне 1930 г. в «*Geographical Journal*», что побудило Широкогорову написать письмо с критикой данной работы президенту Британского географического общества, выдержки из которого были опубликованы (*North-Western Manchuria* 1930: 446–446).

Данный очерк до сих пор не потерял своего значения.

Музыкальная этнография. Елизавета Николаевна имела музыкальное образование, но пока мы не можем сказать, где именно она об-

учалась музыке. Известно, что она училась в Париже в те же годы, что С.М. Широкогоров. Музыка сопровождала ее всю жизнь, несмотря на перерывы в практических музыкальных занятиях. «Я иногда немного играю у здешнего консула; к удивлению своему не особенно сильно отстала», – писала Елизавета Николаевна С.А. Штернберг 7 января 1916 г. из Сахалина по завершении нескольких экспедиционных поездок (СПбФ АРАН 2. Оп. 2. Д. 320. Л. 3). В Петербурге она давала уроки игры на фортепиано сыну Льва Яковлевича и Сарры Аркадьевны Штернберг Аркадию (Аде). Эти занятия прервались с отъездом в экспедицию, а рояль был оставлен в Петербурге в квартире В.В. Радлова.

Меня очень огорчает, что Адя забросил музыку, особенно теперь, когда получил такой прекрасный подарок от Арона Яковлевича (дяди – А.С., В.Д.). Передайте пожалуйста Аде, что я прошу его позаниматься, чтобы первые усилия не пропали даром. <...> Когда я возвращусь, опять с удовольствием буду заниматься с Адей и Валею» (СПбФ АРАН 2. Оп.2. Д.320. Л.3–4об.).

Профессия музыканта выручала семью в первые годы эмиграции в Китае: Елизавета Николаевна зарабатывала на жизнь дорогами уроками музыки (СПбФ АРАН 2. Оп. 2. Д. 319. Л. 29). Известно, что она состояла профессором Пекинского национального института по классу рояля, а также выпустила небольшую книжечку «Педаль» (*Гуревич* 1940. Цит. по: *Крадин, Решетов* 2007). Она музицировала дома в минуты отдыха и покоя: «Елизавета Николаевна Вам (В.М. Алексееву. – А.С., В.Д.) шлет привет, а сейчас играет на рояле. Это очень приятно» (*Широкогоров* 2016: 105).

И, конечно, именно музыкальной этнографией – изучением народного музыкального творчества и танцев, она занималась в экспедициях. В ее дневнике встречается много упоминаний о том, что тунгусы поют. В те годы музыкальная этнография была новым направлением в этнографической науке, включая тунгусо-маньчжуроведение. Тунгусский фольклор на фонограф записывал Л.Я. Штернберг в 1910 г. (*Воскобойников* 1957). В Фонограммархиве Института русской литературы АН СССР по данным на 1936 г. хранилось 124 фонографические записи от П.А. Малых, В.К. Стешенко-Куфтиной, И.М. Сулова и др. (*Магид* 1936). Записи Широкогоровых были среди них едва ли не первыми, коллекция их была значительна по объему и записана среди групп орохонов, которые позже с подобными целями не посещались.

Е.Н. Широкогорова в экспедициях 1912–1913 гг. делала записи тунгусского и орохоновского фольклора на фонограф и ряд нотных запи-

сей на слух, «что оказывается, по ее мнению, возможным, если характер музыкального творчества народа понят» (*Отчет* 1914: 136, 145). Вероятно, мужчин супруги записывали вместе, а женщины стеснялись Сергея Михайловича, что дало ему основание для следующего заключения: «женщины в присутствии посторонних незнакомых мужчин не поют» (*Shirokogoroff* 1929: 326). Елизавета Николаевна поняла это первой:

15 июля 1912 г. Вечером пустили в ход фонограф. С большим трудом удалось добиться, чтобы они что-нибудь спели. С одной стороны, им не хотелось, но и конфузились. Петь им хотелось и нужно было для этого изолировать Сережу. Песни их не длинные и очень однообразны. Пели, смеясь. Вообще в женщинах много кокетства.

Со временем работа по записи песен активизировалась: 19 июля «один из парней разошелся и напел отлично 4 валика»; 20 июля «был пущен в ход фонограф. Напели 7 валиков. Они сами вошли во вкус и хотели что-нибудь напеть или наговорить» (СПбФ АРАН 3. Оп. 5. Д. 803. Л. 10об., 16об.–17). Запись на фонограф шла успешно и всего в 1912 г. было записано 29 валиков: 14 у тунгусов и 15 у орочонов). В 1913 г. было записано 20 валиков и, кроме того, Е.Н. Широкогоровой были сделаны записи на слух (*Отчет* 1914: 145, 132, 135).

Елизавета Николаевна отметила, что тунгусская песня находится под сильным бурятским влиянием, а орочонская песня «вполне своеобразна», и что тунгусы поют реже, чем орочоны. «Для орочонской песни характерно частое использование стаккато наряду с легато и частая смена форте и пиано; ритмы весьма разнообразны, темпы также. К этому еще необходимо прибавить большое разнообразие мотивов, мягкий, не гортанный тембр голосов и пение хоровых песен не в унисон» (*Там же*: 135). Для того чтобы расположить людей к себе, супруги давали им прослушать записанные на валики песни и сказки, что «производило на орочонов и тунгусов самое благоприятное впечатление» (*Там же*: 136). Вместе с тем неоднократное, по-видимому, воспроизводство сделанных записей ухудшало их качество.

В небольшой ценной статье о народной музыке в Китае Е.Н. Широкогорова подводит итог своим музыковедческим и собирательским работам: «Во время экспедиций с моим мужем, доктором С.М. Широкогоровым, в различные уголки Восточной Сибири и Маньчжурии, я собрала значительные музыковедческие материалы. Большая часть собранного находится в виде фонограмм в МАЭ РАН. Небольшая часть была записана мной на слух, и она сейчас со мной» (*Shirokogoroff* 1924). Коллекция была пополнена ею в Пекине

в 1917–1918 гг. записями выкриков и песенок китайских уличных торговцев. Отметив огромную вариативность этой разновидности народной музыки и фольклора в Китае, Елизавета Николаевна подчеркивала: «Было бы очень полезным заручиться помощью самих китайцев в этой работе, но слишком мало сейчас образованных китайцев, интересующихся народным фольклором» (*Shirokogoroff* 1924). Она считала, что музыка и другое народное творчество является естественной, почти бессознательной, креативной силой людей. «Прямая имитация шумов природы является происхождением фольклорной музыки народа, так что изучение песен звуков животных и птиц должно идти рука об руку с собиранием и изучением музыкальных проявлений человека». В статье она сравнивает китайскую народную музыку с маньчжурской и тунгусской, отмечая разные основания музыкальной культуры этих народов. Она дала и методические советы относительно музыкальных записей на фонограф, исходя из своего практического опыта – необходимость регистрации места сбора, пола и возраста информанта, его социального положения.

Нотные записи Елизаветы Николаевны были востребованы учеными (*Кардашевская* 2014: 56). Статья о народной музыке в Китае, сопровождаемая нотной транскрипцией китайских, маньчжурских и тунгусских песен (*Shirokogoroff* 1924), была переведена на русский язык и опубликована Г.М. Василевич в сборнике, посвященном эвенкийскому фольклору (*Василевич* 1936, *Широкогорова* 1936). Позднее шесть нотных транскрипций, записанных Е.Н. Широкогоровой, были опубликованы в работе А.М. Айзенштадта (*Айзенштадт* 1995: 269–270). В трудах по тунгусской музыкальной этнографии непременно упоминается имя Е.Н. Широкогоровой как стоявшей у истоков этого научного направления (*Шейкин* 2000; *Варламова, Шейкин* 2014). Что касается записей, сделанных у орочонов северо-восточного Китая, то они являются уникальными

«Женская» этнография и исследования материальной культуры. Е.Н. Широкогорова была тонко чувствующей молодой женщиной с выраженным чувством прекрасного. На наш взгляд, эта черта очень помогала в установлении и поддержании контактов с людьми и в сборе полевых материалов.

Широкогорова занималась вопросами женской этнографии: собирала материалы о беременности, родах, воспитании детей, отношениях в семье, записывала женские истории. Изложив в дневнике за 1916 г. рассказ одной женщины о ее непростой семейной жизни, она записала: «Сама она никогда никому ничего не говорит, только ко мне она так расположена, что ей хочется все рассказать о себе и говорила

бы 2 дня и 2 ночи, и то бы всего не кончила, только не хватает ей слов. Настроение ее после рассказа стало лучше» (СПбФ АРАН 3. Оп.5. Д. 807. Л. 33). Елизавета Николаевна сыграла роль отзывчивого слушателя, своего рода психотерапевта, что одновременно было лучшим методом сбора материала. Этот факт показателен и тем, насколько важна личность исследователя не только для качества собираемого материала, но и для гуманитарной и дипломатической миссии этнографа⁷.

Елизавете Николаевне удалось привнести в работы своего мужа гендерный, женский взгляд. Собранные и обработанные материалы были включены С.М. Широкогоровым в книгу о социальной организации северных тунгусов, в основном в пятую и шестую главы, которые посвящены исследованию брака и организации и функции семьи (*Shirokogoroff* 1929).

В дневниках Елизаветы Николаевны есть записи о материаль-

Рис. 5. Мальчик с сестрой.
В кадр (слева) случайно попала
Елизавета Николаевна.
Тыксыр, Забайкальская область,
Читинский уезд, 1912 г.
© МАЭ РАН № 2002 – 029.

ной культуре (о жилище *угдун*: «землянка», заглубленная в землю, с коническим верхом, с кановым отоплением – на Амуре, характеристика отдельных предметов, а также некоторые схематические рисунки), данные об орнаментах (СПбФ АРАН 1. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 68. Л. 94 об., 124, 126 об.; СПбФ АРАН 3. Оп. 5. Д. 807. Л. 33 и др.; *Отчет* 1914: 145; *Широкогорова* 1919). Кроме того, она собирала коллекции и официально фигурирует в описях МАЭ как собиратель вместе со своим супругом (описи колл. МАЭ №№ 2646, 2647, 2649, 2650).

Антропометрия. Экспедиции Широкогоровых имели комплексный характер, поэтому исследователи собирали материал и по физической антропологии, проводя антропометрические из-

мерения. «При измерениях, особенно вначале, приходилось быть очень осторожным, – вспоминал Широкогоров, – т.к. орочены бояться

⁷ См. статью Н.Г. Краснодембской в настоящем сборнике.

инструментов и цель измерений им непонятна; поэтому приходилось по многу раз объяснять настоящую цель измерений» (*Отчет* 1914: 139–140).

Сережа решил приступить к антропометрическим измерениям, – записала Елизавета Николаевна 19 июля 1912 г. в своем дневнике. – Двух измерил без всякого сопротивления. Когда же позвал племянника старосты, то тут произошло неожиданное сопротивление. Тот категорически заявил, что не даст племянника, т.к. ему от этого может быть худо. «Оставь меня, барин. Я тебя прошу, оставь меня». И с интонацией страха и угрозы. Он был очень занят в это время. Слушать он ничего не мог, все время перебивал и говорил свое. Влияние он на население не имеет и думаю, что через некоторое время можно будет приступить к антропометрии (СПбФ АРАН 3. Оп. 5. Д. 803: 190б.).

В таких условиях в 1912 г. членам экспедиции в улусах кочевых тунгусов Забайкалья за один месяц удалось измерить девяносто одного человека, в т.ч. восемнадцать женщин; эти данные позволили сделать вывод о том, что кочевые тунгусы «в антропологическом отношении являются смесью с заметным влиянием <...> бурят» (*Отчет* 1914: 131, 132). Среди орохонов супруги не смогли собрать достаточное количество антропологических материалов: им удалось измерить только шесть мужчин и одну женщину. Кроме орохонов, на прииске Дарасун были измерены двадцать три китайца из окрестностей г. Чифу (*Там же*: 136). В экспедиции 1913 г. большинство измерений Широкогоровы провели на орохоновых свадьбах. Было измерено восемьдесят пять мужчин и двадцать шесть женщин, т.е. примерно 15% от общей численности баунтовских орохонов. Е.Н. Широкогорова помогала при проведении антропометрических работ, в первую очередь при измерении женщин (*Там же*: 145).

Уже в эмиграции, будучи профессором Института истории и филологии при университете им. Сунь Ятсена в Кантоне, Широкогоров летом 1928 г. вместе с женой и двумя китайскими коллегами выезжал в экспедицию в провинцию Юньнань для проведения исследований по физической антропологии. В их обосновании исследований он, в частности, писал: «На всем протяжении моей работы мне будет необходима помощь г-жи Широкогоровой, которая принимала участие во всех моих предыдущих экспедициях и исследованиях в качестве моего хорошо подготовленного ассистента, отвечающего требованиям этого рода работы. Надеюсь, что она не откажет мне в своей помощи». Однако, по формальным причинам, университет не смог оплатить ее труд (*Крюков* 2007: 97).

Археологические исследования 1916 г. на Амуре. Елизавета Николаевна принимала активное участие в археологических разведочных раскопках на Амуре в июле–августе 1916 г., проведенных командой единомышленников. В письме к Л.Я. Штернбергу Сергей Михайлович замечал, что Елизавета Николаевна «не на шутку» занялась «этим для нее новым делом» (СПбФ АРАН. 1. Оп.1 (до 1918). Д. 68: 94–96об.). Среди участников экспедиции, кроме супругов С.М. и Е.Н. Широкогоровых, были Алексей Яковлевич Гуров, житель станицы Поярково Амурской области, археолог-любитель и краевед; Михаил Кузьмич Толмачев, консерватор Благовещенского городского музея; Александр Зиновьевич Федоров от Общества изучения Амурского края и Южно-Уссурийского отделения РГО. При С.М. Широкогорове постоянно находился переводчик-маньчжур Вузы мин. Разрешение на проведение разведок было получено от Академии наук и местных учреждений. Начальником Водного Управления П.П. Чубинским был предоставлен казенный катер «Ток» (40 лошадиных сил) и прикомандированы механик и рулевой (СПбФ АРАН 3. Оп. 5. Д. 807:3–6).

Экспедиция передвигалась на катере и пешком, проводя разведочные раскопки по берегам Амура с помощью нанятых русских казаков, китайцев, корейцев и ороحوнов, состав которых постоянно менялся. Е.Н. Широкогорова ездила на китайскую сторону с А.Я. Гуровым набирать рабочих для экспедиции, руководила изготовлением черенков для лопат, т.к. рабочие-китайцы не могли справиться с этой задачей, а все другие участники экспедиции были заняты, вела дневник, руководила производством раскопок, которые начали приносить первые результаты – керамику, кости и др.

Археологическая коллекция, собранная экспедицией, насчитывала более четырех тысяч номеров. Из-за спешного отъезда Широкогоровых в Пекин осенью 1917 г. коллекция не была обработана, затем оказалась затоплена, и надписи на пакетах испорчены. Место сборов в описи было обозначено римскими цифрами, а Широкогоров увез с собой в Китай журнал раскопок – «ключ» к коллекции (*Широкогоров* 2016: 80). Только на одной коробке было обозначено: «о-в Урильский». «Тем не менее, значение этой коллекции велико, – считают А.П. Деревянко и В.С. Сапунов. – Исследования последних лет, проведенные на Амуре, позволяют большую часть материалов довольно точно распределить по пунктам» (*Деревянко, Сапунов* 1970). Сегодня ход археологической экспедиции может быть более точно восстановлен благодаря дневнику экспедиции 1916 г., автором ко-

торого, похоже, была Елизавета Николаевна (все участники вели дневники, но найден пока один). В нем зафиксированы маршруты движения экспедиции, описание мест раскопок, быта экспедиции, содержатся этнографические и исторические записи (СПбФ АРАН 3. Оп. 5. Д. 807: 3–35).

Эпилог. После смерти Сергея Михайловича Широкогорова 19 октября 1939 г. Елизавета Николаевна взялась за подготовку к печати его неизданных трудов. К этой работе муж готовил ее еще за несколько лет до своей кончины: «он говорил мне, что это будет моей обязанностью <...> Я всегда сотрудничала во всех работах С.М., что и дает мне теперь возможность продолжать незавершенное дело, и я верю, что судьба не отвернется от меня и будет мне послана возможность осуществить мое задание» (Гуревич 1940. Цит по: Крадин, Решетов 2007: 6). Художник Н.Л. Кощевский, близкий друг семьи Широкогоровых, вспоминал: «Главной заботой Елизаветы Николаевны было издание трудов Сергея Михайловича, и многое ей удалось осуществить благодаря ее исключительной энергии. <...> последнее время работала над биографией своего замечательного мужа для Токио» (Крадин, Решетов 2007: 7).

Е.Н. Широкогорова взяла на себя подвижнический, кропотливый труд вдумчивого переписывания Тунгусско-русского словаря. Она закончила эту работу незадолго до своей смерти: в конце словаря сделаны пояснения для публикаторов, проставлены подпись, место и дата: «Е. Широкогорова, Пекин, 1 июня 1943 года». Из предисловия К. Иноуэ к первой публикации статьи С.М. Широкогорова «Тунгусский литературный язык» известно, что Елизавету Николаевну весной 1943 г., за полгода до смерти, посетил японский ученый Ясумото Токунага, которому она передала три машинописные рукописи своего мужа и одну рукопись словаря (Shirokogoroff 1991: 38). Тунгусский словарь был опубликован в Токио факсимильным способом (Shirokogoroff 1944).

Скончалась Елизавета Николаевна Широкогорова в Пекине, в пригородной местности Помочан 23 ноября 1943 г. при невыясненных обстоятельствах, угорев и утонув в ванной (Спешнев 2004: 217). Согласно воспоминаниям ученого-китаевода, профессора восточного факультета СПбГУ Николая Алексеевича Спешнева (1931–2011), проводшего детство в Пекине, Е.Н. Широкогорова сумела в трудные военные годы сохранить богатый архив мужа. После её смерти, для того, чтобы архив не был захвачен японцами, сестра и отец Н.А. Спешнева «несколько ночей составляли опись книг и работ из

огромного архива С.М. Широкогорова», который потом был тайно передан Ивану Тимофеевичу Патрикееву, работавшему в то время в Генеральном консульстве СССР (*Там же*). Возможно, именно в этом направлении следует искать следы исчезнувшего архива выдающегося ученого.

Елизавета Николаевна была похоронена на территории кладбища Русской Духовной Миссии в Пекине рядом со своим мужем. Похоронами занимался отец Н.А. Спешнева – Алексей Николаевич Спешнев (1899–1973) (*Там же*). Место погребения супругов располагалось неподалеку от территории современного Российского консульства в Пекине. К сожалению, кладбище было уничтожено при строительстве новых зданий и подземной автостоянки. Долгое время не действовала находившаяся на территории Миссии церковь Успения Пресвятой Богородицы – в 1956 г. её здание было переоборудовано в гараж советского посольства, была снесена колокольня. В 2009 г. храм был восстановлен и освящен.

Благодарности. Авторы приносят искреннюю благодарность Елене Васильевне Робинсон, племяннице Елизаветы Николаевны Широкогоровой, за любезно предоставленную информацию по истории семьи и фотографии из семейного архива.

Источники и материалы

СПбФ АРАН 1 – Ф. 142.

СПбФ АРАН 2 – Ф. 282.

СПбФ АРАН 3 – Ф. 849.

Описи коллекций МАЭ РАН №№ 2646, 2647, 2649, 2650.

Решетов – <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/biographica/reshetov-peterburg/01> [дата обращения 1.03.2017]

Научная литература

Авдеева-Полевая 1837 – *Авдеева-Полевая Е.А.* Записки и замечания о Сибири: с приложением старинных русских песен. М., 1837.

Авдеева-Полевая 1842 – *Авдеева-Полевая Е.А.* Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842.

Айзенштадт 1995 – *Айзенштадт А.М.* Песенная культура эвенков. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995.

Варламова, Шейкин 2014 – *Варламова Г.И., Шейкин Ю.И.* (сост.) Обрядовая поэзия и песни эвенков / отв.ред. Т.Е. Андреева. Новосибирск: Академическое Изд-во «Гео», 2014.

- Василевич* 1936 – *Василевич Г.М.* (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936.
- Вигасин* 1999 – *Вигасин А.А.* Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы. Вып.2. 2003. Москва: Восточная литература. С. 375–398.
- Виноградов* 1941 – *Виноградов Г.С.* Е.А. Авдеева. К 75-летию со дня смерти // Советская этнография. 1941. 5. С. 142–148.
- Воскобойников* 1951 – *Воскобойников М.Г.* Об эвенкийской народной песне // Советская этнография. 1951. №1. С. 100–113.
- Гурвич* 1963 – *Гурвич И.С.* Полевые дневники В.И. Иохельсона и Д.Л. Иохельсон-Бродской // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. С. 248–258.
- Давыдова* 2015 – *Давыдова Е.А.* Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей (по материалам XIX – первой половины XX в.). // Диссертация на соиск. уч. степени канд. ист. наук. СПб., 2015.
- Деревянко, Сапунов* 1970 – *Деревянко А.П., Сапунов В.С.* История археологических исследований в бассейне Среднего Амура // Записки Амурского областного музея краеведения. Т. 6, вып. 2. Благовещенск, 1970. С.10–27.
- Ермолова* 2003 – *Ермолова Н.В.* Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Вост. литература, 2003. С. 10–46.
- Кардашевская* 2014 – *Кардашевская С.И.* О коллекциях эвенкийских фонозаписей, собранных С.М. и Е.Н. Широкогоровыми в начале XX века // Традиционная культура кочевых народов в системе художественного образования: материалы научно-творческой конференции с международным участием, 22 марта 2014 г., г. Якутск [редкол.: С.С. Игнатьева и др.]. Якутск: АГИИК, 2014. С. 54–57.
- Керимова* 2011 – *Керимова М.М.* Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. М.: Восточная литература, 2011.
- Крадин, Решетов* 2007 – *Крадин Н.П., Решетов А.М.* Широкогоров и Кошевский: дружба и сотрудничество в китайской эмиграции // Этнографическое Обозрение 2007. № 6. С. 5–13.
- Крюков* 2007 – *Крюков М.В.* С.М. Широкогоров и Юньнаньская экспедиция // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А.М. Решетова): Сборник статей / Отв. ред. Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова, Е.Д. Петрова. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 93–109.
- Магид* 1936 – *Магид С.Д.* Список собраний фонограмм архива ИАЭА Академии наук СССР // Советский фольклор, 1936. № 4–5. С. 415–428.

- Михайлова 2016* – Михайлова Е.А. Софья Константиновна Богораз (1870–1921): штрихи к портрету Владимира Германовича Богораз // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 109–124.
- Михайлова 2015* – Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951. СПб.: МАЭ РАН, 2015.
- Нитобург 2003* – Нитобург Э.Л. Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы. Вып.2. 2003. Москва: Восточная литература. С. 399–428.
- Отчет 1914* – Отчет о поездках к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия 2. № 3. Петроград, 1914. С. 129–146.
- Пушкарёва 2011* – Пушкарёва Н.Л. «Исследования женщин» как «исследования для женщин» (культурное наследие антропологов-феминисток первой волны) // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М.: Наука, 2011. С. 580–594.
- Сирина 2013* – Сирина А.А. Научное творчество как сотрудничество (по материалам Сибиряковской (Якутской) экспедиции) // Творческая личность в историко-культурном пространстве: материалы Международной конференции, посвященной 100-летию послания А.Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции» (г. Москва, 21–22 ноября 2012 г.). Новосибирск: Наука, 2013. С. 241–250.
- Созаев 2007* – Созаев В.В. Российские женщины-ученые этнографы и их вклад в культурологию: к постановке вопроса // Вестник Балтийской педагогической академии. 2013. Вып.73. СПб.: БПА. С. 81–84.
- Спешнев 2004* – Спешнев Н.А. Пекин — страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. СПб.: «Бельведер», 2004.
- Титов 1926* – Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь. С приложением книги М.А. Кастрена «Основы изучения тунгусского языка». Чита: Читинский краеведческий музей, 1926.
- Хасанова, Певнов 2008* – Хасанова М.М., Певнов А.М. «Тунгусский словарь» С.М. Широкогорова // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Материалы Международной научной конференции III-и Широкогоровские чтения. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 121–124.
- Хаховская 2016* – Хаховская Л.Н. Полевые исследования В.Г. Кузнецовой в амгуэмской тундре // Этнографическое обозрение, 2016, № 3. С. 83–95.
- Шейкин 2000* – Шейкин Ю.И. (сост., ред.) Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов. Тезисы докладов и сообщений международной конференции. Якутск, 2000.

- Широкогоров* 2015 – *Широкогоров С.М.* Письма к Л.Я. Штернбергу (1912–1924) / публикация, комментарии А.А. Сириной // *Этнографическое обозрение*, 2015. № 6. С.155–174.
- Широкогоров* 2016 – *Широкогоров С.М.* Письма к В.М. Алексею (1927–1932). М.: Наука–Восточная литература, 2016.
- Широкогорова* 1919 – *Широкогорова Е.Н.* Северо-Западная Манжурия (Географический очерк по данным маршрутных наблюдений) // *Ученые записки Историко-филологического факультета в г. Владивостоке*. Владивосток: Типография Областной Земской Управы. 1919. № 1. С. 109–146.
- Широкогорова* 1936 – *Широкогорова Е.Н.* Народная музыка в Китае // *Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору* / Сост. Г.М. Василевич. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. С. 283–286.
- Эриксен* 2014 – *Эриксен Т.Х.* Что такое антропология? М.: ВШЭ, 2014.
- Castrèn* 1856 – *Castrèn M.A.* Nordische Reisen und Forschungen. St. Petersburg, 1856. IX.
- Mamontova* 2016 – *Mamontova N.A.* Language as mechanism of systemic foundation: Tungus-speaking groups in the Far East // *Asian Ethnicity*. 2016. vol. 17. no 1, pp. 48–66.
- North-Western Manchuria* 1930 – *North-Western Manchuria and the Reindeer Tungus* // *The Geographical Journal*, vol. 76, no. 5, nov., 1930, pp. 445–446.
- Shirokogorova* 1924 – *Shirokogorova E.N.* Folk Music in China // *The China Journal of Science & Arts*, vol. II, No. 2 (March, 1924), pp. 116–121.
- Shirokogoroff* 1929 – *Shirokogoroff S.M.* Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai: The Commercial Press, 1929.
- Shirokogoroff* 1991 – *Shirokogoroff S.M.* Tungus Literary Language. Introductory notes by Inoue K. *Asian Folklore Studies*, 1991, vol. 50, pp. 35–66.
- Shirokogoroff* 1944 – *Shirokogoroff S.M.* A Tungus Dictionary. Tungus-Russia and Russian-Tungus, Photogravured from the manuscripts. Tokyo: The Minzokugaku Kyokai (The Ethnological Society of Japan), 1944 (2nd edition, 1953).

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

A.A. Sirina, V.N. Davydov. Deedful Love: Elizaveta Nikolaevna Shirokogorova [Deiatel'naia lyubov': Elizaveta Nikolaevna Shirokogorova]

Key words: Shirokogoroff's family, feminism, music and women ethnography, field methods, field diary, Zabaikal'e, Manchuria, Tunguses, Orochens, Evenkis

Abstract: The article is based on the materials collected by the authors at the Sankt-Petersburg branch of Russian Academy of Science archive as well as in scientific literature. We also use data from the personal archive of the Elizaveta Nikolaevna Shirokogorova's relatives. In this article the first attempt is made to reconstruct the biography and specificity of the ethnographical, folkloristic and anthropometric works of Elizaveta Nikolaevna Shirokogorova, whose figure during the long time was in the shade of her prominent husband, Sergei Michailovich Shirokogoroff. Being accompanied her husband in all his expeditions, Elizaveta Shirokogorova has taken the great interest to ethnography, archaeology and folklore studies, and managed to collect an important field data on a music and women ethnography and material culture, and thus made a contribution to his prominent studies. Together with her husband, she collected a material objects and made a contribution to the formation of Tungusic and Manchurian collections at the Anthropology and Ethnography Museum in Saint-Petersburg. Also, she made a records of local folklore on the phonographic cylinders, which are now kept in Pushkinskii Dom in Saint-Petersburg. Thus, she had played an important role in the success of joint expeditions. After the death of her husband in 1939, she completed his linguistic work on the Tungus-Russian dictionary. As an addition to our article, we for the first time prepared a publication of the diary written by Elizaveta Nikolaevna Shirokogoroff in the Transbaikalian expedition of 1912. We believe, that the impulsive cause of the scientific creativity of Elizaveta Nikolaevna Shirokogorova was a mutual love with her husband.

Authors: **Anna A. Sirina**, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: annas@iea.ras.ru
Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Sankt-Petersburg, Russia), e-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

References:

- Avdeeva-Polevaia. Zapiski i zamechaniya o Sibiri: s prilozheniem starinnykh russkikh pesen. M., 1837.
Avdeeva-Polevaia. Zapiski o starom i novom russkom byte. St. Petersburg, 1842.
Aizenshtadt A.M. Pesennaia kul'tura evenkov. Krasnoiarsk: Krasnoiarskoye knizhnoie izd-vo, 1995.
Gurvich I.S. Polevye dnevniki V.I. Iokhel'sona i D.L. Iokhel'son-Brodskoi. *Ocherki istorii russkoy etnografii, folkloristiki i antropologii*. M., 1963, pp. 248–258.
Davydova E.A. *Vlastnye otnosheniia v semeino-rodstvennykh kolektivakh*

- olennykh chukchei (po materialam XIX – pervoi poloviny XX v.).* Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. St. Petersburg, 2015. – 328 p.
- Derevianko A.P. Sapunov B.C. Istoriia arkhologicheskikh issledovaniy v basseine Srednego Amura. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia.* Blagoveshchensk, 1970, Vol. 6, No. 2, pp.10–27.
- Eriksen T.H. *Chto takoe antropologiya?* M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2014.
- Ermolova N.V. Tungusoved Glafira Makar'evna Vasilevich. *Repressirovannye etnografy.* Ed. and coll. by D.D. Tumarkin. M.: Vostochnaya literatura. 2003, pp. 10–46.
- Kardashevskaya S.I. O Kollektivakh evenkiiskikh fonozapisei, sobrannykh S.M. i E.N. Shirokogorovymi v nachale XX veka. *Traditsionnaya kultura kochevykh narodov v sisteme khudozhestvennogo obrazovaniia: materialy nauchno-tvorcheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 22 marta 2014 g. g. Yakutsk [redkol.: S.S. Ignat'eva i dr.].* Yakutsk: AGIIK, 2014, pp. 54–57.
- Kerimova M.M. Zhizn', otdataia nauke. Sem'ia etnografov Kharuzinykh. M.: Vostochnaya literatura, 2011.
- Khasanova M.M., Pevnov A.M. «Tunguskii slovar'» S. M. Shirokogorova. *Etнос i natsiia v usloviakh globalizatsii: opyt i predsedeny ATR. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii III-i Shirokogorovskie chteniia.* Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta. 2008, pp. 121–124.
- Khakhovskaya L.N. Polevye issledovaniia V.G. Kuznetsovoi v amguemskoi tundre. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, No. 3, pp. 83–95.
- Kradin N.P., Reshetov A.M. Shirokogorov i Koshchevskii: družba i sotrudnichestvo v kitaiskoi emigratsii. *Etnograficheskoe Obozrenie* 2007, No. 6, pp. 5–13.
- Kriukov M.V. S.M. Shirokogorov i Iunnanskaia ekspeditsiya. *Problemy obshchei i regional'noi etnografii (k 75-letiiu A.M. Reshetova): Sbornik statei.* Ed. by E.V. Ivanova, E.V. Revunenkova, E.D. Petrova. St. Petersburg.: MAE RAN. 2007, pp. 93–109.
- Magid S.D. Spisok sobranii fonogramm arkhiva IAEA Akademii nauk SSSR. *Sovetskii folklor.* L. 1936, No. 4–5, pp. 415–428.
- Mamontova N.A. Language as mechanism of systemic foundation: Tungus-speaking groups in the Far East. *Asian Ethnicity.* 2016, vol. 17, No. 1, pp. 48–66.
- Mikhailova E.A. Sof'ia Konstantinovna Bogoraz (1870–1921): shtrikhi k portretu Vladimira Germanovicha Bogoraza. *Antropologicheskii forum.* 2016, No. 29, pp. 109–124.
- Mikhailova E.A. Skitaniia Varvary Kuznetsovoi. Chukotskaia ekspeditsiya Varvary Grigor'evny Kuznetsovoi. 1948–1951. St.Petersburg.: MAE RAN. 2015.
- Nitoburg E.L. Yu.P. Petrova-Averkina: uchenyi i chelovek. *Repressirovannye etnografy.* Ed. and coll. by D.D. Tumarkin. Vol. 2. 2003. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 399–428.

- North-Western Manchuria and the Reindeer Tungus. *The Geographical Journal*, vol. 76, no 5, Nov., 1930, pp. 445–446.
- Otchet o poezdках k tungusam i orochenam Zabaikal'skoi oblasti v 1912 i 1913 gg. S.M. i E.N. Shirokogorovykh. *Izvestiia russkogo komiteta dlia izucheniia Srednei i Vostochnoi Azii v istoricheskom, Arkheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniakh*. Petrograd, 1914, vol. 2, no 3, pp. 129–146.
- Pushkareva N.L. «Issledovaniia zhenshchin» kak «issledovaniia dlia zhenshchin» (kul'turnoe nasledie antropologov-feministok pervoi volny). *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii*. M.: Nauka, 2011, pp. 580–594.
- Shirokogoroff S.M. Pis'ma k V.M. Alekseevu (1927–1932). Moscow: Nauka–Vostochnaia literatura. 2016.
- Shirokogorova E.N. Severo-Zapadnaia Mandzhuriia (Geograficheskii ocherk po dannym marshrutnykh nabludenii). *Uchenye zapiski Istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke*. Vladivostok: Tipografiia Oblastnoi Zemskoi Upravy, 1919, no. 1, pp. 109–146.
- Sheikin Yu.I. (Coll., ed.) *Muzykal'na'a etnografi'a tunguso-manchzhurskikh narodov. Tezisy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi konferentsii*. Yakutsk. 2000.
- Shirokogorova E.N. Folk Music in China. *The China Journal of Science & Arts*. Vol. II, No. 2 (March. 1924), pp. 116–121.
- Shirokogorova E.N. Narodnaia muzyka v Kitae *Sbornik materialov po evenkiiskomu (tunguskomu) fol'kloru*. Coll. by G.M. Vasilevich. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta Narodov Severa TsIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936, pp. 283–286.
- Shirokogoroff S.M. *Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups)*. Shanghai: The Commercial Press. 1929.
- Shirokogoroff S.M. Tungus Literary Language. Introductory notes by Inoue K. *Asian Folklore Studies*. 1991. Vol. 50, pp. 35–66.
- Shirokogoroff S.M. *A Tungus Dictionary. Tungus-Russia and Russian-Tungus. Photogravured from the manuscripts*. Tokyo: the Minzokugaku Kyokai (The Ethnological Society of Japan). 1944 (2nd edition. 1953).
- Shirokogoroff S.M. Pis'ma k L.Ya. Shternbergu (1912–1924). *Publications, comments by A.A. Sirina. Etnograficheskoe Obozrenie*, 2015, no 6, pp. 155–174.
- Sirina A.A. Nauchnoe tvorchestvo kak sotrudnichestvo (po materialam Sibiriakovskoi ekspeditsii). *Tvorcheskaia lichnost' v istoriko-kul'turnom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu poslaniia A.E. Kulakovskogo «Iakutskoi intelligentsii»* (g. Moskva, 21–22 noiabria 2012 g.). Novosibirsk: Nauka, 2013, pp. 241–250.
- Sozaev V.V. Rossiiskie zhenshchiny – uchenye etnografy i ikh vklad v kulturologiiu: k postanovke voprosa. *Vestnik Baltiiskoi pedagogicheskoi akademii*. Vol.73. St. Petersburg: BPA, 2013, pp. 81–84.

- Speshnev N.A. *Pekin — strana moego detstva. Kitaiskaia rapsodiia. Zapiski sinkhronnogo perevodchika*. St. Petersburg: «Bel'veder». 2004.
- Titov E.I. *Tungussko-russkii slovar'. Sprilozheniem knigi M.A. Kastrena «Osnovy izucheniia tungusskogo iazyka»*. Chita: Chitinskii krayevedcheskii muzei. 1926.
- Vigasin A.A. Aleksandr i Liudmila Mervart: u istokov otechestvennogo tseilonovedeniia i dravidologii *Repressirovannye etnografy*. Ed. and coll. by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, Vol. 2, 2003, pp. 375–398.
- Vinogradov G.S. E.A. Avdeeva. K 75-letiiu so dnia smerti. *Sovetskaya Etnografiia*, 1941, no 5, pp. 142–148.
- Voskoboinikov M.G. Ob evenkiiskoi narodnoi pesne. *Sovetskaia etnografiia*. 1951, no 1, pp. 100–113.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е.Н. Широкогорова

ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ ЛЕТОМ 1912 ГОДА*

22-го июня¹ Настроение было уже совершенно другое, чем в предыдущие дни. Утром вместе сходили в остающиеся юрты и описали². Многие пошли нам вслед, чтобы сниматься. Хозяин заколол для нас молодого барашка. Закусили там и взяли часть с собою. В нашей ограде собралось много народа. Женщины дали себя мерить³. Фонограф произвел сильнейшее впечатление на всех. Дали им прослушать весь репертуар. Собирались уезжать при благоприятных условиях. Все помогали укладываться. Хозяин преподнес ковер: 2 головы сохатого с бордюром⁴. Оставил себе нашу карточку. Мы, уезжая, сделали маленькие подарки.

Поехали опять с Васей⁵. Премилый парень. Он каялся, что неправильно сказал количество своего скота и обещал сделать исправления.

Просил Сережу⁶ быть его крестным отцом, советовался, как лучше воспитать сына. Немного подпил и пел с чувством и грустью спел песню. Расстались друзьями. В Торгашине⁷ встретили лучше, и не так дико озирались. Прослышали о нас еще раньше.

* СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. № 803. Л. 3–37. Публикация, комментарии А.А. Сириной и В.Н. Давыдова. Название документу дано публикаторами. Пунктуация и орфография дневника в основном приведены в соответствие с нормами современного русского языка. Даты в дневнике даны по старому стилю. Информация сугубо личного характера опущена, такие пропуски отмечены знаком <...>. Дневник снабжен комментариями; его также поясняет предшествующая статья.

¹ Экспедиция выехала из Петербурга 22 мая 1912 г., и прибыла в улус Нарын-Талача 7 июня 1912 г. Дневник Елизаветы Николаевны начинается с 22 июня 1912 г., когда супруги переехали из улуса Нарын-Талача (25 верст от ст. Урульга) в с. Торгашино Забайкальской области.

² Исследователи проводили перепись населения.

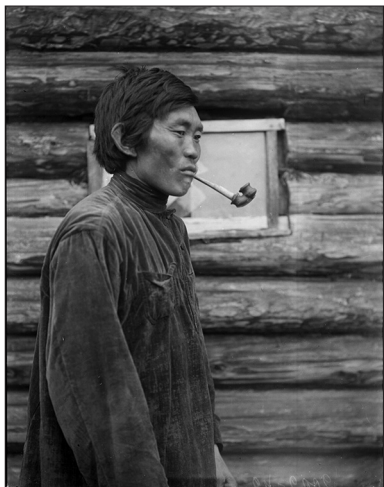
³ Одной из задач экспедиции было проведение антропологических измерений.

⁴ Подобные коври (кумаланы), сшитые из голов лося, обшитые бордюром зарегистрированы в МАЭ РАН под №№ 2216–57, 58.

⁵ Ороchon Василий. Его фотографии зарегистрированы в МАЭ РАН под №№ 2002–41, 42.

⁶ Сергея Михайловича Широкогорова.

⁷ В Торгаконе.

*Рис.3 . Орошон Василий.
Тыксыр, Забайкальская
область, Читинский уезд,
1912 г. © МАЭ РАН
№ 2002-42.*

23го июня Встали поздно и пошли на гору. Поохотиться не удалось, но виды были прелестные. Весь день чувствуем себя разбитыми. К работе решили сразу не приступать.

24 июня С утра с хозяином и хозяйкой пошли «гостить». Побывали во всех юртах по Таре. Встречали как гостей и везде ставили араку⁸ и прочее угощение: <нрзб.>, хлеб и иногда блины.

Хозяева присоединились затем к нам и таким образом ходили из юрты в юрту толпой. Очень трудно было отказываться от аракки. И похождение наше окончилось сильной головной болью, особенно у Сережи. В доме брата хозяина (он пастух) закололи для нас барана. Все тунгусы достаточ-

но «нааракивались» и стали петь свои песни. Так путешествовали мы с полдня. Затем у себя несколько отдохнули и пошли в следующие юрты, откинутае от остальных в сторону. В одной из них живет женщина лет 47, очень красивая, с сыном и невесткой, еще совершенно девочкой. Эти живут в юрте зиму и лето. Сама с парнишкой и косит.

В одной из юрт живет хворае женщина (острый ревматизм). Она совершенно не встает и о ней заботятся соседи.

Одна из подпивших женщин была очень комична. Все время разговаривала (тогда как обычно молчалива и повторяла «сегодня, сегодня»). Спрашивала разрешение петь песни и дергала меня и Сережу за руки. От меня положительно не отставала.

До самого вечера слышны были их песни. Наша старушка совсем растрогалась и начала плакать. Сначала вспомнила, что она сиротинка, а затем своих умерших детей. Плач ее все время чередовался с пением. Среди ночи еще раз они что-то начали петь.

Мы вдвоем сходили на сопку и полюбовались видами. Легли не поздно.

⁸ Молочная водка.

25го июня Утром и среди дня был дождик. Сережа еще и сегодня держал целую речь по поводу скота. Кажется теперь ему понравились и дело пойдет на лад. Со стариком направился в верхний улус, а же осталась дома для хозяйственных дел. Старуха совсем расклеилась и лелеет, нянчит детей. С невестками у нее отношения очень дружеские. Все три полны ребятами, и нянчат их в промежутках с работой. К своему ребенку все-таки у каждой проявляется больше нежности. Вообще же детей они сильно любят.

После обряда (курицей) стали собираться тунгусы. Завели фонограф. Очень понравился. Но такого шума, как в Кучигыре, не было. Слушали же с большим вниманием и просили еще раз завести. Антропологические измерения дались легко. Никто не говорил о военной службе.

26го июня С вечера вчерашнего начался дождь. Лил всю ночь и утро не переставая. Мы долго лежали из-за этого и баловались, придравшись к случаю. Днем понемногу стали собираться. Отношения более дружественные. Сделано 5 фот[ографических] снимков. День кажется очень длинным. Воеет ветер, тучи собираются, опять дождь. Мы сидим в лучшей половине, гости пошли на другую.

У Сережи начала проявляться какая-то бессмысленная авторитетность. Теперь он уже не переносит никаких возражений. Боюсь вступать с ним в какие-либо споры, чтобы он уже не разнервничался.

Пробирал С[ергей] на хитрость Василия, сына хозяина, который психологически отстал от тунгусов, критикует их и т.д.

Перевод сказка.

В прежних временах изюбр только родился черное море ясил Королдай Государь но потом стрелил он туды солнца восхода стрелкой потом падение земли было. До неба сопка была. Стрелял он в этот хребет и хребет развалился. Оттуда эта стрелка по небу летела, по звездам. Государя этого Дзапхалтуем звали. В этом городе была горница под золотом. У него три девицы были. Мала дочь была шаманка. Потом стрелка прилетела на колоду и никак не могли эту стрелку вытащить: ни шаман, ни ламы, никто.

Дзапхалтуй говорит: Кто вытащит стрелку, тому половину живота (?), сорок амбар, двадцать амбар денег и малую дочь шаманку дал бы. Каролдай друг на <нрзб.> вышел, солнце сходит, туман идет. По середине два рыжие коня, каменья подбрасывают, играют.

Дзапхалтуй зовет Каралдая и говорит ему, что даст. Он оседлал коня и приходит к этому городу, где 70 государей сидит.

Правой рукой дергает стрелку и говорит: если вытащу, то ты дашь мне малую девку шаманку, половину народу и т.д.

Стрелку как вытящил, баню париться увели их. Невесту да жениха за стол посадили. Барана тушу *уцын* поставили.

Сидели жених да невеста рядом. Шаманка вдруг ласточкой стала и полетела на небо и за небом дверь есть. Дзапхалтуя государя два брата царя были еще. Кайцалтуй, да Базалтуй. Большой Кайцалтуй говорит: пойду догонять. Если через год не приду, тогда Базалтуй пусть идет. Год ждали. Малый брат поехал. Год прошел, его нету. Наконец Каралдай никакой царь, никакой государь не видал, за ними поехал. Поехал следом Каралдай за небом, так следами пошел. Потом сопка большая показалась там. В самой середине дыра такая, что конца-края нету ей. Каралдай коня около дверей связал и пешком пошел. Чует, кузнец кует. Раз ударит, так готов 71 сабля. Заходит это Каралдай по голове ударяет малютку кузнеца. Назад заглянул да говорит. Коня корми, там вон трава есть. Поехал Каралдай сопочкой. Народу убитого лежит – оборони Господи. Утром Каралдай разбудил войско. Кругом окружил Уокундай. Шелковым платком пот вытер и говорит: Ты доколе спишь? Наш Каралдай встает, коня оседлал, да садится. Потом садится Уокундай. Ты издалека приехал, тебе первому стрелять. Каралдай говорит. Ты такой большой царь, государь, что опереди меня, мне никак нельзя опередить. Согласился Уокундай опередить. Дождь пошел, каменный град начался. Днем ночь стала. Каралдай шибко околел, возле коня стал, стрелка прямо на него полетела и Каралдай пополам пояс разорвал. Он на коня садится. Потом нашего Каралдай очередь стала и он Уокундай стреляет. Уокундай голова прямо полетела. Об сосну ударилась. И сосна в мелкие дребезги оборотилась. 90 и десятину земли сторожило это копье. Два государя начали битву делать. Уокундай берет за ноги Каралдай, начал камнем колотил за ноги подымает, голову, все кости собираются и наоборот. За ноги взял и в черное море бросил где Государь в 15 голов. Каралдай летел туда, как миновать-то? Сзади царь глядит, мордой своей, прямо руками захватывает его. Этот 15[ти] головый вздрогнул, испугался, без ума стал. Ты говорит 15 [ти] головый, ты меня <нрзб.>. Я колоть не буду. Садись <нрзб.> 15[ти] головый золотое яйцо дает: это душа Уокундай. Разобьешь, помрет. Можешь отправиться. Он ждать будет через три года тебя. Каралдай Уокундай встретил войском. Раза 2 саблей ударил, войско и все погибли. Потом с Уокундаем давай воевать.

Каралдай из кармана золотое яйцо достал и говорит: вот твоя душа. Или пастух будешь, или князем. Уокундай говорит: лучше это яйцо разбей, лучше я помру.

Это золотое яйцо разбил сам Уокундай. Царь помер кажется. Каралдай приходит прямо на сопку-дыре. Впереди железный ящик. Ящик разбил и тут невеста его. За косу взял и давай <нрзб.>. Убежишь? Нет, не убегу. Приходит к самому Дзапхалтую. Половину живота дал зятю, половину народу, войска дал. Каралдай приказал в черном море город уготовлять, пока все придете. Ночью будем пешками играть, и днем <нрзб.>. Понаехали на свое жительство. Вдруг как раз в полдень под телегой Каралдай лежит. На небо заглянул: там вроде церкви повешено, три горницы болтаются. Стрелку взял и бросил в них. 3 горницы на них упали, разбились. Оттуда 13 человек с шашками, соболями и стрелками налетели, и с Каралдаем давай воевать. Шаманка 3 барана заколола: 13 человек поставила и на небо поднялись они. На свое место приехали и жить стали.

27-го [июня] Записала сказку одна, в то время как Сережа поехал в верхний улус. Приехали Рычков⁹ и Фриднев¹⁰. Были у нас, слушали фонограф, взяли еще 2 валика. Антропом[етрические] изм[ерения]. Вечером поехали все верхами в верхний улус. Я поехала смело, и не устала. На обратном пути очень волновалась за Сережу, чтобы его лошадь не споткнулась. Эти молодые люди совсем не умеют держать себя с тунгусами. С места в карьер начинают расспросы и покупки вещей. Очень дорого купили вчера лук (в 2 р.).

28го июня С утра уложили все вещи и к полдню все были готовы в путь. Лошадей не было. Мы пошли на сопку посмотреть, не идут ли. Никого не было. Кругом стали собираться тучи. Очень мы опасались дождя. Часам к четырем, после небольшого дождика, прояснилось и тут-то разыгрались драмы. Помощника старосты Сережа хорошо разругал, т.к. тот в качестве ямщика прислал бабу....

После ругани лошади и ямщик были доставлены и мы поехали. Погода была прекрасная и мы хорошо ехали. Дороги, можно сказать, совсем нет. Наблюдали как приспособляются деревья. Березок, например, нарождается очень много и постепенно они гибнут в борьбе с другими. Ветер и гроза очень разрушают лес. Березы пригибаются к земле аркой и на ней уже вырастают деревья.

⁹ К.М. Рычков, автор работы «Енисейские тунгусы», 1917.

¹⁰ Возможно, Вениамин Геннадьевич Фриднев, впоследствии эмигрировавший в Китай.

Пришлось в дороге заночевать, верст 10 не доезжая Делюна¹¹.

29го июня Приехали рано, остановились у Ивана Нараныча. Через час после нас прибыли Рыч[ков] и Фр[иднев]. Весь день провели на свадьбе. Видела, как подруги бережно расплетали невесте ее 8 дев[ичьих] кос и, сделав ряд, заплели волосы в 2 косы. Надели черную кружевную косынку и сверху платок. Затем сняли девичье платье и надели тырлок и оджи¹².

Этот день в смысле физическом был очень тяжел.

30-го [июня]. Все четверо, мы так устали, что совершенно ничего не могли делать. Весь день провели на террасе нашего хозяина и очень мило беседовали с Рычковым. Разоблачили в конец Виттенбурга¹³. Под вечер стали искать барана. Все главные тунгусы были пьяны и отсутствовали. С большим трудом нам удалось разыскать барана за 3 р. Закусили, погуляли, ночью проявляли¹⁴.

1-го [июля] Все утро я и Кычаков¹⁵ жарили барана. Фриднев во всем мешал и ничего не делал. У Сережи все эти дни не переставая болела голова. К вечеру выехали и великолепно доехали до Шилки¹⁶. И дорога, и экипаж, и ямщик были прекрасны. Земская квартира в первый момент показалась прекрасной. Только впоследствии мы уже критически отнеслись к ее некачествам – мухам etc.¹⁷

На Шилке побыли до вторника. Отправили телеграммы, получили письма, сделали покупки.

3го июля Прибыли часа в 2 в Делюн. Приходили соседи, разговаривали. Сережа пошел по юртам, но перепись произвести удалось только в 8 юртах. Всюду встречается крайнее недоверие и боязнь не будет ли после плохо им житься. Многие даже боятся фотографироваться. Почти не просят сниматься. Сереже приходится выдерживать целые баталии. Возился с объяснением, для чего нужны измерения.

¹¹ Село в Читинском уезде Забайкальской области.

¹² Детали бурятской национальной одежды замужней женщины.

¹³ Вероятно, речь идет о Павле Владимировиче Виттенбурге (1884 – 1968) – географе, геологе, арктическом исследователе, профессоре, почетном полярнике.

¹⁴ Фотографические стеклянные пластинки.

¹⁵ Кычаков Николай Петрович, один из участников экспедиции К.М. Рычкова, собиратель коллекций МАЭ РАН, участник Первой Мировой Войны, подпоручик. Одна из его фотоколлекций была зарегистрирована в МАЭ С.М. Широкогоровым.

¹⁶ Река в Забайкальском крае, левая составляющая Амура.

¹⁷ и т.д. (лат.)

В Делюне тунгусы более запуганы, чем в других местах. Очевидно, это близость цивилизации.

4го июля. Встали не поздно, пили очень мирно и хорошо чай. На душе у обоих было спокойно и чувствовали мы сильную любовь друг к другу.

Сережа оставил меня дома, а сам по жаре пошел исполнять свое трудное дело – перепись. Жду его и жалею всем сердцем, что ему так трудно и много приходится бороться.

С грехом пополам все юрты обошли. Часть я обходила вместе с Сережей. После некоторые пришли сниматься. Все шло довольно вяло. Наиболее симпатичным из пришедших сниматься оказался русский козак. Я очень сожалею, что для него не хватило пластинок. Он очень чувствителен к самой небольшой ласке. Если будет возможность, его необходимо, надо будет сфотографировать на обратном пути <нрзб>. Антроп[ологические] изм[ерения] решили не проводить, т.к. вряд ли что-нибудь из этого выйдет. Отношение к нам остается все-таки недоверчивое. Пошли погулять на сопку, на которой расположен буддийский жертвенник. Тут произошла драма. Сережу на месте преступления застал шаман и начал ругаться. Он был несколько пьян. И к тому же он вероятно ненормален. Своей юрты он не имеет, а живет у Петра, тестя которого старик Очиров.

В Делюне – Илье Солнатуеву отправить книги для обучения детей грамоте.

5го июля. Рано утром поехали на Шилку. Ничего там не получив¹⁸, сейчас же вернулись обратно, собрались и отправились в Торгакон¹⁹. Приехали туда совсем поздно, совершенно разбитые и усталые. Сейчас же легли спать. Встретили нас хорошо.

6го [июля] Утром пошли погулять на гору и вскоре вернулись <...>. Весь вечер и 7-го я провела в возможном спокойствии, а Сережа подготовлял отъезд.

Это было очень трудно; собрали сход и долго обсуждали вопрос. Совсем не хотели нас везти, а предлагали всякие совершенно не подходящие комбинации. Окончательно помогли бумаги, и Общество отрядило нас отвезти двум людям Фоме и Григорию, которые знают дорогу и имеют лошадей. О плате уговор сделан не был.

8го Рано утром они пришли с вьюками и мы начали укладку. Провозились часа три. Часть вещей оставили в Торгаконе. Часов в 10 утра мы выехали. Я сильно побаивалась ехать верхом. Дорога была

¹⁸ По-видимому, это была поездка в местное почтовое отделение.

¹⁹ Село Торгакон в Читинском уезде Забайкальской области.

хорошая, но каждый камень меня волновал. Очень красивы места, подъезжая к прииску. Я чувствовала себя совершенно разбитой и просила Сережу остаться ночевать. Когда встала с лошади, то едва устояла на ногах, так подо мною все ходило кругом. Приняли нас в высшей степени радушно. Затопили баню, вечером был прекрасный ужин. Можно сказать, что все это было очень приятно. На другой день рано утром мы отправились дальше.

9го и 10го [июля] были в пути. Видели козу – пропустили ее. Пропустили также и пару глухарей. Погода стояла все время хорошая. Виды были очень красивы. Особенно хорош был вид, где мы ночевали. Сосны поселились в виде маленького островка среди большой поляны. Между ними мы установили нашу палатку и разложили костер.

11го [июля] С утра лил сильный дождь. Под таким дождем нам пришлось перевалить высокий и крутой хребет и мы подъехали к Такшеру²⁰. Пришлось подъехать к трем жилищам раньше, чем мы нашли себе пристанище. Остановились мы в очень хорошей зимней хате. Палатку из-за дождя нельзя было расставить. Орочены не пугливы. С любопытством рассматривать начали вещи. Особенно накинудись на Винчестер. Я дала всем рисовой каши. Ели с удовольствием. Очень я волновалась во время расплаты с проводниками. Фома хотел каким-нибудь способом вымогать побольше и запросил по 10 р. за лошадь. Потом и сам сказал, что спросить-то можно, а там может и получишь. Сереже пришлось разговаривать на разные лады, применяясь к казенной расплате, расплате на приисках и т.д. Хотели мы заплатить 20 р., но они посчитали это недостаточным. Фома стал говорить, что остальные будут спрашивать с общества, т.к. оно их снаряжало ехать и способом взноса будет, или по приговору, или еще лучше по-житейскому, а мы можем ему даже ничего не платить. Чтобы не осложнять отношений с Торгаконом, пришлось ему заплатить 40 руб.

Когда тунгусы уехали, мы вздохнули свободно и принялись за орочен. Перебывало в вечер у нас несколько человек, преимущественно молодых. В хате, строенной бурятами, в стене навешаны лоскутки, над одним окном нашли деревянного медведя, на спине которого кусок рыбьей кожи. Шаманский ябдар, солнце и др. сняли, когда мы приехали.

²⁰ По описям МАЭ РАН и Отчету С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1914) Тыксыр – поселок на берегу реки Акимы, притоке р. Нерчи, в Читинском уезде Забайкальской области.

У входа летней юрты у них стоят березки, на которые вешаются заячьи шкурки (для хорошей охоты) и лоскутки. Очаг устроен иначе, чем у тунгусов. На два шеста наложен поперек третий, на который втыкается железный прут и на него надевают посуду, кастрюлю, чайники или чашу, в которой варят зеленый чай. У стены стоят широкие скамьи, на которых сидят и спят. На полках турсуки из бересты для молока и других надобностей. В летнике, в углу, нашли разные религиозные вещи. Зимнее, летнее помещения и амбар находятся один возле другого. Летник ороченкам нравится больше, т.к. можно сидеть возле огня. Зимовье у всех с русской печью, столами, окнами и скамейками (все на русский лад). Везде пол деревянный. Их зимовье значительно лучше тунгусского и бурятского.

Всегда много шкур изюбринных из которых делают различные вещи. Из козьих лап и из голов сохатого шьют очень красивые коврики. На всех вещах есть орнамент.

Рис. 4. Общий вид селения и Яблонового хребта. Тыксыр, Забайкальская область, Читинский уезд, 1912 г.

© МАЭ РАН № 2002-2

12го, 13го, 14го [июля] провели однообразно. Почти все были на покосе. Сережа записывал много слов, спрашивая их у остающихся. Ходили на гору, и отыскивали могилы²¹. Виды сверху очаровательны.

²¹ Четыре фотографии данных могил, сделанные в окрестностях Тыксыра, имеются в коллекции МАЭ РАН № 2002–10–13. В монографии С.М. Широкогорова

Виден совсем близко Яблон[овый] хребет. На полдня приезжали бродячие орочены с оленями. Это премилое животное с очень большими красивыми рогами. Приводил их староста (в чусучовом²² пиджаке). Относился к нам очень расположенно, просил доставить лекарств для оленей и звал к себе. На оленях приехали женщины и дети, которых привязывают к седлу. Седла и выюки для оленей очень красивы.

15го [июля] День начался обыкновенно и я опять ничего не успевала сделать. Вечером пустили в ход фонограф. С большим трудом удалось добиться, чтобы они что-нибудь спели. С одной стороны, им не хотелось, но и конфузились. Петь им хотелось и нужно было для этого изолировать Сережу. Песни их не длинные и очень однообразны. Пели, смеясь. Вообще в женщинах много кокетства. Очень они любят украшения, особенно сережки, и если говорят, то постоянно хихикают и прикрашиваются. Вечером прибыл хозяин и принес с собою дикого оленя (изюбра). Рога его имеют около пуда весу, покрыты мягкой сырой шкуркой. Зверь длиною аршина два с половиною. Шкурка твердая, серая. Ее срезают ножом и делают из этого подушки. Кожу отчищают от шкурки и мяса. Затем ее растягивают колышками на земле и сушат один день. Из шкуры делают обувь. Шею разрезали в длинную полосу около вершка шириною. Высушенная и разглаженная, она употребляется как вожжи. Мясо все едят вареным. Мясо замечательно вкусно, даже в таком несложном приготовлении. Для консервирования его опускают на сутки в теплую соленую воду, а затем сушат. Лапы растягивают на щепочке переплетом и сушат. Из них шьют голяшки для сапогов. Этот мех очень красив. Рога продают дорого купцам. Идут они кажется на лекарство (олений рог, мажут ссадины лошадям).

16го [июля] Хозяин оказался весьма дик. Он полон всяких верований. Угощает убитых зверей дома и в степи. При питье посылает духам и т.д.

К вечеру, увы, он был совершенно пьян и как муха приставал к Сереже. Скопленное раздражение по поводу пропавших шаманских вещей, на землемеров, кычакова, петербургских каких-то, все это вылилось на Сережу и положение наше стало прямо-таки опасным. Сережа его сильно ударил. Тот начал бросаться. Пришлось запереться в хате. Пьяный ломился в дверь, в окна. Его сдерживали, но ка-

«Social Organization of the Northern Tungus» (1929: 14–15) дан акварельный рисунок одного из сфотографированных погребений, сделанный автором: «The Tungus women's coffin in the Akima River Valley (Transbaikalia) (July, 1912).

²² Чесуча – плотная шелковая ткань желтовато-песочного цвета.

жется, он вырывался. Спустя час он начал петь какую-то заунывную песню. Затем опять буйствовать и опять петь. Мы решили покинуть свое первое пристанище и перешли к очень славному молодому парню Павлу в его зимовье. Здесь мы почувствовали себя в безопасности, и более скромная изба показалась нам гораздо симпатичнее.

17го [июля] Я с утра перестаскивала вещи. Пьяный протрезвился и очень хотел видеть Сережу, чтобы с ним о чем-то говорить. Я не хотела, чтобы Сережа к нему шел. Так тот <нрзб.> очевидно довольно долго и ушел к себе в Зюльзу²³ <нрзб.>.

Это был первый день в Таксере, что я могла взяться за перо и подвести дневник за все дни включительно с путешествием. Вечером мы подвели итог карточкам и сложили их по алфавиту²⁴. Легли поздно. Ночью шел дождь.

18го [июля] Встали поздно, т.к. приятно было поваляться. Накрапывал дождик. За нами приехал брат пьяного из Темны, прослышав о скандале и хотел перевезти нас к себе. Отказать ему было неудобно и мы решили поехать к нему на денек переночевать там. С ним вместе приехал его сосед, очень славный парень. Привели хороших коней, для меня иноходца, на котором ехать было очень приятно. Идет легко, при малейшем желании бежит быстро и нетряско. В Темне встретили нескольких оленных. Они гораздо дичее оседлых.

В Темне четыре юрты. В двух тунгусы и в других орочены. Тунгусы курят араку²⁵. Старик Мелентий второй год женат на молодой тунгуске, которую увез. Калым же платил 100 руб., вино, товар, конь. Отношения между ними ласковые. Очевидно и молодуха любит старого мужа. Тот же очень ласков с нею и хочет ей доставить приятное.

Видели приспособление для обдελывания кожи²⁶. Сделан деревянный желоб и к нему прикреплена палка пилой, которая опускается и приподнимается. В желоб кладется кожа.

Вечером с Павлом и сыном хозяина пошли охотиться. Затихла мошкара. Убили кулика, которого потом пожарили на палке.

²³ Село Зюльзя, основанное в конце XVIII в., расположенное на левом берегу р. Нерчи.

²⁴ Карточки со словами. Таким способом работали многие этнографы и лингвисты. В отделе этнографии Сибири МАЭ РАН сохранились разложенные по алфавиту карточки известного тунгусоведа Г.М. Василевич.

²⁵ Т.е. гонят крепкий алкогольный напиток из кобыльего молока.

²⁶ Мялка (талкы).

Узнала после, что старик заболел вскоре после женитьбы. Возможно, что это люэс²⁷. Жена его курноса. День провели очень скучно, но пили много прекрасного сырого молока. Ночью в хате стояла нестерпимая жара. Почти не спали. Ночь была очень мучительна. Поднялись очень рано и в ожидании лошадей бродили от соседей к соседям. На кормлении у одних находится пара очень красивых и здоровых ребят с прииска.

19го [июля] Приехав домой, сильно проголодавшись, мы приступили к приготовлению пищи и угощали Мел[ентия] старосту и кандидата. Особенно последний был доволен и про себя улыбался. Настроенное общее было очень благоприятно. Сделали несколько фот[ографических] снимков, завели фонограф. Один из парней разошелся и напел отлично 4 валика. Сережа решил приступить к антропометрическим измерениям. Двух измерил без всякого сопротивления. Когда же позвал племянника старосты, то тут произошло неожиданное сопротивление. Тот категорически заявил, что не даст племянника, т.к. ему от этого может быть худо. «Оставь меня, барин. Я тебя прошу, оставь меня». И с интонацией страха и угрозы. Он был очень занят в это время. Слушать он ничего не мог, все время перебивал и говорил свое. Влияние он на население не имеет и думаю, что через некоторое время можно будет приступить к антропометрии.

20го [июля] Ильин день. Все празднуют. Сидят по домам, т.к. идет дождь. Среди дня к нам начали стекаться. Был пущен в ход фонограф. Напели 7 валиков. Они сами вошли во вкус и хотели что-нибудь напеть или наговорить. При рассказе кто-нибудь обязательно должен помогать рассказчику, т.е. после каждой его фразы следует какой-нибудь возглас удивления или одобрения, печали и т.п. Без этого рассказ подвигаться не может²⁸. Сережа много весь день работал. К вечеру начал жаловаться на боль. Ужасно меня это беспокоит. Отдыхать не хотел, полежал только пару минут и опять принялся за работу. За день он очень много наработал.

Непонятно для меня то, что нам никто не хочет давать молока, хотя мы предлагаем платить 10 к. за бутылку. С трудом уговорились с кандидатом на поставку молока. Вечером опять к нам собрались слушать фонограф. Очень он им теперь нравится. С каждым днем любителей прибавляется. Вечером затеяли танцы. Сперва было несколько человек, но скоро набралось много и танцы воодушевились.

²⁷ Устар. сифилис.

²⁸ И сегодня слушать надо активно, поддерживая рассказывающего восклицаниями и междометиями.

Все танцы танцуются одинаково следующим образом. Все мужчины и женщины, – причем все женщины стремятся стать одна возле другой (но не отдельно от мужчин) берутся за руки – пальцы в пальцы и выставляя левую ногу вперед, несколько подпрыгивают. Круг движется слева направо. Мотивов для танцев очень много и они очень ритмичны. Счет преимущественно на три. Бывают счета на два. Танец тогда движется быстрее. Мотивы состоят из двух или одного такта (Есть будто бы в четыре). Интервалы Сережа находит в полтона. Мне кажется, что есть кварта и даже квинта, есть терция. – Не уверена. – Танцевали они часа три – до поздней ночи.

21го [июля] Лил сильный дождь и многие на покос не пошли. Сережа записывал слова. Вечером записал плясовые песни, их слова. Лечили жеребенка, укушенного волком. Делали промывание сулемой²⁹.

22го [июля] не помню, что было. Лил дождь.

23го [июля] К Павлу приехал его братан и им завладел. Слов Сережа не записал. Погода прояснилась и мы отправились в гору сфотограф[ировать] но... забыли объектив. Я очень расстроилась. Сережа мною сильно занят. <...> Отдает мне много времени.

24го [июля] Утром не хотелось расставаться. <...> Встали поздно. Я организовала завтрак и стирку. Очень они не любят крова[во]го белья, называют его поганым. Просили сначала им дать что-нибудь. Я показала платки, нитки и т.п. Дала бабе за то, что она воду таскала, платок. Молодухе также платок. Мы пошли в гору с аппаратом. Чтобы нас не заподозрили, обошли лишним сопку – поднялись к могилам и их сфотографировали. Затем Сережа снял меня на фоне сосен и я его на камне. Сняли еще обгоревшую могилу и возвратились домой. Две молодухи уже кончили стирать наше белье. Бабке и им я дала по дюжине пуговиц и по паре сережек. Были, кажется, довольны. Сережа, видимо, оголодал, т.к. долго разговаривал о мясе и кончил тем, что послал Павла в Акиму за бараном.

Настроение у меня было прекрасное. Я все пела, бегала и веселилась, как животное. Вечером Сережа спрашивал слова у *Mélange*³⁰.

²⁹ Ядовитый белый порошок хлористой ртути, а также его раствор. Употребляется в технике и медицине.

³⁰ Меланж (фр. *mélange* – «смесь»). Прозвище, данное исследователями информанту смешанного происхождения и употреблявшееся, кажется, только в дневниках и в общении между супругами Широкогоровыми. Известны и другие факты, когда С.М. Широкогоров давал информантам прозвища: например, женщину по имени Сакса, еще не зная, как ее зовут, он записал в дневнике под именем Мессалины (Shirokogoroff, 1929, p. 323).

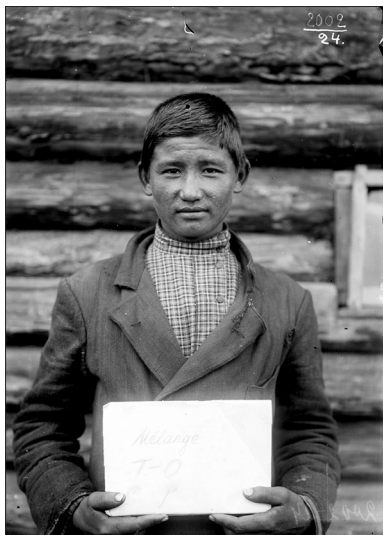

Рис. 5. Метис (орочон-тунгус),
которому супруги дали
прозвище *Mélange*.
Тыксыр, Забайкальская область,
Читинский уезд, 1912 г.
© МАЭ РАН № 2002-24.

25го [июля] Утром мы, так сказать, гуляли, т.к. никого не было, у кого бы можно было спрашивать слова. Приехала из Акимы одна баба, которая шила там турсуки³¹. Часа через три пришла к нам из любопытства. Она вдова – тунгуска, очень развязна. Живет на квартире у Герасима.

Я починая Серкино белье и, всучив карандаш одной из баб, сидевших возле, предложила что-нибудь нарисовать. Выбрать самостоятельно та не смогла и я сказала ей, чтобы она нарисовала корову, собаку etc.

Баба-тунгуска иронически отнеслась к рисованию коровы, что-то говорила и меня спросила: «Что, разве у царя нету коров?» на что я ей ответила, что он коров не держит, а приносят ему готовое молоко. В ее уме есть, очевидно, представление, что все, что мы не

делаем, идет на показ царю.

- 1) Когда начинаются регулы³²
- 2) Когда кончаются
- 3) Как долго продолжаются
- 4) Болезненно ли протекают
- 5) Спят ли с мужем
- 6) Все ли можно есть
- 7) Моются ли?
- 8) Обкуриваются ли и промывают (?) ли внутри по окончании регул
- 9) Допустимо ли вводить палец внутрь половых органов

³¹ Кожаный мешок или берестяная сумка для перевозки груза.

³² Данный перечень вопросов был написан почерком, похожим на почерк С.М. Широкогорова. Почерки супругов Широкогуровых не имели ярко выраженных различий, а дневник писался в полевых условиях, это еще влияло на их сходство.

1) Как узнать беременность	по месячным ³³
2) Спят ли с мужем когда бывают беременны	
3) Все ли можно есть	
4) Моются ли и обкуриваются ли?	Да
5) Кто помогает при родах	бабка, иногда муж
6) Кто присутствует при родах	женщины
могут ли быть мужчины?	нет
7) Что делает муж во время родов и после них?	
Сидит или держит	
8) Болезненны ли роды	Да.
9) <u>Куда</u> девают послед и пуповину	Аккуратно положить где-нибудь
10) Все ли могут смотреть на ребенка?	Все
11) С какого дня начинают кормить ребенка	
12) Сколько времени его кормят	
13) Когда возобновляются половые сношения	
14) Где родят, не в особом ли помещении.	В поганом
Строится джюкіді ³⁴ .	
12. Кормят лет до трех, пока ребенок сам не бросит ³⁵ .	
8. Роды болезненны, но встают скоро.	
9. Бабка.	

Вечером Павел³⁶ привез хорошего барана. Его мы поделили и принялись за жарение и едение. Легли очень поздно.

26-го [июля] Утром С[ергей] расспросил довольно много слов. Я в это время занималась жарением шашлыка и печатанием своих фотографий³⁷. Угощали баб чаем и затем пошли посмотреть покос. Косят они по несколько человек вместе. Иные, каждый свое место, другие косят и сгребают в копны и затем уже делятся по числу копен. Прокор-

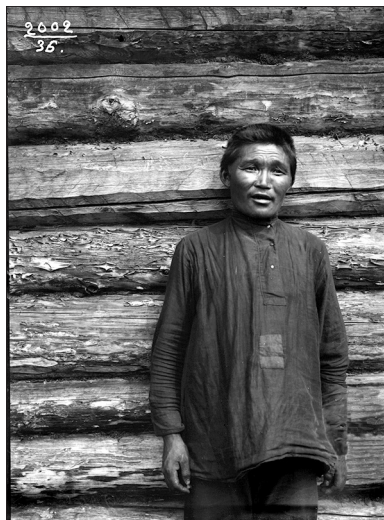
³³ Здесь рядом с вопросами подписаны ответы, причем сделано это как будто разными почерками. Возможно, более пристальное всматривание в текст покажет его новые особенности, а пока можно предположить, что С.М. Широкогоров участвовал в составлении этих вопросов по женской этнографии.

³⁴ Жилище конической формы (в современной научной терминологии – чум; в работах Широкогоровых употребляется термин юрта, коническая юрта).

³⁵ 12, 8 и 9 пункты представляют собой ответы на вопросы, записанные выше под этими номерами.

³⁶ Переводчик Павел. Его фотографии есть в коллекции МАЭ РАН 2002–36, 37.

³⁷ Особенностью работы супругов было то, что они печатали фотографии, переносили лингвистические термины на карточки, а также заполняли описи на специальных бланках МАЭ прямо во время экспедиции.

*Орочон (переводчик Павел).
Тыксыр, Забайкальская область,
Читинский уезд, 1912 г.
© МАЭ РАН № 2002-36.*

мать зимою лошадь считают 30 копен, корову 20 копен.

На покосе складывают легкий шалаш из палок, покрывают его сеном. Там спят-едят. Пищу им приносят: чай зеленый, хлеб, масло, чтобы забелить чай и молоко. Мясо мало у кого есть. Живут впроголодь. Каждый в день скашивает копен.

Вечером опять усердно жарили шашлык. Бабка варила мясо и к ней набрались голодные бабы и ребята. Всем им она понемногу дала мяса, но их посещением осталась, кажется, недовольна. Ночью Сережа долго придумывал слова. Я разобрала по алфавиту карточки. Легли очень поздно.

27го [июля] встали поздно. Накапывал дождик, который скоро усилился. К нам приехал с парой уток Николай Мелентьевич. Одну мы взяли и принялись с помощью Павла за жарение по ороченскому способу. Утку разрезали по грудинке и растянули поперек (от крыла до крыла) на палку, которую поставили близко к огню, чтобы на жару жарить. Вышло замечательно вкусно, и мы ее уплели вдвоем. После мяса с увлечением ем конфеты – «помпетка». Дождь рассеялся, но «морозно» (т.е. тучи, неясно). Бабка наша занимается шитьем ковра из козьих лапок. Павел скрывается от писания слов. Мы угощали мужиков бараниной, чем они остались очень довольны, но, несмотря на общее хорошее настроение, антропометрия все-таки не удалась.

Павел бегал долго и Серка пришел совсем в уныние. Начал придумывать разные способы, чтобы его привлечь к делу. Я думаю, что из этого ничего не выйдет, т.к. самое для них лучшее состояние это ничегонеделание. Решили мы пойти за ним к тому месту, где кололи косырка, т.е. молодого годовалого бычка. Сначала, сильно захотев мяса, купил его у вдовы за 50 копен. Теленок весил 4 пуда. Часть он продал соседям по 4 р. пуд. Мы также купили 5 фунтов. Придя туда, мы застали прелюбопытную картину. Вся поварня была на-

полнена людьми. Сидели на лавках тесно, один возле другого и с остервенением ели только что сваренное в котле мясо. Женщин было только несколько. Присутствовали не все соседи. Главным образом ели boudin³⁸, которого наварили очень много. Ели с остервенением, с жадностью. Непривычному глазу вид их мог показаться extra диким, да и нам он культурным не показался.

Наевшись, стали кое-кто приходить к нам, что было Сережей истолковано в смысле записи слов.

28го [июля] С утра пришлось обменивать платки на ороченскую вещь. Каждый раз, когда показываем какие-нибудь вещи, набирается народ. Сегодня вечером три бабы явились с ягодами и грибами, чтобы получить нитки.

Когда болит живот, его подвязывают на высоте пупка, даже выше, жгутом туго на талии.

Пошли погулять. Нас привлекла красота сопки и мы взобрались на вершину. Оттуда захотелось ближе видеть Яб[лоновый] хребет и мы пошли дальше совершенно диким сосновым лесом. Было очень хорошо. На обратном пути наткнулись на еще две могилы, детский гроб и остаток от поминок (предположение). Найден возле турсук, в котором чаша. Все пять гробов находятся на одной сопке, у подножия которой стоит березка с тряпицами. Сопка очевидно священна (предположение). Сопка находится как раз над селением. К гробам есть тропка. Помещают их на полувысоте сопки в красивом месте, среди деревьев.

29го [июля] Обмен развивается. Катерина принесла кумалан³⁹. Обмен был безстыден, но она осталась, кажется, довольна и скоро еще принесла мешок из козьего телянка⁴⁰. У нее я гостила и отношения стали более дружественными. Под образами у них висит божок страшный, скорее черт. В углу специфические тряпицы. Вечером бабы пришли слушать фонограф. Мне принесли гостинец – топленое масло. Отношения налаживаются, к нам привыкают.

Несчастные орочены живут в долг у зюльзинских купцов – друзей, как они их называют. Под белку забирают харчи. Расплачиваются дорого. Фунт муки 2р.50. Фунт сахару четвертак и т.д.

Зимой в Таксер наезжают купцы и обменивают на белку вещи. За бутылку водки 4 белки, с пьяного сдерет 5. Теперь на ярмарке

³⁸ Кровяная колбаса (фр.).

³⁹ меховой коврик (эвенк.).

⁴⁰ Подобные мешочки, изготовленные из выпоротка козули (козули) зарегистрированы в МАЭ РАН под №№ 2003–4, 5. Использовались для хранения чая.

prive courant⁴¹ на белку 50-60 коп. Вечером приехал кандидат и привез кабана и козу самца.

От полома принимают сваренную кору рябины. Говорит, заживает живо. Павел на поломанную руку надел браслет. Говорят, что это помогает.

30го [июля] Никаких новостей, кроме привезенной соседом козы и двух козленков – ничего не было. На охоту обычно ходят вдвоем. Целый день лил дождь и стояла стужа.

Шкуры обрабатываются следующим образом: по снятии с животного ее растягивают на палках и сушат. Высушенную бросают на неопределенное время до следующих манипуляций. Шкурка обращается в какую-то кору. Чтобы ее размягчить, на нее кладут месиво (из сваренной печенки, простокваши и муки) и заворачивают. Так шкура лежит дня два. Затем грязный налет начинают соскабливать старой косой-литовкой. Кожа становится чистой, белой. Ее еще мнут руками, чтобы она совсем размягчилась. Скребут литовкой раза два, или три в зависимости от толщины шкуры.

Если нужно снять и шерсть, то ее снимают сначала ровным скребком, а затем круглым, несколько выгнутым.

31е [июля] С утра дует ветер. Дул, кажется, всю ночь. На сопке, говорят, выпал снег. Стужа ужасная. Почти все дома, на покос не пошли.

1 августа Утром собрались на сход решать наш отъезд. Сережа, видимо, уже устал и совсем не торговался. Повезут нас двое до Торгакона за 40 р. Лошадей дают хороших, и заранее их будут угощать. Мне весь день нездоровится. Болит живот, шумит голова, холодно. Чего-то раздражаюсь.

2 августа. Рано встали в виду моего нездоровья.

Раскрыли три гроба⁴²: детский, женский и мужской. На больших гробах лежит по 3 бревна, под ними доски. Доски по краям закреплены бревном. В отверстия еще заложены колышки. Труп мужской был завернут в спальный мешок. Голова закутана материей.

Труп женский в <нрзб.> сверху тоже покрыт материей. С нею лежит вся употребляемая ею посуда. Детский труп голый. При нем только чашка. Все трупы совершенно уже разложились.

Угощали баб чаем, дала им слушать фонограф. Теперь они к нам окончательно привыкли и их к нам уже тянет.

⁴¹ Первоначальная цена (фр.).

⁴² Т.н. «воздушное» захоронение.

3-е Почти весь день лил дождь. Был град. Сережа полон был коммерций. Купили за 6 рублей + на 2 руб.товару – 1 гиркоун⁴³ и 1 кумалан. У Степки за 3 ½ дюжины пуговиц и 2 мотка ниток взяла четыре шкурки козлиных выпоротков. У Степки будет куплен еще один гиркоун на 6 руб.

1. Как узнать б[еременность]
2. Спят ли с муж[ем]
3. Все ли можно бер[еменной]
4. Кто присутств[ует] помогает и что делает муж во время и после куда девают послед

Рассказ бабки, как она родила Павла.

Атыркан⁴⁴ с большаком поехал за мукой. На Каренге⁴⁵ тогда кочевали. Осталась она с малыми ребятами. Летом было дело. Положила их спать. Была она одна и вот принесла парнишку. Утром ребята плачут, дров принести она не может. Послала девку за бабой – соседкой. Пришла баба, дров наколола, чай сварила и ее ругает. Ах ты, дурак такой, пошто нас не позвала, одна тут лежишь. Отвечает бабке: Чего-то, лето теперь, один я, лучше <нрзб>. Все ругали ее (Вспоминает она об этом и ей приятна ее отвaga и то, как ее журили). Два дня лежала она, потом дымокурила, лопоть всю, пары 3, 4 штанов (столько, сколько износила во время родов) – без жалости сжигается. Послед, очевидно, тоже сжигается. Пуповину нужно аккуратно свернуть и куда-нибудь положить.

Потом приехал старик, привез муки, лопоть привез. Ну и вот парнишку принесла. Во время менструаций с мужем не спят (теперь больше не исполн[яется]. После них окуриваются).

[Список записей на валики 1913 г.]

1. Песнь шамана на религиозный ритм размер 4/4
2. Песнь шамана 2/4 staccato
3. Песнь шамана упал и разбился валик.
4. Песнь шамана религиозная. «Куплеты» повторяются за шаманом другими.
5. Песнь ... Сашки
6. Песнь неизвестного
7. Песнь неизвестного

⁴³ Обработанная оленья шкура, используемая в качестве подстилки.

⁴⁴ Старик (эвенк.).

⁴⁵ Река в Забайкальском крае, правый приток Витима.

8. Иван Нерчинский
9. Павел Большой 2 п.
10. Павел Большой 3 п.
11. Песнь Нерч. Павла-жениха
12. Песнь девушки с Юмарчена⁴⁶. Слова-импровизация.
13. 1 песнь Ивана Нерчинского
14. 2 песни Александра
15. 2 песни Александра
16. 2 песни старика-песельника?
17. 1 ороchonская и 1 бурятская
18. 1 песнь ороchonская 1 бурятская
19. 1 песнь Павла Большого и 1 песнь Сашки

1в. Слово, песнь Феклы 1 песнь Евгении

2. 1 песнь Евгении и 1 Екатерины

3. 2 песни оленных ороchonов

4в. 2 песни тунгусов-орочонov 1 ороchonская 1 тунгусская

5. Рассказ о том, как шел зверовать. Рассказывает Melange и Степан.

6. 2 песни Бориса

7, 8, 9. Рассказ Бориса с помогающим ему Melange (не записано). Не переведено. Конец 9го валика песня Бориса и Melange (хор)

10. Три ороchonских песни Melange

11. Сказка деда начало – не записана, не переведена

12. Сказка деда – конец (1/3 валика), 2/3 кажется бурятская

E.N. Shirokogorova. Dnevnik ekspeditsii 1912 goda v Zabaikal'e / Publikatsia i kommentarii – A.A. Sirina, V.N. Davydov [The Diary of the expedition of the 1912 to Zabaikal'e / Publication and comments by A.A. Sirina and V.N. Davydov].

⁴⁶ Река, приток Витима в Забайкальском крае и одноименное село в Тунгокоченском районе Забайкальского края сейчас называется Юмурчен.

**ДАВИД АЛЕКСЕЕВИЧ ЗОЛОТАРЕВ – ЭТНОГРАФ,
АНТРОПОЛОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ В РОССИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Ключевые слова: Д.А. Золотарёв, Петербургская школа этнологии и антропологии, 1910–1930-е гг., народы северо-запада России, этнографические экспедиции и коллекции, музейное дело, антропометрия русских, карел и саамов.

Аннотация: Д.А. Золотарёв (1885–1935) – российский этнограф, антрополог, один из лидеров отечественной науки. Активный член Русского географического общества, профессор и популяризатор науки, член академических комиссий, руководитель многолетних комплексных экспедиций, собиратель и хранитель предметов традиционной культуры финно-угорских и великорусского народов северо-западных и центральных районов европейской России. Сторонник тесного сотрудничества с краеведами, создания стационарных этнографических станций, фотодокументации исследуемых явлений, междисциплинарного подхода к решению вопросов этнической истории, научного отражения динамических процессов в народной культуре. Руководитель этнографических научных подразделений, член редколлегий профильных журналов. Автор статей и монографий по физической антропологии русских, кольских саамов и карел, в том числе тверских. Скончался в лагере для политзаключенных, реабилитирован.

Давид Алексеевич Золотарёв (1885–1935) – один из многих замечательных российских ученых первой трети XX века. Этнограф, антрополог, музейный работник, руководитель краеведческой работы в общероссийском масштабе, общественный деятель, он считал своей главной жизненной задачей «внимательно и напряженно собрать и изучить все то, что облегчает понимание народной жизни и тем содействует ее улучшению» (Золотарёв 1926а: 44).

Биография. Д.А. Золотарёв родился 29 августа 1885 г. в городе Рыбинске Ярославской губернии в семье священника. После окончания в 1903 г. классической гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета, из которого был исключен в 1904 г. за участие в студенческих волнениях. В 1904–1907 гг. он

* *Изабелла Иосифовна Шангина* – д.и.н., профессор, научный сотрудник главной категории Российского этнографического музея (г.Санкт-Петербург), e-mail: iz.schangina@yandex.ru

** *Галина Андреевна Аксянова* – к.б.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), e-mail: gaksyanova@gmail.com

жил в Париже, изучая этнологию и антропологию в Сорбоннском университете и посещая лекции по соматической антропологии, доисторической археологии и этнографии известного этнографа и антрополога Ф.К. Волкова (1847–1918) в Русской высшей школе общественных наук. Вернувшись в 1908 г. в Россию, Д.А. Золотарёв продолжает изучение антропологии, этнографии и географии теперь на физико-математическом факультете Петербургского университета, который заканчивает в 1917 г. После сдачи магистерского экзамена по антропологии и географии, он был оставлен на кафедре для чтения лекций по антропологии, а в 1918 г. получил звание профессора (СПбФ АРАН 1. Оп. 3. Д. 230. Л. 3, 5, 5 об.). В августе 1918 г. Д.А. Золотарёв был принят на должность хранителя Этнографического отдела Государственного Русского музея (ныне Российский этнографический музей) и вскоре назначен заведующим отделением русско-финской этнографии, в котором проработал до 1930 г. включительно (АРЭМ 1. Оп. 1. Д. 11а. Л. 23). Одновременно с этим в 1919 г. он становится заведующим разрядом этнической антропологии и этнографии Академии истории материальной культуры РАН (в дальнейшем ГАИМК АН СССР) и заведующим Европейским отделом Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран при Академии наук (КИПС), преподает в Педагогическом институте имени А.И. Герцена, является членом Центрального и Областного бюро краеведения.

Давид Алексеевич Золотарёв, подобно многим ученым, незаслуженно пострадал от политических репрессий 1930-х годов. В декабре 1930 г. он был арестован на пять лет по «Делу Центрального бюро краеведения». Срок отбывал на Беломоро-Балтийском канале, откуда в 1932 г. был освобожден досрочно. Однако, вновь арестован в ноябре 1933 г. по сфабрикованному «Делу Российской национальной партии

*Рис. 1. Д.А. Золотарёв 1929 г.
© Коллекция Кабинета
антропологии Томского
государственного университета,
архив Н.С. Розова.*

/ Дело славистов», возбужденному НКВД в 1933–1934 гг. Скончался в конце августа 1935 г. в Сиблаге от болезни, накануне своего пятидесятилетия, в лагере для политзаключенных около города Мариинска (Кемеровская область). Д.А. Золотарёв реабилитирован в 1956 г. (Ашнин, Алпатов 1994а, 1994б; Шангина 1985; Решетов 2004).

Первые шаги в науке. Первые публикации Д.А. Золотарёва относятся к 1909–1910 гг. Это были статьи в газетах родного города Рыбинска и носили краеведческий характер: «Метеорологические станции Ярославской губернии», «Пешеходные экскурсии по Ярославской губернии», «Рыбинск в середине XIX в.». В дальнейшем население Ярославско-Тверского края станет основным объектом исследований ученого. Научная деятельность Д.А. Золотарёва началась в 1911 г. в составе Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России, созданной в 1910 г. при Императорском Русском Географическом обществе (ИРГО) группой известных этнографов, антропологов, лингвистов под руководством С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) (Золотарёв 1916а: 44; АРГО. Оп. 1. Д. 78). Задачей комиссии было составление этнографических карт, отражающих различные стороны жизни народов, характерные черты их традиционной материальной и духовной культуры, антропологических, лингвистических карт, которые, как они рассчитывали, могли бы стать замечательным пособием для изучения сложной этнической истории народов России. Инструкции по составлению карт разработали С.Ф. Ольденбург (1863–1934), А.А. Шахматов (1864–1920), А.А. Миллер (1875–1935), Л.Я. Штернберг (1861–1927). Д.А. Золотарёв занимался выявлением и изучением источников для составления карт по антропологии русского народа и вместе с Д.К. Зелениным (1878–1954) и А.К. Сержпутовским (1864–1940) разрабатывал «опросные листы» для картографирования материала по традиционной культуре русских, включая определение важнейших элементов, которые должны быть положены на карту. Список литературы по материальным компонентам традиционной культуры разрабатывался Д.К. Зелениным (Зеленин 1913). В марте 1912 г. Золотарёв закончил работу по изучению источников по антропологии, представив Постоянной комиссии список опубликованных работ и архивных документов с их краткой характеристикой (АРГО. Оп. 1. Д. 23. Л. 3). Члены комиссии пришли к выводу, что источников для картографирования недостаточно и что необходима активная полевая работа среди русского населения. Во исполнение этого решения было организовано двадцать антропологических экспедиций. Д.А. Золотарёв участвовал в пяти из них, которые проходили среди русского населения Ярославской, Тверской, Новгородской, Вологодской и Архангельской губерний. За пять полевых сезонов он собрал интересный материал с обширной территории, ранее не изученной столь

систематически в антропологическом отношении. Итогам экспедиций посвящены четыре его статьи (Золотарёв 1913, 1915а, 1915б, 1916б). В них автор, по его словам, стремился дать «лишь последовательное изложение цифрового материала, освещенного некоторыми сравнениями и отрывочными данными, которые удалось собрать в литературе» (Золотарёв 1915б). Привлекая исторические, археологические, лингвистические сведения, Д.А. Золотарёв пытается выяснить происхождение выделенных им антропологических групп русского народа. Понимая сложность поставленной задачи, он детально анализирует все эти сведения и делает ряд предварительных выводов, постоянно подчеркивая при этом, что они требуют в дальнейшем тщательной проверки и разработки. По словам современников, ученый работал тщательно, не делал поспешных выводов, в чем легко убедиться, читая также его монографии по физической антропологии кольских лопарей (1928) и карелов СССР (1930). Эти материалы не утратили научно-исторического значения и в наши дни, хотя программа и методика его сборов уже отличаются от современных. Публикации содержат большое число фотографий обследованных людей. Вплоть до начала 1950-х годов материалы Золотарева были единственными, которые так полно представляли физическую внешность российских саамов и карел, а до работ Карин Марк они к тому же были и единственными опубликованными сведениями по этим этно-территориальным группам. Только экспедициям под руководством М.В. Витова, работавшим в 1950-е годы уже по современной методике, удалось повторить географию работ Д.А. Золотарева. И крайне обидно за профессионального, вдумчивого, глубоко порядочного исследователя, за излишне субъективную и незаслуженную, на наш взгляд, критическую оценку его монографии о карелах в центральном антропологическом журнале страны, «разгромную», по словам Витова (Дебец 1933; Витов 1964). В связи с антропологическим направлением уместно вспомнить, что Давид Алексеевич стал учителем Н.С. Розова – основателя томской антропологической школы и организатора Кабинета антропологии в Томском университете (Рыкун 2006).

В этнографической секции Д.А. Золотарёв вместе с Д.К. Зелениным и А.К. Сержпутовским занимался разработкой «великорусских опросных листов», с помощью которых этнографы надеялись собрать недостающий для картографирования материал по традиционной культуре русского народа. Давид Алексеевич работал по составлению опросника «Одежда и украшения». Отбор элементов русского костюма для картографирования был проведен очень тщательно. В этот опросник были включены только те элементы, которые удобны в качестве маркеров при картографировании, позволяя сопоставить их с элементами костюма других народов, соседних с русским. Данный

опросник давал возможность выявить не только картину современного состояния традиционного костюма, но и получить информацию об исчезнувших его элементах (*Анкетные вопросы Комиссии...* 1914: 195–199; АРГО. Оп. 1. Д. 78. Л. 60, 61, 65 об., 66, 106; Д. 81. Л. 7).

Работа в Этнографической секции была закончена осенью 1913 г. Тогда Д.А. Золотарёв со своими коллегами представил «Анкету по великорусам» для обсуждения (АРГО. Оп. 1 Д. 81. Л. 9 об.). Она была одобрена на заседании членов комиссии и сдана в печать. Однако рассылка анкеты задержалась до 1916 г. в связи с начавшейся Первой мировой войной. В 1916–1919 гг. Золотарёв, ставший к тому времени секретарем Постоянной комиссии, стал рассылать ее сотрудникам губернских музеев и членам краеведческих обществ в надежде получить ответы (АРГО. Оп. 1. Д. 78. 108, 113 об., 130, 132, 134). Необходимость рассылки он объяснял тем, что собранный материал послужит «уяснению очередных вопросов государственной жизни» и будет «содействовать делу устройства жизни разноплеменного населения России» (АРГО. Оп. 1. Д. 72. Л. 152). В условиях продолжавшейся войны, революции и гражданской войны ответы на анкету доходили до Петрограда с большим трудом. В настоящее время некоторое их количество хранится в Петербурге в архиве Российского этнографического музея и архиве Русского географического общества. Однако большая часть заполненных анкет, вероятно, осталась в местах их заполнения и хранится в историко-краеведческих музеях областных городов.

Работа по составлению этнографических карт, показывающих географическое размещение и пространственные соотношения явлений и объектов традиционной культуры русского народа, к сожалению, была остановлена. Постоянная комиссия по составлению этнографических карт была переименована в феврале 1917 г. в Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС) и переведена в структуру Академии наук. Впоследствии она была переименована в Комиссию по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, а ее члены занялись составлением этнических карт, которые требовались Советскому государству для проведения национально-территориального размежевания страны в связи с организацией национальных республик и округов. Д.А. Золотарёв был избран членом КИПС 24 февраля 1917 г., в 1919–1921 гг. был ее секретарем, а с 1920 г. заведующим Европейским отделом (СПбФ АРАН 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 17об., 21об.). Вклад Д.А. Золотарёва в работу по картографированию достаточно велик. Он вместе с С.К. Паткановым (1861–1918), С.И. Руденко (1885–1969), А.А. Шахматовым, Л.Я. Штернбергом участвовал в подготовке «Инструкции по составлению племенных карт» (*Об учреждении Комиссии* 1917: 11), занимался сбором этностатистического материала,

проверкой его на местах во время экспедиций, организованных КИПС. Под его руководством и непосредственным участием были составлены и изданы в 1924–1927 гг. с подробными объяснительными записками этнические карты Мурманской губернии, Северо-Западной области и Карелии, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой, Тверской губерний и губерний Поволжья (Золотарёв 1926б; Золотарёв, Вершинский 1929; Поволжье 1925).

Полевые этнографические исследования. Говоря об исследовательской деятельности Д.А. Золотарёва, следует в первую очередь сказать о том большом значении, которое он придавал проблеме формирования базы источников для антропологической и этнографической науки. Ученый полагал, что в ее основе должны лежать материалы, собранные в ходе полевых исследований, не отрицая, естественно, важность письменных и иллюстративных источников. Под полевыми материалами Д.А. Золотарёв понимал не только информацию, полученную в ходе интервью или бесед с представителями местного населения, но и вещественные памятники культуры. Он полагал, вслед за своими старшими коллегами Д.Н. Анучиным (1843–1923), А.Н. Пыпиным (1833–1904), И.Н. Смирновым (1856–1904) и другими, что вещи являются столь же значимыми источниками научных знаний, как и письменные памятники, и что с их помощью могут быть решены многие проблемы этнографии (Анучин 1889: 30–32; Пыпин 1885; Смирнов 1891). В признании огромной важности вещевых памятников для этнографии Д.А. Золотарёв не был одинок. Ее разделяли и многие его современники – музейные работники Ленинграда и Москвы: В.В. Богданов (1868–1949), Б.Н. Куфтин (1892–1953), Н.И. Лебедева (1894–1978), С.И. Руденко (1885–1969), А.А. Миллер, Б.Г. Крыжановский (1886–1937) и другие. Б.Н. Куфтин, выражая общее мнение этнографов, писал: «...сравнительный анализ и сопоставление фактов культуры дает достаточно прочные результаты, если исследуются и сравниваются сами объекты культуры, т.е. подлинные памятники» (АМАЭ. Оп. 1. Д. 100. Л. 5).

Считая материалы полевых исследований важной составляющей базы источников для этнографической науки, Д.А. Золотарёв уделял очень большое внимание методам полевой работы, критериям отбора информации и вещевых памятников, вопросам фиксации полученных материалов. Особый интерес он проявлял именно к методу проведения полевых исследований. Д.А. Золотарёв считал, что этнографическое изучение народа должно вестись стационарно. Это предполагало длительное, не менее года пребывание этнографа в среде изучаемого им народа. Идея стационарных исследований принадлежала американскому антропологу Ф. Боасу (1858–1942) –

создателю школы исторической этнологии / культурной антропологии, и нашла в России довольно большое количество сторонников. Д.А. Золотарёв полагал, как и многие его коллеги, что длительное пребывание исследователя среди изучаемого народа позволит ему глубоко проникнуть в народный бытовой уклад, понять менталитет народа, благодаря чему собранный информационный и вещевой материал будет достаточно полным отражением реальной действительности. При этом Д.А. Золотарёв прекрасно понимал, что в современных условиях организовать такую работу не представляется возможным в связи с плохим финансированием учреждений, занимающихся полевыми исследованиями и отсутствием специалистов, свободных от повседневной работы в музеях или институтах. Он писал: «В деле методов проведения работы очень существенным является распространение мысли о том, что крайне важно стремиться к осуществлению длительных и стационарных работ, а не коротких маршрутных поездок <...> В данном отношении возникают чрезвычайные затруднения не только материального порядка. Даже сравнительно обеспеченные экспедиции не в состоянии вести работу стационарно в продолжении длительного времени» (Золотарёв 1928: 254).

В связи с этим Д.А. Золотарёв ищет и находит новые формы стационарной работы. Он предложил своеобразную форму стационарных исследований, суть которой состояла в привлечении к работе центральных этнографических учреждений, организующих экспедиции, местных краеведов и сотрудников историко-краеведческих музеев. Ленинградские ученые должны были проводить полевые исследования в весенне-летнее время, сотрудники местных музеев и краеведы, обученные ленинградцами – в осенне-зимнее. Все они должны были работать по единым программам, собранные материалы должны были поступать для научной обработки в центральное учреждение. Этот вариант стационарной работы был осуществлен Д.А. Золотарёвым в организованной им Верхневолжской этнологической экспедиции для изучения русского и карельского населения Тверской, Ярославской губерний, западных районов Костромской и южных районов Вологодской губерний. Слабым звеном в этой работе оказалась именно опора на местные кадры. Краеведы и сотрудники местных музеев были не готовы на общественных началах заниматься этой достаточно сложной работой, а денег для оплаты их труда у организаторов экспедиции не имелось. Д.А. Золотарёв констатировал в 1924 г.: «...призывы к сотрудничеству, рассылка анкет, программ, инструкционные беседы на местах пока дали очень слабые результаты» (АИИМК 1. Оп. 1(1924). Д. 104. Л. 66). Кроме того, их научная квалификация была довольно низкой, особенно это

отчетливо проявлялось при сборе информации по сложной тематике. Сложности вызывал также вопрос о принадлежности собранных сведений и экспонатов. Этнографический отдел Русского музея считал необходимым сосредоточить все материалы у себя, в то время как краеведческие музеи настаивали на их передаче в свои архивы и хранилища (Золотарёв 1928: 254–255). Ученый был уверен в правильности этого метода полевых исследований, объясняя все накладные обстоятельства тяжелого времени, переживаемого страной.

Наряду с этим Д.А. Золотарёв в январе 1923 г. предложил еще один вариант организации стационарных полевых исследований – так называемые «этнографические станции» (АРЭМ 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–2, 4; Д. 48. Л. 114–115; АГРМ. Оп. 6. Д. 305. Л. 8, 20 об., 37). По мнению Д.А. Золотарёва, изложенному им в «Положении об этнографических станциях», они должны были представлять собой отдел этнографического учреждения (музея, института или краеведческого общества), расположенный на территории изучаемого народа, состоять из двух-трех научных сотрудников и финансироваться из его бюджета¹. Их задачей являлось «стационарное исследование быта населения России и собирание этнографических коллекций» (АРЭМ 1. Оп. 1. Д. 48а. Л. 115 об., 70; Д. 307. Л. 31, 32; Д. 327. Л. 1–12). Предполагалось, что после того, как материал на пространстве вокруг станции будет тщательно собран, зафиксирован и передан в головное учреждение, станция должна быть перебазирована в другой, интересный для этнографов район. Первой в 1922 г. была создана антрополого-этнологическая станция при Костромском научном обществе изучения местного края. Ее возглавил антрополог и этнограф В.И. Смирнов (1882–1941). Задачей станции было: «1) Изучение физических признаков населения Костромского края и 2) Изучение культуры, быта, и лингвистических его особенностей (этнографическое изучение в широком смысле этого слова)» (*Костромское научное...* 1923: 13). В ее штате числилось четыре человека, работа которых оплачивалась Костромским научным обществом. Эта станция проработала очень успешно до 1930 г., когда была закрыта вместе с ликвидацией Костромского научного общества.

Вторая станция была организована в 1923 г. при Этнографическом отделе Русского музея в селе Усть-Цильма Печорского уезда Архангельской губернии. Ею руководил этнограф Д.Д. Травин. В составленном им «Проекте положения об учреждении этнографических станций на Печоре» говорилось, что станция «имеет своей целью стационарное изучение населения в естественных условиях его существования, собирание коллекций и этнографических мате-

¹ Идея «этнографических станций» была заимствована Д.А. Золотарёвым у немецкого ученого-мифолога В. Маннгардта (1831–1880).

риалов» (АРЭМ 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 50). Она работала всего один год, собрала для Этнографического отдела Русского музея много экспонатов по культуре русских и ненцев, но была закрыта из-за отсутствия финансирования. Проекты остальных четырех станций Русского музея также не смогли осуществиться.

Идея создания «этнографических станций» была хороша тем, что, в случае ее осуществления, этнографы центральных музеев становились обладателями огромного, регулярно поступающего массового этнографического материала, собранного квалифицированными специалистами на достаточно большом пространстве. Однако в условиях 1920-х годов она так и не смогла осуществиться во всей ее полноте, в связи с тяжелым экономическим положением в стране и скудостью средств, отпускаемых на развитие гуманитарных наук (АГРМ. Оп. 6. Д. 305. Л. 20 об.).

Критерии отбора вещевого и информационного материала. Д.А. Золотарёв много внимания уделял также критериям отбора в полевых условиях информации и вещевых памятников. Он и его коллеги по Этнографическому отделу Русского музея и ГАИМК при этом исходили из своих представлений о задачах и предметной области этнографии. Они считали, что главным объектом этнографии является народ – этнос, («этническая формация», «этническая группа»), которая представляет собой, по словам С.И. Руденко, «историко-культурную категорию человеческих сообществ, живущую по своим определенным законам» (СПбФ АРАН 3. Оп. 1. Д. 65. Л. 2). Главная задача этнографии, которую они называли этнологией, состоит «...в установлении своеобразных особенностей физической природы, быта, одежды, жилища, средств передвижения, народной техники и искусства, хозяйственных навыков, обычаев, верований, нравов, семейной и общественной жизни, языка, песен, сказок и других произведений народного творчества, – другими словами всей совокупности элементов, слагающих определенный бытовой и антропологический облик населения и позволяющих дать его этнологическую характеристику». Соответственно такой установке основным подходом в полевой работе, по мнению Д.А. Золотарёва, должен стать принцип «комплексности и разделение труда на основе специализации». Под комплексностью он понимал сбор не только собственно этнографического материала, но и сведений по истории народа, фольклору, лингвистике, палеоэтнологии, антропологии. Под «разделением труда по специализации» – работу в экспедиции представителей всех этих наук, а также архитекторов, художников и фотографов. Он считал, что только при такой постановке дела комплексность даст положительные результаты, а не превратиться в пустой звук (Золотарёв 1928: 254). Отбор материала, как полагал

ученый, должен был проводиться очень строго. Необходимо было собирать только сведения, которые демонстрировали этническое своеобразие народа. Б.Г. Крыжановский, единомышленник и коллега Д.А. Золотарёва по этнографическому отделу государственного Русского музея (ЭО ГРМ), в докладе об изучении современного быта писал: «Современная культура изучается этнографическим отделом постольку, поскольку она сохраняет этнически выраженные черты. Культура, утратившая их, принявшая интернациональный характер, изучается специальными музеями – индустриальными, историко-бытовыми и т.п.» (АРЭМ 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 3). Это относилось и к вещевым памятникам культуры. Поступление их в музей могло состояться только в том случае, если они обладали ярко выраженными этническими чертами (АИИМК 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–1об; АИИМК 2. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–7; СПбФ АРАН 3. Оп. 1. Д. 65. Л. 2–4).

Д.А. Золотарёв и его коллеги считали, что составить «этнический портрет народа» можно, только изучая как старые, так и новые формы этнической культуры или, как они говорили, «живой быт» и «живую старину». «Осуществляя работу на местах, мы не старались выискивать прежде всего пережитки прошлого, уцелевшие обломки старой культуры... Мы регистрировали и изучали их, сознавая, что они навсегда отмирают, особенно замечая их место в современной жизни... Иногда мы жадно искали «живую старину», но не забывали, что наша задача – познание «живого быта». Для понимания особенностей населения одинаково важны и ценны как старые, так и новые черты быта, поскольку они играют заметную роль в народной жизни» (Золотарёв 1926в: IV). Особенно важным исследователь считал тщательную фиксацию тех изменений, которые происходили в народном быту под влиянием Первой мировой и Гражданской войн, а также под воздействием новой идеологии, которую несла народу советская власть. Он писал: «Наблюдение современного быта, меняющегося точно также очень быстро, и изучение тех бытовых явлений, которые вымирают безвозвратно или принимают совершенно иную форму, представляет чрезвычайный интерес» (Золотарёв 1926а: 46). Одной из интереснейших статей на эту тему была его статья «Этнографические наблюдения в деревне РСФСР», где Давид Алексеевич пишет: «Настоящий переходный момент представляет для нас особый исключительный интерес, давая возможность непосредственно следить за сменой бытовых форм, устанавливать степень влияния на быт различных факторов и отмечать причины и поводы, обуславливающие исчезание или возникновение различных бытовых явлений. В данном отношении трудно придумать более благоприятные жизненные условия, чем годы исключительной револю-

ционной эпохи» (Золотарёв 1926г: 157). В то же время Д.А. Золотарёв считал, что изучение народной жизни – дело политически важное, имеющее «громадное значение для государственного строительства» (Золотарёв 1926а: 47). Он был уверен, что выводы исследователей могут быть использованы «в целях воздействия на его (народа) сознание и в целях изменения уклада жизни деревни» (Золотарёв 1926а: 45).

Экспедиции. Д.А. Золотарёв с большой энергией и настойчивостью стремился воплотить в жизнь свою идею о необходимости систематического комплексного изучения русского и финно-угорского населения страны. В двадцатые годы им были организованы и возглавлены три масштабные долговременные комплексные экспедиции, которые были достаточно результативны: Верхневолжская экспедиция (1921–1925), Юго-Восточная (1925–1929), Северо-Западная (1926–1930).

Первая из них, Верхневолжская этнологическая экспедиция работала в русских и карельских деревнях Мологского, Пошехонского, Ростовского, Любимского уездов Ярославской губернии, Бежецкого, Весьегонского, Вышневолоцкого, Краснохолмского, Ржевского уездов Тверской губернии, в западных уездах Костромской и южных Вологодской губернии. В ней приняли участие ученые Этнографического отдела Русского музея, разряда этнографии Государственной Академии истории материальной культуры, а также местные краеведческие организации. В составе экспедиции было свыше 20 специалистов разного профиля: этнографы, антропологи, диалектологи, фольклористы, фотографы, художники. Основной ее костяк составляли Н.П. Гринкова (1895–1961), С.А. Еремин, З.П. Малиновская, Е.Э. Бломквист (1890–1956), Л.И. Песселеп, Н.С. Розов (1896–1987), А.Л. Колобаев, а также краеведы: А.И. Михайлов, С.Д. Сеницын, М.Б. Едемский (1870–1933), А.И. Иванов, А.Н. Вершинский (1888–1944), М.И. Артамонов (1898–1972), М.П. Грязнов (1902–1987). Работа проводилась несколькими отрядами по два-три человека в каждом. В течение трех-четырех месяцев они тщательно обследовали выделенную им территорию, не пропуская ни одного села, ни одной деревни. Зимой этим занимались, как и было задумано, краеведы Рыбинска, Бежецка, Красного Холма. Д.А. Золотарёв, уделяя много времени организационным работам, занимался антропологическими измерениями карел и русских, выяснял национальный состав населения сел в смешанных русско-карельских районах, приобретал вещи для Этнографического отдела Русского музея.

К сожалению, из-за финансовых сложностей экспедиции не удалось выполнить до конца намеченную программу, но и то, что было сделано за пять лет поражает воображение. Участники экспедиции подготовили к публикации около 9000 печатных листов, которые со-

ставили 90 томов с рисунками и чертежами (*Шангина* 1985: 80)², сделали свыше 500 фотографий, собрали для Этнографического отдела 2513 экспонатов по традиционному быту русских и карел³.

Юго-Восточная экспедиция, организованная Д.А. Золотарёвым, работала с 1925 по 1929 гг. в Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерниях, где проводились этнографические и диалектологические исследования русских, мордвы и мещераков. Ее участниками в разное время были Н.П. Гринкова, Е.Э. Бломквист, Л.И. Песелеп, С.Д. Синицын, Н.Ф. Прыткова, Н.И. Гаген-Торн (1900–1986) и другие. Д.А. Золотарёв, выступая в роли руководителя экспедиции, не принимал участия в сборе материала. Его научные интересы были направлены на изучение народов Северо-Запада: русских, карел, вепсов, води, ижор, саамов, финнов. Возглавляемая им Северо-Западная экспедиция, проходившая в 1926–1930 гг., обследовала огромную территорию: Кольский полуостров, Карелию, Ленинградскую область, Новгородскую, южные районы Вологодской губернии (*Золотарёв* 1928а: 249, 256–258; СПбФ АРАН 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 41 об., 44 об.; Д. 20. Л. 62). Собранный ими материал был частично опубликован в сборниках Академии наук СССР (*Золотарёв* 1927; *Карельский сб.* 1929; *Западнофинский сб.* 1930; *Кольский сб.* 1930). Антропометрические измерения, проводившиеся Д.А. Золотарёвым во время экспедиции, легли в основу его монографии о карелах и работы о кольских саамах (*Золотарёв* 1928б, 1930а). За период с 1926 по 1929 гг. в музей было доставлено 985 предметов и 2558 фотонегативов. В 1927–1929 гг. Карельский отряд экспедиции отснял фильм «Среди лесов, озер и порожистых рек Карелии» (*Золотарёв* 1930б). В эти же годы были созданы фильмы о жизни вепсов, ижор и русских Ленинградской области (СПбФ АРАН 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 5, 6). Экспедиции, организованные Д.А. Золотарёвым, были в нашей стране первым, планомерным, систематическим обследованием полиэтничного населения большой территории. Они доказали возможность и необходимость такого рода работ и дали огромный материал в области этнографии русских, карел, вепсов, води, ижоры.

Музейный деятель. Д.А. Золотарёв внес свой вклад и в дело музейного строительства, развернувшегося в нашей стране в 1920-

² Подготовленные к печати тома в настоящее время утрачены. По воспоминаниям Н.Д. Золотарёва, сына Давида Алексеевича, они были унесены сотрудниками НКВД при аресте отца в 1930 г. Часть экспедиционных материалов была опубликована в разных изданиях в 1920-е годы. Некоторое количество их хранится в архивах Твери, Ярославля, Костромы.

³ Фотонегативы хранятся в отделе фотографий Российского этнографического музея и в фотоархиве ИИМК в Петербурге. Экспонаты хранятся в фондах РЭМ.

*Рис. 2. Научные сотрудники Этнографического отдела
Государственного Русского музея на лестнице экспозиционного зала.*

Середина 1920-х гг.

Первый ряд, слева направо: М.П. Грязнов, С.И. Руденко, С.А. Теплоухов.

Второй ряд, справа: Г.А. Бонч-Осмоловский и Р.П. Митусова.

Третий ряд, в центре: Л.А. Глушков и Д.А. Золотарёв.

© РЭМ. Колл. № ИМ9–7/1.

Рис. 3. Справа налево:

Д.А. Золотарёв, Ф.Г. Иванов-Дятлов, В.В. Чарнолуский.

Лопарская экспедиция. Ловозеро. 1927 г. © РЭМ. Колл. № ИМ9–191.

*Рис. 4. Научные сотрудники отделения русско-финской этнографии
Этнографического отдела Гос. Русского музея. Середина 1920-х гг.*

*Первый ряд: справа первый – Д.А. Золотарёв. Второй ряд:
справа Н.С. Розов и Е.Э. Бломквист, вторая слева Н.П. Гринкова.
Конец 1920-х гг. © РЭМ. Колл. № ИМ9–233.*

*Рис. 5. Участники Верхневолжской этнологической экспедиции
1921–1925 гг. © РЭМ. Колл. № ИМ12–75.*

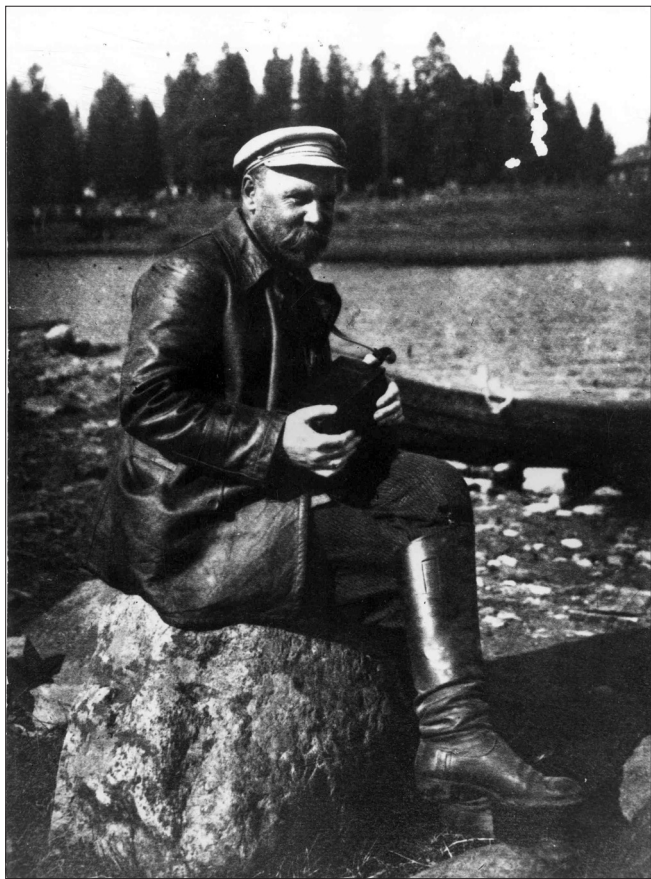

*Рис. 6. Переправа через р. Мологу. Участники Верхневолжской этнологической экспедиции 1921–1925 гг.
© РЭМ. Колл. № ИМ12–86.*

Рис. 7. Участники Верхневолжской этнологической экспедиции 1921–1925 гг.

Первый ряд: слева Н.С. Розов и Д.А. Золотарёв с участницами экспедиции. © РЭМ. Колл. № ИМ12–76.

*Рис. 8. Д.А. Золотарёв во время экспедиции в Карелию. 1926–1928 гг.
© РЭМ. Колл. № ИМ9–186.*

е годы. Будучи заведующим отделения русско-финской этнографии Этнографического отдела Государственного Русского музея, он занимался разнообразной музейной работой: участвовал в комплектовании его коллекций, вел большую просветительную работу, занимался строительством экспозиций и выставок (АРЭМ 1. Оп. 1. Д. 11 а. Л. 23). При этом он особенно большое значение придавал созданию экспозиций и временных выставок, которые рассматривал как базу всей просветительной работы музея и как итог его экспедиционно-собирательской деятельности. В 1920–1927 гг. он возглавил подготовку экспозиций по традиционной культуре русского и финноязычного населения СССР. К 3 июня 1923 г. – дню открытия для посещения Этнографического отдела ГРМ – отделением русско-финской этнографии была подготовлена экспозиция, раскрывающая традиционную культуру русского народа и экспозиция, посвященная мордве, бесермянам, мешерякам (Отчет 1. С. 27). К 10-й годовщине Советской власти был открыт зал, посвященный культуре карел, ижор, вепсов, води, эстонцев и финнов (Отчет 2. С. 20). Экспозиции были выполнены на хорошем профессиональном уровне как в художественном, так и в научном отношении. Это были чисто этнографические экспозиции, показывающие традиционную культуру народа в XIX – первой четверти XX вв. (Бломквист и др. 1926; Золотарев, Бломквист 1927; *Этнографический отдел* 1923: 12–19). Для них были отобраны типичные предметы народного быта и искусства, сгруппированные в тематические разделы, характеризующие основные и подсобные занятия народа, промыслы, жилище, одежду населения. Такого рода экспозиции были тогда в большинстве этнографических музеев как отечественных, так и зарубежных (Михайловская 1972: 10; Станюкович 1978: 188). Однако Д.А. Золотарёв и его коллеги попытались внести ряд новшеств в эту привычную экспозиционную схему. Они постарались показать через экспонаты и фотографии те изменения, которые произошли в хозяйственном и бытовом укладе населения после Октябрьской революции. Новым также было введение большого количества фотографий и карт расселения народов.

Выводы. Подводя итоги деятельности Д.А. Золотарёва в области этнографии, можно отметить, что он внес большой вклад в изучение традиционных форм культуры русских и финноязычных народов Северо-Запада и Центральных областей Европейской части России, положив начало их систематическому обследованию. До 1920-х гг. такого широкого по охвату территории и глубокого по содержанию комплексного обследования русских, карел, вепсов, ижоры, води и саамов в нашей стране не проводилось. Собранный во время экспедиций вещевой, фотоиллюстративный и информационный материал по хозяйству, жилищу, одежде,

обрядам, фольклору, языку этих народов послужил в дальнейшем базой для создания многих фундаментальных работ по этнографии. Особенную ценность представляет его опыт проведения экспедиционного комплексного обследования народов на достаточно большой территории и разработанные им и его коллегами критерии отбора вещевого материала в собрание этнографических музеев. Занимаясь изучением русских и финноязычных народов, он проявлял особый интерес к вопросу взаимодействия их культур. В своих статьях и экспедиционных отчетах он отмечал как общие, так и особые черты в их хозяйстве и быту. Следует также отметить, что Д.А. Золотарёв одним из первых среди этнографов обратил особое внимание на проблемы воздействия социальной среды на традиционный образ жизни народов. Он показал, что крупные события общественно-политической жизни, происходившие на его глазах, оказывают заметное воздействие на народный бытовой уклад. Как полевой исследователь Д.А. Золотарев убедительно показал, что Первая мировая и Гражданская войны, установление Советской власти привели к надлому старого бытового уклада народной жизни и внесли в него новые черты. Однако, в отличие от публицистов, писавших, что в стране существуют параллельно два уклада жизни – новый и старый, ученый полагал, что говорить о сложении нового быта пока рано, поскольку идет длительный процесс постепенного внедрения нового в старое. По мнению Д.А. Золотарёва, данный процесс требует самого пристального внимания этнографов: «как старые бытовые явления, отмирающие навсегда или видоизменяющиеся, так и новые бытовые явления, наблюдаемые в деревне, заслуживают тщательного и вдумчивого внимания этнографов» (*Золотарёв* 1926г: 144). Характерной чертой Д.А. Золотарёва была скрупулезность в сборе материала, осторожность в выводах, высокая научная требовательность к себе. Мы можем гордиться умным, увлеченным и преданным нашей науке соотечественником – талантливым ученым, организатором, музейным работником и, по воспоминаниям знавших его людей, мягким и обаятельным человеком.

Источники и материалы

АГРМ – Архив Государственного Русского музея. ВА ГРМ Ф. ГРМ (I).

АМАЭ – Архив Музея Антропологии и этнографии РАН. Ф. 12.

АИИМК 1 – Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2.

АИИМК 2 – Архив Института истории материальной культуры. Ф. 12.

АРГО – Архив Русского географического общества. Ф. 24.

- АРЭМ 1 – Архив Российского этнографического музея. Ф. 2.
СПбФ АРАН 1 – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2.
СПбФ АРАН 2 – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 135.
СПбФ АРАН 3 – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 282.
Отчет 1 – Отчет Государственного Русского музея (ГРМ) за 1923 и 1924 гг. Л., 1925.
Отчет 2 – Отчет Государственного Русского музея (ГРМ) за 1926–1927 гг. Л., 1929.

Научная литература

- Анкетные вопросы Комиссии...* 1914 – Анкетные вопросы Комиссии по составлению этнографических карт России, состоящей при отделе этнографии ИРГО // Живая старина. 1914. Вып. 1–2. С. 195–199.
- Анучин* 1889 – *Анучин Д.Н.* О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. Кн. 1. 1889. С. 30–32.
- Ашнин, Алпатов* 1994а – *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело славистов. 30-е годы. М.: Наследие, 1994.
- Ашнин, Алпатов* 1994б – *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Российская национальная партия» — зловещая выдумка советских чекистов // Вестник РАН. 1994. № 10. С. 920–930.
- Бломквист и др.* 1926 – *Бломквист Е.Э., Малиновская З.П., Гринкова Н.П.* Великорусы. Краткий путеводитель // Русский музей / Этнографический отдел. Л.: Издательство ГРМ, 1926. С. 1–24.
- Витов* 1964 – *Витов М.В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР, 1964. № 6. С. 81–109.
- Дебец* 1933 – *Дебец Г.Ф.* «Неприветливые» и «радушные» // Антропологический журнал, 1933. № 1–2. С. 234–237.
- Западнофинский сб.* 1930 – Западнофинский сборник. Труды КИПС. Вып. 16. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
- Зеленин* 1913 – *Зеленин Д.К.* Библиографический указатель этнографической литературы о внешнем быте народов России 1700–1910 гг. СПб., 1913.
- Золотарёв* 1913 – *Золотарёв Д.А.* Антропологические исследования великорусов Осташковского и Ржевского уездов Тверской губернии // Ежегодник Русского антропологич. об-ва при Санкт-Петербургском университете. Т. IV. СПб., 1913. С. 1–66.

- Золотарёв 1915а – Золотарёв Д.А. Антропологические данные о великоруссах южной части Новгородского края // Ежегодник Русского антропологич. об-ва при Петроградском университете. Т. V. Петроград, 1915. С. 27–62.
- Золотарёв 1915б – Золотарёв Д.А. Антропологические данные о великорусском населении побережья Белоозера и реки Шексны в пределах Новгородской губернии // Известия Рыбинского отделения Ярославского естественно-исторического общества. Т. I. 1915. С. 1–32.
- Золотарёв 1916а – Золотарёв Д.А. Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при ИРГО (15 окт. 1910 – 15 окт. 1915) // Живая старина. 1916. Вып. 1. С. X–XI.
- Золотарёв 1916б – Золотарёв Д.А. Антропологические данные о великоруссах побережья рек Сухоны и Северной Двины // Ежегодник Русского антропологич. об-ва при Петроградском университете. Т. VI. Петроград, 1916. С. 49–82.
- Золотарёв 1926а – Золотарёв Д.А. Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография. 1926. № 1–2. С. 44–47.
- Золотарёв 1926б – Золотарёв Д.А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР / Труды КИПС. Л.: Изд-во Академии наук, 1926, вып. 12.
- Золотарёв 1926в – Золотарёв Д.А. Изучение крестьянских построек в работах Верхневолжской этнологической экспедиции // Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л.: Изд-во ГАИМК, 1926.
- Золотарёв 1926г – Золотарёв Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л.: Изд-во ГРМ, 1926. С. 143–156.
- Золотарёв 1927 – Золотарёв Д.А. Лопарская экспедиция. Л.: Изд-во ГРМ, 1927.
- Золотарёв 1928а – Золотарёв Д.А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеоэтнологии и этнографии за последние десять лет // Человек. 1928. № 2–4. С. 249–258.
- Золотарёв 1928б – Золотарёв Д.А. Кольские лопари / Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 9. Серия северная / Труды Лопарской экспедиции Русского географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: Издание АН СССР, 1928.
- Золотарёв 1930а – Золотарёв Д.А. Карелы СССР, по антропологическим данным автора, статистически обработанным А.К. Штамм Л.: Академия наук, 1930.
- Золотарёв 1930б – Золотарёв Д.А. Изучение Карельской республики с 1920 по 1930 гг. // «Красная Карелия». 23 августа 1930.

- Золотарёв, Бломквист 1927 – Золотарёв Д.А., Бломквист Е.Э. Запад-ные финны. Путеводитель // Русский музей / Этнографический от-дел. Л., 1927. С. 30–32.*
- Золотарёв, Вершинский 1929 – Золотарёв Д.А., Вершинский А.П. Насе-ление Тверского края. Тверь, 1929.*
- Карельский 1929 – Карельский сборник. Л., 1929.*
- Кольский 1930 – Кольский сборник / Материалы экспедиционных исследо-ваний АН СССР. Серия северная. Вып. 23. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.*
- Костромское научное... 1923 – Отчет о деятельности Костромско-го научного общества по изучению местного края за 1922 год // Костромское науч. об-во по изучению местного края. Кострома: Изд-во Костромского научн. об-ва по изучению местного края, 1923.*
- Михайловская 1972 – Михайловская А.М. Приемы показа этнографиче-ских коллекций в музеях // Материалы по работе и истории этно-графических музеев и выставок. М.: Изд-во НИИ культуры МК РСФСР, 1972.*
- Об учреждении Комиссии... 1917 – Об учреждении Комиссии по изу-чению племенного состава населения России // Известия КИПС. 1917. Вып. 1.*
- Поволжье 1925 – Поволжье. Путеводитель. Л.: Изд-во Волжского Гос. пароходства и транспорта НКПС, 1925.*
- Пыпин 1885 – Пыпин А.Н. О задачах русской этнографии // Вестник Ев-ропы. Т. III. 1885.*
- Решетов 2004 – Решетов А.М. Репрессированная ленинградская антро-пология (к постановке вопроса) // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез. К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 201–219.*
- Рыкун 2006 – Рыкун М.П. Исследования томского антрополога Н.С. Розова (к 110-летию со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С.173–177.*
- Смирнов 1891 – Смирнов И.Н. Задачи и значение местной этнографии. Казань, 1891. С. 5–7.*
- Станюкович 1978 – Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978.*
- Шангина 1985 – Шангина И.И. Д.А. Золотарёв (К 100-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 76–84.*
- Этнографический отдел 1923 – Этнографический отдел Русского му-зея. Путеводитель. Пг., 1923. С. 12–19.*

I.I. Shangina, G.A. Aksyanova. David Alekseevich Zolotarev – an ethnographer, anthropologist and organizer of science in Russia at the beginning of 20th century [David Alekseevich Zolotarev – etnograf, antropolog i organizator nauki v Rossii nachala 20 veka].

Key words: D.A. Zolotarev, St. Petersburg School of Ethnology and Anthropology,

1910–1930s, Finno-Ugric peoples of the north-west of Russia, ethnographic expeditions, museum collections, anthropometry of Russians, Karelians and Sami

Abstract: D.A. Zolotarev (1885–1935) – Russian ethnographer, anthropologist, one of the leaders of Russian science. An active member of the Russian Geographical Society, a professor and science-popularizer, the member of academic commissions, the head of multi-year complex expeditions, collector and custodian of the artifacts of the traditional culture of the Finno-Ugric and Great Russian peoples of the north-western and central regions of European Russia. A supporter of close cooperation with local lore specialists, creation of stationary ethnographic stations, photo documentation of the investigated phenomena, multidisciplinary approach to solving issues of ethnic history, scientific reflection of the dynamic processes in the folk culture. Head of ethnographic scientific units, member of the editorial board of profile journals. Author of articles and monographs on the physical anthropology of the Russians, the Kola Sami and Karelians, including the Tver ones. He died in the camp for political prisoners, rehabilitated.

Authors: **Isabella I. Shangina**, main research fellow, Russian Ethnographical Museum (St-Petersburg, Russia), e-mail: iz.schangina@yandex.ru

Galina A. Aksyanova, leading research fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: gaksyanova@gmail.com

References

- Anketnye voprosy Komissii po sostavleniiu etnograficheskikh kart Rossii, sostoiashchei pri otdelenii etnografii IRGO. *Zhivaia starina*, 1914, vol. 1–2, pp. 195–199.
- Anuchin D.N. O zadachakh russkoi etnografii // *Etnograficheskoe obozrenie*, kn. 1, 1889, pp. 30–32.
- Ashnin F.D., Alpatov V.M. Delo slavistov. 30-e gody. Moskva: Nasledie, 1994.
- Ashnin F.D., Alpatov V.M. “Rossiiskaia natsional’naia partiia” — zloveshchaia vydumka sovetskikh chekistov // *Vestnik RAN*? 1994, no 10, pp. 920–930.

- Blomkvist E.E., Malinovskaia Z.P., Grinkova N.P. Veli korusy. *Kratkii putevoditel' / Russkii muzei / Etnograficheskii otdel*. Leningrad: Izdatel'stvo GRM, 1926, pp. 1–24.
- Debets G.F. «Nepriyemlivye» i «radushye». *Antropologicheskii zhurnal*, 1933, no 1–2, pp. 234–237.
- Etnograficheskii otdel Russkogo muzeia. *Putevoditel'*. Petrograd, 1923, pp. 12–19.
- Karel'skii sbornik. Leningrad, 1929.
- Kol'skii sbornik / Materialy ekspeditsionnykh issledovaniy AN SSSR. Seriya severnaia. Vol. 23. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1930.
- Mikhailovskaia A.M. Priemy pokaza etnograficheskikh kollektsii v muzeiakh. *Materialy po rabote i istorii etnograficheskikh muzeev i vystavok*. Moskva: Izdatel'stva NII kul'tury MK RSFSR, 1972.
- Otchet o deiatel'nosti Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniiu mestnogo kraia za 1922 god. *Kostromskoe nauchnoe obshchestvo po izucheniiu mestnogo kraia*. Kostroma: Izdatel'stvo Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniiu mestnogo kraia, 1923.
- Ob uchrezhdenii Komissii po izucheniiu plemennogo sostava naseleniia Rossii. *Izvestiia KIPS*, 1917, vol. 1.
- Putevoditel' "Povolzh'e". Leningrad: Izdatel'stvo Volzhskogo Gosudarstvennogo parokhodstva i transporta NKPS, 1925.
- Pypin A.N. O zadachakh russkoi etnografii. *Vestnik Evropy*, vol. III, 1885.
- Reshetov A.M. Repressirovannaia leningradskaia antropologiya (k postanovke voprosa). *Paleoantropologiya. Etnicheskaya antropologiya. Etnogenez. K 75-letiiu II' i Iosifovicha Gokhmana*. St. Petersburg: MAE RAN, 2004, pp. 201–219.
- Rykun M.P. Issledovaniia tomskogo antropologa N.S. Rozova (k 110-letiiu so dnia rozhdeniia). *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoi antropologii*. St. Petersburg: MAE RAN, 2006, pp. 173–177.
- Smirnov I.N. Zadachi i znachenie mestnoi etnografii. Kazan', 1891, pp. 5–7.
- Staniukovich T.V. *Etnograficheskaya nauka i muzei*. Leningrad: Nauka, 1978.
- Shangina I.I. D.A. Zolotarev (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia). *Sovetskaya etnografiya*. 1985, no 6, pp. 76–84.
- Vitov M.V. Antropologicheskie dannye kak istochnik po istorii kolonizatsii Russkogo Severa. *Istoriya SSSR*, 1964, no 6, pp. 81–109.
- Zapadnofinskii sbornik. Trudy KIPS, vol. 16. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1930.
- Zelenin D.K. *Bibliograficheskii ukazatel' etnograficheskoi literatury o vneshnem byte narodov Rossii 1700–1910 gg*. St. Petersburg, 1913.
- Zolotarev D.A. Antropologicheskie issledovaniia velikorussov Ostashkovskogo i Rzhevskogo uezdov Tverskoi gubernii. *Ezhegodnik Russkogo*

- antropologicheskogo obshchestva pri Sankt-Petersburgskom universitete*, vol. IV, St. Petersburg, 1913, pp. 1–66.
- Zolotarev D.A. Antropologicheskie dannye o velikorussakh iuzhnoi chasti Novgorodskogo kraia. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri Petrogradskom universitete*, vol. V, Petrograd, 1915a, pp. 27–62.
- Zolotarev D.A. Antropologicheskie dannye o velikorusskom naselenii poberezh'ia Beloozera i reki Sheksny v predelakh Novgorodskoi gubernii // *Izvestiia Rybinskogo otdeleniia Iaroslavskogo estestvenno-istoricheskogo obshchestva*, vol. I, 1915b, pp. 1–32.
- Zolotarev D.A. Obzor deiatel'nosti Postoiannoï komissii po sostavleniiu etnograficheskikh kart Rossii pri IRGO (15 okt. 1910 – 15 okt. 1915). *Zhivaia starina*. 1916a, vol. 1, pp. X–XI.
- Zolotarev D.A. Antropologicheskie dannye o velikorussakh poberezh'ia rek Sukhony i Severnoi Dviny. *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri Petrogradskom universitete*, vol. VI, Petrograd, 1916b, pp. 49–82.
- Zolotarev D.A. Voprosy izucheniia byta derevni SSSR. *Etnografiia*. 1926a, no 1–2, pp. 44–47.
- Zolotarev D.A. Etnicheskii sostav naseleniia Severo-Zapadnoi oblasti i Karel'skoi ASSR. *Trudy KIPS*. 1926b, no 12.
- Zolotarev D.A. Izuchenie krest'ianskikh postroek v rabotakh Verkhnevolzhskoi etnologicheskoi ekspeditsii. *Verkhnevolzhskaia etnologicheskaiia ekspeditsiia. Krest'ianskie postroiiki Iaroslavsko-Tverskogo kraia*. Leningrad: Izdatel'stvo GAIMK, 1926v.
- Zolotarev D.A. Etnograficheskie nabliudeniia v derevne RSFSR. *Materialy po etnografii*, vol. III, is 1, Leningrad: Izdatel'stvo GAIMK, 1926g, pp. 153–156.
- Zolotarev D.A. *Loparskaia ekspeditsiia*. Leningrad: Izdatel'stvo GRM, 1927.
- Zolotarev D.A. Obzor issledovatel'skikh rabot leningradskikh uchrezhdenii po antropologii, paleoetnologii i etnografii za poslednie desiat' let // *Chelovek*. 1928a, no 2–4, pp. 249–258.
- Zolotarev D.A. Kol'skie lopari. Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniï AN SSSR. Vol. 9. Seriia severnaia / *Trudy Loparskoi ekspeditsii Russkogo geograficheskogo obshchestva po antropologii loparei i velikorusov Kol'skogo poluostrova*. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1928b.
- Zolotarev D.A. Karely SSSR. Leningrad, 1930a.
- Zolotarev D.A. Izuchenie Karel'skoi respubliki s 1920 po 1930 gg. *Gazeta "Krasnaia Kareliia"*, 23 avgusta 1930b.
- Zolotarev D.A., Blomkvist E.E. Zapadnye finny. Putevoditel' // *Russkii muzei / Etnograficheskii otdel*. Leningrad, 1927, pp. 30–32.
- Zolotarev D.A., Vershinskii A.P. Naselenie Tverskogo kraia. Tver', 1929.

Середина– конец XX века

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ 1960–1970-х ГОДОВ В ПИСЬМАХ А.К. ПИСАРЧИК К О.А. СУХАРЕВОЙ

Ключевые слова: история среднеазиатской этнографии, вторая половина XX века, А.К.Писарчик, О.А. Сухарева, частная переписка

Аннотация: Статья представляет собой публикацию 13 писем А.К. Писарчик – этнографа-таджиковеда, жены и соратника выдающегося ираниста М.С. Андреева, к О.А. Сухаревой – крупному специалисту по истории и этнографии Средней Азии. Их переписка – ценный источник, уточняющий и детализирующий представления о проблематике среднеазиатских этнографических исследований и организации науки во второй половине прошлого века. В письмах обсуждаются содержание будущих статей и монографий и уже вышедшие книги, текущие научные исследования. Важный раздел переписки – описание работы А.К. Писарчик над рукописями М.С. Андреева и над тремя выпусками «Таджиков Каратегина и Дарваза» в качестве одного из редакторов и автора некоторых глав этих книг, а также над текстами для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». Многотомный «Атлас» готовился силами московских этнографов с привлечением коллег из всех среднеазиатских республик. Письма дают представление как об атмосфере научной жизни в Таджикистане в 1960–1970-е гг., так и о личности самой А.К. Писарчик – женщины-ученого, которая провела несколько десятков этнографических экспедиций, руководила многими аспирантами, написала и отредактировала множество книг и статей.

В советские годы в Узбекистане и Таджикистане работала плеяда замечательных ученых-гуманитариев – Е.М. Пешерева, О.А. Сухарева, А.К. Писарчик, Б.А. Литвинский, Е.Д. Давидович, Н.Н. Ершов, Б.Х. Кармышева и др. Их силами среднеазиатская этнография в 1950–1970-х гг. находилась на весьма высоком уровне. Ученики выдающихся российских ориенталистов А.Э. Шмидта, А.А. Семенова, М.С. Андреева, Л.В. Ошанина, К.К. Юдахина, они, с одной стороны, продолжили традиции дореволюционного российского востоковедения, а с другой – способствовали становлению местной этнографической школы таджикских и узбекских ученых. Одна из этой славной плеяды, Ольга Александровна Сухарева (1903–1983) – ведущий отечественный специалист по этнографии Средней Азии (подробнее

* Ольга Борисовна Наумова, к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), e-mail: olganaumova@mail.ru

о ее жизни см. *Наумова* 2004), вела активную переписку с коллегами этнографами, искусствоведами и историками-востоковедами. Работая в 1950-е–1960-е гг. зав. сектором этнографии Института истории и археологии АН Узбекской ССР, она переписывалась с учеными Москвы, Ленинграда, Душанбе. В конце 1960-х гг. она переехала в Москву, где стала работать в секторе Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР; ее корреспондентами в это время становятся среднеазиатские коллеги. Старшая дочь О.А. Сухаревой Елена Рубеновна Акбальян, прекрасно осознавая масштаб личности своей матери как ученого, сберегла ее переписку¹. Всего сохранилось 94 письма, адресованных О.А. Сухаревой такими известными исследователями, как Е.А. Давидович, Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышева, Н.А. Кисляков, Б.А. Литвинский, А.С. Морозова, Е.М. Пещерева, А.К. Писарчик, Г.П. Снесарев, а также 35 писем учеников и других коллег. Письма охватывают период с сентября 1949 по декабрь 1981 г.

В данной публикации представлены 13 писем Антонины Константиновны Писарчик (1907–1995), близкой подруги О.А. Сухаревой. Она училась в Среднеазиатском государственном университете четырьмя годами позже Сухаревой (окончила в 1929 г.). Они вместе работали в Самаркандском музее. В 1940 г. А.К. Писарчик вышла замуж за выдающегося историка, этнографа, ираниста М.С. Андреева и переехала с ним в Ташкент, куда позже перебралась и О.А. Сухарева. Во второй половине 1940-х гг. обе они работали в Институте истории и археологии АН УзССР. Переехав в Душанбе, А.К. Писарчик после смерти мужа в 1948 г. возглавила созданный им Кабинет этнографии и археологии Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР, а с 1951 по 1965 г. заведовала сектором этнографии Института истории археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Она участвовала в нескольких десятках экспедиций, приводила в порядок, систематизировала и частично опубликовала огромный научный архив М.С. Андреева, руководила многими аспирантами, редактировала диссертации и книги своих учеников и коллег, сама много писала, разрабатывая темы материальной и духовной культуры оседлых народов Средней Азии (см.: *Литвинский* 1985; *Писарчик* 2002: 91–95; *Терехов* 2007). Полька по матери, А.К. Писарчик всегда помнила о своих польских корнях; в 1970-е годы она ездила

¹ Усилиями Е.Р. Акбальян была также опубликована последняя монография Ольги Александровны по среднеазиатской декоративной вышивке (*Сухарева* 2006). Сердечно благодарю Елену Рубеновну за возможность работать с письмами, которые после предварительной обработки будут переданы в Архив Института этнологии и антропологии РАН.

в Польшу к дочери, которая вышла замуж за своего польского коллегу арахнолога Юрека Прушиньского (о чем есть упоминания в письмах), а в 1990-е годы переехала туда на постоянное место жительства.

В переписке А.К. Писарчик и О.А. Сухаревой активно обсуждаются научные и научно-организационные вопросы: содержание будущих статей и монографий и уже вышедшие книги, текущие научные исследования. А.К. Писарчик пишет о своей работе над рукописями М.С. Андреева, над тремя выпусками «Таджиков Каратегина и Дарваза» — она была одним из редакторов и автором некоторых глав этих книг. В 1960–1970-е гг. в Москве разворачивалась работа над «Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана», к которой привлекались этнографы из всех среднеазиатских республик. А.К. Писарчик участвовала в написании разделов по жилищу и одежде таджиков, по похоронно-поминальной обрядности, что также нашло отражение в ее письмах. Показательно для ученых ее круга отношение А.К. Писарчик к новым направлениям в исследованиях, которые начали разрабатываться столичными этнографами: изучение современного быта, борьба с пережитками в свете построения коммунизма (подробнее об утверждении этих направлений см.: *Алымов* 2012: 271–272). Она всецело поддерживает «пережиточную» этнографию против мертворожденной, задушенной идеологическим прессингом этнографии современности, какой она представлялась в дискурсе конца 1950-х — начала 1960-х гг. И не случаен ее пессимизм («Свой век мы доработаем, а что будет дальше?») — зная организационную систему своего времени, она понимала, что если утвердится эта тематика, всех заставят изучать «быт рабочих». Интересны штрихи к межнациональным отношениям, которые промелькивают в письмах: таджикам в Узбекистане трудно записать в паспорт свою национальность; нет «кулябских» таджиков, потому что таджики одни. Письма много говорят и о самой А.К. Писарчик. В них ощущается ее свободолобивый характер, независимость суждений, привычка к напряженной научной работе. В отношениях с О.А. Сухаревой чувствуется искренняя любовь и глубокое уважение. В то же время Писарчик открыто передает ей довольно резкий отзыв А.М. Беленицкого на ее «Ислам», понимая как важна для ученого умная критика его труда. В целом, исследователь, занимающийся историей изучения среднеазиатской этнографии советского периода, найдет в публикующихся ниже письмах некоторые уточнения и новые детали деятельности как отдельных востоковедов, так и научных учреждений Таджикистана и Узбекистана, а также штрихи к портретам ученых той эпохи.

Все письма (кроме одного) датированы самой А.К. Писарчик. Сокращения расшифрованы, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами.

Письма А.К. Писарчик

1

<16.06.1960>

Дорогая моя Люсенька! Недавно я видела Ел. Мих.², которая сказала мне, что получила от Вас письмо с известиями о неважном самочувствии Вашем и Ани³. Очень меня это огорчило. Я привыкла смотреть на Вас, как на неиссякаемый источник энергии, но пора уже и перестать напрягать ее до отказа.

Постарайтесь черкнуть мне (Каляева, 16, кв. 11) хотя бы пару слов о том, как себя чувствуете, какие достижения, заботы, очередные дела. Как и что предпринимаете с Мисей⁴, или она что хочет предпринимать с собой?

Я сижу над редактированием Каратегина и Дарваза⁵, который надоел мне предельно. Но то же было и с Хуфом и с Ягнобом⁶. Там, правда, было легче, потому что все было свое, а здесь очень разношерстный материал приходится сводить.

Катенька⁷ сдает пока все на 4 – это вообще преобладающая ее отметка. Трепещем за химию и физику. Эти предметы у нее в году шли большей частью на 3, и чтобы иметь в аттестате 4, надо их сдать на 5, а это сомнительно. В общем готовлюсь к тревогам и волнениям.

² Пещерева Елена Михайловна (1897–1985) – этнограф, специалист по этнографии Средней Азии. Работала в Ленинградском отделении ИЭ АН СССР с 1942 по 1966 г.

³ Анна Александровна Сухарева (1905–1975) – сестра О.А. Сухаревой, филолог, кандидат филологических наук, преподаватель Ташкентского государственного университета.

⁴ Марианна Рубеновна Акбальян (в замужестве Смирнова), младшая дочь О.А. Сухаревой.

⁵ Рукопись монографии «Таджики Каратегина и Дарваза» (75 а.л.) была подготовлена к 1960 г. и разделена на три выпуска. А.К. Писарчик редактировала ее вместе с Н.А. Кисляковым (Писарчик 2002: 43–44). В это время шла работа над первым выпуском (Таджики Каратегина 1966–1976).

⁶ А.К. Писарчик подготовила к публикации полевые материалы своего мужа, выдающегося этнографа и языковеда М.С. Андреева (1873–1948), собранные среди хуфцев и ягнобцев (Андреев 1958; 1970).

⁷ Екатерина Михайловна Андреева, дочь А.К. Писарчик и М.С. Андреева.

Жду Лилю⁸ с внучкой. Здесь у Толи заказан протез, и он должен его получить. Так хочется пощупать собственными руками малышку. Какие планы у Ляли⁹, собирается ли к Вам?

Вы наверное уже знаете, что Толстов¹⁰ не прошел. Явное нежелание его пропустить. Очень интересуюсь, недоброжелательство это личное или протест против его линии в этнографии. Избран в чл.-кор. Ольдерогге¹¹.

Я недавно пыталась беседовать о судьбах этнографии с Татьяной Александровной¹², но она считает, или, во всяком случае, говорит, что линия правильная, но что почему-то люди, занимающиеся рабочим бытом¹³, халтурят и «не хотят» работать от души, а тут так много интересных проблем... Я не поняла, что это – закрывание глаз и прятание головы под крыло или что-нибудь другое.

Киевская сессия¹⁴ произвела на меня удручающее впечатление в этнографическом плане.

Самый интересный этнографический доклад сделал Рыбаков¹⁵ – на основе фольклора – былин, и археологического материала дал очень интересные иллюстрации историческим событиям.

⁸ Дочь двоюродной сестры А.К. Писарчик.

⁹ Елена Рубеновна Акбальян, старшая дочь О.А. Сухаревой.

¹⁰ Толстов Сергей Павлович (1907–1976) – историк, археолог, этнограф, исследователь истории народов Средней Азии. С 1942 по 1965 – директор ИЭ АН СССР в Москве. Чл.-корр. АН СССР (1953). В 1960 г. баллотировался в академики.

¹¹ Правильно – Ольдерогге Дмитрий Алексеевич (1903–1987) – африканист, этнограф, историк. Чл.-корр. АН СССР (1960).

¹² Жданко Татьяна Александровна (1909–2007) – историк, этнограф, исследователь народов Средней Азии, с 1953 по 1987 – зав. сектором Средней Азии и Казахстана ИЭ АН СССР.

¹³ Установка на изучение рабочего быта была дана и республиканским обществоведам. В 1952 г. сектор этнографии ИИАЭ АН ТаджССР совместно с ИЭ АН СССР начинал исследовать быт рабочих Ленинабадского шелкокомбината. Однако работа по неизвестным причинам была прервана и возобновлена через 10 лет (см. *Ершов* 1968: 90).

¹⁴ С 5 по 10 мая 1960 г. в Киеве прошла объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР, пленарные заседания Института археологии АН СССР и АН УССР, объединенные заседания ученых советов Института этнографии АН СССР и Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

¹⁵ Директор Института археологии АН СССР Б.А. Рыбаков (1908–2001) выступил на пленарном заседании с докладом «Киевская Русь и проблемы феодальной раздробленности».

В конце он внес предложение усилить пережиточную этнографию, организовывать для нее комплексные экспедиции и т.д. Все дружно голосовали за, одна Терентьева¹⁶ против. Татьяна Александровна возмущалась, что Рыбаков воспользовался тем, что на заключительном заседании никого не было (Толстов, она, Потапов¹⁷ уехали перед этим заседанием), а Левин¹⁸ и др. как-то растерялись и не дали отпора. Я тоже ушла с середины этого заседания, т.к. торопилась уехать.

Жаль, что нет у нас настоящего этнографического вождя, ведь Сергей Павлович все же не этнограф, а археолог, и выступал с археологическим докладом¹⁹. (Простите за каракули – безобразное перо.) Доклад о задачах этнографии²⁰ был тягостен – рабочий быт, ростки коммунизма и немного прочего.

Свой век мы доработаем, а что будет дальше? Надо довести до конца начатое? Как Ваша Бухара²¹, печатаете или готовите?

В Сталинабаде был директор Вашего института²². Меня уже не было. Об этнографии, как говорят, он имеет слабое представление. Целую Вас и Мисеньку крепко. Сердечный привет Ане и Рубену²³.

2

<20.02.1961>

Дорогая Люся!

¹⁶ Терентьева Людмила Николаевна (1910–1982) – этнограф, специалист по этнографии народов Прибалтики. В 1960–1970-х гг. – руководитель комплексной экспедиции ИЭ АН СССР по изучению изменений социально-бытового и культурного укладов народов СССР.

¹⁷ Потапов Леонид Павлович (1905–2000) – этнограф, исследователь истории и этнографии народов Сибири. С 1948 г. – директор МАЭ (Ленинградского отделения ИЭ АН СССР), зам. директора ИЭ АН СССР.

¹⁸ Левин Максим Григорьевич (1904–1963) – антрополог, этнограф, археолог, специалист по этнической антропологии народов Сибири и Дальнего Востока. В 1944–1963 гг. – зам. директора ИЭ АН СССР.

¹⁹ Помимо пленарного доклада С.П. Толстов делал доклад о скифах восточного Приаралья.

²⁰ На Киевской сессии С.П. Толстов выступил с пленарным докладом «Строительство коммунизма в СССР и задачи этнографической науки».

²¹ В это время О.А. Сухарева занималась этнографическим изучением Бухары. Этой теме была посвящена ее докторская диссертация (1962) и четыре монографии (Наумова 2004: 531–532).

²² Директором Института истории и археологии АН УзССР, в котором в это время работала О.А. Сухарева, был Яхья Гулямович Гулямов (1908–1977), археолог, специалист по древней истории Узбекистана.

²³ Рубен Агабекович Акбальян (1902–1986) – муж О.А. Сухаревой, художник.

Пишу из Института, где провела вечер над правкой протокола о Бухаре²⁴. Вы молодец, что так оперативно подослали. Протокол уже начали печатать, но переделать пришлось из напечатанного только страничку.

Скоро Вам его вышлю. Теперь надо еще провернуть второй протокол. Может быть, не буду очень уточнять, чтобы не терять времени, а верну Вам листочки. Здесь важен только вывод о рекомендации к печати, хотя не знаю, станет ли хлопотать об этом З.Ш.²⁵, а мне, пожалуй, с этим не справиться. Надо попробовать позвонить представителю комитета при Совете Министров, который присутствовал на обсуждении и был «за».

«Мальчик у двери» говорил только, что если кто хочет быть таджиком, то милиция тянет с паспортом, а когда соглашаются быть узбеком, то моментально выдают.

Катя приехала в лучшей форме. И – великое счастье! Поступила на работу. Пока ей трудно еще, но, вероятно, скоро освоится.

Мама²⁶ очень потихоньку, но как будто отходит, хотя вообще она сдала сильно, и я не могу не быть в ожидании. На данном этапе отлегло.

Никак еще не возьмусь за настоящую работу – все лезет какая-то текучка (проверка протоколов, разные письма, бумаги), а вчера пришла телеграмма от Жданко, чтобы срочно слать припамирцев – «новый экземпляр для дополнения», т.к. уже «Таджики»²⁷ читает издательский редактор. Дала прочитать припамирцев одному молодому (сравнительно) историку, который пишет диссертацию о современном Припамирье. Сделал кое-какие фактические уточнения.

²⁴ Из писем ясно, что сектор этнографии предполагал издать сборник, посвященный средневековой Бухаре, куда должны были войти статьи М.С. Андреева по Арку (Кремлю) этого города, которые готовили к публикации О.Д. Чехович и А.К. Писарчик, а также большой раздел О.А. Сухаревой по кварталам Бухары. Издание не состоялось, а материалы в последствии вышли отдельными монографиями (*Андреев, Чехович* 1972; *Сухарева* 1976).

²⁵ Раджабов Зариф Шарипович (1906–1990) – историк, в 1959–1962 возглавлял ИИАЭ АН ТаджССР. С 1962 – академик и академик-секретарь Отделения общественных наук ТаджССР.

²⁶ Мария Викентьевна Писарчик (урожденная Ясевич), полька. В молодости была гувернанткой, учительствовала, преподавала французский язык (Литвинский 1985 : 132).

²⁷ Речь идет о разделе «Таджики» в первом томе «Народов Средней Азии и Казахстана» (Народы Средней Азии 1962) серии «Народы мира». А.К. Писарчик писала для этого раздела часть «Припамирские таджики» (с. 657–682).

Я консультирую, фактически редактирую его диссертацию, но она мне интересна, т.к. содержит массу документального материала, который привел меня к некоторым более точным точкам зрения на влияние русского управления и пр.

Спасибо за заботу. Сплю лучше. Решила ходить в Институт после перерыва, а вечером обязательно работать. Пока выполняю.

Еще одна нудная заноза – терминология нашего пятитомника²⁸, я председатель комиссии. Суббота и часть сегодняшнего вечера ушла на заседание по обсуждению общих принципов и на оформление протокола (вместе с Колей Ершовым²⁹).

Ну, бывайте здоровы, рада, что скоро спустите Бухару.

З.Ш. не ходит в институт, и судьба Ваших «Кварталов»³⁰ пока не выяснена. Писать ему обо мне, конечно, нет смысла. Это не Ал. Ал.³¹ ведь!

Обнимаю Вас и Мисю. Привет сердечный Рубену, Ане.

Думаю, что скоро войду в норму, если только будет дома благополучно. Уже две ночи сплю хорошо без всяких «дору».

<на отдельном листке, без даты. Вложено в письмо от 20.02.61>

Дорогая Люся!

Пишу в ответ на Ваше длинное послание (спасибо за него) всего два слова.

Мы о рецензии на Земледелие Рахимова³² ничего не знаем. Когда-то Бэла Кармышева³³ говорила, что какой-то японец хочет сделать реферат и хвалит. Но об этом я больше тоже ничего не знаю – просто разговор или где-нибудь помещено.

Обнимаю Вас. Мисеньку целую в носик.

Толя³⁴.

²⁸ История таджикского народа в 3-х томах (5-ти книгах). М.: Вост. лит., 1963–1965.

²⁹ Ершов Николай Николаевич (1904–1980) – этнограф, таджиковед. С 1951 г. сотрудник ИИАЭ АН ТаджССР. В 1965–1972 г. зав. сектором этнографии этого института.

³⁰ См. сн. 24.

³¹ Семенов Александр Александрович (1873–1958) – востоковед, директор ИИАЭ АН ТаджССР с 1951 по 1958.

³² Речь идет о книге Махмаднаима Рахимовича Рахимова «Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу» (Рахимов 1957).

³³ Кармышева Балкис Халиловна (1916–2000) – этнограф-тюрколог. В 1945–1956 гг. работала в ИИАЭ АН ТаджССР. С 1956 – в ИЭ АН СССР в Москве.

³⁴ Домашнее имя Антонины Константиновны Писарчик.

А насчет Н.Н. <Ершова> – у каждого свой характер. Мне кажется, что научного темперамента у него нет. Но его альбом по одежде³⁵, кажется, задел его сердце, все от него в восторге. Текст тоже всем понравился, хотя и там анализа не много.

3

<5.05.1961>

Милая моя Люся!

Вчера была у нас отчетно-экспедиционная сессия, и я поговорила с Зар. Шар. <Раджабовым> о Ваших кварталах. Он сказал, что мы их можем издать в объеме примерно листов 15. Я не помнила, сколько там их у Вас. Кажется, больше. Материалы М.С. <Андреева>, как мне кажется, дадут листов 12. А весь сборник³⁶ едва ли может быть больше 30 л. Еще ведь будут у Вас указатели. Напишите, сколько у Вас все может составить. Мы сборник включим в издательский план 1962 г. Ол. Дм.³⁷, наверно, к этому времени кончит. Практически хорошо бы сдать в начале 62 г., тогда выпуск в свет был бы обеспечен в 62 г.

Вам надо, наверно, дать указатель имен собственных и географических. Предметный желателен, но его составить труднее. К дню Эмира³⁸ словарь-указатель есть, надо будет добавить недостающее из Арка.

Насчет ислама директор просил запросить Вас неофициально, когда Вы могли бы его сделать.

Тут был Ал. Маркович³⁹ читал ислам⁴⁰ и очень критиковал первый вводный раздел. Я тут же записала его монолог и советую Вам его замечания посмотреть и обдумать.

³⁵ Н.Н. Ершов готовил альбом по традиционной одежде таджиков (*Ершов, Широкова* 1969).

³⁶ См. сн. 24

³⁷ Чехович Ольга Дмитриевна (1912–1982) – историк, востоковед. С 1944 г. работала в Институте истории и археологии АН УзССР.

³⁸ Вероятно, имеется в виду раздел об обряде поднятия эмира на войлоке на трон.

³⁹ Беленицкий Александр Маркович (1904–1993) – историк, археолог средневековой Средней Азии. С 1936 г. сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. С 1954 по 1979 – начальник Таджикской (Пенджикентской) экспедиции.

⁴⁰ К этому времени книга О.А. Сухаревой «Ислам в Узбекистане» (*Сухарева* 1960) уже была опубликована. Она замышлялась как глава для коллективной монографии «Таджики», работа над которой была прервана войной. Судя по всему,

«Вводная часть, где говорится о Мухаммеде, вредная, т.к. вводит в заблуждение читателя, прикрываясь авторитетом Бартольда, в то время как Бартольд нигде не подвергает сомнению историчность личности Мухаммеда и совершенно определенно говорит, что Коран действительно принадлежит Бартольду <описка – Мухаммеду>, что почти весь Коран это его слова (Примечание: Характерная особенность народов, которые не пользуются письменностью, неграмотны, способность прекрасно запоминать длинные отрывки).

Эти неточные сведения в начале заставляют относиться осторожно и к собственным Вашим материалам, которые очень интересны.

Интересующие Вас вопросы особенно разрабатывались Гольдцигером⁴¹, хотя и не применительно к Средней Азии.

Совет: Побольше не только шаманизма, а научной постановки и связях ислама с древнейшими религиозными представлениями. Всё же народы Средней Азии это не дикари».

Сейчас я взяла БСЭ. В статье «Мухаммед (Магомед)» (т. 28, стр. 599) он изображается как реальная личность.

Правда, и Вы пишите «Если Мухаммед и существовал как историческая личность...»⁴². Но, может быть, Вам не стоит ставить под сомнение существование Мухаммеда, а только его биографию.

Если Вы напишите о возможных для Вас сроках подготовки текста для нашего издания (в той мере переделанного, как Вы это сочтете нужным), тогда я еще раз поговорю с Зар. Шар. <Раджибовым>

Я все еще сижу на «Альбоме»⁴³. Почти все таблицы приходится основательно переделывать: художница не умеет «рабски» копировать. Обсудили смерть-похороны, я их доработала после этого. Сегодня лежу дома с гриппом и принимаю художницу у себя. Дошли до 36 таблицы, остались 6 (решили на обсуждении добавить еще 2), но они будут делаться заново, и я надеюсь, что Христ. Ал.⁴⁴ учтет опыт переделок.

ее первоначальная рукопись хранилась в секторе этнографии ИИАЭ (см.: *Писарчик* 2002: 21), и ее надо было переделать для нового, готовящегося ИИАЭ издания.

⁴¹ Гольдциер Игнац (1850–1921) – венгерский арабист и исламовед.

⁴² Ср.: *Сухарева* 1960: 12.

⁴³ Альбом «Народное прикладное искусство таджиков» (*Писарчик* 1987).

⁴⁴ Жаба Христина Александровна (1905–1986) – художник, племянница известных художников А.К. и Н.К. Жаба. В Сталинабаде (Душанбе), куда попала во время эвакуации, работала в ИИАЭ художником, ездила в этнографические экспедиции, оформляла несколько книг А.К. Писарчик.

С 15 мая хочу поехать с работой и мамой в дом отдыха. Здесь маму одну оставлять боюсь, думаю, что ей будет полезно побыть на чистом воздухе, а я в отдалении от секторских дел и без хоззабот, может быть, что-нибудь сделаю.

Очень обнимаю

Толя

Очень огорчительно, что наши девчонки не умеют кормиться без нас. Не знаю, как проявит себя в этом плане Катя. Не очень на нее надеюсь.

После Каратегина у меня отпуск за 2 года. Хотела поехать в Кисловодск и, может быть, к Лиле.

4

<19.06.1961>

Дорогая моя Люсенька!

Что там у Вас слышно со здоровьем? Из письма О.Д. <Чехович> я поняла, что опять неблагополучно. Каковы результаты поездки в Бухару? Все ли удалось заснять, что хотели? Все ли стоит на месте в Бухаре (ведь Засыпкина⁴⁵ нет).

Сегодня прочитала данное мне очень давно Анной Сергеевной⁴⁶ предисловие «От издателей» к работе о коврах. Мне оно понравилось, очень просто все написано, хорошо, что дана общая характеристика Валиного⁴⁷ архива; хорошо, если его издатели не сократят.

Мне кажется только совершенно неправильным, что Анна Сергеевна не числится в соавторах. Думаю, что это неправильно потому, что при ее доработке совершенно не было возможности отделить Валин материал, мысли, оценки, текст от Анны Сергеевны (как это я смогла сделать в Хуфе, где каждое слово ясно можно определить – М.С. <Андреева> оно или мое).

Мне кажется, что из самого предисловия «от издателей» роль Анны Сергеевны как соавтора, а не обработчика ясна. Следует Анну Сергеев-

⁴⁵ Засыпкин Борис Николаевич (1891–1955) – архитектор, реставратор. В 1953–1955 – начальник управления охраны памятников Узбекистана.

⁴⁶ Морозова Анна Сергеевна – этнограф, искусствовед, сотрудник Института искусствознания АН УССР.

⁴⁷ Мошкова Валентина Георгиевна (1902–1952) – историк, этнограф, искусствовед, специалист по этнографии туркмен. Долгие годы изучала ковроделие народов Средней Азии, оставив после смерти материалы и рукописи. С конца 1950-х гг. А.С. Морозова вместе с О.А. Сухаревой готовила к публикации ее книгу «Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в.» (Мошкова 1970) (подробнее про работу над книгой см.: Наумова 2004: 534).

ну указать как соавтора. Я пишу ей об этом, но она, конечно, не может и не захочет сама поднять этот вопрос. Это можете сделать только Вы, в случае, если Вам удастся получить на это согласие Анны Сергеевны.

Тогда надо бы, вероятно, написать Вам соответствующее письмо директору Института искусств (он издает?) или истории, и на Ученом совете вынести решение о внесении А.С. в соавторы.

Предисловие в этом случае даже не придется менять. В любом случае в конце его надо изменить порядок абзаца: Обработка материалов... производилась ст. н. с. ... А.С. Морозовой, а Ваше руководство перенести после. А то получается «унижение (скромность А.С.) паче гордости», хотя и Вашего труда вложено сюда щедро.

Как хорошо будет, если труд выйдет.

«Бухару»⁴⁸ нам утвердили в объеме 25–30 лл. примерно. Рассчитываю на Ваши кварталы в объеме 15 л. (+ указатели?) В будущем году Бухара в плане выпуска не включена, но т.к. в плане есть несколько сомнительных работ (в смысле их сдачи в срок), то я думаю, что если мы все подготовим, то сможем сдать в печать в 62 году.

Напишите, пожалуйста, когда Вы думаете доделывать кварталы, если их вообще надо доделывать. Указатели должны быть обязательно, за это буду биться «до последней капли крови». Присылайте сразу с ними. Т.к. О.Д. <Чехович> не только один из авторов, но и редактор, то хорошо было бы, если бы Вы дали ей посмотреть Ваши «кварталы» перед присылкой их сюда.

В отношении транскрипции мы принимаем окающую (Абдукодыр) как для имен, так и особенно для всех терминов. Не знаю, как Вы решите насчет предметного указателя – давать его или ограничиться указателем терминов; для людей, знающих язык, этого будет достаточно.

Обнимаю Вас, дорогой друг, и жду вестей.

Катя начала готовиться к экзаменам, оставила уже работу. Мама в своей слабой норме. Ничего не знаю о Марыхне⁴⁹, ни она, ни Костя⁵⁰ ничего не пишут. Видите ли Вы ее?

5

<25.10.1961>

Дорогая моя Люсенька!

Получила сегодня Ваше письмо и очень устыдилась, что своим молчанием даже повергла Вас в сомнения. Все думаю, что придет вре-

⁴⁸ См. сн. 24

⁴⁹ Мария, старшая сестра А.К. Писарчик, экономист.

⁵⁰ Брат А.К. Писарчик, инженер-ирригатор.

мя, когда письмо напишу без усилий (сейчас прямо выдавливаю из себя все необходимое – по дому, Анне Сергеевне <Морозовой>, по Бухаре – О.Д. <Чехович>). Насколько помню, в последнем письме Вы писали, что может быть лучше Вам кварталы готовить исподволь, без особой рекламы, поэтому я не стала брать письмо. Если это Вам нужно, сообщите, я думаю, что З.Ш. <Раджабов> подпишет охотно.

Пока о Бухаре новых разговоров нет. О.Д. готовит свой Арк, я рассчитываю в 62 г. выкроить время на просмотр остального. Зар. Шар. обещал ставить Бухару в издательский план 1963 г., включив 15 л. Ваших кварталов. Для этого рукопись должна быть готова около середины 1962 г., когда начнут составлять первые варианты планов. Некоторые разговоры об ограничении листажу ведутся и у нас, но, как мне кажется, более платонические, т.к. практически в портфеле никогда нет залежавшегося запаса, ни одна написанная и апробированная работа не осталась неизданной, и начальство все время выжимает из нас работы.

Пишу каратегинское жилище⁵¹ очень плохо, топчусь на месте. Сейчас приехал Кисляков⁵², прочитываем с ним все главы, кроме недописанного, по существу даже ненаписанного мною жилища, и снабдим том предисловием и заключением. Я лелею мечту, если и когда кончу жилище (после отъезда Кислякова) попробовать вдогонку дать заключение – выводное.

Альбом прикладного искусства⁵³ в его настоящем виде центральные искусствоведы не советуют сдавать в печать, рекомендуют пополнить таблицами бухарских, самаркандских и прочих равнинных образцов, наиболее парадных. 1) Это, 2) редактирование Бухары. По ней надо будет составить, вероятно, единый словарь-указатель терминов, 3) редактирование тома материалов М.С. по таджикским говорам⁵⁴, 4) корректуры Каратегина, 5) самаркандская моя архитектура, да еще 6) биография А.А. Семенова (совместно с Литвин-

⁵¹ Глава «Жилище», написанная А.К. Писарчик, вошла во второй выпуск «Таджиков Каратегина и Дарваза» (*Писарчик* 1970).

⁵² Кисляков Николай Андреевич (1901–1973) – этнограф, историк, иранист. Заведующий сектором Средней Азии и Казахстана Ленинградского отделения ИЭ АН СССР. Вместе с А.К. Писарчик редактировал «Таджиков Каратегина и Дарваза».

⁵³ См. сн. 43.

⁵⁴ Краткий обзор таджикских говоров был издан самим М.С. Андреевым в 1930 г. (*Андреев* 1930). А.К. Писарчик работала над оставшимися после смерти мужа языковыми материалами, хранившимися в секторе этнографии. Однако они не были опубликованы.

ским)⁵⁵, по которой я предусмотрела командировку в Ташкент – все это опять-таки весьма наполненный план 1962 г.

Сейчас числюсь в больных – простуда и легкий грипп. Лежу и имею возможность читать Каратегин без помех. По образному выражению Н. Анд. <Кислякова>, мчимся по асфальту, и только иногда встречается какая-нибудь глава с ухабами и даже оврынгками⁵⁶. Но это огрехи нашей прошлогодней редакторской работы или результат авторского вмешательства при переделках.

Катя была на хлопке, позавчера приехала – отпустили ликвидировать простуду. Настроение почти на 4, наконец не болит за нее сердце, хотя в отношении веселого коллектива положение мало изменилось. Все же студентки чуть выше по интересам, чем школьные товарки. Думаю, что насчет Миси Вы правы, пусть кончает и имеет так часто необходимую «бумажку», а за это время определит свое отношение к рисованию.

Мама очень ослабела (было желудочное заболевание), и трудно ей живется с ее характером, чувствует она себя оставшейся в стороне от жизни. И я очень мало что могу сделать, чтобы облегчить ее положение. Хорошо, что хоть знакомые старички пока существуют.

Поздравляю Вас и Рубена с 40-летием⁵⁷. Даже странно думать о такой почтенной дате как 40 лет. И как вы оба еще моложавы и бодры.

Насчет ремесел постараюсь организовать письмо в Таджикки-тоб⁵⁸, но на результат не очень надеюсь. Они страшно боятся всяких научных книг и от нас стараются ничего не брать.

Обнимаю Вас и Мисю, приветы Рубену и Ане с Милочкой⁵⁹.

Толя.

Как точное заглавие Ваших бухарских ремесел и объем, а если известно и цена⁶⁰? Срочно сообщите.

⁵⁵ Литвинский Борис Анатольевич (1923–2010) – историк, археолог, востоковед. С 1951 по 1971 г. заведовал сектором археологии ИИАЭ АН ТаджССР. С 1971 г. работал в Институте востоковедения АН СССР в Москве. Биография А.А. Семенова была опубликована Б.А. Литвинским в соавторстве с его учеником Н.М. Акрамовым (*Литвинский, Акрамов* 1971).

⁵⁶ Овринг (тадж.) – висание мостки, сделанные вручную на отвесных скалах.

⁵⁷ О.А. Сухарева и Р.А. Акбальян поженились в 1921 г.

⁵⁸ С 1958 г. О.А. Сухарева искала возможность издать статью по ремеслам (подробнее см.: *Наумова* 2004: 531–532). Сборник, судя по всему, не был собран. Таджикки-тоб, видимо, название какого-то книжного издательства.

⁵⁹ Дочь А.А. Сухаревой, племянница О.А. Сухаревой.

⁶⁰ В конце 1961 г. уже была сдана в набор книга О.А. Сухаревой по ремесленной промышленности Бухары; вышла в 1962 г. (*Сухарева* 1962).

<не ранее мая 1964>

Катя сдает экзамены и около 20/VI должна выехать в экспедицию на Памир⁶¹. Состав экспедиции, маршрут и задачи очень интересны, и я надеюсь, что Катя будет довольна, что с ней редко бывает. Лена начинает подумывать об экзаменах. Живем дружно, не без юмора.

Я никак не закончу сокращать Каратегин. Но осталось уже немного. Это очень трудно с первым выпуском, второй и третий пойдут с меньшими переделками, т.к. там объем не превышает почти лимита.

Мой доклад на конгресс⁶² не приняли, «забраковали». Как-то, несмотря на то, что я обычно страдаю комплексом неполноценности, в данном случае не уверена в полной правоте критики. Не особенно огорчаюсь, т.к. работа над докладом была интересна и результаты остались. Как Вы с докладом? Написали ли? Кажется, Бэла <Кармышева> упоминала, что Вы не будете делать доклад.

Смерть Умарова⁶³ должна будет вызвать перемены. Пока управляют прежние люди, и перемены курса особой не чувствуется, даже утвердили на 1965 г. выпуск второй части Каратегина (правда, первая часть, которую я сейчас сокращаю, через РИСО не прошла).

На днях был в Институте наш предСовета министров Каххаров⁶⁴ – без всякой помпы. Знакомился с нашей работой и обещает помочь получить новое здание, вернее, содействовать постройке нового. Редко посещение начальства проходило в такой простой деловой обстановке.

Сейчас мы составляем расчеты на площадь и пр.

Еще одна забота – нам поручили самим реализовать все книги. Оказывается, наше издательство додумалось устроить аутодафе – сожгли ряд книг, в том числе, например, искусствоведческий сборник. Этим делом занялся корреспондент «Известий», и, вероятно, греш-

⁶¹ Дочь А.К. Писарчик выбрала специальность арахнолога, специалиста по паукам. В экспедиции на Памире она собирала материал для диссертации; в последствии написала книгу о пауках Таджикистана (*Андреева 1976*).

⁶² На VII Международный конгресс антропологов и этнографов, который проходил с 3 по 10 августа 1964 г. в Москве. А.К. Писарчик принимала в нем участие, но без доклада (*Писарчик 2002: 93*).

⁶³ Умаров Султон Умарович (1908–1964) – физик, в 1957–1964 президент Академии наук Таджикской ССР.

⁶⁴ Кахаров Абдулахад Кахарович (1913–1984) – председатель Совета министров Таджикской ССР (1961–1973).

никам достанется. Удручает неумение тех, кому полагается этим заниматься, организовать сбыт нашей продукции. Уверена, что это вполне осуществимо.

Очень хотелось бы попасть в Ташкент, повидать всех – Марыхну, Лилию, Вас, Ольгу Дм. <Чехович>. Но едва ли это удастся.

Обнимаю очень крепко. Мисеньку нежно целую. Может быть, надумает написать, когда освободится от экзаменов. Привет Рубену. Его эстамп здесь пользуется успехом.

Толя.

7

<8.11.1972>

Дорогая Люсенька! Давно собираюсь Вам написать, да вот все какая-то суета и мелкие дела. Перед праздниками я неделю приболела – простыла (приспичило мне, вопреки запрету начальства, поехать на хлопок – уж больно тепло и солнечно было, а я давно не была на чистом воздухе). А еще мы должны были писать отчеты о работе за последние семь лет. Казалось мне, что ничего не сделано, но после подсчетов немного отлегло. Написано по 2,5-три листа в год и отредактировано и подготовлено к печати тоже чуть ли не по 8 л. или что-то в этом роде. Это все, не считая того, что за эти годы опубликовано из написанного и отредактированного раньше.

Сейчас как будто все позади и завтра уже берусь за нуратинскую одежду⁶⁵.

Набрала для себя примерно такой проспектик этой работы:

– Введение. Краткий очерк Нур-Ата (историко-географический) и его населения.

– Метод работы по изучению нуратинской одежды – приобретения, составление реестров приданных⁶⁶, записи по поводу того и другого.

– Тексты наиболее интересных реестров приданных (1960–1915? гг.).

– Основные элементы женской и мужской одежды таджиков Нур-Ата и изменения в них за исследуемый период.

⁶⁵ В это время в секторе Средней Азии и Казахстана ИЭ АН СССР шла работа над «Историко-этнографическим атласом». Раздел «Одежда» возглавляла О.А. Сухарева. Материал собирали как московские сотрудники, так и этнографы в республиках. «Атлас» так и не вышел, а часть собранных материалов по одежде была опубликована в двух сборниках. Статья А.К. Писарчик по нуратинской одежде вышла в первом сборнике (*Писарчик 1979*).

⁶⁶ Зная состав приданого и время свадьбы, можно было датировать входящие в него предметы. Такую методику для датировки вышивки изобрела О.А. Сухарева (*Наумова 2004: 526*).

- Головные уборы.
- Женские украшения.
- Заключение. Общая характеристика основных изменений в костюме нурагинских таджиков.

Вопрос в том, давать ли реестры приданных перед текстом или после. Если дать, как я это написала в проспекте, сначала, то многие названия будут непонятны. С другой стороны, вроде бы источник надо дать перед текстом. В общем это еще мне предстоит утрясти в процессе работы. Надо ли дать словарь или только указатель.

С другой стороны, я опять в обычной ситуации. На днях президент наложил резолюцию на мой «Самарканд»⁶⁷, разрешая печатать в объеме просимых 15 л. (с иллюстрациями). Но там еще надо довольно много тоже утрясать – ведь лежало много лет. Мукаддам⁶⁸ советует прямо браться за Самарканд, и мне этого самой хочется – хоть одна собственная книжка бы вышла, хотя и подпорченная выходом в свет книги Захидова о самаркандской школе зодчества⁶⁹. Он ведь очень много содрал из моих материалов, а сослался только в начале, что использовал мои материалы, и в тексте дал одну ссылку на них. Но мне кажется, что так как иллюстративный материал он не использовал, да и материалов у меня еще много, то книга все равно будет интересна. А начальство требует выполнения плана, т.е. одежды.

Еще посмотрю, как это все сложится. Если бы я была уверена, что за 2-3 месяца с Самаркандом управлюсь, то уж махнула бы рукой на очередной разнос и позор.

Все-таки с таким характером как у меня нечего соваться в науку, «плановую» во всяком случае.

Единственный наш козырь то, что дирекция по распоряжению президента вынесла нам благодарность за работу по сбору коллекций⁷⁰ для ГМЭ (по их письму). Так что теперь им нас очень позорить тоже не совсем удобно. Они хотят, чтобы все было в порядке и по выполнению плана и по сверхплановой работе – обязательству для ГМЭ.

Очень я рада, что на данном этапе в Ташкенте поводов для беспокойства уменьшилось. Дай бог, чтобы так оно и шло дальше.

⁶⁷ А.К. Писарчик работала над книгой «Народная архитектура Самарканда» (Писарчик 1974).

⁶⁸ Мукаддам Ахмеджановна Хамиджанова заведовала сектором этнографии ИИАЭ АН ТаджССР с 1971 по 1985 г.

⁶⁹ Речь идет о книге: Захидов 1965.

⁷⁰ О собирательской деятельности сектора этнографии ИИАЭ АН ТаджССР см.: Писарчик 2002: 49–50.

От Марыхны вестей почти не имею, хотя стараюсь ей время от времени писать. Костя на ногах – тоже слава богу. От Кати вести имею. Теперь и по телефону говорим. 16 ноября ее день рождения. Хорошо было бы, если бы Миська позвонила ей в этот день. Телефон 51-67. Польша, город Седльце. Прушиньские⁷¹. Это не очень дорого – у нас 3 мин. (по льготному тарифу) 1 р. 41 коп. Разница во времени с Москвой 2 часа. Надо звонить после 9 часов вечера Москвы, так как Катя бывает дома обычно после 7 часов.

Обнимаю Вас и девочек, приветы всем секторским, особо Бэлькис <Кармышевой> и Тат. Ал. <Жданко>

Толя.

8

<10.11.1973>

Дорогая Люся! Сегодня Вы позвонили, а к вечеру подошли и Юра⁷² с Отамур<одом>⁷³. Мы как раз садились за стол. Тома⁷⁴, по случаю премии, угощала нас с Наврастой (новая моя аспирантка)⁷⁵ шашлыком. Выставила я им всем к шашлыку таджикский «чайничек» с вишневым вином, выпили по рюмочке-две за Юрины успехи. Сейчас он сходил за вещами, и все мы легли спать пораньше. Встреча, как говорится в официальных сообщениях, прошла в теплой дружественной обстановке.

Боюсь, что Вы получаете не все мои письма. Я Вам как-то писала, что Катя получила бандероль, халатик понравился, а приложенные к нему шоколадки очень ее растрогали. Собиралась она «обязательно» Вам написать, но, как видно, не собралась. Вы уж ее простите. Последнее время она и мне пишет очень редко, так как начала занятия на польском языке по зоологии и приходится ей много готовиться. Звонила мне вчера, говорила, что чувствует себя хорошо.

⁷¹ Дочь А.К. Писарчик вышла замуж за коллегу из Польши, арахнолога Ю. Прушиньского и переехала в Польшу.

⁷² Вероятно, сын двоюродной сестры О.А. Сухаревой.

⁷³ Муродов Отамурод Муродович (род. 1933) – этнограф, специалист по древним религиозным верованиям таджиков. Сотрудник сектора этнографии ИИАЭ АН ТаджССР с 1972 г. Кандидат исторических наук (1975, руководитель О.А. Сухарева).

⁷⁴ Мезурнова Тамара Ивановна (род. 1932) – с 1970 по 1982 сотрудник ИИАЭ АН ТаджССР.

⁷⁵ Бабаева Навраста Самандаровна (род. 1942) – в 1973–1976 гг. была в аспирантуре АН ТаджССР (руководители А.К. Писарчик и Б.А. Литвинский), с 1976 г. работала в секторе этнографии ИИАЭ. Кандидат исторических наук (1990). Тема диссертации: «Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века)».

Я через 2 дня должна получить паспорт, но еще не знаю, когда выберусь. Еще много возни с Самаркандом – клеиваем буквы – опечатки, кое-что еще редактирую на ходу. Еще не все иллюстрации готовы.

Целиком подключилась на помощь мне Навраста, помогает клеить Римма – у нее это хорошо получается, немного помогает Собира. Даже после прошлогодней читки работы редактором Борисом Анатольевичем <Литвинским>, а затем и редактором нашего издательства многое удалось еще «довести», хотя и огрехов видно много. Часть из них даже не буду править, так как все же надо кончать. Хорошо бы к концу недели закруглиться (сегодня понедельник). Потом надо еще раз прочитать «похороны»⁷⁶ и дать лист плана.

Статья, посланная Вами, уже вошла в прошлогодний отчет. Хочу дать для плана украшения Нурата. Выписать из полевых описей их описания и дать кратенький обзор смены их на протяжении последних 100 лет.

Хотела попасть к Кате к сочельнику, но боюсь, что как и в прошлом году, не успею.

Есть еще и некоторые лечебно-обследовательские дела, которые тоже откладывать не следует.

В конце-концов можно приехать к ним и после Нового года, т.е. как раз к студенческим и катиным каникулам.

По Самарканду дала целую серию узоров занджира⁷⁷. Вот только нет к ним текста, а хочется вставить, т.к. если этого не сделаю, то пропадет интересный материал, потом его куда не дашь.

И еще мы с Аделью Константиновной⁷⁸, нашей художницей, делаем таблички элементов орнамента резьбы по глине (на курганах). Тоже интересно. Она очень охотно мне помогает в оформлении иллюстраций.

После Польши хочу заехать в Ленинград (до или во время Москвы) и в Ташкент. Там хорошего мало, но все же пока все на ногах – и то слава богу.

Мукаддам <Хамиджанова> не возражает, чтобы я побыла в Москве сколько надо. Это можно сделать без оплаты командировочных, но с сохранением зарплаты. Так что это, по-видимому, трудностей

⁷⁶ А.К. Писарчик писала главу «Смерть. Похороны» для третьего выпуска «Таджиков Каратегина и Дарваза» (*Писарчик* 1976).

⁷⁷ Занджира – в архитектуре лента рельефного геометрического узора для обрамления прямоугольных поверхностей, дверей, ставень, стенных панно.

⁷⁸ Разыграева А.К. – штатный художник сектора этнографии ИИАЭ АН ТаджССР.

не встретит. Я Вам напишу или скажу при свидании, как надо будет написать. Времени до этого еще много.

Пора кончать.

Обнимаю Вас, дорогой мой друг, и желаю главного – устройства Миси на лечение и успехов в нем.

А Ляле, может быть, стоит вернуться к предыдущей работе, на которой ее, кажется, очень ценили и где она была полезна?

Целую Вас и обеих девочек.

Толя

9

<12.01.1974>

Дорогая моя Люсенька!

Пишу Вам уже из Мекки своих желаний – из Седльце. С большим напряжением, за 2 часа до выезда в аэропорт поставила точку в плановом листе – «Ювелирные украшения таджиков Нур-Ата» (удалось написать запланированный лист, но не все вошло; написала по материалам приданных: головные лицевые, височные, ушные и нагрудные украшения, но не успела браслеты и кольца; это, правда, немного). В день отъезда подписала к печати «Самарканд». Оставила только для перепечатки и некоторой доработки перед машинкой для ротапринта «Указатель терминов».

План-схему расположения кварталов получила и благодарю. Сняла копию. Оказались, однако, сложности, и я привезла его в Москву Сонечке, которая скажет Вам, что нужно сделать, – если... Но это все либо да, либо нет, в зависимости от того, удастся ли Вам чертеж отштамповать в Главлите, а мне вовремя его переслать. Все это есть смысл делать, если без хлопот, если у Вас эта схема уже прошла.

После отпуска, вернее последние дни его, планирую провести в Ленинграде, а затем 2-3 недели или даже месяц в Москве. Реестры приданных привезла с собой и оставила у Сонечки, так же как и раздел «Украшения» в написанной его части. Думаю, что со вкусом обсудим все это вместе, а там решим, как быть.

На 1974 г. поставила себе 2-3 л. статью (предполагаю, что для Вашего сборника⁷⁹) и корректуры и указатели к вып. 3 «Таджиков Каратегина и Дарваза». Помимо этого, только месяц полевой работы в Ленинабаде по сбору материалов для характеристики жилища северных районов Таджикистана⁸⁰.

⁷⁹ См. сн. 65.

⁸⁰ А.К. Писарчик участвовала в работе над разделом «Жилище» «Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана». Материалы по

Если будет свободное время, потрачу его на нуратинскую одежду или припамирское жилище, которые в план ставить уже не могу.

Удастся ли осуществить такой оптимистический план?

Катя Ваш халатик употребляет на «высшем уровне» при выездах с ночевкой к знакомым и родным. Мы обе с Катей крепко обнимаем Вас и Мисеньку.

Юру приютили, хотя, конечно, время для его проживания было не самое подходящее – все время полный день был народа и везде рукописи и пр. Но он парень хороший и старался помогать во всем, в том числе и в хозяйстве.

С чабанством, кажется, ничего не получилось, он вернулся из Нурека дня через 4-5. Здесь перед моим отъездом один из товарищей Томи устроил его оператором на ЭВМ Минск 32. Обещали хлопотать об общежитии. Со 2 января, т.е. с сегодняшнего дня должен был начать работать, оформлять прописку и пр. Сказал, что когда все это разрешится, напишет домой. Чувствует себя он как будто неплохо.

До скорого уже теперь свидания. Обнимаю.

АП

Адрес Кати: K. Andrejewa-Prószynska

ul. 3 maja 11, m. 16

Siedlce

Polska

Попала ли, наконец, Мися в больницу, и каковы сейчас оценки ее болезни и прогнозы? Очень мы с Катей об этом часто думаем. Напишите.

Катя весит 64 кг, выглядит не очень плохо, работает, в меру возможности соблюдает диету. Живут они с Юреком дружно. В этом аспекте благополучно. Квартира их новая, из 3 комнат, светлая, удобная. Лишь бы было здоровье.

Привет всем Вашим, Лене, Бэле <Кармышевой>, Т.А. <Жданко>

10

<29. 04.1974>

Дорогая моя Люсенька!

Спасибо за письмецо с известием о Мисе. Как хочется, чтобы эта надежда укрепились и чтобы она почувствовала субъективно улучшение.

Не писала, хотя все время угрызалась этим, очень много всяких дел. Учítывая, что письмо в связи с маем может идти долго, позволила сейчас Лене. Если дадут и она дома, то передаст Вам, что я в дороге прочитала Вашу одежду «как роман» (по выражению Кисля-

среднеазиатскому жилищу так и неопубликованного «Атласа» были частично изданы отдельным сборником. В нем помещена статья А.К. Писарчик (1982).

кова), но все не соберусь написать отзыв. Надеюсь это сделать завтра, т.к. все самые срочные дела сбыты: получена (после предварительного оформления) новая пенсия, разосланы долги (в том числе Вам 100 р.), составлен план работы на 1975 г., велись разговоры с Я.Р. Винниковым⁸¹ по атласу, отмечен мамин день рождения, сегодня сделано сообщение о восточных рукописях в Польше.

Считаю, что «Одежду»⁸² можно печатать без переделок, только с подчисткой. Но кажется мне, что эта Ваша работа такая богатая и фактическим материалом и осмыслением, объяснением его, все же показывает, что описывать одежду в монографии все же лучше отдельно мужскую и женскую, особенно после Вашей статьи в сборнике⁸³, в которой Вы прослеживаете и устанавливаете генетическое единство основных форм, при наличии и специфически женских и мужских. Иначе конкретно представить себе каждый из костюмов – женский и мужской – трудно. Кстати, кажется, у Вас нет и четкого перечисления – что входит в полный комплект костюма женского и мужского.

Но вместе с тем мне кажется, что переделывать всю махину теперь Вам никак не следует, такая роскошь нам не по возрасту. Лучше употребить время на Самарканд⁸⁴.

До сих пор даже не удосужилась найти части ферганского жилища для отправки Вам. Может быть, буду свободнее на праздники, но это уже после отзыва на Вашу «Одежду».

Тут у меня еще новости. Нашлись в Польше две мои двоюродные сестры (родные сестры матери нашей Лильки). Оказывается, одна из них, Юзя, прочитала обо мне в книге польских журналистов, писавших о Таджикистане. Они оказались ее знакомыми, и от них она узнала кое-что обо мне и о Кате. Несколько ночей я потратила на телефонные разговоры: с Костей, который как раз накануне, когда я была в Ташкенте, упрекал меня, что я не пыталась разыскать родных в Польше (а тут меня ожидало письмо от Юзи), Кате, чтобы по дороге в Амстердам проезжая через

⁸¹ Винников Яков Романович (1900–1981) – этнограф, специалист по этнографии туркмен. С 1946 г. сотрудник ИЭ АН СССР, работал в лаборатории этнической статистики и картографии Института.

⁸² Возможно, имеется в виду раздел «Одежда» для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», над которым работала О.А. Сухарева (подробнее: Наумова 2004: 536).

⁸³ Речь идет, вероятно, о статье О.А. Сухаревой в будущем сборнике по одежде (Сухарева 1979).

⁸⁴ О.А. Сухарева работала над своей последней книгой о самаркандском костюме (Сухарева 1982).

Варшаву, заскочила к Юзе, Лиле, чтобы сообщить, что у нее есть тетки по матери и два двоюродных брата, Яде⁸⁵. Каждый раз разговор приходился поздно ночью, да и то, например, с Лилей, пришлось ждать его три дня.

Продолжаю. Только что поговорила с Леной, и она обрадовала меня известием о том, что Мися уже ощущает результаты лечения и что стоит вопрос о снятии прежнего диагноза. Представляю себе, как изменило это Ваше самочувствие и Мисино, какой камень спадет с души. Сейчас напишу об этом Катюшке. Она 4 мая должна вернуться, так что пора ей писать.

Зина⁸⁶ не получила от Вас каких-то указаний или замечаний. Я ей сказала, чтобы она Вам написала.

Обнимаю очень и желаю всего доброго. Как Кисловодск?

Толя

11

<6.05.1974>

Дорогая Люсенька! Посылаю, наконец, отзыв на «Одежду» и возвращаю рукопись. Можно было бы прочитать еще раз, и более тщательно, но времени на это нет. Даже не разыскала еще своей рукописи о жилище Ферганы, чтобы нагрузить ею Вас.

Если мой отзыв Вас чем-нибудь не устраивает, напишите, изменю.

Вчера ночью просматривала по просьбе Мукаддам <Хамиджановой> рукопись, присланную Назиром⁸⁷. К сожалению, он все же самостоятельно, без «пира»⁸⁸, как мне кажется, работать не совсем может. Возможно, правда, что ему нужен не руководитель в точном смысле этого слова, а консультант. Но все же кто-то нужен.

Он прислал первую часть труда о городах. Начал с длиннющего и очень детального обзора всего, вплоть до мелких газетных статей. Изложено это так, что трудно выделить наиболее важное. В следующем разделе (история?) многое повторяется подробнее.

⁸⁵ Ядвига Писарчик, младшая сестра А.К. Писарчик, геолог.

⁸⁶ Широкова Зинаида Александровна (род. 1925) – этнограф, сотрудник сектора этнографии ИИАЭ АН ТаджССР с 1951 г. Кандидат исторических наук (1971, руководитель А.К. Писарчик). Собирала материал по одежде для «Историко-этнографического атласа».

⁸⁷ Н.О. Турсунов; видимо, речь о рукописи его книги (*Турсунов* 1976).

⁸⁸ Пир – у среднеазиатских народов патрон, духовный наставник, мифологический основатель и покровитель ремесла.

Еле-эле я добралась до конкретных его материалов об Исфаре и Канибадаме. Это уже после 80-й страницы.

Совершенно угнетающее количество орфографических и прочих (часто машинисточных) ошибок.

Вчера говорила с ним по телефону, сказала «часть того, что думаю» о его работе. Боюсь, не обиделся ли. Послала даже вдовгонку смягчающее письмо.

Советую ему над этой работой еще потрудиться, а пока приложить все усилия для издания уже доведенной диссертации⁸⁹, которая выпала из плана издательства.

Спросила, кто научный редактор представленной книги. Он говорит – сектор назначит. Но у нас едва ли кто-нибудь сейчас сможет, да и захочет такой неблагодарной работой заниматься. Надеюсь, что он достаточно умен, чтобы не обидеться. Посоветовала ему приехать, выслушать то, что сейчас ему уже могут сказать немногие просматривавшие и затем усердно трудиться, учтя замечания, над доработкой.

Но я увлеклась, как всегда, вопросами этнографии.

Ночью звонила Катя. Вернулась 4 мая из Амстердама. Доклад делать не решилась, вероятно он прямо пойдет в труды конгресса, если они будут издаваться. По голосу судя, очень довольна поездкой. Сегодня продолжим беседу. Думаю, что Катя начнет немного заниматься английским, т.к. жаловалась, что ничего там не понимала. Главное познакомилась с международным научным патриархом – Бонне⁹⁰, автором шеститомного обзора всех пауков и паучистов до 1939 г.

Так мы все рады Вашим последним известиям о Миське. Сколько ее еще хотят держать в больнице? Как у Вас с путевкой.

Обнимаю Вас и девочек.

Толя

Привет Лене. Отпраздновали день рождения Юры, отметив пловом.

12

<15.05.1974>

Дорогая Люся! Только что получила Ваше письмо (как всегда, без даты, но со штампом 11/V), в котором Вы пишете о том, что Винникова там «разносили».

⁸⁹ Н.О. Турсунов защитил кандидатскую диссертацию в 1969 г. на тему «Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (Ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX – начале XX в.)». Руководитель О.А. Сухарева.

⁹⁰ Бонне Пьер (1897–1990) – французский арахнолог, автор шеститомной *Bibliographia Araneorum* (1945–1959).

Мы все не разделяем такого отношения к его приезду. Практически все наши «атласники» – Амнун⁹¹, Зина <Широкова>, Икром⁹² и Атамурод <Муродов> – многое уразумели, когда он показывал им на конкретном материале, как надо разложить его на карту, подсчитывал и обсуждал с ними, сколько и каких карт нужно составить по какой теме. Еще более полезным оказался его визит к директору⁹³ – он сумел разъяснить, что составление карт – трудоемкое дело и для их составления нужно снизить листаж. Эта идея дошла теперь не только до дира, но и до замдира. А до этого доложился у нас на секторе (есть протокол).

А к президенту⁹⁴ он «не рвался», его попросил сходить к нему наш дир, чтобы обратить внимание на нужду в транспорте. Все свои походы он делал вместе с нами, так что никаких интриг не возникло – у нас, по крайней мере. В целом, конечно, он переоценивает свой вклад в это дело, но мы на это особенно не обижаемся – «пусть». Я так вовсе не стала с ним обсуждать свой материал, так как разложить его сумею – был бы сам материал.

Может быть, есть там другая линия каких-нибудь «противостояний» с Т.А. <Жданко>. Здесь он очень старался быть в контакте со всеми.

Посмотрим, каково будет отражение его трудов практически в картах и пр. за год.

Сегодня работала с редактором издательства к 3 выпуску Каратегина. Очень хочу к концу месяца все ей отдать. Надо перепечатать все грязные страницы, составить аннотацию, список условных сокращений, кое-что доделать в своей «похоронной» главе.

Так как дальше – статья для Вас⁹⁵ и для «Советской этнографии» совместно с Н.Н. <Ершовым> (может быть, откажусь, пусть пишет сам), а потом северное жилище и доделка припамирского жи-

⁹¹ Давыдов Амнун Соломонович (1935–1990) – этнограф, сотрудник сектора этнографии ИИАЭ АН ТаджССР с 1959 г. Кандидат исторических наук (1970, руководитель А.К. Писарчик).

⁹² Мухиддинов Икромиддин (1933–2010) – этнограф-памировед, с 1957 г. работал в ИИАЭ АН ТаджССР в секторе этнографии, кандидат исторических наук (1972), доктор исторических наук (1985).

⁹³ Директором ИИАЭ АН ТаджССР с 1962 по 1988 г. был Б.И. Искадаров.

⁹⁴ Президентом Академии наук Таджикистана в это время (с 1965 по 1988) был М.С. Асимов.

⁹⁵ См. сн. 65.

лица, то никак нет времени редактировать Назира <Турсунова>, как он просит.

Не придумая, кого ему рекомендовать.

По секрету: он хочет посвятить эту книгу Вам, но пока Вы были его руководителем, да и мы считаем справедливым, чтобы Вы фигурировали в качестве одного из редакторов (как и у Отамуроода), то есть мнение, что это не очень удобно. Но Вы пока «ничего не знаете».

Катя еще не написала, знаю только, что поездкой довольна. В Польше май празднуют демонстрациями, как и у нас.

Обнимаю. Толя.

13

<25.01.1977>

Дорогая Люся! Я перед Вами в долгу – не сразу ответила на Ваше первое письмо (с мыслями о жилище – после чтения книги Неразик⁹⁶ и запросом о Коле). Теперь Вы его должны уже были получить. Я Вам писала там о смерти Николая Папиевича. Непосредственной причиной оказался инфаркт легкого, а вообще у него был рак толстых кишок, и все события последнего времени – заворот кишок, операция были следствием этого.

Вот так уходят представители нашего поколения.

На меня что-то даже напал «стих» приводить в порядок свои материалы, но их много, и они достаточно в плохом порядке. Не знаю, что успеется.

Получила Ваши кварталы⁹⁷ – полное великолепие! Поздравляю Вас от души и радуюсь за Вас. Как хорошо, что Вам удалось завершить эту замечательную уникальную серию. Первую главу я проглотила, как роман. Остальное – россыпи самых необходимых и важных сведений, которые Вашими усилиями спасены от исчезновения. Это не «лебединая песня» или не столько лебединая песня (такого большого по Бухаре Вы уже не издадите, но кое-что еще будет идти), а апофеоз – торжественное завершение сделанного.

Насчет одежды нуратинской – постараюсь, в меру своих знаний заполнить карточку для атласа. Сейчас должна взяться за припамирское жилище, которое стоит в плане редподготовки. Там у меня есть кое-что о размещении семьи в доме (начат был раздел о факторах, влияющих на сложение этого типа жилища – главным образом семьи).

⁹⁶ Неразик 1976.

⁹⁷ Сухарева 1976.

Жаль, что Вы не дали мне прочитать отзыв на Самарканд⁹⁸. Идет ли он куда-нибудь.

Вчера сдавали сборник Ершова⁹⁹ (как мы его называем) на РИСО отделения общих наук. Критиковали нас за употребление терминов «кулябские» и пр. таджики – что это ненаучно, есть одни таджики. Высказывали опасения насчет статьи Отамуроода о джинах¹⁰⁰. Возьму этот сборник и еще подчищу. Главное, чтобы не было, как будто сам Отамуроод разделяет описываемые представления, как это у него бывает.

Катя растит Витольда. Он уже пытается ходить не на ходунках, а поддерживаемый за одну ручку. К сожалению, поляки не лечат гидроцефалии. Предстоит очередная консультация. Юрек Катю ожидал, встретил и принял на себя в первую ночь беспокойство заболевшего Витольда. Потом обошлось.

Обнимаю Вас и девочек.

Каков индекс Института этнографии?

Грантовая поддержка: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15–01–00306а.

Научная литература

Альмов 2012 – Альмов С.С. Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 261–287.

Андреев 1930 – Андреев М.С. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (Материалы). Сталинабад; Ташкент: ЦК НТА; Тадж. гос. изд-во, 1930.

Андреев 1958 – Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 2. / Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А.К. Писарчик. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958.

Андреев 1970 – Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба /Подгот. к печати и ред. А.К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970.

Андреев, Чехович 1972 – Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (Кремль) Бухары в конце XIX – начале XX в. Душанбе: Дониш, 1972.

Андреева 1976 – Андреева Е.М. Пауки Таджикистана. Фауна и зонально-экологическое распределение. Душанбе: Дониш, 1976.

⁹⁸ Вероятно, речь идет о рецензии О.А. Сухаревой на книгу А.К. Писарчик «Народная архитектура Самарканда» (Сухарева 1977).

⁹⁹ История и этнография народов Средней Азии 1981.

¹⁰⁰ Муродов 1981.

- Ершов* 1968 – *Ершов Н.Н.* К истории развития этнографической науки в Таджикистане // Советская этнография. 1968. № 4. С. 87–92.
- Ершов, Широкова* 1969 – *Ершов Н.Н., Широкова З.А.* Альбом одежды таджиков /Худож. Ю.П. Гремячинская и Х.А. Жаба; АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. Ахмада Дониша. Душанбе: Б. и., 1969.
- История и этнография народов Средней Азии 1981 – История и этнография народов Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1981.
- Литвинский* 1985 – *Литвинский Б.А.* Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии // Этнография Таджикистана. Душанбе: Дониш. 1985. С. 132–142.
- Литвинский, Акрамов* 1971 – *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). М.: Наука, 1971.
- Захидов* 1965 – *Захидов П.Ш.* Самаркандская школа зодчих. XIX – начало XX века. Ташкент: Наука, УзССР, 1965.
- Мошкова* 1970 – *Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в. Материалы экспедиций 1929–1945. Ташкент: Фан, 1970.
- Муродов* 1981 – *Муродов О.М.* Джинн в традиционных народных представлениях // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1981. С. 139–149.
- Народы Средней Азии 1962 – Народы Средней Азии и Казахстана. I. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Наумова* 2003 – *Наумова О.Б.* Ольга Александровна Сухарева (к 100-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 94–114.
- Наумова* 2004 – *Наумова О.Б.* Жизнь, отданная науке: страницы биографии Ольги Александровны Сухаревой // Выдающиеся этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 517–543.
- Неразик* 1976 – *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.: Наука, 1976.
- Писарчик* 1970 – *Писарчик А.К.* Жилище // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душанбе: Дониш, 1970. С. 19–115.
- Писарчик* 1974 – *Писарчик А.К.* Народная архитектура Самарканда XIX–XX вв. (по материалам 1938–1941 гг.). Душанбе: Дониш, 1974.
- Писарчик* 1976 – *Писарчик А.К.* Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 1976. С. 118–164.
- Писарчик* 1979 – *Писарчик А.К.* Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 113–122.
- Писарчик* 1982 – *Писарчик А.К.* Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 69–111.

- Писарчик* 1987 – *Писарчик А.К.* Народное прикладное искусство таджиков / Худож. Х.А. Жаба, Ю.П. Гремячинская. Душанбе: Ирфон. 1987.
- Писарчик* 2002 – *Писарчик А.К.* Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.). Душанбе: Б.и., 2002.
- Рахимов* 1957 – *Рахимов М.Р.* Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк). Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. (Труды ИИАЭ АН ТаджССР; Т. 43).
- Сухарева* 1960 – *Сухарева О.А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960.
- Сухарева* 1962 – *Сухарева О.А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962.
- Сухарева* 1966 – *Сухарева О.А.* Бухара. XIX – XX в. (Позднефеодальный город и его население). М.: Наука, 1966.
- Сухарева* 1976 – *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары в связи с историей кварталов). М.: Вост. лит., 1976.
- Сухарева* 1977 – *Сухарева О.А.* Рец.: А.К. Писарчик. Народная архитектура Самарканда // Советская этнография. 1977. № 1. С. 170–171.
- Сухарева* 1979 – *Сухарева О.А.* Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 77–103.
- Сухарева* 1982 – *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1982.
- Сухарева* 2006 – *Сухарева О.А.* Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка. М.: Вост. лит., 2006.
- Таджики Каратегина 1966–1976 – Таджики Каратегина и Дарваза. В 3-х вып. / Под ред. Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик. Душанбе: Дониш. Вып. 1. 1966. 379 с. Вып. 2. 1970. 312 с. Вып. 3. 1976.
- Терехов* 2007 – *Терехов В.П.* Народы Западного Памира в научном творчестве А.К. Писарчик (к 100-летию со дня рождения) // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 13–17.
- Турсунов* 1976 – *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX в. (историко-этнографические очерки). Душанбе: Ирфон, 1976.

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

О.В. Naumova. The Ethnography of Central Asia in the 1960–1970-ies on the Basis of the Letters of A.K. Pisarchik to O.A. Sukhareva [Sredneaziatskaya

ethografiya 1960–1970-kh godov v pis'makh A.K. Pisarchik r O.A. Sukharevoy]

Keywords: the history of Central Asian ethnography, the second half of the 20th century, A.K. Pisarchik, O.A. Sukhareva, private correspondence

Abstract: 13 letters of A.K. Pisarchik, a Tajik ethnography specialist, wife and colleague of outstanding Iranist M.S. Andreev, are published in the paper. The letters were addressed to O.A. Sukhareva – an expert on the history and ethnography of Central Asia. Their correspondence is a valuable source which clarifies and details the current (contemporary) knowledge of the Central Asian ethnographic research and the organization of science in the second half of the 20th century. The letters discuss the content of future articles and monographs, as well as the books recently published, and the contemporary research. An important section of their correspondence is A.K. Pisarchik's description of the way she has been working on the M.S. Andreev's manuscripts. A.K. Pisarchik has edited and authorised several chapters in the volumes of "The Tajiks of Karategin and Darwaz"; she has also worked on the texts of "The Historico-Ethnographic Atlas of Central Asia and Kazakhstan". A multivolume "Atlas" was prepared by Moscow scholars while the ethnographers of all Central Asian republics were involved in this research. The letters give an idea of the atmosphere of academic life in Tajikistan in the 1960–1970-ies. They also represent the personality of A.K. Pisarchik, who has led several dozens of ethnographic expeditions, has guided many graduate students, has written and edited numerous books and articles.

Author: **Olga B. Naumova**, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: olganaumova@mail.ru

References

- Alymov S.S. Poniatie "perezhitok" i sovetskie sotsial'nye nauki v 1950–1960-e gg. *Antropologicheskii forum*, 2012, no. 16, pp. 261–287.
- Andreev M.S. *Kratkii obzor nekotorykh osobennostei tadzhikskikh govorov (Materialy)*. Stalinabad; Tashkent: TsK NTA; Tadzh. gos. izd-vo, 1930.
- Andreev M.S. *Tadzhiki doliny Khuf (verkhov'ia Amu-Dar'i)*. 2. Stalinabad: Izd-vo AN TadzhSSR, 1958.
- Andreev M.S. *Materialy po etnografii Iagnoba*. Dushanbe: Donish, 1970.
- Andreev M.S., Chekhovich O.D. *Ark (Kreml') Bukhary v kontse XIX – nachale XX v.* Dushanbe: Donish, 1972.
- Andreeva E.M. *Pauki Tadzhikistana. Fauna i zonal'no-ekologicheskoe raspredelenie*. Dushanbe: Donish, 1976.

- Ershov N.N. K istorii razvitiia etnograficheskoi nauki v Tadjikistane. *Sovetskaiia etnografiia*, 1968, no. 4, pp. 87–92.
- Ershov N.N., Shirokova Z.A. *Al'bom odezhdy tadjikov*. Dushanbe, 1969.
- Litvinskii B.A. Stranitsy iz istorii etnograficheskogo izucheniia Srednei Azii. *Etnografiia Tadjikistana*, ed. B.A. Litvinskii. Dushanbe: Donish, 1985, pp. 132–142.
- Litvinskii B.A., Akramov N.M. *Aleksandr Aleksandrovich Semenov (Nauchno-biograficheskii ocherk)*. Moscow: Nauka, 1971.
- Moshkova V.G. *Kovry narodov Srednei Azii kontsa XIX – nachala XX v. Materialy ekspeditsii 1929–1945*. Tashkent: Fan, 1970.
- Murodov O.M. Dzhinn v traditsionnykh narodnykh predstavleniiakh. *Istoriia i etnografiia narodov Srednei Azii*, ed. A.K. Pisarchik. Dushanbe: Donish, 1981, pp. 139–149.
- Naumova O.B. Ol'ga Aleksandrovna Sukhareva (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 6, pp. 94–114.
- Naumova O.B. Zhizn', otdataia na uche: stranitsy biografii Ol'gi Aleksandrovny Sukharevoi. *Vydaishchiesia etnologi i antropologi XX veka*, ed. V.A. Tishkov and D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, 2004, pp. 517–543.
- Nerazik E.E. *Sel'skoe zhilishche v Khorezme (I–XIV vv.)*. Moscow: Nauka, 1976.
- Pisarchik A.K. Zhilishche. *Tadjiki Karategina i Darvaza*. 2, ed. N.A. Kisliakov and A.K. Pisarchik. Dushanbe: Donish, 1970, pp. 19–115.
- Pisarchik A.K. *Narodnaia arkhitektura Samarkanda XIX–XX vv. (po materialam 1938–1941 gg.)*. Dushanbe: Donish, 1974.
- Pisarchik A.K. Smert'. Pokhorony. *Tadjiki Karategina i Darvaza*. 3, ed. N.A. Kisliakov and A.K. Pisarchik. Dushanbe: Donish, 1976, pp. 118–164.
- Pisarchik A.K. Materialy k istorii odezhdy tadjikov Nurata. Starinnye zhenskie plat'ia i golovnye ubory. *Kostium narodov Srednei Azii: Istoriko-etnograficheskie ocherki*, ed. O.A. Sukhareva. Moscow: Nauka, 1979, pp. 113–122.
- Pisarchik A.K. Traditsionnye sposoby otopeniia zhilishch osedlogo naseleniia Srednei Azii v XIX–XX vv. *Zhilishche narodov Srednei Azii i Kazakhstana*, ed. E.E. Nerazik and A.N. Zhilina. Moscow: Nauka, 1982, pp. 69–111.
- Pisarchik A.K. *Narodnoe prikladnoe iskusstvo tadjikov*. Dushanbe: Irfon. 1987.
- Pisarchik A.K. *Etnograficheskaiia nauka v Tadjikistane (1920–1990 gg.)*. Dushanbe, 2002.
- Rakhimov M.R. *Zemledelie tadjikov basseina reki Khingou v dorevoliutsionnyi period (Istoriko-etnograficheskii ocherk)*. Stalinabad: Izd-vo AN TadjhSSR, 1957.
- Sukhareva O.A. *Islam v Uzbekistane*. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1960.
- Sukhareva O.A. *Pozdnefeodal'nyi gorod Bukhara kontsa XIX – nachala XX veka. Remeslennaia promyshlennost'*. Tashkent: Izd-vo AN Uzbekskoi SSR, 1962.
- Sukhareva O.A. *Bukhara. XIX – XX v. (Pozdnefeodal'nyi gorod i ego naselenie)*. Moscow: Nauka, 1966.
- Sukhareva O.A. *Kvartal'naia obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary v sviazi s istoriei kvartalov*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1976.

- Sukhareva O.A. A.K. Pisarchik. Narodnaia arkhitektura Samarkanda. *Sovetskaia etnografiia*, 1977, no. 1, pp. 170–171.
- Sukhareva O.A. Opyt analiza pokroev traditsionnoi “tunikoobraznoi” sredneaziatskoi odezhdy v plane ikh istorii i evoliutsii. *Kostium narodov Srednei Azii: Istoriko-etnograficheskie ocherki*, ed. O.A. Sukhareva. Moscow: Nauka, 1979, pp. 77–103.
- Sukhareva O.A. *Istoriia sredneaziatskogo kostiuma: Samarkand (2-ia polovina XIX – nachalo XX v.)*. Moscow: Nauka, 1982.
- Sukhareva O.A. *Suzani. Sredneaziatskaia dekorativnaia vyshivka*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006.
- Terekhov V.P. Narody Zapadnogo Pamira v nauchnom tvorchestve A.K. Pisarchik (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia). *Lavrovskii sbornik: Materialy Sredneaziatsko-Kavkazskikh issledovanii. Etnologiiia, istoriia, arkheologiiia, kul'turologiiia. 2006–2007*, ed. Iu.Iu. Karpov and I.V. Stasevich. St.Petersburg: MAE RAN, 2007, pp. 13–17.
- Tursunov N.O. *Slozhenie i puti razvitiia gorodskogo i sel'skogo naseleniia Severnogo Tadzhikistana XIX – nachala XX v. (istoriko-etnograficheskie ocherki)*. Dushanbe: Irfon, 1976.
- Zakhidov P.Sh. *Samarkandskaia shkola zodchikh. XIX – nachalo XX veka*. Tashkent: Nauka, UzSSSR, 1965.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БУТИНОВ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Ключевые слова: Бутинов, Океания, род, община, семья, первобытно-общинный строй, экзогамия, Гребнер, Миклухо-Маклай, Леви-Строс, Леви Брюль

Аннотация: 19 декабря 2014 г. исполнилось бы 100 лет со дня рождения Н.А. Бутинова – крупного ученого, с именем которого связано становление и развитие особого направления в отечественной этнографии – океанистики, а также существенное теоретическое обновление в изучении ранней истории человечества. Его творческая биография представляет собой определенный этап в истории отечественной этнографии и является отражением общих веяний в обществе и гуманитарной науке в период с середины 40-х годов прошлого века до 2000 г., когда ученый ушел из жизни. Вся жизнь Н.А. Бутинова связана с Музеем антропологии и этнографии, но прошел он весьма нетривиальный путь от коменданта и электромонтера до доктора исторических наук, несколько десятилетий возглавлявшего отдел Австралии, Океании и Индонезии. Особую страницу в его творческой биографии занимает изучение трудов Н.Н. Миклухо-Маклая, последователем которого он был в своей научной деятельности. С середины 50-х годов XX в. Н.А. Бутинов с большими трудностями публиковал статьи и часто выступал с докладами, в которых критиковал устоявшиеся догмы в изучении первобытнообщинного строя. Его взгляды вызвали возмущение со стороны ученых, осуществляющих идеологический контроль и стоящих на защите «чистоты» марксизма, не допускавших ни малейшей возможности развития этого учения. В настоящее время идеи, за которой когда-то пострадал Н.А. Бутинов, получили признание. Преодолев собственный консерватизм в науке, он стал мужественным борцом за развитие научных идей и новых подходов в изучении этнографической действительности.

Сто три года тому назад родился Николай Александрович Бутинов (1914–2000) – ученый, с именем которого связано становление и развитие особого направления в российской этнографии – изучение народов австрало-океанийского региона, а также существенное теоретическое обновление в исследовании ранней истории человеческого общества. Его активная творческая деятельность в науке, длившаяся

* Елена Владимировна Ревуненкова – д.и.н., главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург), e-mail: evrevu@gmail.com

более полувека, постоянно привлекала внимание коллег и была соответствующим образом оценена ими как при жизни, так и после смерти ученого. Об основных этапах биографии Н.А. Бутинова, о значении его исследований народов бассейна Тихого океана и о его вкладе в теоретические проблемы этнографии неоднократно говорилось в статьях, вышедших по случаю юбилейных дат, в рецензиях на его книги, а после кончины – в некрологе и сборнике, посвященном памяти талантливого исследователя (Иванова 1995а: 224–234; 1995б: 374–383; 2001: 181–189; 2005: 416–420; Кабо 1969: 159–163; 2004: 181–195; Массов 2002: 271–275; Ревуненкова, Решетов 1994: 7–14; 2004: 8–19; Решетов 2000: 5–15; 2002: 118–124).

Рис. 1. Николай Александрович Бутинов.

Теперь, когда прошло более ста лет со дня рождения Н.А. Бутинова, настало время рассмотреть его научное творчество в некоей исторической ретроспективе, в контексте ушедшей эпохи, в которой ему выпало жить. Судьба Н.А. Бутинова несет на себе отпечаток определенного времени в истории отечественной этнографии, ее прошлого, воплощенного в лицах, поступках, книгах, диспутах. Поэтому, давая лишь самые необходимые сведения биографического характера, в данном очерке я хотела бы представить научную деятельность Н.А. Бутинова в более широких рамках отечественной истории гуманитарной науки, как часть новейшей истории российской этнографии. Для более полной оценки научных трудов любого ученого вообще, и Н.А. Бутинова, в частности, приходится учитывать не только время и условия, в которых они создавались, но и окружение, кто были единомышленники и оппоненты, короче говоря, какова была интеллектуальная среда.

Н.А. Бутинов родился в Петербурге 19 декабря 1914 г. в семье мастеров по обработке меха. В 1921 г. он поступил в школу, которая в 1930 г. была преобразована в электромеханический техникум. Так ученик девятого класса стал студентом техникума. Вскоре он стал одновременно с учебой работать электромонтером на ГЭС в артели «Объединенный металлист». При этом он писал стихи и участво-

вал в поэтическом кружке молодых рабочих, которым руководил в то время будущий известный поэт А.А. Прокофьев. Окончив в 1938 г. школу для взрослых, Н.А. Бутинов пошел сдавать вступительные экзамены на отделение русского языка и литературы филологического факультета Ленинградского государственного университета, но ему не хватило нужного количества баллов. Тогда в деканате ему предложили полгода поучиться на кафедре этнографии (в те годы она находилась при филологическом факультете), пообещав, что при благоприятных условиях его переведут в группу русистов. В 1938 г. кафедра этнографии была только что восстановлена после большого перерыва и производила первый набор студентов. О ней еще мало было известно среди абитуриентов, поэтому там оказались свободные места. Так Н.А. Бутинов стал студентом русского цикла кафедры этнографии, которую возглавлял профессор Исаак Натанович Винников. А среди преподавателей были Дмитрий Константинович Зеленин, Владимир Яковлевич Пропп, Андрей Александрович Попов, Вульф Вениаминович Гинзбург, Яков Яковлевич Рогинский, Сергей Васильевич Иванов, Сергей Николаевич Замятнин – все ныне общепризнанные классики отечественной и мировой этнографии, фольклористики, антропологии и археологии. Н.А. Бутинова особенно увлекли лекции И.Н. Винникова, который, помимо высочайшего профессионализма, обладал еще выдающимся лекторским даром и артистичностью. Позже Н.А. Бутинов не раз говорил и писал в своих работах о завораживающем воздействии лекций и самой личности И.Н. Винникова на него и на его будущую жену – Марию Сидоровну Бутинову (Долгоносову) – студентку той же группы. Ни о каком переходе на другое отделение уже не могло быть и речи. Об Исааке Натановиче Винникове как о выдающемся ученом и преподавателе–этнографе, арабисте, семитологе с величайшим почтением и благоговением вспоминали многие его ученики и коллеги, некоторые из них написали о нем статьи научного и мемуарного характера (Беляев 1971; Лундин 1976: 276–277; Торчинская 2005: 8; Гельцер 2005: 44–51; Демидова 2005: 51–59; Фролова 2005: 59–62). Николай Александрович и Мария Сидоровна долгие годы сохраняли с Исааком Натановичем Винниковым дружеские связи и вели переписку, особенно интенсивную в годы Великой Отечественной войны, – из Саратова, куда был эвакуирован университет. О начале войны супруги Бутиновы узнали в Петрозаводске, так как согласно учебному плану должны были проводить летний полевой сезон в Карелии. С большим трудом они вернулись в Ленинград.

Н.А. Бутинов не был призван в армию, но пытался записаться добровольцем, однако, в военкомате ему было велено ждать. В июле 1941 г. студент был зачислен на должность электромонтера в Институте этнографии [с 1991г. – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН]. Вот где пригодились ему навыки профессии, которую он приобрел в электротехникуме. В октябре 1941 г. он был назначен на должность коменданта здания. Ужасы, выпавшие на долю людей в блокадном Ленинграде, Н.А. Бутинов испытал в полной мере. Мария Сидоровна работала санитаркой в госпитале, получала кашу и делила ее с мужем, что, может быть, и спасло их от голодной смерти. По ночам комендант здания на саночках отвозил умерших сотрудников на Стрелку Васильевского острова, где находился открытый морг. В конце февраля 1942 г. преподаватели и студенты Ленинградского университета были эвакуированы в Саратов, где под руководством Владимира Яковлевича Проппа Н.А. Бутинов защитил дипломную работу и сразу же стал аспирантом, разрабатывая совершенно новую тему по общей этнографии «Учение Гребнера. Культурно-историческая школа». О продолжении этой темы в деятельности Н.А. Бутинова я расскажу более подробно далее.

В 1944 г. университет вернулся в Ленинград, тогда же в его структуре был воссоздан восточный факультет, куда была определена и кафедра этнографии. Н.А. Бутинов, таким образом, закончил аспирантуру на восточном факультете, был направлен на работу в Институт этнографии АН СССР и зачислен в штат с 1 июня 1945 г. по отделу Америки, Австралии и Океании. Здесь прошла вся его дальнейшая жизнь вплоть до кончины 7 декабря 2000 г. Институт (Музей) был его родным домом, где он пережил как моменты особой творческой активности и вдохновения, так и драматические повороты судьбы, сопровождавшие движения его научной мысли. «Мне бы только пройти по нашим залам», – говорил Николай Александрович незадолго до смерти. Образ этого высокого, стройного, подтянутого человека, с ежиком русых волос, очень моложавого даже в весьма почтенном возрасте, стремительной походкой шагающего по залам и легко взлетающего на третий этаж музея в кабинет «Австралии и Океании», до сих пор не изгладился из памяти многих сотрудников музея.

Свою научную деятельность Н.А. Бутинов начал в середине 40-х годов XX века, в страшное время жесточайшего идеологического диктата, разгула антисемитской кампании «борьбы с космополитизмом», когда шел настоящий разгром гуманитарной науки, уничтожались целые научные школы и направления, сопровождавшиеся

человеческими жертвоприношениями в буквальном смысле слова (Дружинин 2012; Гуревич 2004; Ганелин 2004; Кон 2008; Сильман, Адмони 1993; Фирсов 2009). Разгрому подверглись и другие науки, в частности, генетика и кибернетика. В 1948 г. А.А. Жданов пытался ликвидировать квантовую механику, выступив с критикой «свободы воли электрона». Но вскоре нападки прекратились. Видимо, усилиями И.В. Курчатова и президента Академии наук С.И. Вавилова удалось убедить Сталина, что критика основных положений физики и развернувшаяся в это время работа над атомным проектом, несовместимы (Гуревич 2013: 22–23).

Разоблачение буржуазной этнографии в целом, сокрушительные удары по трудам отдельных ее представителей и постоянная констатация кризиса буржуазной науки не сходили со страниц советских этнографических работ того времени. Такая обстановка в общественной и интеллектуальной жизни оказала свое влияние на молодого исследователя. Он очень активно включился в кампанию по безудержной критике буржуазных, прежде всего американских, ученых – представителей этнопсихологического и психоаналитического направлений в этнологии – А. Кардинера, Р. Линтона, М. Мид, Р. Бенедикт, А. Крёбера, Г. Рохейма и др. уже в то время всемирно известных исследователей, которые в своих трудах как раз опровергали расовые, культурные и социальные стереотипы и предубеждения, т.е. именно то, что им приписывала убойная советская критика. С середины 40-х и до начала 50-х гг. прошлого века у Н.А. Бутинова выходит целая серия весьма лихих, хлестких, разносных рецензий на книги указанных выше этнологов. Он стал автором сборника с типичным применительно к зарубежной науке названием – «Англо-американская этнография на службе империализма» (1951). Статья Н.А. Бутинова называлась «Психорасизм в американской этнографии» и была написана в соответствующем духе. Молодой ученый опубликовал свой труд в сборнике наряду с такими известными отечественными этнографами как С.П. Толстов, Д.А. Ольдерогге, М.Г. Левин, Я.Я. Рогинский, Н.Н. Чебоксаров. Современному ученому работы подобного рода иначе как чудовищными показаться не могут. Однако подлинная картина научной жизни того времени была гораздо сложнее, чем может сложиться впечатление о ней теперь, если ограничиться только чтением таких публикаций. Характеризуя картину массового разоблачения и доносительства в исторической науке конца 40-х годов, известный историк Рафаил Шоломович Ганелин отмечал, что среди наиболее порядочной части историков, особенно молодых, только

вступивших на научную стезю, существовал негласный этический кодекс, а именно: категорически не допускалось участие в проработке в той или иной форме коллег-соотечественников, для которых в этом была реальная опасность – если не жизненная, то житейская. Критика иностранных ученых под этот самовольный запрет не попадала (Ганелин 2004: 23–24). Трудно сказать, осознанно или нет, но Н.А. Бутинов следовал этическому кодексу, который соблюдался некоторыми молодыми историками, хотя, как и в последующей своей работе, действовал, как правило, самостоятельно, в одиночку и явно не был даже знаком со студентами и преподавателями исторического факультета Ленинградского университета. У него нет ни одной работы, направленной против взглядов своих соотечественников, он не участвовал ни в проработках, ни в гонениях на них, которые имели бы решающее значение для дальнейшей судьбы того или иного ученого. В те времена это уже было поступком мужественным и достойным, особенно в сравнении с тем, что происходило в расположенных по соседству с Институтом этнографии Институте русской литературы (Пушкинском доме), на филологическом, историческом и восточном факультетах Ленинградского университета, в Институте востоковедения и других учреждениях. В это время там шла настоящая травля выдающихся отечественных ученых – Марка Константиновича Азадовского, Бориса Михайловича Эйхенбаума, Григория Александровича Гуковского, Виктора Максимовича Жирмунского, Владимира Яковлевича Проппа, Дмитрия Сергеевича Лихачева, Игоря Петровича Еремина и др. Для многих из них погромные статьи и устные выступления деятелей, специализировавшихся на разоблачении так называемых буржуазных взглядов талантливых и ярких ученых, имели самые трагические последствия (Лихачев 2006: 472–491; Дружинин 2012). Называемые «проработками», эти действия, как вспоминал Д.С. Лихачев, «являлись гласным доносом, давали свободу озлобленности и зависти. Это был шабаш зла, когда люди (по крайней мере, часть из них) даже стремились прослыть мерзавцами, ища упоения в ужасе, внушаемом ими окружающим. Это было своего рода массовое душевное заболевание, постепенно охватившее всю страну» (Лихачев 2006: 472). Выдающийся ученый подробно описал технику и психологическое воздействие на окружающих погромных выступлений. Основными погромщиками в гуманитарной науке, прежде всего, филологии и истории, выступали ставшие впоследствии известными деятели науки, обладателями высоких научных степеней, литературной славы и важных административных постов:

А.С. Бушмин, Г.П. Бердников, И.П. Лапицкий, Н.С. Лебедев, Д.С. Бабкин, Ф.А. Абрамов, А.Г. Дементьев, Н.Ф. Бельчиков, Л.Л. Плоткин, Б.С. Мейлах, П.Г. Ширяева, Н.А. Корнатовский, Степанищев, Уродков и многие другие, менее известные в научном мире мастера этого дела (*Лихачев* 2006: 477, 481–484; *Дружинин* 2012, т. 2: 525–576). В востоковедении в русле борьбы с космополитизмом и преклонением перед буржуазной наукой также грубым нападкам подвергались выдающиеся ученые и преподаватели восточного факультета, среди которых были академики Василий Михайлович Алексеев и Игнатий Юлианович Крачковский. Преследования ускорили их уход из жизни. Особенно зловещую роль в судьбе И.Ю. Крачковского сыграли травля его со стороны Л.И. Климовича и С.П. Толстова (*Долинина* 1994: 336; *Она же* 2005а: 28–31; *Гельцер* 2005: 48–49; *Решетникова (Градова)* 2005: 274–276).

Если сравнить роковую роль многих отечественных погромщиков в науке, приведшую к трагическим судьбам выдающихся ученых, то критика Н.А. Бутиновым американских этнологов выглядит весьма безобидной. Она, конечно, не украсила его научную репутацию, но и не нанесла ей заметного ущерба. Стоит ли упоминать, что зарубежные исследователи, пребывавшие в состоянии научного кризиса, как об этом неустанно твердили советские пропагандисты от науки, и не подозревали об этом. «Их, из-за того, что я о них пишу, даже продовольственных карточек не лишат», – шутил молодой историк-американист, вынужденный для выживания писать воинствующие рецензии на труды иностранных ученых (*Ганелин* 2004: 86). Надо сказать, что в страшной атмосфере идеологического удушья чувство юмора часто оказывалось единственным спасительным средством, дававшим возможность жить, работать, несмотря на все ужасы, которые творились в повседневности. Шутки, анекдоты были одним из неотъемлемых условий существования, неотделимым от бытия компонентом, интуитивным средством психологической разрядки, помогающим вопреки всему сохранять независимость души и оставаться самим собой. Это отмечали ученые, пережившие условия тотального идеологического гнета и стремящиеся воссоздать реальную картину научной жизни того времени (*Сильман, Адмони* 1993: 226, 301, 303; *Гуревич* 2004: 51–52). Уместно в данном случае вспомнить об огромном созидательном начале смеховой культуры вообще, особенно во время испытаний: смех, юмор помогали в тяжелых обстоятельствах сохранять силу духа и стойкость души, снимали психологические травмы, облегчали человеку

его трудную жизнь, успокаивали и лечили. И это отметил ученый, переживший собственный арест, ссылку и бывший свидетелем репрессий, обрушившихся на окружающих людей (*Лихачев и др.* 1984: 3). Когда десять лет спустя после своих разнсных рецензий на работы американских этнологов Николай Александрович сам подвергся грубой, оскорбительной критике со стороны своих же коллег – известных отечественных ученых, обвинявших его в солидарности с буржуазными учеными, что было совсем небезопасно даже в условиях сравнительно «вегетарианского» времени 60-х годов XX в., он очень спокойно, с большой выдержкой отвечал на критику, не теряя при этом чувство юмора. Об этом речь пойдет позже.

Явным диссонансом с многочисленными публикациями Н.А. Бутинова 1940-х годов звучит написанный им в эти же годы текст кандидатской диссертации «Учение Грэбнера» (так написана фамилия ученого у Бутинова), которая была защищена 16 июня 1946 г. на заседании Ученого совета Института этнографии в Москве. До исследования Н.А. Бутинова в советской этнографии было известно три статьи о Фрице Гребнере (1877–1934) – немецком историке, ботанике, лингвисте и этнографе – основателе культурно-исторической школы, идеи которой оставили глубокий след в истории этнографии, археологии, антропологии, всеобщей истории и литературоведении. Это, прежде всего, очень содержательная статья А.М. Золотарева, краткий некролог, написанный Е.Г. Кагаровым, в котором постоянно повторяется тезис о реакционности учения Ф. Гребнера, и статья С.П. Толстова «Расизм и теория культурных кругов», в самом названии которой уже заключено представление о ее характере (*Золотарев* 1936: 23–80; *Кагаров* 1935: 138; *Толстов* 1938: 137–170). В диссертации Н.А. Бутинова очень обстоятельно излагается теория культурных кругов и методика выделения основных элементов, сочетание которых образует определенные ареалы культуры. В ней прослежена история культурно-исторической школы, возникновение которой связано с именем Ф. Гребнера, дальнейшее развитие методических принципов теории культурных кругов в трудах последователей Ф. Гребнера – В. Шмидта, Э. Лэнга, В. Копперса и др. – и появившиеся вскоре серьезные разногласия между ними. Н.А. Бутинов представил сложную картину научных споров и противоречий между учеными, – как полностью или частично принявшими теорию культурных кругов (А. Фиркандт, В. Мюльман), так и вставших в резкую оппозицию к ней (Р. Турнвальд). Отмечается в диссертации и критика теории Ф. Гребнера со стороны американских ученых, пре-

жде всего А.Л. Крёбера. Сравнивая теорию культурных кругов с эволюционистской теорией Э. Тэйлора, Н.А. Бутинов отметил большую заслугу Ф. Гребнера в том, что он придал этнографическому факту значение исторического источника и указал на отсутствие имманентных законов развития культур. Он подчеркнул, что учение эволюционистов – это учение о развитии культур, а учение Гребнера – это учение о культурной традиции в ее особом понимании. В связи с этим довольно подробно и критически рассматривается в диссертации проблема миграций элементов культуры. Конечно, в этой работе есть необходимые в условиях идеологической атмосферы того времени высказывания о реакционности теории культурных кругов, но они носят скорее ритуальный характер и относятся, во-первых, не столько к самому Ф. Гребнеру, сколько к его последователям – В. Шмидту и В. Копперсу, и во-вторых, растворяются в научном критическом анализе материала, почерпнутого из прочтения и осмысления источников на немецком языке как самого Ф. Гребнера, так и его учеников и оппонентов. Таким образом, Н.А. Бутинов воссоздает ту интеллектуальную среду, в которой возникают, развиваются и вступают в противоречие друг с другом научные идеи, родившиеся в процессе изучения культуры. Упрекая (именно упрекая, а не обличая) Ф. Гребнера в том, что он отрицал закономерности развития, Н.А. Бутинов делает очень корректное заключение: «Перед нами встает вопрос о социальных законах развития культуры и другие вопросы, не имеющие никакого отношения к учению Гребнера, и это кладет предел нашему исследованию» (*Бутинов Учение Гребнера*: л. 276). В целом диссертация, как уже было отмечено, написана в академическом стиле, в ней много критических замечаний, но отсутствует тот резко-полемический, обличительный дух, свойственный ранним работам Бутинова. Обозревая работы Николая Александровича, созданные им в течение всей его разносторонней научной деятельности, нельзя не обратить внимания на то, что в зрелые годы он предпочитал не говорить о своих первых публикациях, почти не ссылаясь на них в изданных позднее статьях и книгах и далеко не все свои рецензии, вышедшие в 40-х–начале 50-х годов прошлого века, включал в списки своих работ, составлявшихся гораздо позже по случаю юбилейных дат (*Бутинов* 1985: 130–132; *Он же* 1994: 166). Что касается его кандидатской диссертации, то она не была издана и находится в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Николай Александрович не часто использовал ее в дальнейшей работе и, похоже, не стремился ее опубликовать. В определенной степени

интерес к типологии культуры реализовался у Н.А. Бутинова позже в его критическом анализе «Этнографического атласа» Дж. Мёрдока (*Бутинов* 1967: 127–134).

Таким образом, в одних и тех же условиях жесточайшего идеологического контроля Н.А. Бутинов создавал неодинаковые по своей стилистике научные труды: в печатных трудах он полностью следовал общепринятым в то время установкам, в диссертационной работе стремился как можно полнее описать принципы, на которых основана теория культурных кругов, а также взгляды основателя культурно-исторической школы и его последователей-оппонентов.

Обращение Н.А. Бутинова к работам зарубежных ученых не прошло бесследно для выбора собственной области исследования ученого и сыграло немаловажную роль в эволюции его собственных представлений о проблемах социальной организации и общественного развития на ранних этапах человеческой истории. Все рецензируемые им труды американских этнологов были основаны на изучении народов океанийско-австралийского региона. В основе учения Фрица Гребнера и ученых культурно-исторической школы также был использован обширный этнографический материал Океании, особенно Меланезии и Австралии. Таким образом, уже в начале своего научного пути Н.А. Бутинов был погружен в этнографию народов южной части Тихого океана, что стимулировало его выбор своего исследовательского поля, связанного именно с этим регионом. Однако, до знакомства с работами зарубежных этнологов по народам Австралии и Океании, Н.А. Бутинов еще в студенческие годы увлекся фигурой Н.Н. Миклухо-Маклая и его подвижнической деятельностью среди папуасов Новой Гвинеи и других народов Тихоокеанского бассейна. Н.Н. Миклухо-Маклай навсегда остался кумиром Н.А. Бутинова. Исследованием и публикацией его трудов ученый занимался на протяжении всей жизни. Об этой странице научной биографии Бутинова довольно подробно написано во всех статьях, посвященных его деятельности. Позже я еще обращусь к этой теме. Сейчас же подчеркну, что чтение работ зарубежных ученых, использующих для своих теоретических построений этнографические материалы прежде всего Океании, изучение трудов Н.Н. Миклухо-Маклая, представляющих, в основном, описания различных аспектов жизни народов Океании, определило научные интересы молодого ученого, связанные именно с этнографическим исследованием данного региона. С середины 40-х – начала 60-х годов XX в. Н.А. Бутинов интенсивно работает в разных направлениях: помимо изучения произведений

зарубежных этнологов и издания рецензий на них, он участвует в создании экспозиции «Коренное население Австралии и Океании», совместно с Ю.В. Кнорозовым трудится над дешифровкой письменности острова Пасхи. Позже пути ученых разошлись, Н.А. Бутинов стал работать над дешифровкой самостоятельно. Эту тему, так же как другие постоянные и любимые им темы, прежде всего, связанные с деятельностью Н.Н. Миклухо-Маклая, Николай Александрович не оставлял до конца своих дней. В начале своего творческого пути он находился под сильным воздействием яркой, масштабной, весьма противоречивой личности С.П. Толстова и активно поддерживал и развивал его идеи, в частности, гипотезу о первобытной лингвистической непрерывности. Но позже он отошел от этой темы, возможно, не без влияния взглядов авторитетных лингвистов, показавших всю иллюзорность этой гипотезы, не имеющей ни одного веского доказательства и построенной на вере (*Герценберг* 1972: 47–48). В этот период научная деятельность Н.А. Бутинова развивалась очень успешно. Кроме многочисленных публикаций, он очень активно выступал с научными докладами не только в Ленинграде, но и в Москве, куда его часто приглашали. Он стал заместителем заведующего сектором Америки, Австралии и Океании, во главе которого в Москве стоял выдающийся ученый – Сергей Александрович Токарев. С ним у супружеской пары Бутиновых установились прочные научные и дружеские связи, длившиеся до конца жизни С.А. Токарева. До начала 60-х годов Н.А. Бутинов находился на взлете своей научной карьеры (подробнее о деятельности Н.А. Бутинова в эти годы см.: *Ревуненкова, Решетов* 2004: 12–13). Но в начале 60-х годов обозначился весьма заметный перелом в его научной деятельности, который следует рассмотреть в контексте происходящих перемен в общественной и научной жизни того времени, прежде всего в области исторической науки, потому что истинную сущность научных трудов можно оценить, только принимая во внимание время и интеллектуальную среду, в которой протекала исследовательская работа.

Конец 1950-х–начало 1960-х гг. вошел в отечественную историю как период «оттепели», когда во всех сферах общественной и культурной жизни был несколько ослаблен идеологический контроль, что вызвало подъем творческой активности в исторической, философской, филологической и других областях науки, выразившийся прежде всего в стремлении отойти от вульгарных и упрощенных догматических схем. Так, в Институте истории АН СССР развернулась дискуссия об абсолютизме и военно-феодальном империализме, за-

девающая теорию формаций, созданную еще в 1930-х годах. В ней прозвучали идеи о необходимости непредвзятого, свободного подхода к исследованию исторических процессов, высказанные А.Я. Аврехом, Н.И. Павловым, П.В. Волобуевым (Ганелин 2004: 170–176). В эти же годы выдающемуся российскому историку Арону Яковлевичу Гуревичу, преодолевая сильное сопротивление, все-таки удалось напечатать ряд смелых, очень радикальных статей по медиевистике, затрагивающих проблемы общих концепций историков и методологических постулатов и подчеркивающих необходимость преодолеть схематизм и догматизм исторической науки (Гуревич 2004: 93–104). Владимир Георгиевич Ревуненков тоже с большими трудностями в 1966 г. издал книгу «Марксизм и якобинская диктатура», в которой ушел от абсолютизации взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и, основываясь на более обширной источниковедческой базе и на достижениях современной историографии, прежде всего, французской, по-новому осветил характер власти после Великой французской революции (Ревуненков 1966). Но эти проявления определенного свободомыслия были резко осуждены многочисленными учеными, зорко следившими за чистотой идеологических нравов. Как сказал А.Я. Гуревич о недолгом периоде оттепели: «...действительно, лед подтаял и солнышко засветило, что, впрочем, не значило, что грачи прилетели навсегда» (Гуревич 2004: 93). Историки, проявившие творческую свободу и независимость мышления, причем некоторые из них в рамках философии марксизма, были объявлены ревизионистами с соответствующими, выражаясь языком того времени, оргвыводами (Ганелин 2004: 170–176; Гуревич 2004: 137–154; Комиссаров 1981: 14–17; Евдокимова, Петрова 2010: 451–466).

Такую же роль катализатора появления новых тенденций в теоретической этнографии сыграл Н.А. Бутинов, о чем говорилось в предшествующих посвященных ему биографических очерках (Решетов 2000: 8–9; Ревуненкова, Решетов 2004: 14–15). Сейчас следует рассмотреть этот период в творческой биографии Н.А. Бутинова в контексте общей идеологической атмосферы в исторической науке начала 1960-х годов. Некоторые историки и философы – такие как А.Я. Гуревич, Р.Ш. Ганелин, А.М. Некрич, И.С. Кон и др., ставшие впоследствии всемирно известными учеными, оставили свои воспоминания о том, как немыслимо трудно было пробивать новые взгляды в интерпретации исторических фактов древности, средневековья, новой и новейшей истории. Будущие поколения смогут по их мемуарам понять хотя бы отчасти состояние исторической науки совет-

ского периода, когда любое проявление раскрепощенного мышления встречало резкое противодействие. В этнографии подобных обобщающих работ нет. Поэтому для истории этой науки очень важно осветить период, охватывающий 60-е годы XX в., когда шла борьба мнений, когда против осмелившихся выступать с новыми идеями ученых всегда находились стойкие хранители догматических позиций, у которых в запасе постоянно наготове было немало опасных ярлыков. Эту своего рода историю этнографии в лицах можно восстановить по устным рассказам участников и свидетелей событий, научным публикациям, немногочисленным письменным документам. Глубокое изучение социальной организации народов Океании привело Николая Александровича к целому ряду открытий, касающихся проблем первобытнообщинного строя, которые считались давно решенными и незыблемыми, поскольку о них высказались классики марксизма. В начале 1960-х годов в Ленинградской части Института этнографии им. Миклухо-Маклая раз в месяц проводились философские семинары, посвященные обсуждению таких важных проблем раннего этапа человеческой истории, как соотношение рода и общины, материнского и отцовского родов и др. Эти семинары превращались в кипящие страстями междисциплинарные собрания, куда стекались ученые из других академических институтов, разных учебных заведений, музеев. На них велись острые, подчас очень бурные дискуссии по основным проблемам первобытности. Это было время настоящих словесных баталий, идеологических схваток между теми, кто смело и мужественно пробивал дорогу новым взглядам, кто выступал за развитие марксистских взглядов и теми, кто зорко оберегал «чистоту» марксизма и упорно отстаивал идею его неприкосновенности. В эпицентре борьбы за творческое развитие теоретической мысли в этнографии стоял Н.А. Бутинов. Он, преодолев собственный консерватизм и догматизм, в сущности, в одиночку смело боролся за новые подходы в изучении проблем социальной организации народов, стоящих на архаичной ступени развития. На этих многолюдных и крайне оживленных собраниях-диспутах он выступал с докладами и сообщениями, в которых доказывал несостоятельность идеи первичности и универсальности распространения материнского рода, отрицал существование в первобытной архаике группового брака, утверждал изначальное наличие нуклеарной семьи и лидирующую роль общины, говорил о неправомерности отождествления рода и родовой общины, демонстрировал гетерогенный характер последней и представлял на обсуждение созданную им типологию общи-

ны. Попутно Н.А. Бутинов высказывал ряд других положений, которые расшатывали, казалось бы, прочно и навсегда установленные истины. Это был прорыв в единой и неизблемой идеологии, некий вызов ей. Его поддерживала в то время научная молодежь – Владимир Рафаилович Кабо, Александр Михайлович Решетов, Юрий Васильевич Маретин, Софья Александровна Маретина, Елена Владимировна Иванова. Молодые ученые разделяли теоретические взгляды Н.А. Бутинова, подтверждая их своими этнографическими материалами. Из известных ученых в пределах дозволенного способствовал развитию новых взглядов на социальную организацию первобытного общества Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, которого В.Р. Кабо назвал духовным отцом «ленинградской оппозиции» (Кабо 2004: 190). Активно противодействовали свежим взглядам на старые проблемы первобытности Леонид Павлович Потапов, Рудольф Фердинандович Итс и ряд других авторитетных ученых. Отголоски этих острых дискуссий отзывались еще долгим эхом на протяжении последующих лет. Свидетели и участники этих бурных дебатов часто вспоминали отдельные эпизоды из них и обязательно отмечали боевое и вместе с тем благородное поведение Н.А. Бутинова в этом поединке идей, его словесное изящество и рыцарское отношение к профессии и коллегам, занимавшим принципиальную научную позицию. Подробно обстановку в Институте тех лет описал в своих воспоминаниях Владимир Рафаилович Кабо – один из активных участников этих научных баталий и близких единомышленников Николая Александровича. Воспоминания состоят, в основном, из документов – писем, которые он писал матери в период 1957–1968 гг., где по горячим следам рассказывал о происходящих событиях, отмечая роль Н.А. Бутинова в разрушении старых догматических положений в этнографической науке и выражая огромную благодарность ученому как за его труды, так и за поддержку и защиту молодого сотрудника (Кабо 2004: 181–195; *Он же* 1995: 228–229) В.Р. Кабо не единожды подчеркнул особую провоцирующую роль в дискуссиях, где гремели резкие обвинения в адрес Н.А. Бутинова и «ленинградской оппозиции», директора Института С.П. Толстова и его заместителя С.И. Брука (Кабо 2004: 186–191). Что касается статей и книг самого Н.А. Бутинова, в которых он высказывал свою точку зрения на проблемы развития архаических обществ, то некоторые из них с большим трудом после длительных и острых дискуссий, сопровождавшихся выпадами на грани политических доносов, все-таки пробились в печать.

В 1962 г. Н.А. Бутинову с трудом удалось опубликовать статью «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи», где он подробно изложил свою концепцию о месте материнского рода в первобытнообщинном строе (Бутинов 1962: 107–189). Вскоре после ее выхода из печати в журнале «Советская этнография» появилась статья за подписью четырех ученых из московской части Института этнографии – столпов теоретической мысли (по выражению В. Р. Кабо) – Ю.П. Аверкиевой, А.И. Першица, Л.А. Файнберга и Н.Н. Чебоксарова. Она называлась «Еще раз о месте материнского рода в истории общества» и по своему тону очень напоминала погромные статьи 1940-х годов. Н.А. Бутинов был объявлен единомышленником и проводником буржуазной этнографии в нашей науке, откровенным противником марксистского учения о первобытности (Аверкиева и др. 1963: 200–205). Сам когда-то большой мастер хлестких выражений о зарубежных этнографах, Бутинов ответил на грубейшую критику своих коллег очень спокойно, с чувством собственного достоинства, элегантно-саркастически, закончив свое «Письмо в редакцию» крылатым выражением: «Юпитер, ты сердисься, стало быть, ты неправ» (Бутинов 1965: 180–185). Ответ Н.А. Бутинова на некорректные выпады московских этнографов был, правда, напечатан только через два года, но возымел действие – трое из четырех авторов в том же номере журнала, где было напечатано «Письмо в редакцию», принесли свои извинения за неподобающий в некотором отношении стиль своего произведения. Следует подчеркнуть, что Николай Александрович всегда был убежденным марксистом, он не был склонен к теоретическим положениям, свободным от давления марксистско-ленинского наследия. Он относился к тем ученым-историкам, которые стремились к возвращению подлинного марксизма, т.е. в полном соответствии с идеями К. Маркса, считая, что их надо развивать, учитывая новые данные в изучении так называемых первобытных народов.

Все эти события, представленные в лицах, поступках, публикациях, острых диспутах относятся уже к истории этнографической науки, но истории еще недавнего прошлого, творившейся на глазах современных ученых.

Дело не ограничилось идеологическими спорами. За ними последовали административные меры: торможение публикаций, снятие с должности заведующего сектором Америки, Австралии и Океании, запреты на участие в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, происходившем в Москве

(август 1964 г.) и на встречу с зарубежными учеными в Ленинграде, угроза исключения из партии, равносильного в те годы выдаче волчьего билета и увольнению из института (Ревуненкова, Решетов 2004: 14). О том, как происходили такие расправы в относительно либеральные 1960-е годы даже за вполне невинное высказывание, можно судить по сломленной судьбе талантливого историка-арабиста, преподавателя восточного факультета Ленинградского университета Алексея Михайловича Голдобина (Долинина 2005б: 73–78). В жизни Н.А. Бутинова подобная угроза не реализовалась. Немалую роль в благополучном исходе «дела Бутинова» сыграла научная и моральная поддержка, которую оказывали ученому сотрудники Института. Среди них следует особенно подчеркнуть активное участие в этих событиях Александра Михайловича Решетова – в то время молодого ученого, не защитившего еще кандидатской диссертации, члена партийного бюро Института. Он был не просто свидетелем развернувшейся драмы, поддерживающим новые взгляды на традиционные проблемы первобытности, но и страстным защитником непокорного ученого. Обладавший большой силой убеждения, талантом оратора, особым научным темпераментом и будучи просто порядочным человеком, А.М. Решетов своими усилиями сумел переломить ситуацию, убедить административные и высшие партийные инстанции в необходимости свободы научных высказываний для дальнейшего развития науки и, в конце концов, способствовал благоприятному завершению этой драматической ситуации. Новое слово в науке уже прозвучало. Вскоре идеи, высказанные Н.А. Бутиновым о сосуществовании материнского и отцовского родов, о семье и общине как первичных социальных организмах общинно-родового (или племенного, как предпочитал его называть Н.А. Бутинов в последних своих работах) строя получили признание даже со стороны тех, кто когда-то им противодействовал (Решетов 2000: 11). Можно считать это торжеством свободы выражения научных взглядов, за которые Бутинов в свое время пострадал. Сам он, впрочем, никогда не считал себя страдальцем. По натуре он относился к той категории людей, которых называют безнадежными оптимистами, всегда считал себя человеком счастливой судьбы и на склоне лет говорил, что завидует сам себе. Моложавый облик его совпадал с неистребимой до конца жизни молодостью духа.

Он мог о себе сказать так же, как и очень почитаемый им Маяковский: «У меня в душе ни одного седого волоса...» Впрочем, седина и

внешне была у него едва заметна даже в весьма преклонном возрасте. До конца жизни он оставался самим собой – нестареющим юношей.

С конца 60-х годов прошлого века начинается новый очень плодотворный период научной деятельности Николая Александровича. Этот период довольно подробно освещен в статьях в связи с памяtnыми датами ученого и в рецензиях на его книги, которые были отмечены в начале данного очерка. Я только кратко суммирую те направления и темы, которые получили развитие в его научной деятельности. Николай Александрович постоянно совершенствовал, уточнял, корректировал высказанные им идеи и подходы о принципах социальной организации первобытного общества. Как истинный ученый, находящийся в непрерывном творческом поиске, он не считал свои взгляды отлитыми навсегда в законченную форму. Он не боялся их в некоторых случаях смягчать, а иногда и отказываться от прежних, с его точки зрения, слишком прямолинейных формулировок. Так, в рецензии на сборник «Охотники, собиратели, рыболовы» Н.А. Бутинов отмечает, что теперь в науке о первобытном обществе существует на равных правах концепция, согласно которой основной ячейкой первобытного общества считается община, а материнскому или отцовскому счету происхождения придается лишь второстепенное значение. Но делает при этом очень важное заключение, которое выражает, в сущности, компромисс между сторонниками противоположных точек зрения на главные принципы социальной организации первобытного общества: «Очень важно, перенося акцент на общину, сохранить и приумножить то ценное, что сделано учеными, считавшими и продолжающими еще считать род основной ячейкой первобытности, и уж во всяком случае, не уменьшать их достижений» (Бутинов 1972: 196).

Занимаясь проблемами рода и родовой организации, Н.А. Бутинов много внимания уделял проблеме экзогамии, изучению системы родства и внес большой вклад в эту область этнографической науки, со времен Л. Моргана неизменно привлекающей внимание этнологов. Н.А. Бутинов акцентировал внимание на социальном аспекте феномена родства, разработал типологию этого явления, выделив на этнографическом материале Океании родство по пище или кормлению, которое в окончательном варианте определил как экзогенное родство. Он принял деятельное участие в обсуждении проблем брачных поселений, происходивших на международном уровне. В полемике с американскими социальными антропологами ему удалось аргументированно показать принципиальные различия между

матрилокальностью/патрилокальностью и уксорилокальностью/вирилокальностью. Роль Н.А. Бутинова в изучении системы родства наиболее полно освещена в ряде работ Владимира Александровича Попова – крупного современного специалиста в этой области этнологии (Попов 2004: 207–215; Он же 2014: 9–17, 27–31, 99).

Еще в 1952 г. Н.А. Бутинов опубликовал статью «Проблема экзогамии (по австралийским материалам)» и с тех пор на протяжении всей своей жизни в науке он не оставлял без внимания эту вечную этнографическую проблему, до сих пор не нашедшую удовлетворительного объяснения. Он высвечивает то одну, то другую ее грань, в частности, подчеркивая роль этого института в разрешении противоречий между семьей и общиной. Вообще, выявление отношений между тремя сторонами треугольника – семьей, родом и общиной были одним из главных направлений в его научном творчестве.

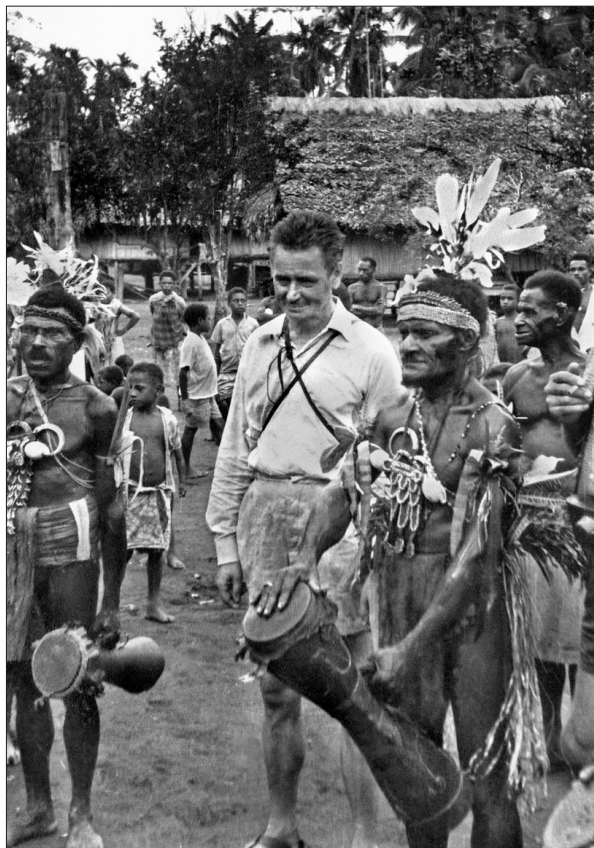
Свой путь в науку Н.А. Бутинов начинал с критического анализа различных направлений в зарубежной этнологии, о чем говорилось выше. Тяга и вкус к общетеоретическим проблемам этнографического исследования сохранялась у него на протяжении всей его творческой жизни, но с течением времени менялась тональность и стилистика его работ, посвященных взглядам и методам изучения народов. Помимо того, что конкретные этнографические исследования самого Н.А. Бутинова, как правило, сочетались у него с постановкой и рассмотрением различных проблем теоретического характера, есть у него работы, специально посвященные выдающимся ученым, с которыми связаны новые направления в этнологии, а именно К. Леви-Стросу (Бутинов 1979: 114–148; Он же 1983: 422–466) и Л. Леви-Брюлю, изданные уже после смерти Н.А. Бутинова (Бутинов 2004а: 111–141). В отношении к К. Леви-Стросу Н.А. Бутинов солидарен с теми довольно многочисленными американскими и английскими авторами, которые в целом дают негативную оценку трудам выдающегося ученого (Иванов 1983: 418–421). В статье, изданной как приложение к переводу книги Леви-Строса «Структурная антропология» (1983), он очень подробно рассматривает методы изучения К. Леви-Стросом этнографических фактов и мифологии, стремится к целостному подходу в анализе его идей, полемизирует с ними, считает ученого более философом, чем этнографом, причем философом-идеалистом, который, по мнению Н.А. Бутинова, как все западные философы формировался на почве идей, видящих за символами и знаками не материю, а «священный тайник». Но в его весьма критическом обзоре творчества К. Леви-Строса, несмотря на

то, что, по его мнению, в мировой науке сложился миф, созданный отчасти самим знаменитым ученым, но, главным образом, его почитателями, миф, который следует изучать и анализировать. Н.А. Бутинов в полной мере отдает должное талантливому исследователю. Он пишет: «Предлагаемая книга не предназначена для легкого чтения. Она рассчитана на читателя, обладающего определенным запасом знаний и умеющего критически оценивать трактовку фактов. Такой читатель получит от чтения этой книги и от споров с ее автором интеллектуальное и эстетическое наслаждение, расширит и углубит свои познания во многих областях – в философии, истории, этнографии, фольклористике, лингвистике, психологии» (Бутинов 1983: 460). В очень содержательной статье о Л. Леви-Брюле и его теории первобытного мышления Н.А. Бутинов в основном сосредоточивается на том новом, что внес ученый в изучение мыслительных категорий человека на заре его истории: анализирует специфику понятий «коллективные представления» и «партиципация», подробно рассматривает роль интуиции и мистического восприятия мира у первобытного человека, его представления о времени и пространстве. Он объясняет и критически оценивает логические построения Л. Леви-Брюля, споры о которых не утихают до сих пор, но при этом очень высоко оценивает их и считает очень весомым его вклад в изучение первобытной культуры и верований.

Как уже упоминалось выше, через всю жизнь Н.А. Бутинова, начиная со студенческих времен, прошел образ Н. Н. Миклухо-Маклая. Одна из первых его научных публикаций была посвящена рисункам великого ученого, он был главным исполнителем в подготовке первого (пятитомного) собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая (1948–1953), самое деятельное участие принял в 1990-е годы в издании нового собрания сочинений, постоянно обращался к трудам Миклухо-Маклая в своих книгах и статьях. Важнейшим событием в жизни Николая Александровича стало участие в научной экспедиции в Океанию в 1971 г., во время которой он посетил места, где когда-то жил и работал Миклухо-Маклай. Много лет Бутинов занимался исследованием жизни народов Океании, прежде всего, папуасов Новой Гвинеи, в кабинетных условиях. Поэтому, собираясь в экспедицию к берегам Океании, он уже отчетливо представлял стоящие перед ним научные задачи. Поездка явилась сильнейшим творческим импульсом для Н.А. Бутинова. По материалам экспедиции им были созданы научные книги «Полинезийцы острова Тувалу» (1983), «Социальная организация полинезийцев (1985), «Народы Папуа Новой Гви-

неи (2000), ряд статей. Под впечатлением этой поездки Бутинов написал научно-популярную книгу «Путь к берегу Маклая» (1975), где проявил себя как мастер этого жанра, умеющий выстроить интересный сюжет, владеющий легким изящным пером и изрядной долей иронии и самоиронии.

Еще в начале 1980-х годов был создан научный коллектив для работы над подготовкой к изданию нового собрания сочинений Миклухо-Маклая,

*Рис.2. Н.А. Бутинов
в экспедиции на Новой Гвинее.*

членом редколлегии которого стал Н.А. Бутинов. Очень быстро обсуждение принципов будущего 6-ти томного собрания выдающегося исследователя превратилось в настоящие научные собрания, в которых принимали участие специалисты разных областей науки – этнографы, историки, фольклористы, литературоведы, музыковеды и многие другие, в центре внимания которых находился австрало-океанийский регион. Н.А. Бутинов предложил называть эти научные конференции «Маклаевскими чтениями» и был их бессменным руководителем и душой до конца жизни. Ежегодные «Маклаевские чтения», где широко обсуждается круг проблем исторического, социального и культурного развития народов бассейна Тихого океана,

вводятся новые данные источниковедческого характера, прямо или косвенно связанные с именем Миклухо-Маклая, и в настоящее время остаются ведущим в России центром изучения различных проблем австрало-океанийского региона и соседних с ним стран. По материалам этих конференций, начиная с 1994 г., когда Н.А. Бутинову исполнилось 80 лет, и вплоть до последнего времени периодически выходят специальные издания, называемые Маклаевскими сборниками (Ревуненкова 1997: 3–9).

В последние годы Николай Александрович интенсивно буквально до последнего вздоха трудился над книгой «Миклухо-Маклай и мировая этнографическая наука», но не успел дописать ее. Фрагменты книги были опубликованы в сборнике, посвященном памяти ученого (Бутинов 2004б: 142–150; 2004в: 151–155).

С 1972 г. почти до самой кончины Н.А. Бутинов был заведующим отдела Австралии, Океании и Индонезии и создал особую атмосферу, где царили уважительное отношение сотрудников друг к другу, интерес к деятельности каждого, исключительная доброжелательность, легкость и демократичность в общении. Тридцать пять лет я работала под непосредственным руководством Николая Александровича, почти все это время сидела с ним в одном кабинете «Австралии и Океании» на третьем этаже Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и имела возможность наблюдать некоторые черты характера этого незаурядного ученого, проявлявшиеся в стиле и манере его общения с сотрудниками, в его прямых, честных и открытых диалогах с учеными разных методологических установок, в его восприятии различных событий научной и общественной жизни и т.п. Поэтому я считаю необходимым отметить запомнившиеся мне и моим ближайшим коллегам личностные особенности Н.А. Бутинова, отразившиеся и в его научных трудах. Волновавшие его научные проблемы не ограничивались созданием работ и выступлениями на научных заседаниях. Ими были пропитаны и постоянные разговоры в повседневной жизни кабинета, за чаепитиями и застольями, возникающими по случаю того или иного события. Большинство сотрудников отдела Австралии, Океании и Индонезии не имели специальной этнографической подготовки, поскольку кафедра этнографии вновь сформировалась только в конце 1960-х годов, но благодаря Н.А. Бутинову они прошли неформальную этнографическую школу, т.к. именно от него – ученика выдающихся российских этнографов – в непринужденных беседах познавали многие традиции этой науки. Что касается его собственных взглядов на проблемы социальной организации, то их ближайшие сотрудники и коллеги

получали, что называется, из первых рук, еще до того, как они смогли быть опубликованы. Смею думать, что благодаря этому постоянному интеллектуальному «облучению» молодые тогда сотрудники отдела были неплохо ориентированы в самых острых дискуссионных проблемах этнографии, хотя далеко не все шли вслед за идеями, которыми был увлечен Николай Александрович. Большинство выбрало другие темы, и эта свобода выбора научного творчества им только приветствовалась. Существовавший в отделе особый научный тонус, духовная близость сотрудников между собой, интеллектуальное напряжение и одновременно веселое и как будто само собой разумеющееся занятие своим делом – все это естественным образом родилось благодаря Н.А. Бутинову, который и не сознавал и тем более не придавал никакого значения своей главной роли в формировании небольшого, но очень дружного научного коллектива. В его натуре уживались боец, бунтарь, возмутитель спокойствия в науке и консерватор в высоком смысле слова в личной жизни. Он был человеком скромным. Люди, большая часть жизни которых прошла в советскую эпоху, хорошо помнят обязательные характеристики, которые по разным поводам давались администрацией, партийными и профсоюзными органами. В них неизменно должна была быть ритуальная фраза: «скромен в быту, морально устойчив». Николай Александрович – один из очень немногих, кто действительно соответствовал ей. Он был очень непритязателен в быту, неприхотлив к еде, всю жизнь прожил в коммунальной квартире (с женой – Марией Сидоровной, тоже доктором исторических наук), очень был привязан к привычным вещам, местам жительства и отдыха, в частности, к коллективной академической даче в знаменитом Комарово, не стремился к приобретению стереотипных показателей житейского благополучия. Для него существовали две основные ценности в жизни, которые уравновешивали друг друга и которым он был беспредельно предан: семья (жена, с которой он прожил больше 60 лет, сын, потом внуки и правнуки) и наука. Между Николаем Александровичем и Марией Сидоровной – женой, музой, другом, коллегой – тоже специалистом по Океании – было такое взаимопонимание и взаимопроникновение интересов, какое можно выразить только словами поэта: «И провести границы меж нас я не могу». Н.А. Бутинов в повседневном общении был человеком сдержанным, не раскрывающим даже перед близкими людьми свое душевное состояние. Он не стремился быть душой компании, но среди хорошо знакомых и близких по духу, с кем был дружен, кому доверял и кого любил вел себя очень просто, естественно и становился центром притяжения. Как уже говорилось, он всю жизнь писал стихи, любил

русскую поэзию, можно сказать, был неразлучен с ней. Как-то весьма неожиданно прочитал на память чуть ли не всю поэму Сергея Есенина «Черный человек». Многим сотрудникам музея, особенно отдела, которым руководил, по разным поводам он посвящал стихотворные послания, очень часто шуточные. Стихи пишут многие ученые, но лишь некоторые из них приходят к убеждению, что поэтический дар способствует научным прозрениям и открытиям. В качестве примера можно привести Нину Ивановну Гаген-Торн, в личности которой гармонично сочетались ученый и поэт. Вопреки общепринятым традициям, она подошла к изучению «Слова о полку Игореве» не только как ученый, но (и всячески подчеркивала это) как поэт, хорошо ощущая природу поэтического дара, вдохновения (Ревуненкова 2012: 99–122). А вот что писал по этому поводу Владимир Григорьевич Адмони – всемирно известный ученый-германист, лингвист и литературовед, всю жизнь считавший своим истинным призванием поэтическое творчество, хотя публиковать стихи начал только на закате жизни: «Теперь я понимаю, что мой подход к предложению, вообще к грамматической системе языка, то новое, что в этом подходе наметилось по сравнению с другими, особенно со структуралистскими грамматическими теориями, определяется тем, что я ощущал синтаксические структуры как поэт. Они были для меня весомыми и напряженными. Я воспринимал их как динамические конструкции, рожденные взаимодействием масс (словесного материала с его звучанием и смысловой насыщенностью) и сил (стремления говорящего к структурному единству и выразительности высказывания)» (Сильман, Адмони 1993: 198). Н.А. Бутинову в некоторых своих устных выступлениях и трудах удавалось сочетать научный и поэтический взгляд на ту или иную проблему. Примером может служить упомянутая выше статья «Леви Строс – этнограф и философ».

И если я затрудняюсь назвать Н.А. Бутинова поэтом в высоком понимании этого слова, то могу с уверенностью сказать, что он обладал определенным поэтическим даром и что истинно поэтическим был его душевный настрой.

Трагические события и страшные потрясения XX века обошли Н.А. Бутинова стороной в отличие от миллионов людей его поколения, среди которых было много ученых, в том числе и этнографов (Ярошевский 1991; 1994; Тумаркин 1999; 2003; Васильков, Сорокина 2003; Решетов 1994а: 188–122; 1994б, 359–363; Дружинин 2012). Судьба его сложилась вполне благополучно. Как упоминалось выше, он и сам считал себя счастливым человеком. И это чувство было приуще ему не только в силу природного оптимизма, но и отчетливо-

го понимания того, какое время и какие экстремальные события он пережил. В этой счастливо сложившейся научной судьбе были свои нелегкие испытания, которые Николай Александрович переносил стойко, с большим чувством собственного достоинства. Ему, конечно, приходилось принимать участие во всех церемониях и приветствовать то, что требовалось по установленному в советское время ритуалу, но при этом сохранять свой внутренний мир и оставаться самим собой. Его жизненное кредо можно было бы кратко выразить знаменитыми словами поэта: «И надо ни единой долькой / Не отступаться от лица / И быть живым, живым и только / Живым и только до конца».

Таким он и остался в памяти близких коллег.

В его лице историческая наука имеет одного из лучших своих представителей, мужественная борьба которых за раскрепощение научного мышления способствовала, несмотря на неблагоприятную, а порой и трагическую ситуацию, сохранению своего достойного профессионального уровня.

С тех пор прошло более 50 лет. Казалось бы, времена жесткого всеобщего диктата единственной идеологической доктрины в этнографии и в гуманитарных науках в целом отошли в далекое прошлое, потеряли свою актуальность и стали достоянием истории. Но события последних нескольких лет, происходящие в обществе и сознании людей, не дают возможности столь оптимистично смотреть в будущее. Обращусь к книге воспоминаний И. С. Кона – ученого с мировым именем, научная судьба которого тоже сложилась вполне благополучно. Книга называется «80 лет одиночества» и почти целиком состоит из описания того, какие препятствия в течение многих лет своей многосторонней деятельности приходилось ему преодолевать и сколько было потрачено сил и энергии, чтобы добиться работы в новых для советской науки научных направлениях. И. С. Кон объясняет, что побудило его взяться за воспоминания: «Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни. Коль скоро это так, прошлый опыт важен не только будущим историкам, о нем полезно знать и современным молодым людям, даже если они сами этого пока не осознают» (Кон 2008: 9). Это было написано в 2008 г., но опасения И.С. Кона и сегодня не теряют своей актуальности. Вот почему пример Н.А. Бутинова, сумевшего преодолеть собственный консерватизм и догматизм и стать мужественным и целеустремленным борцом за свободное, творческое развитие мысли важен, чтобы будущее нашей науки не оказалось ее прошлым.

Источники

Бутинов Н.А. Учение Грэбнера // Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Фонд К I. Оп. 1. №860. 276 л.

Научная литература

Аверкиева и др. 1963 – Аверкиева Ю.П., Першиц А.И., Файнберг Л.А.,

Чебоксаров Н.Н. Еще раз о месте материнского рода в истории общества (По поводу статьи Н.А. Бутинова «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи» // Советская этнография. 1963. №3. С. 200–205.

Беляев 1971 – Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. Сборник в честь проф. И.Н. Винникова / Отв. ред. В.И. Беляев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.

Бутинов 1962 – Бутинов Н.А. «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи» // Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов. М.; Л., 1962. С. 107–189. (Тр. Ин-т этнографии АН СССР. Нов. сер.; Т.LXXX).

Бутинов 1967 – Бутинов Н.А. (рец.) G.P. Murdock. Ethnographic Atlas / Ethnology. Vol.1–6. 1962–1967 // Советская этнография. 1967. №6. С. 127–134.

Бутинов 1974 – Бутинов Н.А. (рец.) Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе». Л.: Наука, 1972 // Народы Азии и Африки. 1974. №3. С. 194–196.

Бутинов 1979 – Бутинов Н.А. Леви-Строс и проблемы социальной организации австралийских аборигенов // Этнография за рубежом. М.: Наука, 1979. С. 114–148;

Бутинов 1983 – Бутинов Н.А. Леви-Строс – этнограф и философ // К. Леви-Строс. Структурная антропология. М.: Главная редакция Восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. С. 422–466.

Бутинов 1985 – Бутинов Н.А. Список основных работ // Советская этнография. 1985. №1. С.130–132.

Бутинов 1994 – Бутинов Н.А. Список основных работ // Этнографическое обозрение 1994. №6. С.166.

Бутинов 2004а – Бутинов Н.А. Л. Леви-Брюль о первобытном мышлении //Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб: Петербургское востоковедение, 2004а. С. 111–141.

Бутинов 2004б – Бутинов Н.А. Н.Н. Миклухо-Маклай как теоретик // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Ти-

- хоокеанского региона. СПб.: Петербургское востоковедение. 2004б. С.142–150.
- Бутинов 2004в – Бутинов Н.А. Современники Н. Н. Миклухо-Маклая в этнографии // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004в. С.151–155.
- Васильков, Сорокина 2003 – Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Ганелин 2004 – Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб.: Нестор история, 2004.
- Гельцер 2005 – Гельцер М.Л. Исаак Натанович Винников (Воспоминания ученика) // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С.44–51.
- Герценберг 1972 – Герценберг Л.Г. К вопросу о языковом ландшафте в древнейшую эпоху // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отд-е, 1972. С. 43–52.
- Гуревич 2004 – Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
- Гуревич 2013 – Гуревич С.Б. Семь десятилетий в физике // Из истории ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Вып.6. СПб.: Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе, 2013.
- Демидова 2005 – Демидова Г.М. «Память невольной грустью душу осенила» (Воспоминания о И.Н. Винникове) // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 51–59.
- Долинина 1994 – Долинина А.А. Невольник долга. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 336–400.
- Долинина 2005а – Долинина А.А. Воспоминания выпускницы 1949 г. // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 17–33.
- Долинина 2005б – Долинина А.А. Воспоминания о А.М. Голдобине – выпускнике двух факультетов (1950) // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С.73–78.

- Дружинин* 2012 – *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград. 1940-е годы. Т.1, 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Евдокимова, Петрова* 2010 – *Евдокимова Н.П., Петрова А.А.* В.Г. Ревуненков // Портреты историков. Время и судьбы. Средние века. Новая и новейшая история / Отв. ред. Г. Севостьянов, сост. В. Голловин. М.: Наука, 2010. С. 451–466.
- Золотарев* 1936 – *Золотарев А.М.* Фриц Гребнер (4 марта 1877–13 июля 1934) // Советская этнография. 1936. №1. С.73–80.
- Иванов* 1983 – *Иванов Вяч. Вс.* К. Леви-Строс и структурная теория этнографии // К. Леви-Строс. Структурная антропология. М.: Главная редакция Восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. С. 397–421.
- Иванова* 1995а – *Иванова Е.В.* 50 лет в строю (80-десятилетию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Н.А. Бутинова) // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995а. Вып.7. С.224–234.
- Иванова* 1995б – *Иванова Е.В.* Николаю Александровичу Бутинову 80 лет // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1995б. Вып.2–3. С. 374–383.
- Иванова* 2001 – *Иванова Е.В.* (рец.) Бутинов Н.А. Народы Папуа Новой Гвинеи // Этнографическое Обозрение. 2001. №6. С. 181–189.
- Иванова Е.В.* 2005 – *Иванова Е.В.* О Н.А. Бутинове // Антропологический форум. 2005. №2. С. 416–420.
- Кабо* 1969 – *Кабо В.Р.* (рец.) Н.А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи (Этнический состав, хозяйство, общественный строй). М.: Наука, 1968 // Советская этнография. 1969. № 3. С. 159–163.
- Кабо* 1995 – *Кабо В.* Дорога в Австралию. Воспоминания. New York, 1995.
- Кабо* 2004 – *Кабо В.Р.* Письма издалека // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-тихоокеанского региона. Санкт-Петербург. Петербургское востоковедение, 2004. С. 181–195.
- Кагаров* 1935 – *Кагаров Е.Г.* Фриц Гребнер // Советская этнография. 1935. №3. С. 138.
- Комиссаров* 1981 – *Комиссаров Б.Н.* Проблемы Великой французской революции в трудах В.Г. Ревуненкова // Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории: Межвузовский сборник. Л., 1981. С.14–17.
- Кон* 2008 – *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
- Лихачев* 2006 – *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 2006.
- Лихачев, Панченко, Поньрко* 1984 – *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984.
- Лундин* 1976 – *Лундин А.Г.* Памяти Исаака Натановича Винникова // Семитские языки. 1976. Вып.3. С. 276–277.

- Массов* 2002 – *Массов А.Я.* (рец.) *Бутинов Н.А.* Народы Папуа Новой Гвинеи // *Восток*. 2002. №1. С. 271–275.
- Попов* 2004 – *Попов В.А.* Основные направления и проблемы изучения феномена родства в последнюю треть XX века) // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С.207–215.
- Попов* 2014 – *Попов В.А.* Алгебра родства и власти. Исследования по антропологии родства и политической антропологии. М.; СПб.: Институт Африки РАН; АНО «Центр информатизации образования “КИО”», 2014.
- Ревуненков* 1968 – *Ревуненков В.Г.* Марксизм и якобинская диктатура. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966.
- Ревуненкова* 1997 – *Ревуненкова Е.В.* Немного об истории и географии Маклаевских чтений // *Этнография, история, культура стран Южных морей.* (Маклаевские чтения, 1995–1997 гг.). СПб., 1997. С. 3–9.
- Ревуненкова* 2012 – *Ревуненкова Е.В.* Из истории отечественной этнографии: *Нина Ивановна Гаген-Торн* // *Этнографическое Обозрение*. 2012. №6. С.99–122.
- Ревуненкова, Решетов* 1994 – *Ревуненкова Е.В., Решетов А.М.* Николай Александрович Бутинов. К 80-летию со дня рождения и 50-летию работы в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого // *Народы бассейна Тихого океана. Общество, история, культура.* Маклаевские чтения 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 7–17.
- Ревуненкова, Решетов* 2004 – *Ревуненкова Е.В., Решетов А.М.* Николай Александрович Бутинов (1914–2000) // *Проблемы этнографии истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона.* СПб., 2004. С. 8–19.
- Решетникова (Градова)* 2005 – *Решетникова И.Ю. (Градова)* Воспоминания японистки-китаистки о студенческих годах // *Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 272–279.
- Решетов* 1994а– *Решетов А.М.* Репрессированная этнография. Люди и судьбы Ч.1 // *Кунсткамера. Этнографические тетради.* СПб., 1994. Вып.4. С. 188–222.
- Решетов* 1994б– *Решетов А.М.* Репрессированная этнография. Люди и судьбы. Ч.2 // *Кунсткамера. Этнографические тетради.* СПб., 1994. Вып. 5–6. С. 359–363.
- Решетов* 2000 – *Решетов. А.М.* Вместо предисловия. Об авторе книги *Николае Александровиче Бутинове – ученом и борце за свои идеи* // *Бутинов Н.А.* Народы Папуа Новой Гвинеи (от племенного строя к независимому государству. СПб.: Петербургское востоковедение. 2000. С. 5–15.

- Решетов* 2002 – *Решетов А.М.* Памяти Николая Александровича Бутинова // *Этнографическое обозрение*. 2002. №2. С.118–124.
- Сильман, Адмони* 1993 – *Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем. СПб.: Композитор, 1993.
- Тишков, Тумаркин* 2004 – Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004.
- Толстов* 1938 – *Толстов С.П.* Расизм и теория культурных кругов // *Наука о расах и расизм*. М–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. С. 137–170.
- Торчинская* 2005 – *Торчинская Э.Я.* Воспоминания этнографа выпуска 1948 г. // *Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 2005. С. 7–17.
- Тумаркин* 1999 – *Тумаркин Д.Д.* (сост., отв. ред.) Репрессированные этнографы. / Сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып. 1. М.: Восточная литература, 1999.
- Тумаркин* 2003 – *Тумаркин Д.Д.* (сост., отв. ред.) Репрессированные этнографы. / Сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып.2. М.: Восточная литература, 2003.
- Фирсов* 2009 – *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. СПб.: Европейский дом, 2009.
- Фролова* 2005 – *Фролова О.Б.* Проф. И.Н. Винников – лингвист и социолог (по воспоминаниям о совместной работе) // *Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 59–62.
- Ярошевский* 1991 – *Ярошевский* (ред.) Репрессированная наука / Под общей ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 1. Л.: Наука, 1991.
- Ярошевский* 1994 – *Ярошевский* (ред.) Репрессированная наука / Под общей ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 2. Л.: Наука, 1994.

Article Summary From the history of Russian ethnography... Vol.1

Elena V. Revunenkov. Nikolay Alexandrovich Butinov in the History of Russian Ethnography [Nikolay Aleksandrovich Butinov v istorii rossiiskoi etnografii]

Key words: Butinov, Oceania, kin, community, family, primitive communal system, exogamy, Graebner, Miklouho-Maclay, Levi-Strauss, Levi-Bruhl.

Abstract: This article is dedicated to the life and work of Nikolay A. Butinov,

a scholar who made significant contributions to the ethnographic studies of Oceania, and to theory of anthropology, specifically to the studies of archaic societies. His work represents a certain stage in the history of Soviet and Russian ethnography and is, in many ways, a reflection of important trends in the Soviet society as a whole, and of state of studies of humanities from 1940ties to the year 2000, when Nikolay Butinov died. The author describes the evolution of N. Butinov's scholarly worldviews, from strict adherence to the traditional Marxist ideas in his early career, to more open-minded and novel approaches to studies of early stages of human development in the 60ties. He was one of the Russian scholars who fought against dogmatic Marxism in historical science.

Author: **Elena V. Revunenkov**a, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (St-Petersburg, Russia), e-mail: evrevu@gmail.com

References

- Averkiova Y.P., Pershits A.I., Fainberg L.A., Cheboksarov N.N. Eshche raz o meste materinskogo roda v istorii obshchestva (Po povodu stat'ii N.A. Butinova "Proiskhozhdenie i etnicheskii sostav korennoho naseleniia Novoi Gvinei". *Sovetskaia etnografiia*, 1963, no. 3, pp. 200–205.
- Beliaev V. (ed.) *Voprosy filologii stran Azii i Afriki. Sbornik v chest' prof. I.N. Vinnikova*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1971.
- Butinov N.A. Proiskhozhdenie i etnicheskii sostav korennoho naseleniia Novoi Gvinei. *Problemy istorii i etnografii narodov Avstralii, Novoi Gvinei i Gavaiskikh ostrovov*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962, pp. 107–189.
- Butinov N.A. Review of: G.P. Murdock. *Ethnographic Atlas / Ethnology*. Vol. 1–6. 1962–1967. *Sovetskaia etnografiia*, 1967, no. 6, pp. 127–134.
- Butinov N.A. Review of: Okhotniki, sobirатели, rybolovy. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii v dozemel'del'cheskom obshchestve*. Leningrad: Nauka. 1972. *Narody Azii i Afriki*, 1974, no. 3, pp. 194–196.
- Butinov N.A. Levi-Strauss i problemy sotsial'noi organizatsii avstraliiskikh aborigenov. *Etnografiia za rubezhom*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 114–148.
- Butinov N.A. Levi-Strauss – etnograf i filosof. C. *Levi-Strauss. Strukturnaia antropologiya*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1983, pp. 422–466.
- Butinov N.A. Spisok osnovnih rabot. *Sovetskaia etnografiia*, 1985. №1. pp.130–132.
- Butinov N.A. Spisok osnovnih rabot. *Sovetskaia etnografiia*, 1994. №6. p.166.
- Butinov N.A. L. Levi-Bruhl o pervobytnom myshlenii. *Problemy etnografii i istorii kul'tury narodov Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, pp. 111–141.

- Butinov N.A. N.N. Miklukho-Maklay kak teoretik. *Problemy etnografii i istorii kul'tury narodov Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, pp. 142–150.
- Butinov N.A. Sovremenniki N. N. Miklukho-Maklaya v etnografii. *Problemy etnografii i istorii kul'tury narodov Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*, St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, pp. 151–155.
- Ganelin R.Sh. *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdub soboi. Stranitsy vospominanii o 1940–1970-kh godakh*. St. Petersburg: Nestor istoriia, 2004.
- Gelzer M.L. Isaak Natanovich Vinnikov (Vospominaniya uchenika). *Vospominaniya vypusnikov Vostochnogo fakulteta Leningradskogo (Peterburgskogo) gosudarstvennogo universiteta poslevoennykh let*. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005, pp. 44–51.
- Gertsenberg L.G. K voprosu o yazykovom landshafte v drevneishui epokhu. *Okhotniki, sobirатели, rybolovy. Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii v dozemledel'cheskom obshchestve*. Leningrad: Nauka. 1972, pp. 43–52.
- Gurevich A.Ya. *Istorii istorika*. Moscow: ROSSPEN, 2004.
- Gurevich S.B. Sem' desyateletii v fizike. *Iz istorii FTI im. A.F. Ioffe*. Vyp.6. SPb. Fiziko-tekhnicheskii institute im. A.F. Ioffe. 2013.
- Demidova G.M. «Pamiat' nevol'noi grust'yu osenila (Vospominaniya o I.N. Vinnikove). *Vospominaniya vypusnikov Vostochnogo fakulteta Leningradskogo (Peterburgskogo) gosudarstvennogo universiteta poslevoennykh let*. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005, pp. 51–59.
- Dolinina A.A. *Nevol'nik dolga*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1994.
- Dolinina A.A. Vospominaniya vypusknitsy 1949g. *Vospominaniya vypusnikov Vostochnogo fakulteta Leningradskogo (Peterburgskogo) gosudarstvennogo universiteta poslevoennykh let*. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005a, pp. 17–33.
- Dolinina A.A. Vospominaniya o A.M. Goldobine – vypusnike dvuh fakul'tetov (1950). *Vospominaniya vypusnikov Vostochnogo fakulteta Leningradskogo (Peterburgskogo) gosudarstvennogo universiteta poslevoennykh let*. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005b, pp.73–78.
- Druzhinin P.A *Ideologiya i filologiya. Leningrad. 1940-e gody*. Vol. 1–2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
- Evdokimova N.P., Petrova A.A. V.G. Revunenkov. *Portrety istorikov. Vremia i sud'by. Srednie veka. Novaya i noveishaia istoriya*, ed. G. Sevostyanov, V. Golovin. Moscow: Nauka, 2010, pp. 451–466.
- Firsov B.M. *Raznomyслиe v SSSR*. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2009.
- Frolova O.B. Prof. I.N. Vinnikov– lingvist i sotsiolog (po vospominaniyam o sovmestnoi rabote). *Vospominaniya vypusnikov Vostochnogo fakulteta Leningradskogo (Peterburgskogo) gosudarstvennogo universiteta poslevoennykh let*. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005, pp. 59–62.

- Ivanov Viach. Vs. C. Levi-Strauss i strukturnaia teoriia etnografii. C. Levi-Strauss. *Strukturnaia antropologiya*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1983, pp. 397–421.
- Ivanova E.V. 50 let v stroiu (80-desiatiletiiu so dnia rozhdeniia i 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti N.A. Butinova). *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*, 1995, vol. 7, pp. 224–234.
- Ivanova E.V. Nikolaiu Aleksandrovichu Butinovu 80 let. *Kur'ier Petrovskoi Kunstkamery*, 1995, vol. 2–3, pp. 374–383.
- Ivanova E.V. Review of: Butinov N.A. *Narody Papua Novoi Gvinei. Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 6, pp. 181–189.
- Ivanova E.V. O N.A. Butinove. *Antropologicheskii forum*, 2005, no. 2, pp. 416–420;
- Kabo V.R. Review of: N.A. Butinov. *Papuasy Novoi Gvinei (Etnicheskii sostav, khoziaistvo, obshchestvennyi stroi)*. Moscow: Nauka, 1968. *Sovetskaia etnografiia*, 1969, no. 3, pp. 159–163.
- Kabo V.R. Pis'ma izdaleka. *Problemy etnografii i istorii kul'tury narodov Aziatsko-tikhookeanskogo regiona*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, pp. 181–195.
- Kagarov E.G. Fritz Graebner. *Sovetskaia etnografiia*, 1935, no 3, p. 138.
- Komissarov B.N. Problemy Velikoi frantsuzskoi revoliutsii v trudakh V.G. Revunenкова. *Sovetskaia i zarubezhnaia istoriografiia novoi i noveishei istorii: Mezhyuzovskii sbornik*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1981, pp. 3–22.
- Likhachev D.S. *Vospominaniia*. SPb: Logos, 2006.
- Likhachev D.S., Panchenko A.V., Ponyrko N.V. *Smekh v Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka, 1984.
- Lundin A.G. Pamiati Isaaka Natanovicha Vinnikova. *Semitskie yazyki*, 1976, vol. 3, pp. 276–277.
- Massov A.Ya. Review of: Butinov N.A. *Narody Papua Novoi Gvinei. Vostok*, 2002, no. 1, pp. 271–275.
- Popov V.A. Osnovnye napravleniia i problemy izucheniia fenomena rodstva v posledniuiu tret' XX veka. *Problemy etnografii i istorii kul'tury narodov Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, pp. 207–215.
- Popov V.A. *Algebra rodstva i vlasti. Issledovaniia po antropologii rodstva i politicheskoi antropologii*. Moscow; St. Petersburg: Institut Afriki RAN; ANO "Tsentr informatizatsii obrazovaniia KIO", 2014.
- Reshennikova (Gradova) I.Yu. Vospominaniia yaponistki-kitaistki o studencheskikh godakh. *Vospominaniia vypusnikov Vostochnogo fakulteta Leningradskogo (Peterburgskogo) gosudarstvennogo universiteta poslevoennykh let*. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005, pp. 272–279.
- Reshetov A.M. Repressirovannaia etnografiia. Liudi i sud'by. Pt. 1. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. St. Petersburg, 1994, vol. 4, pp. 188–222.
- Reshetov A.M. Repressirovannaia etnografiia. Liudi i sud'by. Pt. 2. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. St. Petersburg, 1994, vol. 5–6, pp. 359–363.

- Reshetov A.M. Vmesto predisloviia. Ob avtore knigi Nikolae Aleksandroviche Butinove –uchenom i bortse za svoi idei. *Butinov N.A. Narody Papua Novoi Gvinei (ot plemennogo stroia k nezavisimomu gosudarstvu*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, pp. 5–15.
- Reshetov A.M. Pamiati Nikolaia Aleksandrovicha Butinova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2002, no. 2, pp. 118–124.
- Revunenkov V.G. *Marksizm i yakobinskaia diktatura*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1966.
- Revunenkova E.V. Nemnogo ob istorii i geografii Maklaevskikh chtenii. *Etnografiia, istoriia, kul'tura stran Iuzhnykh morei (Maklaevskie chteniia, 1995–1997gg.)*. St. Petersburg: 1997, pp. 3–9.
- Revunenkova E.V. Iz istorii otechestvennoi etnografii: Nina Ivanovna Gagen-Torn. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 6, pp. 99–122.
- Revunenkova E.V., Reshetov A.M. Nikolai Aleksandrovich Butinov. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia i 50-letiiu raboty v Muzee antropologii i etnografii im. Petra Velikogo. *Narody basseina Tikhogo okeana. Obshchestvo, istoriia, kul'tura. Maklaevskie chteniia 1993–1994 gg.* St. Petersburg, 1994, pp. 7–17.
- Revunenkova E.V., Reshetov A.M. Nikolai Aleksandrovich Butinov (1914–2000). *Problemy etnografii istorii kul'tury narodov Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, pp. 8–19.
- Tishkov V.A., Tumarkin D.D. (ed.) *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka*. Moscow: Nauka, 2004.
- Tolstov S.P. Rasizm i teoriia kul'turnykh krugov. *Nauka o rasakh i rasizm*, ed. M.S. Plisetskii. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1938, pp. 137–170.
- Torchinskaya E.Ya. Vospominaniya etnografa vypuska 1948 g. *Vospominaniya vypusnikov Vostochnogo fakulteta Leningradskogo (Peterburgskogo) gosudarstvennogo universiteta poslevoennykh let*. SPb: izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005, pp. 7–17.
- Tumarkin D.D. (ed.) *Repressirovannye etnografy*. Vol. 1. Moscow: Vostochnaia literatura, 1999.
- Tumarkin D.D. (ed.) *Repressirovannye etnografy*. Vol. 2. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003.
- Vasil'kov Ya.V., Sorokina M.Yu. (ed.) *Liudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003.
- Yaroshevskii M.G. (ed.) *Repressirovannaia nauka*. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1991.
- Yaroshevskii M.G. (ed.) *Repressirovannaia nauka*. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1994.
- Zolotarev A.M. Frits Grebner (4 marta 1877–13 iulia 1934). *Sovetskaia etnografiia*, 1936, no. 1, pp. 73–80.

Письма из домашнего архива С.И. Вайнштейна как источник по истории науки

Ключевые слова: С.И. Вайнштейн, Тува, архив, письма, Б.О. Долгих, Ю.Л. Аранчин, М.Б. Кенин-Лопсан, этнография, археология, источниковедение, история науки, тувиноведение

Аннотация: Статья характеризует эпистолярное собрание в домашнем архиве известного тюрколога-тувиноведа, историка, этнографа, археолога, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Севьяна Израилевича Вайнштейна (1926–2008). Определяется круг его адресантов, анализируется содержание и информационная специфика писем с 1949 по 2007 г. Обосновывается источниковедческая ценность собрания. Приводятся шесть писем Вайнштейну известного североведа Б.О. Долгих, сыгравшего определяющую роль в становлении Вайнштейна как ученого. Исследуется тувинская переписка Вайнштейна, включающая как письма Вайнштейну из Тувы, где ученый прожил с 1950 по 1959 гг., так и черновики его писем коллегам в Туву из Москвы, где С.И. Вайнштейн с 1959 г. до конца жизни работал в Институте этнографии (с 1990 г. – Институт этнологии и антропологии РАН). Особую мемориальную и информационную ценность представляет письмо Вайнштейну первого директора Тувинского государственного музея, этнографа В.П. Ермолаева (1892–1982), которое приводится в статье. Помимо писем, в статье использованы дневники, полевые фотографии и рисунки С.И. Вайнштейна из его домашнего архива.

В домашнем архиве известного тюрколога, одного из крупнейших специалистов по истории, этнологии и археологии Тувы, доктора исторических наук Севьяна Израилевича Вайнштейна (1926–2008) хранится значительное количество адресованных ему писем, датируемых 1940–2000 гг. Более двухсот из них на русском языке, около ста – на английском и немецком. Список адресантов включает более 100 фамилий. Основные корреспонденты Вайнштейна – это преимущественно его друзья, коллеги, ученики, а также его «информаторы» – люди, с которыми ученому приходилось общаться в этнографическом поле. Среди авторов писем: историк и археолог академик А.П. Окладников (1908–1981), историк, академик Н.Н. Покровский (1930–2013), антрополог, академик В.П. Алексеев (1929–1991),

* Елена Петровна Батьянова – к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), e-mail: elena-batyanova@yandex.ru

** Владимир Александрович Коренько (1952–2016) – к.и.н., главный научный сотрудник Государственного Музея искусства народов Востока (г. Москва)

этнограф-искусствовед С.В. Иванов (1895–1986), археолог и этнограф А.Н. Липский (1890–1973), археолог Н.Л. Членова (1929–2009) и многие другие известные отечественные и зарубежные ученые. Их письма представляют собой весьма информативный источник по истории отечественной и зарубежной этнологии и смежных дисциплин, они передают атмосферу времени, в них – события научной жизни, факты биографий ученых, штрихи к их профессиональным и психологическим портретам. В письмах обсуждаются планы исследований, ведутся научные споры по проблемам тюркологии, сибиреведения и пр.

Особое место в архиве занимают письма выдающегося сибироведа Бориса Осиповича Долгих¹, который сыграл определяющую роль в выборе студентом истфака МГУ Севьяном Вайнштейном этнографической специализации и в становлении его как ученого. До участия в 1948 г. в кетской экспедиции, руководимой Б.О. Долгих, отношение Вайнштейна к этнографии и археологии было скептическим, о чем свидетельствует его личный дневник². Вот дневниковая запись от 6 февраля 1948 г.: «Вчера слушал на Волхонке (Акад. Наук, Ин-тут этнографии) доклад Толстова о Хорезмийской археологической экспедиции³. Много интересного, но часто возникает вопрос, насколько все эти колоссальные расходы оправданы в наше время. Доклад сопровождался диапозитивами и кинофильмом (с цветными кадрами). Там же экспонированы материалы других экспедиций на север, запад и восток. Много чрезвычайно интересного. Смотрел с большим любопытством, но сказать, чтобы у меня проявился научный интерес к проблемам этнографии (есть ли такие?) нельзя».

Экспедиционная поездка 1948 г. к кетам совместно с Б.О. Долгих изменила представления будущего ученого о сущности и соци-

¹ Долгих Борис Осипович (1904–1971) – сибиревед-историк, этнограф, один из основателей московской школы советского этнографического сибиреведения. Доктор исторических наук. В 1948–1971 гг. сотрудник Института этнографии АН СССР. В 1955–1965 гг. возглавлял созданный в этом Институте по его инициативе Сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера [впоследствии Сектор (Отдел) этнографии народов Крайнего Севера и Сибири)]. Автор шести книг, в том числе классической монографии «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в». М., 1960.

² Дневник хранится в домашнем архиве С.И. Вайнштейна.

³ Толстов Сергей Павлович (1907–1976) – историк, этнограф, археолог, исследователь Средней Азии, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии истфака МГУ (1939–1951), директор Института этнографии АН СССР (1942–1965), руководитель Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Член-корреспондент АН СССР (1953).

альной роли этнографической науки. В кетских полевых дневниках и позднее – в статьях о Борисе Осиповиче Долгих Вайнштейн с восхищением пишет как о профессиональных, так и о человеческих качествах своего наставника, открывшего для него смысл и романтику сибирской полевой этнографии (Вайнштейн 1992; 1999; 2015).

Сохранившиеся в архиве письма Б.О. Долгих включают период с 1949 по 1959 гг. Почти все они адресованы в Туву, где в 1950-е годы жил и работал Севьян Израилевич. Короткие, но весьма информативные послания Бориса Осиповича высвечивают его увлеченность наукой, присущие ему тщательность и скрупулезность в сборе и толковании этнографических материалов, внимательность и доброжелательность по отношению к ученикам и коллегам. Долгих внимательно следит за первыми публикациями Вайнштейна, одобряя его в своих письмах и предрекая ему успешную научную карьеру. Приводим несколько писем Б.О. Долгих С.И. Вайнштейну.

Дорогой Севьян! У Вас сейчас, очевидно, разгар работы⁴ а я, к сожалению, прозаически провожу время на даче под Москвой. Честно говорю: завидую Вам.

На днях я окончил приведение (так – Е.Б., В.К.) записей у кетов 1948 г. Конечно, много недоуменных вопросов, пробелов и т.п. Ряд их прошу Вас восполнить (прилагаю вопросник). Это, конечно, далеко не все, а главным образом относящиеся к номенклатуре родовых терминов, а также общие пожелания.

Кстати, когда я переписал все предания и сказки кетов, то их, вместе с записями Севьяна, оказалось более 40 (43, кажется). Многие из них, конечно, крохотные, но все же что-то (листа на 1,5, м.б., даже 2).

Привет черноостровцам⁵, русским и кетам, в частности Илье Михайловичу, Карпу Михайловичу, Ольге Васильевне, Роману Павловичу и Петру Алексеевичу, а также семейству Угринович, Гуляеву и др.

Надеюсь, что мое письмо Вас уже застанет.

Желаю успеха в работе. Не теряйте ни минуты. На этнографической карте Азии для БСЭ Сергей Павлович [Толстов – Е.Б., В.К.] заставил меня выделить кетов особым цветом как совершенно особую группу (я их по старой привычке, и чтобы сократить легенду, отнес было к палеоазиатам).

Так что чувствуйте, какой перед Вами важный объект изучения.

⁴ Летом 1949 года С.И. Вайнштейн проводил полевую работу среди кетов Подкаменной Тунгуски.

⁵ Черноостровцы – жители селения Черный остров на реке Подкаменная Тунгуска.

Привет и полная уверенность в том, что Вы совершите переворот в науке.

Ваш Б. Долгих

19/ VIII, 49. г. Москва.

Многоуважаемый Севьян Израилевич!

Ваше письмо с оттиском статьи Чернецова⁶ получил. Читал также Вашу статью о кетском чуме. Статья очень хорошая. По правде сказать, только прочитав её, я уяснил себе наконец, в чем заключаются особенности конструкции кетского чума. Конечно, это особый тип чума по сравнению с самоедским и тунгусским. Жаль, что я эти дни не видел Чернецова и не мог его расспросить о хантыйском и мансийском чумах. Но, судя по фотографиям, они должны быть по своей конструкции ближе к кетскому.

Статья Ваша уже включена в очередной (21 или 22) выпуск Кратких сообщений⁷.

Сочувствую Вам в Ваших переживаниях с перевернутым автомобилем и морозом на Саянах. Хорошо, что Вы дешево отделались. В связи с этим я вспомнил нашу первую ночевку под дождем на Подкаменной Тунгуске. Тогда Вы очень волновались, но сейчас, конечно, понимаете, что это были детские игры – теплый дождь на берегу лесистой реки в середине лета.

Спасибо, что поговорили с Потаповым⁸ об этой злосчастной рецензии. «Вопросам истории» она сейчас уже не нужна, поздно, а Потапов сердит на меня за то, что я ее не написал.

Что касается меня, то я сейчас заканчиваю всякие свои «хвосты», чтобы в ближайшем будущем целиком заняться своей диссертацией.

Желаю Вам дальнейших успехов.

Ваш Б. Долгих.

18/I- 54. г. Москва.

⁶ Чернецов Валерий Николаевич (1905–1970) – археолог, этнограф, известный специалист по культурам угорских народов.

⁷ Статья С.И. Вайнштейна «Чум подкаменнотунгусских кетов» была опубликована в КСИЭ (Вып. XXI. М., 1954. С. 39–43).

⁸ Потапов Леонид Павлович (1905–2000) – специалист по истории и этнографии народов Южной Сибири. Доктор исторических наук. Лауреат Государственной (Сталинской) премии. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Дорогой Севьян!

Ваше письмо получил. Поздравляю с прошедшим праздником. Вижу, что Вы по-прежнему много работаете, что и требуется. Большое Вам спасибо за указание цитаты из Ленина об истине. Вы меня избавили от больших поисков.

Что касается меня, то я сейчас мысленно нахожусь на Алдане, Мае⁹ и Охотском море, куда привели меня очередные страницы моей Dissertation. С тревогой думаю о Зап. Сибири. Я ведь к ней еще не приступил, а срок моей докторантуры истекает 31 /XII – 55.

Слушал доклады Прокофьевой¹⁰ и Грача¹¹. Довольно интересно, особенно о писаницах. Вы-то, наверное, в курсе дела их находок. На этом же заседании, где они делали доклады, познакомился с А.Н. Липским. У него очень интересные археологические соображения. По-видимому, он собирается посрамить С.В. Киселева¹². Последний, между прочим, хворает. Плохо с сердцем.[...] Прямо общественное бедствие. Даже такой дуб, как Дебец¹³, лежит из-за него месяца полтора.[...] Но я себя чувствую лучше, чем раньше.

В Институте бываю редко, т.к. теперь я почти что аспирант, т.е. вольная птица. Польза от этого есть, т.к. остается больше времени для занятия науками.

Желаю Вам, Севьян, дальнейших успехов. Слышал, что Вы хотите писать диссертацию о кетах. Ей богу, это не так уж плохо, но, пожалуй, в Туве это осуществить трудно. С начала июня по конец августа я хочу поработать на Рижском взморье. Пишите в это время мне лучше на Институт, должны переслать.

Ну вот, пока все.

Еще раз желаю Вам всего лучшего.

Ваш Б. Долгих. 16.V. 54.

Москва.

P.S. 18 IV с.г. мне исполнилось 50 лет. Печально, но факт.

⁹ Мая – правый приток реки Алдан.

¹⁰ Прокофьева Екатерина Дмитриевна (1902–1978) – специалист по языку и этнографии селькупов, ненцев, исследователь этнографии Тувы.

¹¹ Грач Александр Данилович (1928–1981) – исследователь археологии и палеоэтнографии Центральной Азии и Южной Сибири. Автор работ по древнетюркским изваяниям Тувы.

¹² Киселев Сергей Владимирович (1905–1962) – исследователь археологии Центральной Азии и Южной Сибири. Член-корреспондент АН СССР (1953).

¹³ Дебец Георгий Францевич (1905–1969) – антрополог, доктор биологических наук, автор монографии «Палеоантропология СССР» (М., 1948).

Дорогой Севьян!

Получил от Вас письмо с новогодним поздравлением и отвечаю Вам тем же.

Поздравляю Вас и с тем роковым шагом, который Вы сделали (т.е. женитьбой) и замечу, что иногда это кончается (и вообще протекает) более или менее благополучно. Вы, конечно, не удосужились сообщить профессию, имя, отчество, фамилию своей супруги, считая, очевидно, что справка о возрасте заменяет всё.

К этнографии её, конечно, придется приучать. Для всех, кто не учился на кафедре этнографии ист. ф-та МГУ, это даётся не сразу. Но по всем данным времени впереди у Вас много, по меньшей мере лет 50. За это время из любого нормального человека можно сделать этнографа.

Рад Вашим археологическим успехам. Вы ведь находитесь в сердце Азии, здесь надо ожидать много интересного.

Не помню, писал ли я Вам, что летом 1954 г. побывал не только у нганасанов, кетов и селькупов, но и на Рижском взморье. Я ведь родился в Риге, и мне было очень приятно побывать в этом городе уже пожилым человеком со своей семьёй. Осмотрел все достопримечательности и с особенным интересом – замечательный, единственный в СССР этнографический музей на открытом воздухе. В нем собраны строения и целые усадьбы с разных концов Латвии со всем инвентарем и обстановкой. Тут и Видземе, и Курземе и Латгалия, и Земгалия.

Устройте такой музей у себя в Кызыле. А то скоро будете искать последнюю юрту и не найдете.

Сейчас идет 2-й географический съезд. Завтра заработает этнографическая секция, где, в частности, и я буду докладывать. Поэтому с 26 /I я совсем забросил свою диссертацию, готовя доклад, и вернусь к ней лишь 7 /II. Правда, это не так много, но я хотел кончить Восточную Сибирь к I/I - 55, но застрял на численности камчадал и коряков, а затем подоспел этот съезд. Я все надеялся, что меня «минует чаша сия», но не миновала.

Удивляюсь Вашим морозам. В Москве в январе наоборот было 10 дней с температурой 0 и выше нуля. Да и первые дни февраля стоит такая же температура.

Желаю Вам, Севьян, дальнейших успехов, быстрого окончания диссертации, а главное – здоровья.

Привет супруге.

Привет Вам от Веры (моей жены) и дочек¹⁴.

Ваш Б. Долгих.

4/II- 55. г. Москва.

P.S. По-моему, это хорошо, что Вы переходите в исследовательский ин-т. Не будут отвлекать экскурсии и работа по экспозиции. Б.Д.

Дорогой Севьян Израилевич!

Ваше письмо и «Очерк этногенеза тувинцев» получил.

«Очерк» мне очень понравился. Я должен сказать, что как раз в это время я переделывал главу своей работы о населении Красноярского уезда. Поэтому Вашу рукопись я прочел с самым большим интересом и... [нрз.]сослался теперь на Вас. Надо заметить, что в этом очерке у Вас есть, по-моему, одно расхождение с докладом, который печатается в «Кратких сообщениях»¹⁵. Там Вы род Тодут считаете самоедским, а в «Очерках» – кетским. Последнее вернее, и я здесь ссылаюсь на Вас. Но тогда исправьте это место в редакции Вашего доклада в «Кр. Сообщениях...».

О Ваших тувинских морозах читал в Вашем письме с содроганием. Я стал ужасно бояться морозов.

О Вашей работе в Тувинском музее я говорил с А.П. Смирновым¹⁶, но уже вакансия была занята. Но Вы правы, вряд ли Вам следует забираться в этот музей. Сейчас, конечно, в ближайшее время устроиться в Москве трудно. Даже наоборот, люди едут на периферию, во вновь создаваемые научные центры, как Вы, вероятно, читаете в газетах. Но Вас мы все время имеем в виду, и если наши работы расширятся, то Вы будете первый кандидат, хотя бы в каком-нибудь новом научном центре в Сибири.

Я еду в этом году на Таймыр, и, кроме того, едет еще 6 чел. в разные районы Севера. Осенью будем готовить сборник по нашим материалам о итогах и дальнейших путях социалистического строительства у народов Севера.

¹⁴ Попова Вера Гордеевна (1915–1994) – жена Б.О. Долгих; дочери – Ольга и Татьяна.

¹⁵ Б.О. Долгих имеет в виду доклад С.И. Вайнштейна «Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев», впоследствии опубликованный в КСИЭ (Вайнштейн 1958).

¹⁶ Смирнов Алексей Петрович (1899–1974) – специалист в области финно-угорской и булгарской археологии. Доктор исторических наук, профессор МГУ.

Насколько я Вас понял, Вам нужна рецензия на «Очерк этногенеза тувинцев». Сейчас мне трудно написать формальную рецензию с разбором и т.д. – слишком много дел. Но вообще работа эта очень хорошая, дельная, и каких-либо возражений у меня нет. Могут быть какие-нибудь мелкие замечания, но их надо еще найти.

В целом, если надо, можете сказать, что я никаких возражений в отношении напечатания «Очерка этногенеза тувинцев»¹⁷ не имею.

Есть у меня один вопрос. Считаете ли Вы, что термин Тува, тувинцы распространяли на всех предков современных тувинцев и в прошлом (не считая тоджинцев¹⁸) или это явление последних времен? Между прочим, в XVII в. население Прикозоголья называлось тувинцами (и одновременно сойотами и частью урянхами).

Насчет рецензии или отзыва на «Очерки» напишите, что надо, я выкрою время и сделаю это.

У меня дома все более или менее благополучно. Вера, правда, прихварывает, но больше от нервов.

Привет Алле и Анюте¹⁹

Ваш Б. Долгих.

21/IV 57 г. Москва.

Дорогой Севьян Израилевич!

Ваше письмо и оттиск получил. Большое спасибо за все это, а также за поздравление.

Радуюсь Вашим археологическим успехам и тому, что готовится к изданию Ваша книга о тоджинцах. В общем Вы выходите на широкую дорогу научной деятельности в довольно ранние годы. Это несомненный и вполне заслуженный Вами успех.

Будем ждать Вас в ноябре.

Между прочим, у меня сейчас возникла идея: нельзя ли Вам, если не окажется вакансий в секторе Сибири, хотя бы временно, пойти в какой-либо другой азиатский сектор. Все эти уйгуры и т.п. как раз подходят для такого профиля. Подумайте об этом.

¹⁷ «Очерк» был опубликован в Уч.Зап. Тув. НИИЯЛИ (Вайнштейн 1957).

¹⁸ Тоджинцы – субэтническая группа тувинцев. Исследованию их истории и культуры посвящена монография С.И. Вайнштейна (Вайнштейн 1961).

¹⁹ Петрова Алевтина Никифоровна (1935–2017) – жена С.И. Вайнштейна; Петрова Анна Севьяновна – дочь С.И. Вайнштейна.

Диосеги²⁰ меня тоже уговаривал написать статью на какую-нибудь шаманистическую тему. Пока я еще за неё не садился, но, очевидно, придется. Диосеги – это человек совершенно непомерной энергии и цепкости. Даже удивительно, что такой человек пошел в этнографию. Но зато в его руках она даст все, что может.

Я сейчас, пользуясь затишьем, т.е. тем, что не все съехались из экспедиций, обрабатываю свои материалы 1957 г. Мне самому они очень нравятся.

Желаю Вам всего лучшего. Не забывайте за археологией и этнографию. До скорой встречи.

Привет Алле.

Ув. Вас Б. Долгих.

20/IX-1958 (?)

В эпистолярном собрании архива много писем из Тувы, с которой жизнь и научное творчество С.И. Вайнштейна были связаны на протяжении многих десятилетий. По окончании в 1950 г. исторического факультета МГУ он был направлен в Кызыл, где прожил 9 лет, работая сначала в Национальном музее, а с 1954 г. – в Тувинском НИИЯЛИ. Переехав в 1959 г. в Москву, Вайнштейн до конца жизни трудился в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), но никогда не прерывал связей

Фрагмент письма С.И. Вайнштейна из Тувы с рисунком.
Тува. Тоджа, 1951 г. Фото из семейного архива.

²⁰ Диосеги Вильмош (1923–1972) – венгерский лингвист и этнограф, исследователь шаманизма народов Сибири.

*С.И. Вайништейн на озере Тере-Холь. Тува, 1957 г.
Фото из семейного архива.*

*С.И. Вайништейн (справа) и В. Диосеги во дворе экспозиции
«Центр Азии». Тува, Кызыл, 1957 г.
Фото из семейного архива.*

с Тувой, постоянно находился в курсе её научной, культурной, общественной жизни. Он регулярно выезжал в экспедиции в Туву, работал над книгами и статьями по её истории, этнографии, археологии, постоянно поддерживал переписку с учеными, общественными деятелями, рядовыми гражданами Тувинской АО (с 1991 г. – Республика Тыва).

Среди тувинских корреспондентов С.И. Вайнштейна резчик по камню- агальматолиту Бригад Дупчур, делившийся с Севьяном Израилевичем своими творческими планами, школьница из тувинского города Шагонар Светлана Лаптева (интересовалась личностью одного из первых исследователей Тувы Феликса Яковлевича Кона), житель поселка Кунгуртуг Тере-Хольского района Доржу Шыырап (сообщает в своем письме от 18.01.1988 г. о строительстве малой гидроэлектростанции на реке Балыктыг-Хем и о том, что за охотничий сезон он добыл 700 белок и 27 соболей). Очень эмоционально и трогательно письмо Вайнштейну от Николая Константиновича и Натальи Дойдаловны Рушевых – родителей безвременно скончавшейся в 1969 г. талантливой юной художницы Нади Рушевой. Весьма интересно письмо, пришедшее из тибетской колонии в индийском штате Карнатака. Автор письма – молодой тувинец Игорь Монгуш, ставший буддийским монахом (просит С.И. Вайнштейна прислать ему книги о Туве).

В основном же тувинские корреспонденты Вайнштейна – это профессиональные исследователи: историки, этнографы, языковеды, фольклористы, музееведы. Среди них организатор науки, политиче-

*С.И. Вайнштейн и шаман Соян Шанчур.
Тува, оз.Тере-Холь, 1963 г. Фото из семейного архива.*

*С.И. Вайнштейн и тувинский художник
И.Ч. Салчак (1930–1994). Фото из семейного архива.*

ский и общественный деятель Юрий Лудужапович Аранчин (1926–1997); фольклорист, этнограф, историк Леонид Васильевич Гребнев; историк-архивист Владимир Андреевич Дубровский (1925–1996); этнограф, музеевед, первый директор Тувинского государственного музея (совр. Национальный музей Республики Тыва) Владимир Петрович Ермолаев (1892–1982); писатель, фольклорист, этнограф, исследователь тувинского шаманизма Монгуш Борахович Кенин-Лопсан; филолог, специалист по тувинскому героическому эпосу Георгий Николаевич Курбатский; историк Николай Михайлович Моллеров; филолог Шулуу Чыргал-оолович Сат (1926–1992); педагог, писатель, историк, общественный деятель Николай Алексеевич Сердобов (1916–1986) и др.

Тувинская переписка С.И. Вайнштейна – важный источник по истории тувиноведения. Обратимся к некоторым из писем.

Вот письмо Юрия Лудужаповича Аранчина, датируемое 12 мая 1982 г. В этот период Ю.Л. Аранчин возглавлял Тувинский НИИЯ-ЛИ. В письме он рассказывает С.И. Вайнштейну о работе Институ-

та, о научных исследованиях его сотрудников, о выходе в свет своей книги «Исторический путь тувинского народа к социализму» (Новосибирск, 1982) и о других новостях:

«Дорогой Севьян Израилевич!

Рад возможности написать тебе, шлю самые лучшие приветствия и добрые пожелания тебе, Алле и вашим детям и внучке²¹. Надеюсь, что у тебя дела идут хорошо, здоровьем нормально и в семье все в порядке.

У меня дела идут своим чередом; все чем-то заняты, молодые защищаются. И вот Манай-оол²² закончил свою монографию об этнической истории тувинцев, в которой много неясностей. Думаю, что pomoжешь нам советами. Кстати, недавно в «Советской этнографии» весьма обоснованно критиковали Л.Р. Кызласова²³.

Рады и тому, что после годичного просмотра в Институте языкознания рукопись монографии Б.И. Татаринцева²⁴ получила одобрение, а работа его супруги М.П. Татаринцевой²⁵ принята к защите. В Москве скоро защищается в ИМЛИ З. Самдан²⁶, в Алма-Ате — С. Сегленмей²⁷ в Новосибирске — К. Бичелдей²⁸. Собирается в Москву по философской диссертации Т. Будегечиева²⁹, по тувинской музыке — З. Кыргыз³⁰.

²¹ Внучка С.И. Вайнштейна – Анна Олеговна Малюткина.

²² Манай-оол, Монгуш Хургул-оолович – археолог, этнограф, историк. Заслуженный деятель науки Тувинской АССР (1985).

²³ Кызласов Леонид Романович (1924–2007) – археолог-востоковед, доктор исторических наук, профессор МГУ.

²⁴ Татаринцев Борис Исаакович (1939–2011) – специалист по тюркской филологии, языковед.

²⁵ Татаринцева Маргарита Петровна – филолог- фольклорист.

²⁶ Самдан Зоя Баировна – исследователь тувинской литературы и фольклора, впоследствии Заслуженный деятель науки Республики Тыва.

²⁷ Сегленмей Светлана Феликсовна – педагог, специалист по фонетике тувинского и других тюркских языков.

²⁸ Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич – востоковед-филолог, общественный деятель.

²⁹ Будегечиева Тамара Будегечиевна – в настоящее время доцент кафедры философии Тувинского государственного университета.

³⁰ Кыргыз Зоя Кыргызовна – искусствовед, директор Международного научного центра в Кызыле «Хоомей».

Под руководством А.К. Калзана³¹, здоровье которого улучшилось, готовятся 4 книги для серии «Памятники устного народного творчества народов Сибири и ДВ», произведения эпоса для шеститомника Института мировой литературы. Надеюсь, примешь участие в вопросах о тувинских мифах, легендах и преданиях. Я рад буду поработать с тобой над этим.

Влад. Монгуш пишет работу по палеолиту. Вот такие дела.

И вот, наконец-то, долгожданная моя книга вышла в свет³², высылаю её. Пожалуйста, прочти внимательно, напиши свой отзыв, если можно, организуй печатание рецензии. Сейчас готовлю её к защите: сокращаю, дорабатываю [...]. Вообще хотелось бы выслушать твои советы.

Моё и супруги здоровье относительно нормальное, растут две внучки да внук. Погода майская неважная – холода и ветра. Только сейчас устанавливается. Вот и всё.

С искренним уважением Юр. Ив. Аранчын. 12.05.1982.

Постоянный корреспондент Вайнштейна – его друг, писатель и ученый, Монгуш Борахович Кенин-Лопсан. Их переписка продолжалась многие годы. В архиве сохранилось несколько десятков писем Кенин-Лопсана, датируемых 1969–2007 годами. Его письма отличаются колоритным, красочным языком. В одном из них Монгуш Борахович рассказывает о своих первых литературных опытах: *«Когда я был студентом, хорошо писал научные доклады и читал лекции, и было у меня доброе имя «Тувинский Цицерон». Очень хотел работать лектором, но моя мечта умерла в стенах здания Тувинского обкома КПСС... Ныне меня хорошо знают как писателя и ученого вся Европа и вся Америка...»* (Из письма от 1 марта 2002 г.).

Во многих письмах Кенин-Лопсан подчеркивает важность и полезность для Тувы научной деятельности С.И. Вайнштейна: *«Еще раз говорю и всегда буду говорить, что Вы, Севьян Израилевич – ученый сын моей Тувы. Вы очень много хорошего, доброго и светлого сделали для тувинцев и миру показали: тувинцы – очень талантливый народ»* (Из письма от 4 марта 1975 г.). *«Вы, дорогой Севьян Израилевич, своими научными трудами мою родную Туву прославили на весь мир. Вы – тувинский москвич. Люди разных стран, читая Ваши знаменитые труды, узнают древний мир тувинского народа, универсальный мир тувинского шаманства, очаровательный мир тувинского искусства.*

³¹ Калзан Антон Коваевич (1930–1990) – тувинский фольклорист, литературовед, критик, переводчик.

³² Аранчын 1982.

[...] Вы преданно работали, посвящая свой большой талант изучению истока тувинской культуры (Из письма от 24 декабря 1991 г.).

Заслуживают внимания суждения М.Б. Кенин-Лопсана о проблемах изучения шаманизма и фольклора, содержащиеся в его письмах С.И. Вайнштейну.

Автор довольно большой группы писем Владимир Андреевич Дубровский. В его письмах содержится информация преимущественно научно-организационного характера (подготовка диссертаций и их защита, планирование экспедиций и конференций, редакция печатных изданий). В письме от 16.10.1974 г. Дубровский рассказывает, как в Кызыле праздновалось 30-летие создания Тувинской автономной области³³, и отмечает популярность здесь новой книги С.И. Вайнштейна «История народного искусства Тувы» (М., 1972):

Дорогой Сева!

Праздник прошел хорошо, много было делегаций, из города пригласили только немного, свыше 100 человек, бывших руководителей и передовиков труда, активистов и старых ветеранов подобно А.М. Чымба³⁴ и других, которые активно работали еще при ТНР³⁵. Все это ты можешь сам узнать из газет «Тувинская правда» за 9–12 октября.

На торжественном заседании [...] продавали и твою книгу [...] Заседание шло 3,5 часа [...], и был всего один маленький перерыв, и многие не могли пробиться к книжному киоску....

Чрезвычайно содержательно письмо Владимира Петровича Ермолаева, посланное из Абакана и датированное 3 мая 1972 г. Это письмо по форме представляет собой небольшой очерк, в котором автор рассказывает биографию своего брата – археолога и историка Александра Петровича Ермолаева (1886–1919), делится воспоминаниями о своей первой поездке в Туву, сообщает о планах по систематизации имеющихся у него тувинских фотоматериалов и пр.

Письмо имеет большую информационную и мемориальную ценность. Приводим его полностью, исправив некоторые авторские опечатки.

³³ Тувинская автономная область – субъект Российской Федерации, созданный после вхождения Тувы в 1944 году в состав РСФСР. В 1961 г. Тувинская АО получила статус Тувинской Автономной Советской Социалистической Республики (Тувинская АССР); с 1991 г – Республика Тыва.

³⁴ Чимба Александр Мангеевич (Сарык-Донгак Чымба) (1906–1984) – государственный деятель Тувинской Народной Республики и Тувинской автономной области.

³⁵ ТНР – Тувинская Народная Республика. Существовала с 1921 по 1944 гг.

«Здравствуйте, Севьян Израилевич!

Попробую рассказать Вам биографию своего брата – Александра Петровича Ермолаева.

Родился он, кажется, в 1887 году. Родина – село Канско-Перевозинское Енисейской губернии. Ему, старшему сыну паромного рабочего, удалось закончить шестиклассное городское училище, а потом два года ждать возможности поступления (по возрасту) в Тулуновское лесное училище. За отлично сданные приемные экзамены был принят на учёбу «за казенный счет». По окончании школы по специальности лесного кондуктора работы не нашел, поступил слесарем в ж-д депо на станции Иланская. В 1905 году карательный отряд Закомельского³⁶ расстрелял рабочее собрание в здании депо. Избегая ареста, Ал. П-ч два года был на нелегальном положении – скрывался в каком-то лесничестве, в тайге. В 1907 году поступает на работу в Красноярский городской музей – сначала «коллектором», потом помощником консерватора /директора/ музея. В 1907–1915 гг. участвует во всех комплексных экспедициях, снаряжавшихся Красноярским музеем и Восточно-Сибирским отделом Географического Общества /его Красноярским Подотделом/. Диапазон его интересов к научной работе был обширен. Две зимы – кажется, 1911 и 1912 гг. – вместе с женой жили в Москве, он учился в университете им Шанявского³⁷, она – на курсах дошкольных работников. Примерно в те же годы по командировке Географического общества и музея Ал. П-ч ездил в низовья Приангарского края с обширным заданием исследования природы края, быта населения и его занятий, с таким же заданием он ездил в Канский уезд, в Минусинский край. Специальная поездка была в район местонахождения «Ишимской коллекции»³⁸. В 1915 году Ал. П-ч. был командирован в Урянхай³⁹. Переселенческая организация в Урянхае предложила Ал. П-чу взять на себя руководство научно-исследовательской работой этой организации. Он согласился. Выполнив работы, порученные ему музеем, осенью того же года он приступил к составлению плана научно-исследовательской работы в Урянхае.

³⁶ Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844–1928) – российский генерал, руководивший в 1905 году подавлением революционных волнений на транссибирской железной дороге.

³⁷ Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского существовал с 1908 по 1920 гг.

³⁸ «Ишимская коллекция» – комплекс археологических предметов, найденных близ деревни Ишимка. См.: Описание коллекций 1914.

³⁹ Урянхай, Урянхайский край – русское название Тувы в 1914–1921 гг.

В 1915 году Ал. П-ч написал очерк о поездке на Тоджу⁴⁰. В тот же год он обследовал Ойнарский хошун. В 1916 году с начала мая м-ца до конца октября он вел статистико-экономическое обследование бассейна р. Хемчика. В составе экспедиции на Хемчик были: Александр Петрович, я – его помощник, переводчики А. Петров и Селигеев. Порядок обследования был таков: разделившись на две партии, ехали на две смежные реки, впадающие в Хемчик, начинали обследование от устья до вершины реки, где обычно партии встречались и намечали следующие маршруты. Важно было, по возможности, не пропустить ни одной юрты, а тем более, целого аала. Население опрашивали, скот считали разными методами. В беседах с сумонными таргами⁴¹ проверяли свои наблюдения, с хошунными чиновниками – проверяли показания сумонных. Таким путем добывались наиболее близких к действительности данных.

Фотографирование велось по заранее составленной программе. Вся аппаратура для фотографирования состояла из камеры разм. 13х18 см, плёнок, конечно, не было, были стеклянные пластинки.

Зима 1916 года ушла на составление отчёта о работе в районе Хемчикских хошунов: обрабатывались статистические данные, приводились в порядок записи о быте населения, составлялись карты обследованных районов /в 2-х с половиной-верстном и в пятиверстном масштабе, проявлялись фотоснимки, печатались для соответствующих разделов отчета. В феврале 1917 года я уехал по командировке Пересел[енческой – Е.Б., В.К.] организации в Красноярск и в связи с революционными событиями застрял там до июня м-ца.

Ал. П-ч был избран председателем Первого краевого съезда. Затем – председателем земской управы. Чтобы продолжить научную работу, он попросил освободить его от последней должности, уехал с семьёй на заимку Икки-Оттук /около 30 км от Кызыла/, где приступил к обработке материалов, собранных им за все время работы в Урянхэе. Там им была закончена работа над составлением русско-тувинского и тувинско-русского словарей /свыше 5000 слов каждый/, составлен карточный каталог географических названий /около 500/, карточный каталог с рисунками меток и тавр, карточный каталог тувинских имен и другие работы. Словари, которые я в 1931 году передал в Министерство культуры ТНР, погибли во время пожара в школьном складе. Различные материалы по Урянхаю и др. рукописи Ал. П-ча, поступившие в свое время в Красноярский музей, большей частью не сохранились.

⁴⁰ Тоджа – озеро в Туве, расположенное в западной части Тоджинской котловины.

⁴¹ Сумонный тарга – глава административной единицы – сумона.

В 1918 году Ал. П-ч покинул Икки-Оттук, переехал в г. Минусинск на работу в Союз кооперативов, где наряду со служебными делами занимался изучением жизни населения тех мест, куда попадал по командировкам. Потом он переехал в Красноярск на работу не то земства, не то Союза потребительских обществ. В 1919 году он был вызван сибирским правительством в Омск, где сделал доклад о положении Урянхайского края. На обратном пути заболел и вскоре умер от тифа. Было ему всего 32 года.

На днях собираюсь поехать в Туву. Хочется еще побывать в некоторых районах, сделать фотоснимки современной жизни нашего колхозного крестьянства, потом и кое-что из промышленных предприятий. Дело в том, что я из остатков своего фотоархива, из четырех тысяч снимков выбрал 1200, распределил по районам и получил историю районов: Кызыла, Тандинского, Пийхемского, Каахемского, Улугхемского, Тоджинского, Хемчикского /объединив все западные/ и Эрзинского. Если к этому материалу присоединить современное, может получиться интересное собрание фотоиллюстраций для лекционного дела.

На будущий год буду справлять, если доживу, шестидесятилетие с того дня, когда я впервые увидел Туву. Это было в 1913 году, почвенно-ботаническая экспедиция Академии наук, к которой я был прикомандирован Красноярским музеем, совершила переход через Саяны из Минусинского уезда в Тоджу. Из Тоджи мы проехали по тропе по берегу Пий-Хема до Турана. Из Турана совершили экскурсию в Булук – Белоцарска⁴² в то время еще не было. Часть экспедиции отплыла в Минусинск на плотах, я с другой частью сухопутьем пересек Саяны еще раз. А с 1916 г. живу в Туве – Урянхае постоянно.

Бросать Туву совсем не собираюсь: буду одной ногой в Абакане, другой – в Кызыле.

Будьте здоровы, Севьян Израилевич! Желаю Вам успехов в делах.
В.П. Ермолаев. 3 мая 1972 г.

Несомненный интерес представляют сохранившиеся в архиве письма и черновики писем С.И. Вайнштейна друзьям, коллегам и родственникам. Приводим черновик неоконченного письма к Ю.Л. Аранчыну от 12 мая 1982 г. Оно лишний раз подтверждает тесное сотрудничество С.И. Вайнштейна с Тувинским НИИЯЛИ:

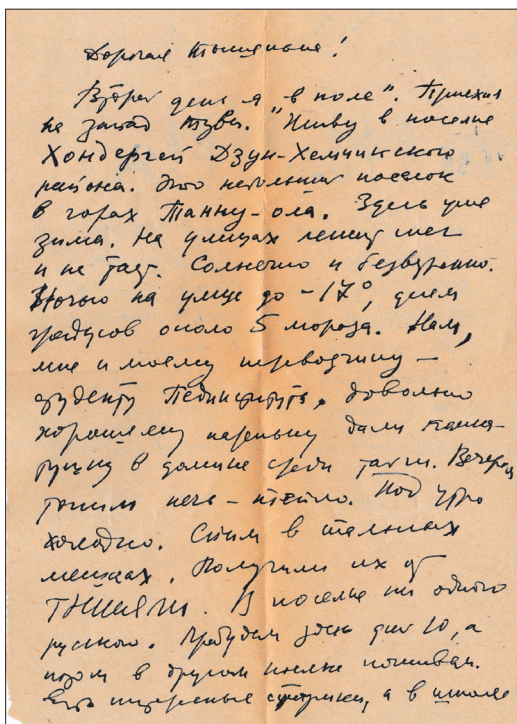
Добрый день, Юрий Лудужапович!

В этом году мне, к сожалению, не удалось побывать в Туве, надеюсь сделать это в следующем. Жизнь идет своим чередом, много

⁴² Белоцарск (совр. Кызыл) был основан в 1914 г.

работают. Написал по просьбе АПН книжечку для работников партгосаппарата развивающихся стран Азии, Африки, Лат. Америки в серии «Советский опыт». Книжечка эта о культурном строительстве в национальных республиках Советского Востока вышла на испанском, французском, англ. языках. Посылаю тебе на французском. Считаю это вкладом в наше общее дело, пусть небольшим, но, надеюсь, полезным, ведь знание этого опыта очень нужно тем, кто строит новую жизнь, создает письменность, борется с неграмотностью, с наследием колониализма.

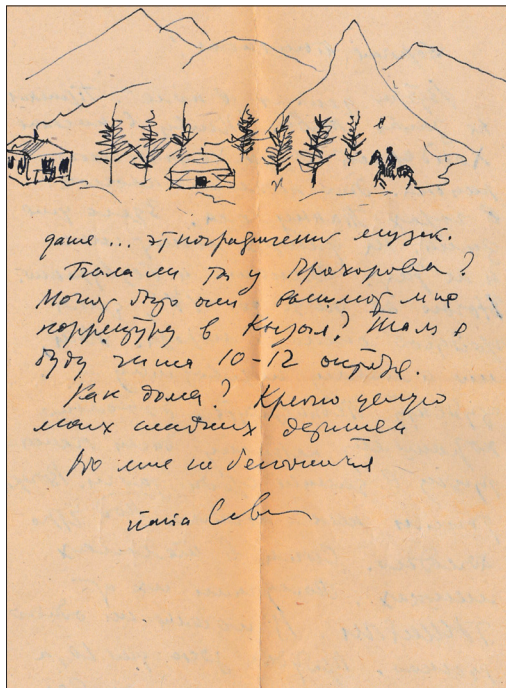
Мою «Историческую этнографию тувинцев» перевели в Кембридже, была уже корректура⁴³. Редактирую русский перевод книги Радлова «Из Сибири», надеюсь, что через год удастся начать ее набор⁴⁴. Но главное теперь это то, что удалось завершить второй том «Исторической этнографии тувинцев». Его уже прочли рецензенты и утвердили на Ученом совете, а РИСО АН включило в план редподготовки на 1980 г. Наш Издательский отдел изменил подзаголовок: вместо «Проблемы материальной и духовной культуры» сочли лучше дать другой: «Культура кочевников и проблемы её генезиса».

Письмо С.И. Вайштейна жене
от 27.09.67. Фото из семейного
архива.

⁴³ Перевод книги был опубликован в 1980 г. См.: Vainshtein 1980.

⁴⁴ Перевод книги В.В. Радлова «Из Сибири» вышел под редакцией С.И. Вайштейна в издательстве «Восточная литература» в 1989 г.

Фрагмент письма с рисунком.

Фото из семейного архива.

на подпись: согласен Ю. Аранчин/, которой нужно возвратить в издательский отдел...

В письмах С.И. Вайнштейна родственникам содержится яркая информация, характеризующая личность ученого. Выразительные описания природы, встреч, событий Севьян Израилевич нередко дополняет своими рисунками.

Таков краткий обзор русскоязычной части эпистолярных материалов в архиве С.И. Вайнштейна. В настоящее время продолжается работа по систематизации этих материалов: составлению аннотированного каталога и пр. Часть документов передана в Архив Института этнологии и антропологии РАН.

Подготовка данной публикации была проведена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00510 «Научное наследие Севьяна Израилевича Вайнштейна (Неопубликованные материалы)». Систематизация писем осуществлена участником проекта Владимиром Александровичем Коре-

са»⁴⁵. Этот подзаголовок точнее отражает существо работы, так как в ней рассматривается все основные стороны традиционной культуры тувинцев-кочевников до их перехода на оседлость /жилище, утварь, одежда, пища, народные знания и творчество, включая фольклор, верования/ и проблемы их генезиса. Общий объем 20 авт.л. Много таблиц, рисунков, фотографий. Работа идет под двумя грифами: ИЭ и ТНИИЯЛИ [...] в соответствии с нашей договоренностью. [...] Издательский отдел посылает в ТНИИЯЛИ титульный лист книги для визирования /нуж-

⁴⁵ Книга вышла под названием «Мир кочевников Центра Азии» (М., 1991).

няко, безвременно ушедшим из жизни 9 января 1916 г. Существенную помощь авторам статьи в подборе архивных источников любезно оказала супруга С.И. Вайнштейна Алевтина Никифоровна Петрова (1935–2017), а после её кончины – дочь С.И. Вайнштейна Анна Севьяновна, которой участники проекта выражают искреннюю глубокую благодарность.

Научная литература:

- Аранчын* 1882 – *Аранчын Ю.Л.* Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1982.
- Вайнштейн* 1958 – *Вайнштейн С.И.* Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев // Краткие сообщения Института этнографии (КСИЭ). Вып. XXIX. М., 1958. С. 90–94.
- Вайнштейн* 1992 – *Вайнштейн С.И.* Борис Осипович Долгих: дни и деяния подвижнической жизни // Этнографическое Обозрение. 1992. № 1. С. 119–129.
- Вайнштейн* 1999 – *Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 1999. С. 284–307.
- Вайнштейн* 2015 – *Вайнштейн С.И.* Кеты Подкаменной Тунгуски (Историко-этнографическое исследование по материалам экспедиций 1948–1949 гг.) Красноярск: Изд-во «Сибирские промыслы», 2015.
- Описание* коллекций Красноярского музея. Вып. 1: Ишимская коллекция / А.Ермолаев. Красноярск, 1914.
- Vainshtein* 1980 – *Vainshtein S.I.* Nomads of South Siberia: the pastoral economies of Tuva. Cambridge, London, New York, Melbourne, Sydney, 1980.

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

E.P. Batyanova, V.A. Korenyako. Letters From S. I. Vainshteins' Personal Archive as a Source of History of Science [Pis'ma iz domashnego arkhiva S.I. Vainshteina kak istochnik po istorii nauki]

Key words: S.I. Vainshtein, Tuva, personal archive, letters, B.O. Dolgikh, M.B. Kenin-Lopsan, Yu.L. Aranchyn, Ethnography, Archeology, history of science, research of Tuva

Abstract: S.I. Vainshtein, a prominent scholar of Turkic cultures who made particular contributions to the ethnographic study of Tuva. The author analyzes the content of the archive and looks both into the information presented in the letters and their addressees. Samples of the letters are provided and discussed. The author argues that the archive is a unique and important source for academic research in the humanities.

Authors: **Elena P. Batyanova**, Institute of ethnology and anthropology of Russian Academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail:

elena-batyanova@yandex.ru

Vladimir A. Korenyako (1952–1916) The State Orient Art
Museum (Moscow, Russia).

References

- Aranchyn Yu. L. *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu*. Novosibirsk, 1882.
- Opisanie kollektsii Krasnoiarskogo museia*. Vyp. 1. Ishimskaia kollektsiia / Ermolaev A. Krasnoiarsk: 1914.
- Vainshtein S.I. Nekotorye voprosy etnicheskoi istorii tuvintsev-todzhintsev. *KSIE*. Vyp.XXIX. M.,1958, pp.90–94.
- Vainshtein S.I. *Nomads of South Siberia: the pastoral economies of Tuva*. Cambridge, London, New York, Melbourne, Sydney, 1980.
- Vainshtein S.I. Boris Osipovich Dolgikh: dni i deianiia podvizhnicheskoi zhizni. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 1992. no 1, pp. 119–129.
- Vainshtein S.I. Sud'ba Borisa Osipovicha Dolgikh – cheloveka, grazhdanina, uchenogo. *Repressirovannye etnografy*. M., 1999, pp. 284–307.
- Vainshtein S.I. *Kety Podkamennoi Tunguski (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam ekspeditsii 1948–1949 gg.)* Krasnoiarsk: «Sibirskie promysly», 2015.

Начало XXI века

ПРОФЕССИОНАЛЫ И НЕПРОФЕССИОНАЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИНДЕАНИСТИКЕ

Ключевые слова: индеанисты, американисты, индейцы, «внеструктурные профессионалы», любители, Российская академия наук

Аннотация: В статье рассматриваются отношения в России профессионального индеанизма (дисциплины, изучающей коренное население Америки, прежде всего индейцев) и не-профессионального, представленного как индеанистами-любителями, так и не работающими в научных учреждениях специалистами, часть которых автор определяет новым термином «внеструктурные профессионалы».

В 1980–1990-е гг. возникла и окрепла молодежная субкультура индеанистов, которые имитировали жизнь североамериканских индейцев. Между ее представителями и учеными-специалистами начали складываться определенные отношения. Если некоторые профессионалы ставили под сомнение подобные контакты, то другие такие контакты поддерживали информативно и образовательно, давая его аудитории представление о научных подходах к предмету. С другой стороны, ряд любителей-индеанистов, получив историческое образование, смогли выступать в роли профессионалов, совмещающих научную деятельность с вненаучной практикой. При резком сокращении российской специализации по этнографии североамериканских индейцев «внеструктурные профессионалы» становятся основными носителями соответствующих знаний, хотя их интерес к этой информации носит в основном справочный характер.

Перемены в нашем обществе в начале 1990-х годов вызвали интересные явления в ряде гуманитарных наук – сосуществование, а чаще конфликт профессионалов и дилетантов, вторгающихся в пространство, находившееся ранее в компетенции специалистов, работников государственных учреждений – научных институтов, вузов, музеев. Наиболее скандально это явление проявилось в истории, где специалистам-профессионалам приходится выдерживать натиск представителей паранауки, особенно сторонников математика академика Фоменко, подвергших радикальной антинаучной ревизии существующую историческую хронологию, а также идентификацию исторических событий и деятелей. В археологии наблюдается драматический конфликт профессионалов-археологов и т.н. копателей.

* Алексей Александрович Истомин – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), e-mail: alaist-2009@mail.ru

В индеанистике это явление протекает не столь драматично. По меньшей мере с 1980-х годов в СССР получила распространение молодежная субкультура индеанистов, представители которой в определенных времени и месте (например праздники пау-вау, которые, в частности, проводятся под Санкт-Петербургом, в Тверской и Новосибирской обл.) имитировали жизнь североамериканских индейцев, а также занимались реконструкцией, включая изготовление, их одежды и утвари, собирали о них сведения и по возможности публиковали. В 1990-е эта субкультура еще более окрепла. Между ее представителями и учеными-специалистами начали складываться определенные отношения.

Под сомнение ценность подобных контактов ставил ряд профессионалов (скончавшийся в 1992 г. специалист по инкам С.Я. Серов и некоторые другие), для которых всегда были характерны перфекционизм, высокие, ориентированные на международный стандарт и объем информации, требования к собственным и чужим работам, высокое чувство ответственности за публикуемый текст. Видимо, с этим было связано скептическое отношение к дилетантскому индеанизму.

Напротив, неизменный участник индеанистских симпозиумов, доклады которого, впрочем, не выделялись на общем фоне представленных на симпозиум докладов, доктор филологических наук Александр Владимирович Ващенко стал тем «мостиком», который связал профессиональную и любительскую индеанистику. В этом ему способствовали его незаурядные личные качества, о которых еще пойдет речь ниже, равно как и восприятие индеанизма не просто как определенной научной тематики, а как особого влечения к любимой теме, а также тот безусловный факт, что он был специалистом в своей области и профессионально владел методами научного познания.

Здесь нужно отметить, что для подобной связи главным условием была готовность как со стороны индеанистов-профессионалов, так и индеанистов-дилетантов. Если рассматривать последних, то обращает внимание, что наиболее активная часть из них не удовлетворялась сведениями из беллетристики и связанного с ней кинематографа, но настойчиво и целеустремленно собирала сведения из любых достоверных источников, реконструируя реальную картину жизни американских индейцев. Некоторые индеанисты-любители опубликовали ряд книг об индейцах, основанных на достоверных материалах и способствующих распространению знаний по этой теме, а также частично их систематизации.

В частности, художник (он же один из давних и наиболее видных авторитетов среди московских индеанистов) Ю.В. Котенко опубликовал ряд хорошо иллюстрированных книг об индейцах (Котенко 1997; Котенко 2002), брошюру об индеанистской музыкальной группе «Гринграсс Сингера» (Котенко 2012). Его последняя публикация «Далекая страна» – это соединение под одной обложкой рассказа-мемуаров об увлечении автора индейцами с альбомом прекрасных рисунков индейских предметов и фотографий самих реконструкторов (Котенко 2015).

Другой индеанист-любитель Ю.В.Стукалин фактически стал профессиональным литератором, автором популярных изданий и беллетристики различного профиля, хотя индейская тема остается для него ведущей (Стукалин 2005а, 2005б, 2008, 2009, 2012, 2013а, 2013б, 2014а, 2014б, 2014в).

Любительскую попытку систематизировать данные об этнолингвистической классификации индейцев Северо-Востока (на основе многотомного Handbook of North American Indians) предпринял В.В. Бердочкин (Бердочкин 2008).

В Интернете был создан портал «Мезоамерика» (mezoamerica.ru), давший возможность обмена новой информацией и ее обсуждения по индейцам как Северной (включая Мезоамерику), так и Южной Америки. Портал был создан и действует при активном участии прежде всего А. Уфимцева, Д.Д. Беляева, Ю. Леонтьевой, Ю. Стукалина (обратим внимание на сотрудничество профессионального этнолога Д.Д. Беляева и индеанистов-любителей). В 1990-х годах издавался индеанистский журнал «Иктоми».

Вторым важным условием было приятие индеанистами-любителями научного подхода к информации, в частности, их позитивное отношение к академической науке, способность критически анализировать материал по своей теме, объективный подход, способность ощущать грань между наукой и любительством.

И здесь позиция неиндеанистов-любителей не была однородной. Часть любителей не испытывала потребности в контактах с академической наукой и даже подвергала ее критике, демонстрируя разность мотиваций у дилетантов и ученых-профессионалов. Например, запомнилось выступление одного молодого индеаниста-любителя на II индеанистском симпозиуме (Звенигород 1985), проводившемся Институтом этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН, далее – ИЭА РАН). Он упрекал ученых в невнимании к «особым моральным качествам» индейцев, их

высокой духовности и т.д. Подобные упреки звучали и в кулуарах этого симпозиума, посвященного экологии индейцев. Именно тогда о любителях резко высказался в приватной беседе С.Я. Серов.

Это противоречие сохраняется и сегодня (2016). Но оно не характеризует всё индеанистское движение на постсоветском пространстве – это движение не является однородным ни по интересам (они варьируют от досконального изучения материальной культуры одного народа или группы народов до обращения к проблемам их духовного мира), ни по организации (как правило, не формализованной), ни по отношению к продукции академической науки.

Более того, авторитетные представители этого движения сами приобретают определенный научный статус, как, например, Глеб Борисов, историк по образованию, защитивший кандидатскую диссертацию по пиктографии индейцев Великих Равнин (Борисов 2001). Я был оппонентом на его защите, читал диссертацию «от корки до корки» и могу свидетельствовать, что диссертация Г.Б. Борисова строго соответствовала требованиям, предъявляемым академической средой и являлась несомненным вкладом в отечественную и мировую науку. Однако после защиты Г.Б. Борисов не вошел в ряды индеанистов-профессионалов – этого не позволял бюджет многодетной семьи: приходилось продолжать заниматься бизнесом, а индеанистика оставалась дополнительным, не мотивированным экономическими потребностями, занятием. Являясь автором многочисленных статей по индейским народам Северной Америки для Большой Российской энциклопедии, Г. Борисов при этом остается авторитетным представителем движения индеанистов-любителей и увлеченным реконструктором (одежда и оружие индейцев, а также луки печенегов). В последние годы Г.Б. Борисов работает учителем истории в одной из московских школ.

Другой представитель индеанистского движения, Донатас Брандишаускас из Литвы, учился в Абердине (Великобритания), специализируясь по эвенкам, но при этом сохранил интерес к атапаскам (личное сообщение Д.В. Воробьева, 2016 г.). Уже в наши дни пытается поступить в соискатели ИЭА РАН индеанист-любитель Н.С. Шишелов, знаток литературы по атапаскам и автор ряда статей о них, а также реконструктор (изготовил лодку-берестянку атапасков и сумочку из лосиной кожи, причем лося добыл сам).

Кстати, говоря о реконструкциях, не следует забывать, что стремление к ним может возникать и у профессионалов, какой была покойная Л.П. Лисенко, замечательный, но, в силу субъективных об-

стоятельств, не реализовавшийся в полную меру ученый, специалист по индейцам миштексам, хранитель американских коллекций Кунсткамеры РАН (Санкт-Петербург). В начале 2000-х годов она демонстрировала мне миниатюрную корзиночку, самостоятельно сплетенную ею из материалов и по методике индейцев запада Северной Америки.

С другой стороны, индеанист по своим интересам с детства (с 10 лет), но развивавшийся независимо от индеанистского движения, студент исторического факультета МГУ, а затем аспирант ИЭА РАН Д.В. Воробьев сблизился с индеанистами-любителями, с которыми познакомился во время индеанистского симпозиума в 1999 г. Соединив в своей работе североалгонкинскую и эвенкийскую тематику в рамках выдвинутой им концепции «бореального культурно-экологического типа», Воробьев защитил в 2007 г. кандидатскую диссертацию по северным алгонкинцам (научный руководитель – А.А. Истомин) и продолжает контактировать с индеанистами-любителями, побывал на некоторых пау-вау. Систематическая полевая работа среди эвенков Сибири дает Д.В. Воробьеву информацию о среде обитания также и индейцев Субарктики (специфика таежных адаптаций). Не занимаясь сам реконструкциями, Воробьев отмечает значение подобной практики для постижения адаптивных функций культуры, особенно отмечая в рамках своей темы берестяные изделия (личное сообщение Д.В. Воробьева, 2016 г.).

Пространством для регулярных контактов академического и любительского индеанизма стал организованный уже упоминавшимся Александром Владимировичем Ващенко индеанистский семинар. Он основал семинар в 1999 г., который официально назывался тогда «историко-культурный центр "Индейцы Северной Америки"», или просто – «семинар Гайавата». И на семинаре (посещавшемся только частью индеанистов-любителей), и в своих публикациях в индеанистской периодике А.В. Ващенко знакомил любителей с научной методологией, демонстрировал научный подход к предмету их интереса, академические стандарты освещения темы. По существу, А.В. Ващенко стал ученым-просветителем в условиях значительного общественного интереса к индейской проблематике, а его деятельность среди индеанистов-дилетантов включала, несомненно, не только и не столько информационный, сколько образовательный характер.

При этом по рассказу Д.В. Воробьева, в детстве «Ващенко тоже был индеанистом» (т.е. любителем – *А.И.*). Бабушка сшила ему мокасины и куртку из кожи – «индейский костюм». Он позитивно и с пониманием относился к дилетантскому индеанизму, просвещая его

представителей. Личное обаяние («смеющаяся, добрая личность», по выражению Д.В. Воробьева), доброжелательность и хорошие организаторские способности позволяли ему сплачивать участников семинара и преодолевать возникавшие между ними конфликты. После смерти Ващенко 11 июня 2013 г. семинару в 2015 г. единодушно было присвоено его нынешнее имя: «семинар «Гайавата» им. А.В. Ващенко», расширив, во-первых, его тематику за счет включения Южной Америки, а, во-вторых, географию участников и аудиторию с помощью современных технологий: некоторые доклады (из других городов) присылаются на видео, ведется видеосъемка докладов, видеоматериал выкладывается в интернет (на отдельный канал в YouTube). С докладами на семинаре выступают как индеанисты-любители, так и люди с академическим образованием: защитившиеся в ИЭА РАН Д.В. Воробьев, Н.В. Ракуц, Е.В. Питерская, а также М. Дубоссарская. Работу семинара организуют любители: С. Дида (Sam Sam), Н. Шишелов и К. Самойлов (сообщение О. Данчевской А. Истому, Facebook, 2016 г.). К. Самойлов и С. Дида, кстати, помогли с организацией съемки (впоследствии выложенной в интернет) семинаров по социальной антропологии ИЭА РАН в 2016 г., посвященных индеанистской тематике, еще раз продемонстрировав возможность эффективного взаимодействия профессионалов и любителей.

Показательна и тесная связь с семинаром «Гайавата» профессионального индеаниста, филолога и культуролога, преданной ученицы А.В. Ващенко О. Данчевской, которая, в частности, вела семинар в 2012–2013 гг. во время болезни Ващенко.

Определенной формой общественного признания представителей индеанистского движения стало их участие в работе над статьями издающейся в настоящее время Большой Российской энциклопедии (БРЭ). Немалую роль при этом сыграл демократизм заведующей редакцией этнографии БРЭ, выпускницы истфака МГУ, археолога по образованию Е.В. Смирницкой. По разработанному мною словнику, в БРЭ по североамериканским индейцам, помимо меня, Воробьева и Борисова, писал знаток-любитель П. Фирсов (статья «Делавары»). После сдачи статьи он признался Воробьеву, что «только теперь понял», насколько тяжел труд профессионального этнолога.

Особо нужно отметить деятельность Андрея Матусовского. Выпускник РГГУ, кандидат философских наук (диссертация посвящена немецкой этнологии), он приступил к самостоятельному изучению индейцев глубинных районов Южной Америки (Колумбия, Венесуэла, Бразилия) – независимо от российского государства и РАН,

опираясь на свои сбережения и доходы. На государственные структуры этих стран, курирующие индейцев или связанные с местами их проживания, Матусовский выходил самостоятельно, следуя уже сложившейся в 90-е гг. тактике молодых российских путешественников (А. Хижняк, О. Алиев и другие), которые проводили экспедиции на свой страх и риск. Хотя эти путешественники и поддерживали связи с определенными деятелями академической науки и выступали с докладами в ИЭА РАН, устойчивых длительных связей между ними и академической наукой не сложилось. Что же касается А.А. Матусовского, то, совершив серию успешных экспедиций к индейцам Сельвы названных стран и собрав значительный этнографический материал, он систематически представлял его на суд профессиональных антропологов, сначала на историческом факультете МГУ и в Мезоамериканском центре РГГУ, а затем (с 2016 г.) и в ИЭА РАН. А.А. Матусовский опубликовал серию статей по материалам экспедиций в научных изданиях (*Матусовский* 2010а, 2010б, 2011а, 2011б, 2012в, 2013, 2014а, 2014б, 2015а, 2015б, 2015в). Изложение этнографической информации сопровождалось ее анализом с последующей интерпретацией. Кроме того, А.А. Матусовский является автором или соавтором многочисленных статей по индейцам Амазонии в Большой Российской энциклопедии. Деятельность Матусовского получила признание представителей старшего поколения американистов. В частности, известный российский американист, зав. сектором народов Америки петербургской Кунсткамеры Ю.Е. Березкин писал о Матусовском: «Сейчас он единственный россиянин, не считая академика Г.И. Лангсдорфа (1774–1852), который вел исследования среди амазонских индейцев и привез оттуда документированные коллекции» (*Индейцы Амазонии* 2016). А.А. Матусовский включен в биографический справочник «Советские и российские латиноамериканисты», изданный В.М. Тайар в Институте Латинской Америки (*Тайар* 2011: 63–64).

Матусовского трудно назвать непрофессионалом только на основании его непринадлежности к штату научных учреждений, скорее тут уместно введение термина **«внеструктурный профессионал»**, мотивация действий которого никак не связана с исполнением каких-то социальных (служебных) обязательств. Тот же термин, видимо, применим и к Г.Б. Борисову.

Во «внеструктуризации» этнографов, ведущих полевые наблюдения в Америке, есть своя логика. Как писал мне А.А. Матусовский: «Так получилось, ...что в 1993 г. я уволился с кафедры этно-

логии МГУ, где тогда работал лаборантом. Если бы тогда остался, сейчас бы доцент Матусовский читал бы курсы по индейцам Амазонии, этнографии Южной Америки, методу и истории немецкой этнологии:)) ...не знаю, кстати, если бы остался, удалось бы тогда осуществить 13 этнографических экспедиций к индейцам Амазонии» (сообщение А. Матусовского А. Истому, Facebook, 29 мая 2016 г.). Внеструктурный этнограф-зарубежник в отсутствии систематической финансовой поддержки со стороны своих «структур» (именно в этом положении оказалась американистика) порой оказывается гораздо более свободным и мобильным: ему не надо выполнять рутинные обязанности, он самостоятелен и неподотчетен.

Подводя итог, можно сказать, что в условиях кризиса (или вымирания?) российской профессиональной индеанистики (неприоритетность тематики, уход в другую область антропологии или вообще иную область деятельности одних сотрудников, уход на пенсию и/или смерть других) при общем недофинансировании гуманитарного сегмента фундаментальной науки привели к резкому сокращению индеанистов-профессионалов (или, пользуясь моей терминологией, структурных индеанистов-профессионалов), состоящих в штате научных учреждений. Исчезают целые подразделения, как, например, Отдел (сектор) Америки ИЭА РАН, остатки которого в 2005 г. были слиты в единый Центр европейских и американских исследований Института во главе с М.Ю. Мартыновой, хотя и неформально выделены в Группу Америки (при этом М.Ю. Мартынова никогда не вмешивалась в работу группы и всегда позитивно воспринимала наши инициативы). Сегодня индеанистика в ИЭА РАН представлена всего тремя сотрудниками – Э.Г. Александренковым, А.А. Истоминим, Д.В. Воробьевым.

Существуют два других центра профессиональной индеанистики – Сектор народов Америки Кунсткамеры во главе с Ю.Е. Березкиным и Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова в РГГУ во главе с Г.Г. Ершовой. Устойчивость первого основана на музейных коллекциях Кунсткамеры, связанных во многом с существованием Русской Америки (XVIII в. – 1867 г.). Ресурсами второго стали организаторский талант Г.Г. Ершовой, научное наследие великого русского ученого Ю.В. Кнорозова, сыгравшего решающую роль в дешифровке текстов древних майя, прочные международные связи Центра (прежде всего с Мексикой), приток и активность молодых энтузиастов.

Вопреки экономической реальности, индеанистика продолжает оставаться источником притяжения молодежи. Однако очень немногие рассматривают ее в качестве будущей профессии (или одной из будущих). Зато круг индеанистов-любителей не сужается: это устойчивая субкультура в российском (и не только российском) обществе. Называть ее молодежной становится всё труднее, учитывая, что многие ее участники достигли среднего возраста. По оценке Д.В. Воробьева, индеанистов в России не менее 2-3 тыс. чел. Есть они и на Украине, и вообще по всему пространству бывшего «соцлагеря». (Например, я сам поддерживаю в Фэйсбуке контакты с некоторыми болгарскими индеанистами, в частности, с Д. Венковым).

Можно даже высказать гипотезу, что по мере некомпенсируемого ухода российских специалистов по индейцам Америки в случае торжества негативных тенденций в государственном регулировании науки, непрофессионалы станут основными носителями знаний об этнографии аборигенов Северной Америки, хотя их интерес носит в основном справочный характер (за исключением внеструктурных профессионалов). Но это далеко не оптимальный вариант развития.

Научная литература

Бердочкин 2008 – *Бердочкин В.В.* Языковая макросемья алгик (рукопись, 2008).

Борисов 2001 – *Борисов Г.Б.* Пиктографические летописи степных племен Северной Америки: Историко-культурные аспекты // Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2001.

Индейцы Амазонии 2016 – *Индейцы Амазонии*: украшения и оружие. Из коллекции А.А.Матусовского. Керамика индейцев ваура. Из лекций Е.К.Соколовой и А.А.Уфимцева. [Перспектив выставк. М.: ИЭА РАН, 2016]

Котенко 1997 – *Котенко Ю.В.* Индейцы Великих равнин. М.: Молодая гвардия, 1997.

Котенко 2002 – *Котенко Ю.В.* Индейцы. Детская энциклопедия. М.: Аргументы и факты – детям, 2002.

Котенко 2012 – *Котенко Ю.В.* Ритм свободы. Greengrass Singers 1997–2012. М.: Аналитика Родис, 2012.

Котенко 2015 – *Котенко Ю.В.* Далекая страна. М.: Сам полиграфист, 2015.

Матусовский 2010а – *Матусовский А.А.* Индейцы хоти. Историко-этнографический очерк // Открытие Америки продолжается / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2010. Вып. IV. С. 211–243.

- Матусовский 2010б – Матусовский А.А.* Индейцы тропической Южной Америки в российском и советском этнографическом дискурсе // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 7 / Отв. ред. и сост. Н.Г. Полтавцева. М., 2010. С. 396–415.
- Матусовский 2011а – Матусовский А.А.* Тагаири и тароменане. К вопросу о существовании изолированных индейских групп в восточном Эквадоре // Этнографическое обозрение, 2011. 2. С. 129–139.
- Матусовский 2011б – Матусовский А.А.* Некоторые аспекты типологии традиционных причесок яномамо и шингуано // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Отв. ред. А.А. Никишенков. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 146–154.
- Матусовский 2012в – Матусовский А.А.* Мифологические сюжеты и мифы индейцев бора, ваорани, мако и яномамо. По полевым материалам // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. / Отв. ред. А.А. Никишенков. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 57. Сер. 2. Исторические исследования 22). М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 235–241.
- Матусовский 2013 – Матусовский А.А.* Межплеменной культурный обмен у индейских групп венесуэльской Амазонии // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 62. Серия 2. Исторические исследования; 25). М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. С. 166–175.
- Матусовский 2014а – Матусовский А.А.* Немецкоязычные путешественники и натуралисты в истории изучения этнографии индейских племен тропических лесов и саванн Южной Америки // Восточноведческие исследования на постсоветском пространстве / Отв. ред.-сост. Е.И. Ларина. (Труды исторического факультета МГУ; Вып. 67. Сер. 2, Исторические исследования; 28.) М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 293–310.
- Матусовский 2014б – Матусовский А.А.* Жилище индейцев хоти // Вестник антропологии, 2014. № 2. С. 75–92.
- Матусовский 2015а – Матусовский А.А.* Праздник пеки у индейцев ваура // Этнографическое обозрение, 2015. № 3. С. 92 – 110.
- Матусовский 2015б – Матусовский А.А.* Керамика индейцев ваура // Вестник антропологии, 2015. № 3. С. 110–119.
- Матусовский 2015в – Матусовский А.А.* Социокультурный облик индейцев верхней Пира-Параны // Вестник антропологии, 2015, № 4. С. 129–149.
- Стукалин 2005а – Стукалин Ю.В.* Хороший день для смерти. М.: Гелеос, 2005.
- Стукалин 2005б – Стукалин Ю.В.* Наделенные силой: Шаманы и колдуны американских индейцев. М.: Гелеос, 2005.

Профессионалы и непрофессионалы...

- Стукалин 2008 – Стукалин Ю.В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. М.: Яуза, Эксмо, 2008.
- Стукалин 2009 – Стукалин Ю.В. На просторах прерий. Трубка мира и топор войны. М.: ЭНАС, 2009.
- Стукалин 2012 – Стукалин Ю.В. Индейцы Дикого Запада в бою. «Хороший день, чтобы умереть». М.: Яуза: Эксмо, 2012.
- Стукалин 2013а – Стукалин Ю.В. Индейские войны. Завоевание Дикого Запада. М.: Яуза: Эксмо, 2013.
- Стукалин 2013б – Стукалин Ю.В. Военное дело индейцев Дикого Запада: Самая полная энциклопедия. М.: Яуза: Эксмо, 2013.
- Стукалин 2014а – Стукалин Ю.В. Сила шаманов. Боевая и лечебная магия индейцев Дикого Запада. М.: Яуза: Эксмо, 2014.
- Стукалин 2014б – Стукалин Ю.В. Завоевание Дикого Запада. «Хороший индеец – мертвый индеец». М.: Яуза: Эксмо, 2014.
- Стукалин 2014в – Стукалин Ю.В. Первая энциклопедия Дикого Запада – от А до Z. М.: Яуза: Эксмо, 2014.
- Тайар 2011 – Тайар В.М. Советские и российские латиноамериканисты. Биографический справочник. / Отв. ред. – сост. В.М. Тайар. М.: ИЛА РАН, 2011.

Article Summary *From the history of Russian ethnography... Vol.1*

A.A. Istomin. Professionals and non-professionals in the contemporary Indian studies in Russia [Professionaly i neprofessionalny v sovremennoi rossiiskoi indeanistike]

Key words: Indeanists, americanists, Native Americans, Indians, professionals, amateurs, Academy of Sciences

Abstract: The paper deals with the relationship between professional indeanist scholars and non-professional indeanists, in particular amateurs. Autour notes their growing interaction and introduce new term “out-structures professionals” for those specialists in Indian Studies who study the topic without any job in academic institutions and museums. Under drastic reduction of the Russian specialists on American Indians the “out-structures professionals” and indeanist amateurs become the basic bearers of respective knowledge, though in many cases the amateurs have only a reference interest to this information.

Author: **Alexei A. Istomin**, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: alaist-2009@mail.ru

References

- Berdochkin V.V. *Yazykovaya makrosem 'ya algik* (rukopis', 2008).
- Borisoв G.B. *Piktograficheskie letopisi stepnykh plemen Severnoi Ameriki: Istoriko-kul'turnye aspekty*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni k.i.n. M.: 2001.
- Indeitsy Amazonii: ukrasheniya i oruzhie. Iz kollektzii A.A.Matusovskogo. Keramika indeitsev vaura. Iz kollektzii E.K.Sokolovoy i A.A.Ufimtseva.* [Prospekt vystavki. M.: IEA RAN, 2016]
- Kotenko Yu.V. *Indeitsy Velikikh ravnin*. M.: Molodaya gvardiia, 1997.
- Kotenko Yu.V. *Indeitsy. Detskaya éntsiklopediya*. M.: Argumenty i fakty – detyam, 2002.
- Kotenko Yu.V. *Ritm svobody. Greengrass Singers 1997–2012*. M.: Analitika Rodis, 2012.
- Kotenko Yu.V. *Dalekaya strana*. M.: Sam poligrafist, 2015.
- Matusovskiy A.A. Indeitsy khoti. Istoriko-etnograficheskiy ocherk. *Otkrytie Ameriki prodolzhaetsya*. Ed. Yu.E. Berezkin. SPb: MAE RAN, 2010a, vyp. IV, pp. 211–243.
- Matusovskiy A.A. Indeitsy tropicheskoy Yuzhnoy Ameriki v rossiyskom i sovetskom etnograficheskom diskurse. *Trudy «Russkoy antropologicheskoy shkoly»*. Vypusk 7. Ed. and comp. N.G. Poltavtseva. M., 2010b, pp. 396–415.
- Matusovskiy A.A. Tagairi i Taromenane. K voprosu o sushchestvovanii izirovannykh indeyskikh grupp v vostochnom Ékvadore. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011a, no 2, pp. 129–139.
- Matusovskiy A.A. Nekotorye aspekty tipologii traditsionnykh prichesok Yanomamo i Shingvano. *Proshloe i nastoyashchee etnologicheskikh issledovaniy*. Ed. A.A. Nikishenkov. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011b, pp. 146–154.
- Matusovskiy A.A. Mifologicheskie syuzhety i mify indeitsev Bora, Vaorani, Mako i Yanomamo. Po polevym materialam. *Etnokul'turnye protsessy v proshlom i nastoyashchem*. / Ed. A.A. Nikishenkov. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU, vyp. 57, ser. 2. Istoricheskie issledovaniya 22). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012, pp. 235–241.
- Matusovskiy A.A. Mezhplemennoy kul'turnyi obmen u indeyskikh grupp venesuel'skoï Amazonii. *Problemno-tematicheskoe prostranstvo i teoreticheskie granitsy sovremennoi etnologii*. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU, vyp. 62, seriya 2, istoricheskie issledovaniya 25). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013, pp. 166–175.
- Matusovskiy A.A. Nemetskoyazychnye puteshestvenniki i naturalisty v istorii izucheniya etnografii indeyskikh plemen tropicheskikh lesov i savann Yuzhnoi Ameriki // *Vostokovedcheskie issledovaniya na postsovetском prostranstve* / Ed. and comp. E.I. Larina. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU; vyp. 67. Ser. 2, Istoricheskie issledovaniya; 28.) M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014a, pp. 293–310.
- Matusovskiy A.A. Zhilishche indeitsev Khoti. *Vestnik antropologii*, 2014b, no 2, pp. 75–92.

- Matusovskiy A.A. Prazdnik peki u indeitsev Vaura. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015a, no 3, pp. 92–110.
- Matusovskiy A.A. Keramika indeitsev Vaura. *Vestnik antropologii*, 2015b, no 3, pp. 110–119.
- Matusovskiy A.A. Sotsiokul'turnyi oblik indeitsev verkhnei Pira-Parany. *Vestnik antropologii*, 2015c, no 4, pp. 129–149.
- Stukalin Yu.V. Khoroshii den' dlya smerti. M.: Geleos, 2005a.
- Stukalin Yu.V. *Nadelennye siloi: Shamany i kolduny amerikanskikh indeitsev*. M.: Geleos, 2005b.
- Stukalin Yu.V. *Entsiklopediya voennogo iskusstva indeitsev Dikogo Zapada*. M.: Yauza, Eksmo, 2008.
- Stukalin Yu.V. Na prostorakh preriy. Trubka mira i topor voiny. M.: ENAS, 2009.
- Stukalin Yu.V. *Indeitsy Dikogo Zapada v boyu. «'Khoroshiy den', chtoby umeret'»*. M.: Yauza: Eksmo, 2012.
- Stukalin Yu.V. *Indeiskie voiny. Zavoevanie Dikogo Zapada*. M.: Yauza: Eksmo, 2013a.
- Stukalin Yu.V. *Voennoe delo indeitsev Dikogo Zapada: Samaya polnaya entsiklopediya*. M.: Yauza: Eksmo, 2013.
- Stukalin Yu.V. *Sila shamanov. Boevaya i lechebnaya magiya indeitsev Dikogo Zapada*. M.: Yauza: Eksmo, 2014a.
- Stukalin Yu.V. *Zavoevanie Dikogo Zapada. "Khoroshiy indeets – mertvyi indeets"*. M.: Yauza: Eksmo, 2014b.
- Stukalin Yu.V. *Pervaya entsiklopediya Dikogo Zapada – ot A do Z*. M.: Yauza: Eksmo, 2014c.
- Taiar V.M. *Sovetskie i rossiyskie latinoamerikanisty. Biograficheskiy spravochnik*. Ed. and comp. V.M. Taiar. M.: ILA RAN, 2011.

ШРИ ЛАНКА: РУССКИЕ ЭТНОГРАФЫ В ПАМЯТИ СИНГАЛОВ

Ключевые слова: русские этнографы И.П. Минаев, супруги Мерварты, о. Цейлон, сингалы, методика работы, память, культурные контакты

Аннотация: В середине 1870-х гг. остров Цейлон (ныне Шри Ланка) посещал основатель русской индологической школы Иван Павлович Минаев (1840–1890) с целью изучения местного буддизма и этнографических наблюдений. Минаев пользовался поддержкой видных местных деятелей буддизма, в частности, настоятеля монастыря в городке Васкадува – достопочтенного Шри Субхути. Автору доклада в 2009 г. удалось посетить названный монастырь, где до сих пор хранится память о И.П. Минаеве и его письма. Нынешний настоятель монастыря приезжал в Петербург поработать с письмами своего предшественника, отправленных в адрес И.П. Минаева.

В 1914–1918 гг. состоялась первая русская этнографическая экспедиция на Цейлон и в Индию супругов Мервартов. Тогда Л.А. Мерварт удалось прожить несколько месяцев в деревне Ампития, где она смогла узнать многое о традициях сингалов. В 2013 г. состоялась поездка автора доклада и в эту деревню. Здесь также не забыли посещения русского ученого, о котором вспоминают глубоко уважительно. В обоих местах люди открыты к продолжению контактов, что говорит о преемственности культурной традиции и об интересе к русскому миру.

В середине 70-х гг. XIX в. остров Цейлон (ныне Шри Ланка) посещал основатель русской индологической школы Иван Павлович Минаев (1840 – 1890) для изучения местного буддизма и этнографических наблюдений. Минаев пользовался поддержкой видных местных деятелей буддизма, в частности, настоятеля монастыря в городке Васкадува – достопочтенного Шри Субхути. Автору доклада удалось попасть туда в ноябре 2009 г.

Во времена Минаева настоятелем монастыря как раз являлся достопочтенный Шри Субхути (он же был и его основателем). Этот человек, которого его местные последователи называют и великим Учителем, и даже архатом, славился как большой специалист в области древних языков – санскрита и пали, а в самом буддийском учении считался очень глубоким знатоком. Эти сведения о нем были распространены и в кругах европейских ученых-востоковедов. И.П. Минаев, впервые по-

* Нина Георгиевна Краснодембская – к.ф.н., д.и.н., ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: nigekrasno@mail.ru

*Иван Павлович
Минаев*

знакомившись со Шри Субхути, тоже высоко оценил его ученость, потому навещал его в монастыре Васкадува, вел беседы, а затем и состоял в переписке. Шри Субхути помогал русскому индологу в нахождении важных буддийских текстов, в которых тот нуждался для своих исследований. И.П. Минаев держал своего корреспондента в курсе последних научных открытий в области истории буддизма и буддийской культуры, которые происходили в европейской востоковедной среде.

Заглянули мы, вместе с местным коллегой историком, в этот монастырь без предварительной договоренности, и настоятеля в монастыре сначала не застали. В это время он вел уроки в

школе. Нашей целью было просто знакомство с памятным (в связи с биографией И.П. Минаева) местом и встреча с настоятелем заранее не планировалось. Но пока мы по любезному разрешению монахов осматривали территорию монастыря и его архитектурные сооружения, настоятель появился. Достопочтенный Махиндаванса Маханаяка-гхеро возглавляет два монастыря и занимает очень высокое положение в одной из местных ветвей буддизма – *амарапура-никая*.

Гостеприимный хозяин монастыря тут же пригласил меня в свой кабинет – небольшое строение, кажется, самое старинное на данной территории (тут как раз, судя по всему, и принимал И.П. Минаева его сингальский корреспондент – ученый монах Шри Субхути). К моему изумлению, в первые же минуты нашей встречи Махиндаванса-гхеро, только предложив сначала чаю (от которого я отказалась), предъявил мне письма И.П. Минаева, в свое время адресованные Шри Субхути. К моменту нашей встречи они бережно хранились в монастыре уже 135 лет!

После беседы о Минаеве и Шри Субхути настоятель сам прошелся со мной в качестве гида по главным монастырским объектам, а затем уже достопочтенный Махиндаванса Маханаяка-гхеро высказал пожелание узнать, не сохранились ли в Петербурге письма его предшественника к И.П. Минаеву. Для него и его учеников такие письма,

В этом помещении монастыря бывал И.П. Минаев

сказал он, стали бы дорогой реликвией. Тем более, что им задумано создание в монастыре музея, посвященного памяти Шри Субхути.

Спустя некоторое время мне удалось обнаружить такие письма в Архиве Института восточных рукописей, о чем я и сообщила почтенному корреспонденту. И тогда Махиндаванса-тхеро задумал увидеть эти письма, посетить места, связанные с жизнью и работой И.П. Минаева, а также встретиться с русскими учеными – востоковедами. Совершая поездку по своим делам в Россию, он выделил день для путешествия в Петербург. К этому времени удалось организовать для него несколько интересных встреч. В Институте восточных рукописей ему показали письма Шри Субхути и подарили их факсимильные копии. В библиотеке восточного факультета СПбГУ его познакомили с книгами И.П. Минаева (в том числе с личным автографом) и некоторыми рукописями из минаевской восточной коллекции.

Наиболее продолжительная встреча состоялась с индологами и этнографами в МАЭ РАН. Директор музея Ю.К. Чистов сам рассказал почетному гостю об истории музея и показал некоторые экспозиции. В отделе Южной и Юго-Западной Азии МАЭ устроили встречу и угощение для приезжего монаха в ланкийских традициях.

*Почтенный Махиндаванса на экспозиции
«Народы Южной Азии» МАЭ возле шкафа с атрибутами буддизма*

Махиндаванса Маханаяка-тхеро по-своему выразил максимальное уважение и доброжелательность к россиянам: он привез с собой дорогую реликвию собственного монастыря – фрагмент зуба Будды – и во время визита благословлял ею тех, кто его принимал.

В залах музея гость повстречался и с обычными его посетителями. Он с неподдельным любопытством интересовался всем, что ему показывали, радовался предметам из Шри Ланки в постоянной экспозиции «Народы Южной Азии». Здесь же он еще раз проявил свое доброе отношение и покровительство к окружающим: некоторым сотрудникам и даже случайным посетителям музея он повязал на руку охранную нить, по особому ритуалу приготавливаемую в монастырях Шри Ланки. Считается, что это защищает здоровье и благополучие человека.

Было видно, что делалось все это от души и без корысти, хотя, может быть, и с некоторыми прозелитическими надеждами. В любом случае, факт этого особого культурного контакта оригинален и любопытен для истории наших связей с далекой страной. И, очевидно, может также рассматриваться как небольшое событие в народной дипломатии. В 2013 г., отправляясь с новыми этнографическими задачами в Шри Ланку, я приготовила особый подарок для монастыря в Васакадуве – живописный портрет И.П. Минаева, писанный по моему заказу маслом на основе сохранившихся фотографий нашего замечательного ученого. Достопочтенный Махиндаванса Маханаяка-тхеро принял дар с благодарностью и обещал поместить портрет в монастырском музее.

И еще один исторический эпизод. В 1914–1918 гг. состоялась первая этнографическая экспедиция русских на Цейлон и в Индию. В 1914 г. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого насчитывал 200 лет со дня своего основания, и его директор академик В.В. Радлов горячо радел об усовершенствованиях в музее. Он считал, что в XX в. музейное дело и этнографическая наука в России должны быть поставлены на новый научный и технический уровень.

Одним из грандиозных замыслов музея было создание постоянной индийской экспозиции (под названием Индия тогда часто понимался весь регион Южной Азии). Для научных исследований и сбора соответствующих коллекций была организована специальная экспедиция в

*Людмила Александровна
Мерварт в молодости*

составе молодой супружеской пары – Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мерварт. Экспедиция продлилась с 1914 по 1918 гг., проходила сложно, была полна драматических ситуаций, но основные задачи, поставленные перед ней, выполнила успешно¹. Благодаря этому, с 1924 г. в МАЭ существует постоянная экспозиция, которая теперь называется «Народы Южной Азии», а в быту, между сотрудниками, часто именуется просто «индийской».

Полевая работа экспедиции начиналась с Цейлона (ныне Шри Ланка). Здесь взяло начало их трудоемкое и насыщенное научное путешествие по региону, здесь они впервые вырабатывали и на практике применяли методы своей работы в изучаемой этнической среде, а также способы сбора полезной информации и коллекций для музея. Начали они с изучения Коломбо и других городов и селений на юго-западной равнине, но скоро поняли, что жители этого региона заметно изменили свой традиционный быт, во многом переняли и стремятся перенимать европейские обычаи. К тому же, нашим этнографам не удавалось реально сблизиться с местными семьями, войти в их дома, завести неофициальные контакты. Кого они ни расспрашивали из своих английских знакомых о том, как этого добиться, все отвечали, что это совершенно невозможно, что сингалы горды и осторожны, и контакты их с чужаками не выходят за рамки формальности и официоза. А если их и приглашают в дом, то обычно не дальше веранды.

Для изучения исконных быта и нравов Мерварты решили перебраться в центральную, горную область Цейлона, один из старинных центров культуры сингалов. Именно здесь Людмиле Мерварт удалось совершить некоторое чудо: войти в такое доверие к одной из местных семей, что ее пригласили погостить в родовое гнездо этой семьи, в ее деревенское имение. Строго соблюдая местный этикет, а также и другими способами демонстрируя уважение к местным традициям и к своим гостеприимным хозяевам, Людмила Александровна практически сумела занять здесь положение «члена семьи». С самого начала она стала участвовать во всех семейных делах и заботах, которые приходились на долю женщин. Участие в повседневных работах как раз и способствовало получению этнографической информации. Прожив таким образом несколько месяцев в деревне, Л.А. Мерварт смогла «изнутри» и «глубинно» узнать многое о традициях сингалов.

Семья, пригласившая ее в гости, занимала в той деревне лидирующее положение. Ее членов уважали, приходили к ним за советом

¹ См. также: *Вигасин А.А.* Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // *Репрессированные этнографы*. Вып.2. 2003. Москва: Восточная литература. С. 375–398. – *Ред.*

и конкретной помощью. На их веранде вечерами собирались для бесед, обсуждения текущих деревенских дел, видов на урожай, местных происшествий, событий в мире (уже шла первая мировая война). Собирались также для собеседований на религиозные темы или для коллективного слушания сказок. Дом, обычно в дневное время, как положено, посещали и монахи из соседнего монастыря. Они вступали в беседу с Людмилой Александровной, любопытствуя, как она заинтересовалась буддизмом, сами интересуясь и расспрашивая ее о христианстве. Так что этнографические труды нашей исследовательницы прекращались только на время ее сна.

*Автор с потомками ланкийской семьи,
у которой гостила Л.А. Мерварт.*

Несколько месяцев, проведенных на правах своей в названной деревне, дали очень важные результаты в работе. Людмиле Александровне удалось узнать, как устроен деревенский и домашний быт, как распределяются социальные роли в деревне, в деталях описать устройство традиционного жилища, предметов домашнего обихода, традиций питания – все по конкретным наблюдениям. Большое внимание было уделено ею важнейшим ремеслам – гончарству и плетению, так как без предметов этого типа не обходится ни один сингальский дом. Именно здесь, в деревне, удалось подробнее изучить традиции одежды, питания, бытовых привычек сингалов – эти сведения очень ценны для их исторической этнографии, так как они мало фиксировались какими бы то ни было свидетельствами и источниками.

Разгар разговора.

Значительную долю внимания Людмила Александровна уделила изучению конкретных отношений мирян и монахов в реальном жизненном процессе, их взаимодействия в различных сферах – от собственно религиозной до мирской. Л.А. Мерварт первой из исследователей обратила внимание на характерную особенность социальных отношений у кандийских сингалов – высокое положение женщины в их среде, независимый характер сингалок. Также впервые Людмила Александровна выявила и описала традиции сингальских брачных отношений, прежде всего, сосуществование патрилокальной и матрилокальной форм брака. Изучая местный буддизм, в том числе и в этой деревне, Мерварты выявили существование ярких народных культов – астрологического и демонического. А вечера, проведенные Людмилой Александровной на веранде, где собирались на беседы чуть ли не все жители деревни, позволили ей познакомиться и с местным фольклором. Все эти знания вошли в наш научный фонд.

В 2013 г. состоялась, при поддержке гранта РГНФ², поездка автора доклада в ту же самую деревню. Как оказалось, здесь не забыли посещения русской ученой. Тут продолжают жить потомки го-

² № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История, коллекции. Научное наследие». Руководитель Н.Г. Краснодарская.

степриимных хозяев Л.А. Мерварт, сохраняя глубоко уважительные воспоминания о ней. Они тепло приняли гостью из Петербурга, подробно рассказали мне об обстоятельствах приема Л.А. Мерварт их старшими родственниками, о судьбе членов своей семьи, показали семейные альбомы, сообщили свои телефоны и электронные адреса на случай, если понадобится задать им еще какие-то вопросы.

Как видим, в обоих случаях появление русских ученых (и Минаева, и Мервартов) на Цейлоне оставило свой след, оно сохранено в памяти местных жителей. И люди открыты к продолжению контактов, что говорит об их соответствующей культурной развитости и об интересе к «русскому миру». Интересно также отметить, что кроме собственно научных результатов работа наших ученых, безусловно, имела и общий гуманитарный, культурный смысл. Имена Минаева и Мервартов и теперь известны в местной научной среде, они возникают в различных изданиях – и в ученых докладах, лекциях, и в прессе.

Научная литература:

Минаев 1978 – Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии. В 2 частях. СПб., 1878.

Мерварт 1929 – Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона. Л., 1929.

Краснодембская 1983 – Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители снегов. Л., 1983.

Article Summary From the history of Russian ethnography... Vol.1

N.G. Krasnodembskaya. Sri Lanka: Russian ethnographers in the Sinhalese' memory [Sri Lanka: russkie etnografy v pamyati singalov]

Key words:

Russian ethnography/ethnology, Ceylon, Sri Lanka, Ivan Minaev, Alexander Meerwarth, Ludmila Meerwarth, Waskaduva, Sri Subhuti, Mahindavansa-thero, Sinhalese ethnology, MAE RAS, Oriental manuscripts' Institute, Oriental Faculty of the Spb StUni.

Abstract: This article includes the exclusive field report from the contemporary author who observed how the people of Sri Lanka, monks and civilians, preserve and cherish their memories of the Russian Researchers who studied the Sinhalese culture and ethnography in the end of the XIX and the early decades of the XX century. Ivan Minaev (1840 – 1890) was the beginner and founder of the Russian School

of Indology who visited Ceylon to study local Buddhism and carry out ethnographic observations. He met with local Buddhist dignitaries and was the privileged guest to the Vaskaduva monastery and its senior priest Sri Subhuti. The first ethnographic expedition from Russia to Ceylon and India took place in 1914–1918 by the group of Alexander Meerwart and Ludmila Meerwart. In Ceylon, they for the first time attempted to develop methodology of working in an ethnographic surrounding while also using the method of included observation, new for that time. The author had followed the routes of her predecessors and came to a revelation that the memory of them is still alive today. This article contains detailed description of meetings with the descendants of the Russian investigators' interviewees and provides critical evaluation of the scientific merit of their work, and its humanitarian aspect.

Author:

Nina G. Krasnodembskaya, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (St-Petersburg, Russia), e-mail: nigekrasno@mail.ru

References

- Minaev I.P. *Ocherki Tseilona i Indii*. V 2 chastyakh. SPb, 1878.
Meervart A.M., Meervart L.A. *V glushi Tseilona*. Leningrad, 1929.
Krasnodembskaya N.G. *Ot L'vinogo Ostrova do Obiteli Snegov*. Leningrad, 1983.

Научное издание
Серия «Из истории этнографии, этнологии и антропологии». Вып. 1.

**ТРИ ВЕКА РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

Электронное издание

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Подписано в печать 13.07.2017. Печать офсетная.
Бумага офсетная 62*94 1/16. Усл.п.л. 22,375. Тираж... Заказ...

Отпечатано...